

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

КУРГАНЫ
И
КУРУМЫ
ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. Дониша

МОГИЛЬНИКИ ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

КУРГАНЫ И КУРУМЫ ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

(РАСКОПКИ.
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИИ)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Борис Анатольевич
ЛИТВИНСКИЙ

КУРГАНЫ И КУРУМЫ
ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

Утверждено к печати
Институтом истории им. А. Дониша
АН Таджикской ССР

Редактор М.М.Хасман	Художественный редактор И.Р.Бескин
Художник Е.В.Бекетов	Технический редактор Е.А.Пронина

Сдано в набор 22/1-1972 г. Подписано к печати 21/УШ -1972 г.
А-10084. Формат 60х90/16. Бум. офс. Печ.л. 23,75. Уч.-изд. л.
20,37. Тираж 700 экз. Изд. №3006. Зак. №280. Цена 1 р.50к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство типографии № 3 изд-ва «Наука»
Москва, Центр, ул. Арбат, 33/12

О Г Л А В Л Е Н И Е

Г л а в а I. КУРТАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ ИСФАРИНСКОЙ ДОЛИНЫ

1. История изучения	9
2. Раскопки подбойно-катакомбных могильников Исфа́ринской долины . . .	16
3. Типы могильных сооружений и вопрос об их генезисе	57
4. Деревянные гробы	
5. Множественные захоронения в древней Фергане и у современных народов Средней Азии	82
6. Заполнение могильной ямы и ограждение покойника	89
7. Поза погребенного	98
8. "Оградительные" мероприятия и создание комфорта для покойника в ферганских могильниках	104
9. Проблема районирования и датировки ферганских подбойно-катакомбных могильников	125

Г л а в а II. КУРУМЫ

1. История изучения. Терминология . . .	137
2. Описание курумов Карамазарских гор и их раскопки	148
3. Курумы в других районах	176
4. Классификация и архитектура куру- мов	178
5. Вопрос о генезисе курумов	192
6. Многократность захоронений	197

7. Курумы и другие аналогичные сооружения	
в Азии. Этнографические параллели	199
8. К датировке курумов	211
ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	214
СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ МОГИЛЬНИКОВ	251
СПИСОК ТАБЛИЦ	252
ТАБЛИЦЫ	259

Глава I

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ ИСФАРИНСКОЙ ДОЛИНЫ

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В дореволюционное время подбойно-катакомбные памятники Ферганской долины изучались лишь дилетантами (об изучении курумов-мутхона - см. ниже, стр. 137-145). В части Исфаринского района можно указать на несколько примеров таких исследований. В июне 1904 г. по поручению Туркестанского кружка любителей археологии были осмотрены два "древних кладбища" в Исфаринском районе: одно в к. Чорку, другое - близ Ворухского ущелья. Кто именно производил обследование - неясно. Были собраны опросные сведения у местного населения. У Ворухского ущелья поверхность усеяна "каменными кучами разной величины". Эти могилы раскапывались местными киргизами. По их словам, "...могилы имеют четырехугольный вид; стены внутри обложены поленами из арчи, в углах могилы всегда стоят пустые корчаги; при этом в одних могилах около скелета находятся булавки, в других - лошадиные удила. Иногда встречаются могилы с двумя и тремя скелетами".¹

Может быть, именно эти работы нашли отражение в материалах Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Судя по опубликованным протоколам, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии на своем заседании 31 января 1904 г. по ходатайству В.В.Бартольда ассигновал 300 рублей Туркестанскому кружку любителей археологии "...для предположенного кружком исследования древнего кладбища близ сел. Чорку (Ферганской области, Кокандского уезда, Исфаринской волости) и для продолжения начатого исследования развалин города Отрара". При этом ответственность за выполнение этих работ и публикацию их результатов была возложена на В.В.Бартольда.² Согласно отношению Туркестанского кружка любителей археологии в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии от

-
1. Протокол... от 12.XI.1904 г., стр. 7-9. Нет данных о производителях (или производстве) этой работы и в других документах Кружка - см. Н./С./ Лыкошин, 1905, стр. 21 и в исследованиях о его деятельности - см. Б.В. Лукин, 1958 (ср. Б.А. Литвинский, 1960).
2. Извлечение из протокола..., 31.I.1904, стр. 10.

16.I.1904 г. для исследования "древнего кладбища" близ селения Чорку предполагалось командировать членов Круга Ф.П. Егорова и Б.Г. Илькина.¹

В августе этого же, 1904 г., М.С. Андреев и А.А. Половцов совершают поездку в Исфару со специальной целью — скопировать известную надпись в Ворухском уезде. На обратном пути они осмотрели "кладбище неизвестного времени" на юго-восток от кишлака Исфара. По рассказам местных жителей, "...каждая могила состоит из подземной камеры, обложенной кирпичем, с трубой (? — Б.Л.), выходящей на поверхность земли. В могилах были найдены скелеты, гипсовые и металлические фигурки, кусочки коралла и сердолика, глиняные кувшины и монеты с центральным отверстием".²

В "Протоколах заседаний и сообщениях членов Туркестанского кружка любителей археологии" сохранилось известие, что Кругок в 1905 г. просил М.С. Андреева "...съездить в кишлак Чорку, Исфаринской волости, и произвести там, по поручению Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, исследования и раскопки".³ Из всех этих материалов даже не ясно, были или не были произведены Кругком раскопки курганов в Исфаре. Вероятнее всего, какие-то раскопки (по-видимому, М.С. Андреевым) были здесь произведены — в старых фондах Музея истории АН УзССР (в Ташкенте) я наткнулся на исфаринскую курганную керамику с дореволюционными наклейками.

В 1915 г. инспектор народных училищ Ферганской области П.Е. Кузнецов совершил, главным образом с этнографическими целями, поездку по Кокандскому уезду, в том числе и по Исфаринской волости. В краткой общей заметке он отметил "следы "муг'ов", "мугские могилы в местности Шуроб".⁴

1. Извлечение из протокола..., 22.III.1904, стр.2.

2. А./А./ Половцов, 1904, стр.44-45.

3. Протокол..., от 28.III.1905, стр.3. Это не совсем ясно, ибо в 1905 г. Туркестанский кружок любителей археологии не получал субсидии от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии — см. /В.В. Бартольд/, 1910, стр.28. Но, может быть средства, ассигнованные в 1904 г., не были полностью израсходованы?

4. П./Е./ Кузнецов, 1916, стр.349-350.

Так обстояло в Исфаринском районе¹, в других районах Ферганской долины делалось еще меньше. Таким образом, за дореволюционный период прогресс был близок нулю: были лишь зафиксированы некоторые могильники, которые рассматривались как "древние кладбища" без какой-либо детализации. Можно сказать, что даже на чрезвычайно низком общем фоне исследованности могильников Средней Азии², изучение подобно-катакомбных памятников Ферганы за дореволюционный период выглядит крайне убого.

Положение меняется в послереволюционное время, когда археологические работы в Средней Азии постепенно приобретают серьезный размах и становятся подлинно научными³. Следует также отметить, что уже в 20 – нач. 30 гг. советские археологи добились в деле изучения сарматской культуры, особенно в Поволжье и Приуралье⁴ значительных успехов. В Средней Азии новый этап в изучении курганных могильников начинается с раскопок М.В. Воеводским и М.П. Грязновым усуньских курганов в Семиречье (1928–1929 гг.)⁵. Это, собственно, и были первые строго научные раскопки среднеазиатских курганов. Территориально ближе к изучаемому региону, точнее вблизи его границ, находится Пскентский курганный могильник, на котором в 1929–1930 гг. провели вскрытие погребальных сооружений М.В. Воеводский и А.А. Потапов, при участии В.Д. Жукова и Т.Г. Оболдуевой. Фиксация была очень тщательной; отчеты остались неопубликованными⁶.

-
1. Подробнее об истории археологического изучения Исфаринского района в дореволюционный период – см. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, 1955, стр.9–16. В специальной работе О.В. Обельченко по истории изучения курганных погребений в Средней Азии (О.В. Обельченко, 1964) этот материал оказался упущенным.
 2. О.В. Обельченко, 1964, стр.213–219.
 3. Б.А. Литвинский, 1954б; он же, 1954в; он же, 1967а; он же, 1967б; В.М. Мазеин, 1967. Специально по могильникам – см. О.В. Обельченко, 1964; он же, 1965.
 4. П. Рыков, 1931; К.Ф. Смирнов, 1954, стр.198–199.
 5. М.В. Воеводский и М.П. Грязнов, 1938.
 6. А.А. Потапов, 1930 (рукопись); он же, 1938 (рукопись).

В 1930 г. в своей сводке "Древности Средней Азии" А.А. Спицын отметил: "Курганы в крае имеются огромное количество, они страшно разграблены и исследованы крайне слабо".¹

Начало научного изучения ферганских подбойно-катакомбных памятников связано с именами Б.А. Латынина и Т.Г. Оболюевой. В начале 30-х годов (1930 и 1933 гг.) разворачиваются археологические работы по р. Нарын в районе Кызыл-Ярской и Уч-Курганской степи. Б.А. Латынин, на основании регистрации большого числа памятников и скромных по нынешним масштабам раскопок поселений, сделал интересные наблюдения по истории ирригации и периодизации древней истории Ферганы.² В 1934 г. эти работы были продолжены Б.А. Латыниным при участии Т.Г. Оболюевой и А.П. Манцевич. Впервые в Ферганской долине было начато изучение могильников с применением современной методики. В Исфаринском районе были сделаны вскрытия на трех могильниках. Могильник №1 в местности Хази́на-хона был исследован двумя раскопами, которые вскрыли два целых и два разрушенных погребения. Одно погребение было произведено в хуме. В расположенном неподалеку могильнике №2 встречен хум-оссуарий. В третьем могильнике был раскопан один курган. Погребение в нем было датировано временем II стадии (по современным представлениям - первые века н.э.), а захоронения в хумах - VII-VIII вв.³

В 1936 г. Т.Г. Оболюева вскрыла на могильнике №3 еще два кургана⁴.

Мы сознательно подробно остановились на этих работах пионеров научного исследования курганов Ферганы, ибо именно тогда были заложены первые кирпичи здания ферганской курганной археологии.

В 1939 г. экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала (БФК), которую возглав-

1. А.А. Спицын, 1930, рукопись, л.58.

2. Б.Л. /Б.А. Латынин/, 1931; Б.А. Латынин, 1935; он же, 1935а.

3. Б.А. Латынин, рукопись, стр. 47, илл. 10-12; он же, 1961, стр. 150-163.

4. Материалы были опубликованы много позже - Б.А. Латынин, Т.Г. Оболюева, 1959.

для М.Е. Массон¹, наблюдала, в частности, за вскрытием нескольких могильников (Кайнаватские и Коштенинские могильники). Удалось сохранить для науки большой вещественный материал², но в результате специфики археологического надзора многие важнейшие вопросы, связанные с этими могильниками, остались без ответа или были решены предположительно (характер наземного сооружения и т.д.). При этом материалы изданы суммарно. То же самое относится и к Кувинскому могильнику, вскрытому при проведении Южного Ферганского канала³.

Иначе обстояло дело при дообследовании Ширинсайского могильника, проведенном В.Ф. Гайдукевичем. Могильник был обнаружен в 1943 г. при проведении деривационного канала на Фархадской ГЭС. Несмотря на то, что многие погребения были к моменту прибытия экспедиции разрушены, В.Ф. Гайдукевич с величайшей тщательностью дообследовал хотя бы частично сохранившиеся погребения и выпустил исчерпывающую публикацию⁴.

В конце 40 – нач. 50 годов А.Н. Бернштам производит раскопки в Алайской, а затем в Ферганской долинах. Особенно интересен материал из раскопанных в 1950–1951 гг. ферганских могильников Гур-Мирон, Джангаил и Боркорбаз. К сожалению, результаты раскопок первых двух могильников никогда полностью опубликованы не были. Что же касается могильника Боркорбаз, то один из сотрудников А.Н. Бернштама, раскопщик этого могильника, С.С. Сорокин, опубликовал полное описание раскопок, которое можно назвать образцовым⁵.

В 50 – нач. 60 гг. происходит скачкообразный рост количества исследованных могильных комплексов. Если раньше шла речь о вскрытии единиц или десятков курганов, то теперь исследуются многие десятки, даже сотни курганов. Автором в 1951–1958 гг. осуществлены массовые вскрытия курганов Исфариноского района. Эти работы были начаты в 1951–1954 гг. во время моих совместных с Е.А. Давидович экспедиций по обследо-

1. М.Е. М а с с о н , 1940.

2. В.Д. Ж у к о в , 1951, стр.53–62, 77; Т.Г. О б о л д у е в а , 1951, стр. 10–17.

3. Публикация – В.Д. Ж у к о в , 1940; о н ж е , рукопись.

4. В.Ф. Г а й д у к е в и ч , 1952.

5. С.С. С о р о к и н , 1961а.

ванию археологических памятников Исфаринского района - тогда были начаты раскопки Ворухского могильника и могильника у Ворухского ущелья¹. В 1956 г. удалось осуществить раскопки могильников Калантар-хона, Усто-Мулло и Чильгазы², а в 1958 г. - могильников Исфара, Каратаг, Сурх II, Чорку I, Чорку II, могильника у Ворухского ущелья, могильника в Кехе³. При этом было раскопано 259 курганов. В этих экспедициях под руководством автора работал целый коллектив сотрудников: археологов, лаборантов, художников, шоферов и рабочих, в том числе археологи Е.А. Давидович, М.П. Винокурова, Э. Гулямова, Т.И. Зеймаль, В.А. Ранов, В.И. Распопова, Е.Д. Салтовская, Э.А. Юркевич. Сбор и определение антропологических материалов осуществлял антрополог Т.П. Кияткина. Кроме того нами в 1955 и 1957 гг. было раскопано 160 курумов-мугхона в Карамазарских горах⁴.

Параллельно Ю.Д. Баруздин осуществил столь же большие работы на могильниках киргизской части Южной Ферганы. Исключительно плодотворными были проведенные им раскопки Карабулакского могильника, с его богатыми погребениями. Очень интересны также раскопки могильников Тура-Таш и Карабель. Сводные или детальные отчеты об этих раскопках были им опубликованы⁵, но полной публикации наиболее важного из исследованных им могильников - Карабулакского (как и своих алайских материалов) он не успел подготовить, этому помешала его преждевременная смерть.

Общая картина существенно дополняется важными работами,

-
1. Б.А. Литвинский, Е.А. Давидович, 1952; Б.А. Литвинский, 1953, стр.160-161; Б.А. Литвинский, 1954, стр.139-142; Б.А. Литвинский, 1954б, стр.50-51; Е.А. Давидович, и Б.А. Литвинский, 1955; Б.А. Литвинский, 1956а, стр. 74-76; Е.А. Давидович, 1958; Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович, 1956.
 2. Б.А. Литвинский, 1959б.
 3. Б.А. Литвинский, 1961. Общий обзор научных результатов раскопок и исследования всего материала - см. Б.А. Литвинский, 1969.
 4. Б.А. Литвинский, 1956; он же, 1959; он же, 1959в.
 5. Ю.Д. Баруздин, 1956; он же, 1957а; он же, 1957б; он же, 1961; Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962.

проведенными Ю.А. Заднепровским¹, В.И. Козенковой², Н.Г. Горбуновой и Б.З. Гамбургом³ и др. Из работ в соседних областях особое значение имеют многолетние раскопки И. Кожомбердиева в Кетмень-Тюбинской долине⁴.

Подъем ферганской курганной археологии происходил на общем фоне необычайно расширившихся раскопок могильников на всей территории Средней Азии. Параллельно с раскопками могильников на территории Ферганы проводились и раскопки синхронных поселений. Это значительно расширяет возможности исследования⁵.

1. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр.90-128.

2. В.И. Козенкова, 1966.

3. Н.Г. Горбунова, Б.З. Гамбург, 1957.

4. И. Кожомбердиев, 1960.

5. С.С. Сорокин, 1956; 1961; Б.А. Литвинский, 1969; Н.Г. Горбунова, 1970.

2. РАСКОПКИ ПОДБОЙНО-КАТАКОМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ИСФАРИНСКОЙ ДОЛИНЫ

На территории района имеется много археологических памятников. Общий обзор этих памятников, а также история района в целом были даны в книге Е.А. Давидович и моей "Археологический очерк Исфаринского района", опубликованной в 1955 г. В этой книге помещена глава "Материалы для археологической карты Исфаринского района". Последующие разведки в 1956 и 1958 гг. позволили открыть несколько новых могильников. Перечислим эти могильники (с юга на север) (табл. I).

На юго-востоке района, в 12 км к востоку от Воруха, находится могильник Кех. Между Ворухом и Кехом (в 3-4 км к востоку от Воруха) — у дороги небольшая группа курганов. В самом Ворухе — крупный Ворухский могильник. В местности Гоура, в 1 км от юго-западной оконечности Воруха, к дороге, связывающей кишлаки Ворух и Бадак, примыкает с востока могильник Гоура (45 курганов). На левом берегу р. Исфара, в Ворухском ущелье, большой могильник. В местности Урта-узия-дашта, в 5-6 км западнее кишлака Октябрь, по дороге на кишлак Рабит — крупный могильник. Территория и окрестности современного кишлака Чорку буквально насыщена древними курганными захоронениями. На северо-западной окраине кишлака — два крупных могильника — Чорку I и Чорку II. Много курганов также в районе кишлака Сурх. Одно небольшое скопление названо могильник Сурх I. В 3,6 км к ЮВ от северной оконечности Сурхской долины — крупный могильник Сурх II. Еще севернее, в районе кишлака Карабаг — большой могильник Карабаг. К югу и юго-востоку от райцентра Исфара расположены 3 могильника — Хозина-хона, Исфара I и Исфара II.

Восточнее Исфара, в южной части кишлака Навгилем, имеются два могильника — Калантар-хона и километром восточнее Усто-Мулло. Курганные могильники имеются и в восточной части Исфаринского района — близ кишлаков Кулькент и Чильгазы.

Нами были произведены раскопки на одиннадцати могильниках: Кех, Ворухском, у Ворухского ущелья, Чорку II, Сурх II, Карабаг, Исфара I, Калантар-хона, Усто-Мулло и Чильгазы. Все-

го при этом было вскрыто 259 курганов. Помимо этого, некоторые наблюдения были сделаны при обследовании могильников или отдельных захоронений, вскрытых при хозяйственных работах.

Из-за ограниченности объема мы лишены возможности дать описание каждого из двух с половиной сотен раскопанных курганов и приводим описание лишь отдельных курганов и характеристику каждого могильника (расположение их - алфавитное).

Ворухский могильник (табл. 2,6-17).

Расположен на северо-западной окраине кишлака Ворух, примыкающей к Таги-Махалля. Здесь, на лёссово-щебенчатом склоне увала, в общем направлении с востока на запад, двумя полосами - северной и южной, вытянут обширный могильник, занимающий площадь 550 x 250 м, на котором разбросано ок. 450 курганов. Насыпь из крупных камней, лёссового грунта и щебня. В некоторых очень хорошо прослеживается одно или два кольца из крупных камней, но в большинстве случаев внешнее кольцо отсутствует или прослеживается слабо. Форма насыпей - уплощенно-сферическая, на многих заметны впадины - следы грабительских ям. Высота насыпей - 0,10-0,90 м, диаметр - 6-12 м. Курганы расположены на расстоянии 8-12 м. Могильник раскапывался нами в 1952, 1954 и 1958 гг.¹ Вскрыто 93 кургана, из них в 8 не обнаружены ямы.

Абсолютное большинство захоронений совершено в грунтовых ямах, причем, наряду с ямами с вертикальными стенками, часто встречаются и другие, у которых устье намного меньше основания ("сводчатые" ямы). Имеется также 6 катакомб и 8 подбоев. Глубина ям - 1-1,8 м, чаще 1,3-1,5 м. Заполнение ям чаще всего рыхлым грунтом, в нескольких случаях - закладка камнями. Ямы часто имели деревянное перекрытие: им перекрывалась часть или вся яма.

Преобладают одиночные погребения, но свыше трети кур-

1. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, 1955, стр. 22-70; Б.А. Литвинский, 1956а, стр. 74-76; Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович, 1956, стр. 61-68; Б.А. Литвинский, 1961, стр. 67.

ганов содержали множественные захоронения (от 2 до 7), обычно неодновременные. Имеются погребения на циночке, очень широко были распространены погребения в деревянных гробах или на доске, реже — просто на грунте. Доминирующей ориентации не прослеживается.

К у р г а н № I. Насыпь кургана из щебня имела высоту до 0,6 м. В центре ее углубление — след грабительского лаза. Диаметр насыпи 6–7 м.

Под насыпью, на уровне окружающей земли, обнаружен скелет младенца (по определению В.Я. Зезенковой, в возрасте до года). Скелет был ориентирован с северо-запада на юго-восток, головой на северо-запад. Он лежал лицом и грудью вниз. Судя по положению костей скелета, это нарушенное захоронение.

К юго-западу от скелета ребенка, начиная от уровня, расположенного несколько выше его и на глубину до 30 см, вскрыто скопление человеческих костей. При их расчистке выяснилось, что это сильно скорченный скелет взрослого человека (женщины возмужалого возраста). Сверху лежала, вытянутая с востока на запад, грудная клетка. Череп находился под грудной клеткой. Ноги были согнуты в коленях.

Скелеты младенца и женщины были, по-видимому, сильно потревожены после захоронения грабителями, так что их первоначальное положение и взаиморасположение не могут быть установлены. В перекопанном грунте обнаружен косметический стерженек.

Обнаружить точные границы дромоса сверху не удалось. Внизу границы овального в плане дромоса выступили более отчетливо. Дно его располагалось на глубине 170–175 см и имело размеры 160–165 x 100 см. На глубине 120 см в северо-восточной части дромоса начинается вход в подбойную нишу. Дно ниши на 10 см ниже дна основной части дромоса. Стенка ниши имеет вид свода. Сводчатая ниша тянется вдоль продольной стенки дромоса, частично и вдоль одной из узких стенок.

На дне ниши, с юго-востока на северо-запад был положен скелет (головой на юго-восток). Скелет лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ладони были частично подведены под бедра. Скелет принадлежал мужчине зрело-старческого возраста. В области левого плеча и в нижней части ног имелось скопле-

ние перегнивших кусочков дерева, перекрывавших кости. Вблизи стопы правой ноги находилось скопление мелких, сильно обгорелых костей животных. Рядом стояли 2 целых и один разбитый кувшин. Один кувшин стоял вертикально, другой был наклонен. Около головы находился четвертый кувшин. В области ребер и позвоночника обнаружены два совершенно деформировавшиеся от коррозии железные наконечника стрел. Около кисти правой руки находилась бронзовая пластинка с дырочками, у другой кисти находился железный предмет, имеющий форму крючка. Кроме того, обнаружена бронзовая серьга и 4 бусины.

К у р г а н № 3. Крупный, хотя сравнительно невысокий. Высота насыпи — до 0,5 м, диаметр около 8 м. В центральной части насыпи расположены крупные камни, в центре — щебень и некоторое количество крупных камней. Под насыпью находился деревянный настил, точнее, остатки настила, ибо он был в центре пробит, а концы плах в результате этого резко задрались вверх. Толщина плах настила 8–12 см.

Могильная яма формы, близкой к овалу, расположена под центром насыпи и ориентирована с северо-запада на юго-восток. Могильная яма оказалась заполненной довольно рыхлым грунтом, который включал, наряду с землей, большое количество гальки и светлые продукты ее разрушения. Начиная с самой верхней части могильной ямы и ниже попадались в засыпке мелкие кусочки дерева.

На глубине 1,20 м был обнаружен костяк, принадлежавший, видимо, женщине ("верхнее захоронение"). Сохрannость костей очень плохая. Череп совершенно разрушен, остались на месте лишь отдельные мелкие кости. Если считать, что костяк сохранил в основном первоначальное положение, то можно о нем сообщить следующее: костяк ориентирован вдоль длинной оси ямы, вблизи северо-восточной стенки, головой на юго-восток. Покойник был положен на спину. Правая рука была вытянута вдоль туловища и немного отведена в сторону. Ноги были слегка согнуты в коленях, ступня левой ноги положена на ступню правой, затем колени были разведены в сторону.

Близ костяка, главным образом, в районе раздавленного черепа, обнаружены: медная серьга в виде сердечка, несколько стеклянных бусинок. Кроме того, близ грудной клетки обнаружен бесформенный кусочек сторежшего дерева.

При расчистке скелета, между его ступнями и северо-западной границей могильной ямы, выявились расположенные резко наклонно кости голени другого человеческого скелета. Дальнейшее углубление показало, что это — кости нижележащего костяка, мужского, зрелого или старческого возраста ("среднее захоронение"). Этот костяк был ориентирован почти точно с востока на запад (головой на восток) под большим углом к верхнему. Ступни его располагались у северо-западной стенки могильной ямы. В целом костяк оказался лежащим на спине. Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти рук лежали впритык к тазу. Череп был раздавлен крупной глыбой камня, лежавшей над ним с южной стороны. Ноги имели странное положение — при горизонтальном положении туловища, ноги были приподняты вверх, причем, в коленном суставе согнуты не были. Несколько косточек стопы также находились на уровне "верхнего захоронения".

Костяк "среднего захоронения" сохранился в некоторых частях (позвочник, таз) лучше, чем у верхнего. Но кости ног сохранились хуже, череп сильно разбит камнем. Никаких находок при этом скелете сделано не было.

Ниже этого скелета шел слой довольно рыхлого грунта (около 20 см). Под ним появились доски деревянного гробовища, вытянутого вдоль северо-восточной стенки ямы (о его устройстве — см. в разделе "Погребальный обряд").

Костяк, находившийся внутри гробовища, принадлежал женщине или девушке в возрасте до 20 лет. Он был ориентирован головой на юго-восток. Покойницу положили на спину, руки вытянули вдоль тела, кисти рук были подведены под таз. Ступни ног почти соприкасались друг с другом. Голова была повернута направо и наклонена вниз настолько, что подбородок касался плеча.

Это "нижнее захоронение" сопровождалось многочисленным инвентарем. Внутри гробовища был обнаружен ряд предметов. Между черепом и северо-западной стенкой гробовища находился деревянный предмет, имеющий форму серпа. На грудной клетке находилась половинка бронзового зеркала. Рядом лежал фрагмент железного кинжала. У бронзового зеркала находился бесформенный фрагмент железа с прилипшей тканью. Между позвонником

и костями предплечья левой руки вблизи таза — две стеклянные бусины (одна многогранная бусина находилась на этом же уровне, но между предплечьем и стенкой гробовища). Много разных бусин находилось на грудной клетке, вблизи зеркала. Шея была украшена связкой металлических бус, на голове находилось тончайшее бронзовое украшение в виде спаренных колокольчиков.

Вне гроба, на его продолжении, в ногах скелета лежал в наклонном положении алебастровый идол. Кроме того, в юго-восточной половине могильной ямы находилось четыре керамических сосуда и прибор для сурьмления бровей, состоящий из каменной пластины, каменного стерженька и куска графита, уже употреблявшегося для этой цели.

К у р г а н № 4. Высота кургана 0,4—0,15 м, диаметр — около 5 м. В плане насыпь близка кругу. Насыпь состоит из внешнего кольца, выложенного из крупных камней (ширина кольца 80—90 см), и внутренней части, где насыпана галька и земля. Под насыпью, примерно в центре, находился настил из деревянных плах. Настил прямоугольной формы (1,10 x 1,50 м); слабо обработанные плахи, не полностью даже очищенные от коры, перевязаны (переплетены) свежей корой. Под тяжестью насыпи выстилка продавилась, центр ее ниже краев на 10—15 см.

Могильная яма расположена по отношению к насыпи асимметрично — она смещена к югу. В плане яма имеет овальную форму, причем одна длинная сторона выпуклая, другая — вогнутая. Размеры ямы поверху — 1,70 x 0,80 м. Она точно ориентирована север — юг.

Границы ямы хорошо выявляются, благодаря более значительной рыхлости грунта, ее заполняющего, по сравнению с мелкогалечной породой, из которой сложены борта ямы. При раскопках выявилось вместе с тем, что грунт, заполняющий яму, неоднороден. В северной части грунт состоит из рыхлой земли с некоторым количеством мелкой гальки и небольшими кусочками дерева. В южной части ямы грунт плотный, состоит из земли, почти лишенной гальки, много крупных кусков дерева, лежащих наклонно или вертикально, и больших камней. В южной части грунт имеет характер плотной забутовки.

Граница этих двух частей проходит по линии, примерно совпадающей с юго-восточным краем деревянной выстилки. Такая разница четко наблюдается до глубины 75-85 см (от уровня земли близ ямы). Она может свидетельствовать только о том, что южная часть ямы, после устройства перекрытия, была засыпана и утрамбована; в северную часть грунт попал в последующее время. Во время засыпки в курган попала и найденная на глубине 90 см трубчатая кость какого-то животного (барана?).

Стенки могильной ямы не вертикальны, так как яма книзу расширяется. Глубина ямы 145-150 см, на этой глубине размеры ее 1,88 x 0,90 м.

На дне могильной ямы, примерно посередине ее, находился костяк, ориентированный головой на юг. Он принадлежал, видимо, взрослому мужчине. Покойник был положен на спину. Правая рука была плотно прижата к туловищу, нижняя часть руки подведена под таз, кисть отогнута таким образом, что она оказалась под головкой бедренной кости. Левая рука несколько отведена от тела и слегка согнута в локтевом суставе.

Кости ног параллельны, голова несколько наклонена и повернута вправо. Скелет, особенно таз, череп, грудная клетка, сильно раздавлены, некоторые позвонки сместились.

Близ бедра левой ноги (к западу от нее) находилась куча костей животных (трубчатые кости, одна плоская, позвонки) с небольшим количеством золы. Вдоль того же бедра, несколько выше коленного сустава, лежал железный нож или кинжал (плохой сохранности), сверху и снизу которого находился слой истлевшего дерева - деревянные ножны. Неподалеку от кисти левой руки находился железный наконечник копья, также покрытый истлевшим деревом. В северо-восточном углу могильной ямы сделано небольшое углубление - нишка, куда поставлен глиняный горшок.

К у р г а н № 5. Насыпь кургана в плане круглая, диаметр (с запада на восток) 6 м. Внешняя часть насыпи в виде кольца шириной до 2 м, выложена из средних по размеру камней и в виде валика окружает пониженную центральную часть насыпи. В целом насыпь незначительно возвышается над окружающей землей. Под центральной частью насыпи, после снятия рыхлого слоя, был обнаружен деревянный настил размером 1,10 x

х 1,40 м. Он вытянут с северо-востока на юго-запад. В середине перекрытие продавлено. Ниже выявлена могильная яма. Она оказалась плотно забитой грунтом, в основном состоящим из земли. Несмотря на плотность забивки, заполняющий яму грунт легко отслаивается от стенок ямы. В грунте на разной глубине встречены кусочки дерева и даже одна балочка. В нижней части засыпки имеются и крупные камни, причем больше в северо-западной части. На глубине 0,70-0,75 м от настила, в юго-западной стенке начинается подбой, идущий вдоль всей юго-западной стенки могильной ямы. Близ дна ямы, на глубине 125 см, подбой достигает ширины 0,25 м (в южном углу юго-западной стены) и сходит на нет близ противоположного угла. Собственно могильная яма имеет вертикальные стенки и овальную форму - 2,10 - 2,15 x 0,70 м.

Костяк, принадлежавший юноше, оказался вытянутым вдоль юго-западной стороны могильной ямы, причем он лежал головой на северо-запад, ногами - на юго-восток. Покойник был положен на спину, ноги вытянуты, руки сложены на животе, головой вверх и слегка направо. Череп сильно разрушен, особенно в лицевой части.

Покойник лежал в деревянном гробовище, очень плохо сохранившемся, так как доски почти полностью истлели. Более или менее ясно прослеживаются боковые доски (юго-западная сторона). Из-за плохой сохранности нельзя сказать, была ли внизу, "на дне", доска, сейчас совершенно истлевшая, или кора. Крышки гробовища, очевидно, не имело. Важно, что костяк находился не в подбое, который фактически не использовался, а как и все захоронения, непосредственно на дне могильной ямы.

Захоронение сопровождалось незначительным количеством инвентаря. Под бедром левой ноги лежали фрагменты нескольких железных предметов. Над головой находилось украшение. В стороне лежал деревянный наконечник стрелы.

К у р г а н № II. Курган высотой ок. 0,9 м, диаметр ок. 7 м, с четко выраженным кольцом. На глубине 0,62 м от вершины кургана - деревянное перекрытие могильной ямы, в центре пробитое. Тут лежат крупные камни. Овальное впускное отверстие имеет размеры 1,12x0,6м. Ниже при выемке рыхлого

щебенчатого захоронения обнаружено, что это типично-сводчатая яма. Вначале ее стенки вертикальны (на глубине 0,5 м), к основанию она резко расширяется до 2,90 x 1 м, причем устье смещено к ЮОВ (общая ориентация ЮОВ-ССЗ). Общая глубина ямы 1,5 м.

На дне могильной ямы — крупный деревянный гроб длиной 2,6 м. Крышка сохранилась в виде кусочков истлевшего дерева. В гробу, головой у ЮОВ торца, скелет женщины, вытянутый на спине, правая рука согнута в локте и предплечье, несколько отведена от туловища, левая же, напротив, подведена под таз. На груди, у локтя левой руки, лежал мешочек с бронзовым зеркалом, железным ножом и стерженьком для сурьмления и кусочком графита, у шейных позвонков и у правой кисти — бусины, у левой — железные колечки. Между ступнями погребенной и торцевой стенкой гроба была помещена крупная плетеная корзина, в которой находились три миниатюрных глиняных сосуда, деревянный гребень и деревянный столик или чаша.

К у р г а н № 26. Курган высотой ок. 0,8 м, диаметром 7,5 м, с кольцом из камней (10 x 8 см в среднем) по окружности. Больше камня в южной части насыпи. Центральная часть — глинисто-щебенчатая. На уровне древнего горизонта — деревянное перекрытие. Под ним околонурилась овальная яма (ориентация — СЗ-ЮВ), заполненная лёссовым, с примесью щебня, грунтом. На дне ямы, на глубине 1,6 м — деревянный гроб, закрытый крышкой (длина гроба 2,3 м). Около гроба стоят два сосуда и пряслице, на крышке — железный крючок и стерженек для сурьмления.

В гробу один над другим лежат 4 костяка. Все они были вытянуты на спине, но сохранность не очень хорошая. Верхний — женский, лежит плашмя на спине, левая рука вытянута, кисть в положении pronation. Под этим скелетом еще три других. Они сопровождались инвентарем.

Вне гроба, между ним и стенками ямы, находилось по скелету. По крайней мере, один из них был сдвинут с первоначального места при установке гроба — речь идет о скелете у юго-восточной стены, который лежит на левом боку, лицевая часть черепа обращена к стене.

К у р г а н № 51. Курган высотой ок. 0,4 м, диаметр 5-6 м, с каменным кольцом. Под насыпью эллипсоидная яма, с почти вертикальными стенками. Заполнение плотное, с большим количеством камня. Имеются следы гроба (?). В нем, головой на ЮВ, женский костяк (возраст - до 20 лет). Правая рука вытянута вдоль тела, левая положена на таз. Стопы ног сведены.

Погребение сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем (керамика, женский алебастровый идол, туалетные принадлежности, множество различных украшений).

Ворухское ущелье - могильник (табл. 3, I8-28).

Вблизи кишлака Танги-Ворух, на западном берегу р. Исфара (т.е. на противоположном тому, где находится Ворухский могильник и ниже по течению реки). Здесь, вблизи южного окончания Ворухского ущелья, террасу левого (западного) берега р. Исфары перерезает Ак-Сай, параллельно ему южнее проходит меньший по размерам безымянный сай. Сама местность называется Кара-Тумшук или Кара-Камар. В пространстве между этими саями, широкой 80-120-метровой полосой тянется с востока на запад, примерно на 0,5 км, огромный могильник. Отдельные курганы и группы встречаются и в прилавках на северном борту сая.

Наиболее четкие и кучно расположенные курганы находятся в восточной оконечности могильника, на мысу, образовавшемся в результате слияния саев. Здесь имеется ок. 150 курганов, общее же количество их в могильнике превосходит полтысячи единиц.

Многие могильные насыпи хорошо сохранились. Они сделаны с применением крупных обломков камня и щебня, с четкими кольцами, сложенными из довольно крупных обломков камней. Диаметр насыпи в среднем 6-12 м, высота - 0,3-1,0 м. Вместе с тем большое число насыпей имеют явные следы грабительской дудки или хищнических раскопок. Следует отметить также, что и немало насыпей плохой сохранности, имеющих иногда вид неправильного кольца. Расстояние между курганами (в западной группе) 3-5 м, но многие курганы расположены столь кучно, что их полы фактически соприкасаются.

Могильник раскапывался нами в 1954 и 1958 гг.^I Вскрыто 43 кургана. Основная часть дала захоронения в грунтовых ямах — обычных или "сводчатых", 9 — подбойных и 6 катакомбных. Треть курганов имела деревянное перекрытие. Ямы сравнительно неглубокие — I, I—I,7 м, катакомбы до 2 м. Наряду с засыпкой обычным щебеночно-галечным грунтом, встречается забивка камнем входных ям подбоев и катакомб. Решительно преобладают одиночные захоронения. Основная часть погребена прямо на грунте, иногда на циновке, погребальной доске или в гробу. Доминирующей ориентации не прослеживается.

К у р г а н №5. Крупная насыпь диам. 9 м и высотой 0,75 м. Четкое внешнее кольцо (ширина их I—I,3 м) из крупных камней. Под насыпью обозначалось устье дромоса (1,6 х 0,85 м), плотно забитое крупными камнями. Дромос имел вертикальные стенки. На глубине 1,45 м от поверхности — дно дромоса. Вытянутый почти точно с севера на юг, он здесь опускается в сторону катакомбы двумя ступеньками, горизонтальную часть нижней заполняют три крупных, неправильно положенных уплощенных камня. Дно катакомбы на глубине 2,10 м от поверхности. Катакомба (высота — 0,85 м) овальная, перпендикулярная дромосу.

Вдоль длинной оси катакомбы, головой почти точно на восток — женский костяк. Левая рука незначительно отведена от туловища, плечевая кость правой отведена сильнее, но эта рука согнута в локте, так что предплечье параллельно туловищу. Голова лежала на плетенке. Погребение было снабжено богатым инвентарем. Помимо личных украшений — бронзовых (на голове, на руках), было ожерелье, включавшее стеклянные бусы и бронзовые украшения. У левого плеча стоял большой глиняный кувшин, у ключицы — бронзовое зеркало, между ребрами и левым плечом — железный нож с бронзовой инкрустированной рукоятью. Кроме того, у головы находилась перевернутая вверх дном прямоугольная плетеная корзина, в которой был миниа —

I. Б.А. Литвинский, 1956а, стр.74; Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович, 1956, стр. 61-68; Б.А. Литвинский, 1961, стр. 67-70.

турный глиняный сосуд, кувшинчик деревянный и деревянный гробень. В другой – большей по размеру корзине, находившейся у ног, была деревянная чаша, деревянная коробочка и косточки миндаля.

К у р г а н 7. Насыпь округло-уплощенная по профилю. В плане же – неправильный круг, с большим количеством выкладок по поверхности внешнего кольца. Диаметр – ок. 8 м, на сыпь достигает 0,85–0,90 м. При раскопках насыпи выяснилось, что она как бы двухслойная, сверху рыхлый грунт с небольшим числом гальки, внизу – более плотный, с большим количеством более крупной гальки. Вход в могильную яму четко обозначился благодаря забивке ее крупными камнями. Впускная яма овальная. Одна из ее длинных сторон уступчато-ступенчатая. К ней примыкает овальная же, но более крупная могильная яма – подбой. Ее размер 2,7 x 1,85 м при высоте 0,8 м. Ориентация и ямы и подбоя одинакова – СЗ – ЮВ.

В дальней стороне подбоя, вдоль его длинной стороны – погребение на деревянной доске, с двух сторон обложенной камнями. Верхняя часть костяка совершенно разрушилась. Однако ясно, что он лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Погребение, по-видимому, женское. Имеется 4 сосуда (два из них миниатюрные, – в ногах, два – у головы), прибор для сурьмления, прясла и бусы – пастовые и бронзовые. Здесь сохранилось несколько фрагментов тканей, имелся деревянный сосуд, какие-то железные предметы.

К у р г а н 10. Эллипсоидная в очертании насыпь с четко выраженным кольцом из крупных камней. Насыпь сама лесово-щебеночная, в профиле – уплощенная (диаметр 6,5–7,5 м, высота – 0,55 м). На глубине 0,35–0,40 м от вершины кургана появился деревянный настил, сохранившийся лишь частично. Устье ямы имеет овальные очертания (1,40 x 1,10), заполнение – из щебеночно-галечного грунта с довольно крупными гальками и камнями. В начале яма строго вертикальная, но по мере углубления начинает резко расширяться по торцовым сторонам, особенно с северо-запада ("сводчатая" яма). Глубина ее 1,25 м, у основания она имеет размеры 2,40 x 1,10 м. Яма ориентирована с ССЗ на ЮЮВ.

На дне ямы вдоль ее центральной оси, была положена доска, на которой вытянутый на спине костяк головой на ЮВ. Руки прижаты к туловищу, правая подведена под таз. У головы один глиняный сосуд, бронзовое зеркало (в осколках) с деревянной ручкой (зеркало лежало в нижней части груди, слева) и железный нож с выпуклым лезвием.

К у р г а н 12. Насыпь, как в предыдущих, с четким внешним кольцом (диам. 6-6,5 м, высота 0,5 м). Насыпь из рыхлого гравия с примесью крупных камней. Под насыпью — четкий деревянный настил, закрывающий 2/3 ямы по длине (длина настила 0,75 м, длина бревен 1,25 м). Устье могильной ямы овальное (1,55 x 0,75 м), затем стенки ямы делают сводчатый прогиб, расширяясь по длине, а на глубине 25-40 см и по ширине (особенно с одной стороны). Яма типа "сводчатых", заполнена тем же грунтом, что и насыпь. Размеры ее внизу 1,15 x 2,40 м, ориентирована она СЗ — ЮВ. На дне поставлен деревянный долбленный гроб обычной конструкции. Он ориентирован вдоль длинной оси верхней ямы и поэтому находится не в центре нижней, а смещен от оси нижней ямы в сторону одной из длинных сторон (противоположную той, где сводчатая ниша). Женский костяк вытянут на спине, головой на ЮВ, руки вытянуты вдоль туловища и подведены под таз. На черепе было две серьги, у шейных позвонков — россыпь стеклянных бус, на кисти правой руки — фрагментированное зеркало. Вне гроба были поставлены сосуд и керамическое пряслице.

К у р г а н 50. Насыпь щебенчатая, округлая в плане, диаметром 5 м, высота ее в центре 0,25 м. В северо-восточной части насыпи на поверхности — скопление камней, по внешней окружности — кольцо, прерванное в западной части. Под насыпью в центре кургана остатки совершенно истлевшего перекрытия. Ниже околнута прямоугольная яма, ориентированная С-Ю (глубина ок. 1 м). Яма имеет вертикальные стенки, заполнена щебенчатым грунтом.

На дне ямы, головой на КГ — костяк, над которым еще один скелет. Нижний — женский вытянут на спине, руки — вдоль корпуса, предплечья слегка отведены в стороны (правая в положении супинации). Верхний скелет ориентирован так же, причем

голова находится на грудной клетке нижнего скелета. У верхнего захоронения правая рука отведена в сторону (кисть в положении пронации). Поза "всадника". В районе колен и правого бедра этой молодой женщины был положен младенец (кости новорожденного младенца очень плохо сохранились).

Инвентарь при нижнем погребении: у головы (слева) глиняный сосуд, у левой руки — два миниатюрных горшка, палочка для сурьмления, зеркало с боковой ручкой (фрагмент) и плохо сохранившийся железный нож.

К у р г а н 54. Насыпь щебенчатая (диаметр 5 м), высота 0,45 м). Внешнее кольцо отсутствует. Дромос имеет трапецеидальные очертания, уширенной стороной обращен к катакомбе. Он забит камнями. Стенки дромоса почти вертикальные, его глубина 1,15 м. Катакомба перпендикулярна продольной оси дромоса и представляет овальную нишу (2,0 x 0,9 м), дно которой на 40 см ниже дна дромоса. По длинной оси ниши, головой на ЮВВ вытянут на спине скелет плохой сохранности. У головы — три керамических сосуда.

Исфара I (табл. 29-31).

Впервые был обследован Б.А. Латыниным (в 1934 г. раскопан один курган — по-видимому, подбойный); вслед за ним здесь производила раскопки Т.Г. Оболдуева (два подбойных кургана)¹.

Могильник расположен на окраине садов, окружающих Исфару, в 800 м к западу от городской больницы. Горы, окаймляющие Исфаринскую долину с юга, переходят в сильно расчлененные адыры, имеющие, благодаря саям, вид меридиональных гряд. На поверхности окончания одной гряды, находящейся в северо-восточной части адыра, на севере сливающейся с долиной, а на востоке крутым уступом обрывающейся в сторону р. Исфары, тянется курганное поле (ширина гряды — 60-80 м). Курганы расположены очень густо (отстоят друг от друга на 5-10 м). Самые крупные имеют высоту 1-1,20 м, диаметр до 10-12 м, у большинства диаметр 6-9 м, при высоте 0,15-0,45 м. Насыпи — из

¹ Б.А. Л а т ы н и н , Т.Г. О б о л д у е в а , 1959, стр. 17-27. Данные об этих раскопках — Б.А. Д а в и д о в и ч и Б.А. Л и т в и н с к и й , 1955, стр. 18-19.

мелкого щебня и гальки. Значительная часть насыпей имеет следы грабительских дудок. Могильник состоял из 70 курганов.

В 1959 г. нами было вскрыто двенадцать курганов^I, пять из них оказались подбоями, в том числе один (№5) типа, переходного к катакомбе, пять — захоронениями в ямах с вертикальными стенками (часть из них — подбой, но с обвалившимся сводом), два — кенотафами. Ямы впущены в рыхлый щебневой грунт, заполнение их составляет совершенно сухой песчанистый щебень. Глубина ям 1,2–2,25 м, подбой в южной и западной части ям, имеются ступеньки, скелет обращен головой на юг или восток. Обычная поза — вытянутая на спине, но в кургане 42, а также в кургане, раскопанном в 1934 г. и в одном из раскопанных в 1936 г. — ноги перекрещены.

Могильник дал погребения с бедным инвентарем. Выделяется лишь курган из раскопок 1934 г. Его инвентарь состоял из 5 сосудов, деревянного прислица, каменного оселка, двух деревянных столиков, деревянной чаши, железного ножа и костей барана. Приближается к нему по составу инвентаря курган № 3 наших раскопок, инвентарь остальных скуден, и некоторые погребения совсем без инвентаря.

К у р г а н № 3. Имел полусферическую насыпь (высота в центре 0,98 м, диаметр 0,30 м), на поверхности которой лежало (без всякого намека на кольцо) несколько камней. Насыпь состояла из щебня с большим количеством кристаллов гипса. Под насыпью в центре кургана — овальная в плане яма, заполненная (чаще в нижней части) крупными камнями. Стенки ямы практически вертикальны. На дне — одночастная ступенька, вдоль западной стенки — низкий подбой. Скелет лежит в подбое — на спине, головой на юг, руки вытянуты вдоль туловища, ноги разведены в коленях. Около головы — сосуд, покрытый деревянным столиком на трех ножках. В области таза — железный наконечник стрелы (?) и несколько бус, в ногах — два сосуда и овальная плетеная корзина, внутри которой деревянный кувшинчик и железный нож.

I. Б.А. Литвинский, 1961, стр.59-60.

К у р г а н 42 . Окружный в плане (диаметром ок. 6,5 м) с плоской вершиной (высота 0,5 м). Насыпь состояла из щебня и гальки. Под насыпью оконтурилась вытянутая с севера на юг неправильно-овальная могильная яма. Сверху насыпь ее рыхлая, ниже идут крупные камни. В западной стенке могильной ямы по всей ее длине – подбой (2,60 x 0,90 м). Вход в подбойную нишу оформлен ступенькой. Здесь, на глубине 1,7 м, обращенный на юг костяк. Он лежит на спине, руки вытянуты вдоль корпуса и прижаты к нему, кисти в положении пронации. Правая нога полусогнута в колене и перекрещивается с вытянутой левой на уровне лодыжки.

Близ черепа (совершенно разрушенного) – 2 сосуда, еще один сосуд – в ногах, в области таза – железный нож.

Калантар-хона (табл. 32-37).

Обнаружен в 1952 году, расположен в 1 км к югу от центра кишлака Навгилем. Здесь, на щебневой покатой равнине, резко понижающейся с севера на юг, разбросано большое количество курганов¹. Много курганов, судя по рассказам, было уничтожено при планировке земли во время устройства садов и проведения Чильгазинского канала. Детальное изучение могильника и съемка плана позволили установить, что размер его с севера на юг оказался равен 380 м, с востока на запад 320 м. В могильнике насчитывается 150 курганных насыпей. Все они уплощенно-сферической формы, из щебня, средний диаметр 6-8 м, при высоте 0,4-0,8 м. Однако есть и совсем маленькие насыпи диаметром 3,5-4 м, например, курган № 124 – диаметр равен 3,5 м, а высота 0,2 м и гораздо более крупные – диаметром 9-13 м, например, курган № 71 – диаметром 13 м при высоте 0,95 м. Около двух десятков курганов имеют следы грабительских дудок. Курганы разбросаны беспорядочно по всей территории поля, цепочек нет.

В могильнике Калантар-хона в 1956 г. нами было раскопано двадцать два кургана². Девять из них оказались подбойными мо-

1. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, 1955, стр.148.

2. Б.А. Литвинский, 1959б, стр.74-77.

гилами. Впускная яма у них овальной формы, имеет размеры от 2,0 x 0,95 м до 3,60 x 1 м. Особняком стоит курган № 16, впускная яма которого имеет в плане всего 1,40 x 0,90 м, но это объясняется тем, что здесь было особое – скорченное захоронение. Впускная яма в некоторых случаях имеет почти вертикальные борты, но чаще книзу она резко суживается. Глубина ямы колеблется от 1,60 до 2,35 м. Подбойная ниша всегда расположена вдоль западной стенки впускной ямы, обычно равняясь ей по длине или будучи несколько короче. При этом дно ниши является в большинстве случаев продолжением дна впускной ямы. Ямы и подбой были засыпаны рыхлым мелким щебнем. В кургане № 18 нижняя часть была засыпана крупной галькой. Интересно, что в засыпке употреблялся кирпич. Здесь не было полного единообразия. Так, например, в курганах 13 и 22 на том уровне, где начинался подбой, неаккуратно положены друг на друга в два-три ряда сырцовый кирпич, ниже и выше которого щебень. В трех случаях (курганы №15, 10 и 17) подбой был огорожен стеной из сырцовых кирпичей. Захоронение производилось в подбоях. Костяки вытянуты на спине головой на юг или юго-восток, но в двух курганах (№ 5 и № 22) ориентация противоположная – головой на северо-запад.

Катакомбные курганы могильника Калантар-хона имеют овальный (вытянутый Ю-С или ЮВ – СЗ дромос с катакомбой на северном конце, перпендикулярно оси дромоса). Размеры дромоса сверху обычно больше, чем внизу (верхние размеры колеблются от 2,10 x 0,95 до 4,10 x 1,80, глубина дромоса – от 1,45 до 2 м). Дно дромоса понижается к катакомбе. Катакомба обычно расположена симметрично относительно дромоса, и в плане также овальная. Глубина катакомбы равна 1,70 – 2,50 м. Дромос заполнен щебнем, внизу нередко встречается сырцовый кирпич. Судя по некоторым курганам (например, курган № 21), иногда из кирпича выкладывалась стенка (в один или несколько рядов), закрывающая вход в катакомбу. В ряде случаев "кладка" занимает чуть ли не половину дромоса. Обычная ориентация костяков – головой на восток или северо-восток.

К у р г а н 5 . Округлая насыпь (диаметр 7,8–8,5 м, высота 1 м) из рыхлого грунта. Под ней – овальная входная яма,

ориентированная СЗ-ЮВ. На глубине I-I,2 м в северо-западной части входной ямы - кладка из кирпичей. Это настоящая стенка длиной 2,5 м. Кирпич положен без раствора. По концам стены - 2 камня. Остальная часть впускной ямы была заполнена мелкой щебенкой и лессом.

Кирпичная стенка отделяла впускную яму от подбойной ниши, вытянутой вдоль западной стенки ямы, параллельно ей. Ниша, расположенная ниже на 25-30 см, короче входной ямы.

Скелет, по-видимому, мужской, лежит головой на ССЗ. Между ног, ниже колен - глиняный сосуд, другой сосуд - у стопы левой ноги. Рядом с первым сосудом - железный нож. В ногах, кроме того, кости барана.

К у р г а н 7 . Насыпь очень маленькая (диаметр 4,5 - 4,7 м, высота 0,4 м). Под насыпью обозначился дромос трапецидальной формы (длиной I,2 м), он вытянут с ЮВВ на СЗЗ. На глубине 0,3 м появилась закладка всей площади катакомбы крупными камнями, среди них - кусочки перегнившего дерева. В северной части катакомбы на глубине 0,75 м появилась кирпичная закладка. Здесь она очень неаккуратная - три ряда кирпичей набросаны один на другой. Ниже идет более аккуратная закладка, занимающая значительную часть дромоса. Скелет лежал в катакомбе головой на СВВ. Костяк вытянут на спине, руки положены вдоль тела, в положении пронации, кисти подведены под таз. Скелет принадлежит молодой женщине. У правого плеча стоит сосуд, накрытый каменной плиткой. Два сосуда (один из них с такой же крышкой) у правой ноги. В ногах лежит фрагмент деревянного изделия и железный нож, в области таза - истлевшее деревянное изделие, у кисти правой руки - железный нож, у запястья правой и левой руки - бусы, одна бусина - у шейного позвонка. В нескольких местах - кости барана.

К у р г а н 10 . Насыпь крупная (диаметр 8-8,5 м, высота ок. I м). Сверху впускная яма была заполнена щебнем. По мере углубления, он становился более рыхлым, ниже шел мягкий земляной грунт. На глубине I м от поверхности были обнаружены бессистемно положенные (навалом) сырцовые кирпичи и камни. На глубине I,25 м от поверхности в западной стенке обнаружился подбой. При выемке кирпича выяснилось, что подбой в нижней ча-

сти огорожен стенкой из сырцового кирпича. Стенка плохо сохранилась, лишь на одном участке — в четыре ряда кирпичей высотой. Восточная стенка впускной ямы имеет ступеньку. В подбойной нише (длина ее 2,30 м, высота 1 м, на глубине 2 м) лежит на спине, головой на юг, скелет возмужалого возраста, вероятно, мужской. Череп почти целиком развалился, но все же видно, что голова несколько была повернута влево. Руки были вытянуты вдоль тела и подведены под таз, кисти — в положении супинации. Ноги немного отведены влево и согнуты в коленях. У головы поставлен один сосуд. Два других сосуда (один из них боченковидный) находятся в ногах. Рядом с этими сосудами — кости барана. На пальце левой руки — железное кольцо, около ключицы — несколько бусин, близ правой руки — обломки железного браслета, в области таза — обломки железных предметов, в правой части грудной клетки — обломки деревянного столика.

К у р г а н № 14. Насыпь (диаметр 7,5–8 м, высота 0,77 м) из мелкого гравия, в котором немного крупной окатанной гальки. Дромос овальной формы (2,6 x 1 м), вытянутый с юга на север, был ооконтурен в южной части кургана. При углублении в дромосе, в 1 м от поверхности, в северной половине — крупные камни и завал из сырцового кирпича. На трех кирпичах — тамги (в виде овала или двух изогнутых параллельных линий). Ниже обнаружилась регулярная кладка и следы наклонных сырцовых кирпичей, опиравшихся на эту кладку и на стенку ямы.

Эллипсоидная ниша (2,35 x 1,10 м) катакомбы перпендикулярна северному концу дромоса. На дно катакомбы, параллельно длинной оси дромоса, были уложены три кирпича, затем на них поставлены еще 4–5 рядов кирпичей. В щель между уступом грунтовой ступеньки и этой кладкой вставлены вертикальные кирпичи. Кирпичи положены и на дно подбоя. Опираясь на эту кладку как на основание и на стенку катакомбы, положены длинные кирпичные плитки 47 x 31 x 7 см, закрывавшие щель между этой кладкой и сводом катакомбы.

В катакомбе, головой на юго-восток, погребение, вытянутое на спине. В состав инвентаря входят 3 сосуда, костяная трубка и фрагмент железного изделия.

К у р г а н № 18. Небольшая (диаметром 6 м, высотой

0,75 м) насыпь из гравия. Несколько западнее центральной линии, север-юг – овальная спускная яма. С глубины 1 м донизу она забита крупными камнями. На глубине 2,20 м к яме с запада примыкает овалный подбой, больший по размерам, чем яма. Подбой (2,5 x 1,2 м) ориентирован ССЗ-ЮЮВ, в нем вытянутое на спине погребение. Инвентарь сравнительно богатый. Это четыре глиняных сосуда, два из которых миниатюрные, последние стоят у черепа. Кроме того, один сосуд у правого колена, один – у локтя правой руки. В ногах – керамическое пряслице, у головы – косметический набор, у правого плеча обломок ножа и бронзового зеркала. Платье покойницы было богато украшено бисером.

Карабаг (табл. 4, 38-41).

Находится в боковой долине, отходящей в районе кишлака Карабаг на восток от основной Исфаринской долины. Эта боковая долина с севера и юга окаймлена грядами обрывистых гор, а в 2,5 км на восток замыкается поперечной грядой. В 0,8 км от устья этой боковой долины, в ее северном борту, в 1952 г. был нами открыт могильник¹.

Могильник расположен на довольно крутом предгорном шлейфе (угол падения равен, примерно, 10-15°), изрытом параллельными 3-5-метровыми ложбинами. На образовавшихся грядках, покрытых мелким сланцем – цепочки курганов по гребням. Курганы очень низкие, близко расположенные друг к другу. При съемке плана удалось насчитать 147 курганов. Между прочим, первоначально количество курганов должно было быть гораздо большим, порядка 250, но остальные скрыты шлейфом. Насыпи многих курганов несут следы ограбления. Размеры насыпей: диаметр 6,5-8,9 м, высота 0,15-4,5 м.

На этом могильнике было вскрыто девятнадцать курганов (в том числе – один кенотаф)², девять из них оказались подбоями, семь – катакомбами и два (?) – захоронениями в ямах с вертикальными стенками³. Кенотафом назван курган № II7, в

1. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, 1955, стр. 147.

2. Б.А. Литвинский, 1961, стр. 60-61.

3. Первоначально в их число были включены и подбой с обрушившимся сводом, этим мы исправляем неточность первоначальной публикации. Не исключено, что ямных захоронений здесь вообще не было.

котором под насыпью ямы не оказалось. К числу кенотафов, быть может, следует отнести также пустую катакомбу № 56, изучение которой не выявило следов ограбления.

У подбойных могил длина входной ямы 1,85–2,5 м, ширина 0,9–1 м, глубина 2,4–2,7 м; длина подбоя 2–2,2 м, ширина 0,6–0,7 м, высота 0,5–0,75 м. Подбой чаще в северной стене, вытянут с запада на восток, захоронение головой на восток. У катакомб длина дромоса 1,5–1,75 м, ширина 0,87–1,25 м, глубина 2,5–2,75 м, длина катакомбы 1,8–3 м, ширина 0,7–0,8 м, высота 0,5–0,7 м, ориентация – восток–запад. Некоторые из могильных сооружений представляются промежуточными между подбоем и катакомбой.

К у р г а н №1. Насыпь овальной формы (7,5–7 м, при высоте 0,3 м), вытянута СЮ. Под насыпью, состоящей из кусков сланца, мелкого щебня и земли, оконтурился дромос, ориентированный СЮ (0,95 x 1,75 м). Он заполнен более крупными кусками сланца, землей. У основания дромоса – впускное погребение, совершенно разрушившееся.

В северной стенке дромоса – неправильно-эллипсоидная катакомба (вытянута ССЗ–ЮЮВ), вход в которую оформлен невысокой ступенькой из камня. Размеры катакомбы 1,9 x 0,8 м, ее глубина от поверхности 2,3 м. В ней скелет, ориентированный на ЮВ. Сам скелет и особенно череп очень плохой сохранности. Скелет лежит на циновке и сверху покрыт ею.

Между коленями стояло два сосуда, третий находился между коленом правой ноги и стенкой катакомбы. В области таза был положен железный нож и рядом – наконечник стрелы.

К у р г а н №4. Невысокая насыпь (диаметр 7,5 м, высота 0,4 м) незначительно вытянута к югу. Состоит из земли и пластинчатой щебенки. Под насыпью входная яма с практически вертикальными стенками, имеющая неправильно овальную форму (0,8 x 2,05 м), вытянута точно с севера на юг. Яма заполнена крупными рваными камнями. В западной части ямы под углом к ней, подбойная ниша. Переход от ямы к подбою, кстати очень низкому, в виде ступеньки. Глубина подбоя от поверхности 2,3 м. Подбойная ниша (2,0 x 0,85 м) вытянута ССВ–ЮЮЗ. Вдоль ее длинной оси, головой на ЮЮЗ – костяк плохой сохран-

ности. Кисти рук, видимо, были подведены под таз. Череп разбит. У головы слева — кора дерева. Под и над костями — белый налет разложившейся циновки. У головы и в ногах — сосуды (один из них разбит), у тазовых костей — железные ножи.

К у р г а н № 37. Имел небольшую (диаметр 6 м, высота 0,27 м) насыпь из щебенки с большим количеством землистого грунта. В верхней части вытянутой с северо-запада на юго-восток овальной могильной ямы (длина 1,40, ширина 0,75—1,0м) щебень, сразу же переходящий в закладку из крупных камней. Глубина ямы 2,40 м. Тридцатисантиметровая ступенька — уступ вдоль длинной северо-западной стенки ведет в подбойную нишу длиной 2,20 м, шириной 0,70—0,95 м, ось которой параллельна оси ямы. Свод ниши обрушился. Женский скелет вытянут на спине вдоль тыльной стенки подбоя, лицом кверху, руки вытянуты вдоль туловища, ступни ног сведены вместе. На шее — бусины, на грудной клетке — раковины-каури, на груди железный ножище, бронзовое зеркало, у левого локтя — косметический стерженек и кусок графита, в ногах — три сосуда.

К у р г а н № 39. Очень небольшая насыпь — диаметр 4 м, высота ее в центре 0,10 м. Насыпь сложена из сланцевого щебня и земли. В центре кургана под насыпью устье входной ямы, овальное, ориентированное СЗ-ЮВ. Она сверху была заполнена сланцевым щебнем, ниже шли сплошные крупные камни. Яма внизу ступенькой переходила в (обвалившуюся) подбойную нишу, ось которой параллельна оси ямы. Ниша была расположена вдоль северо-восточной стенки ямы.

На дне подбойной ниши (ныне засыпанной щебенкой) скелет. Он ориентирован головой на запад, лежит на спине, руки вытянуты, кисти в положении пронации по обеим сторонам таза. Ноги вытянуты, колени сведены, стопы лежат рядом. Это захоронение женщины старческого возраста.

Около головы были поставлены небольшой красноангобирванный сосуд с округлым корпусом (фрагменты) и миниатюрный узкогорлый черноангобирванный сосуд. В ногах стояли три сосуда, причем в одном из миниатюрных сосудов лежал кусочек графита и палочка для сурьмления бровей. Два ножа — на груди и у плеча правой руки. Здесь найдено также пряслице.

Кех

Могильник находится в 12 км на восток от Воруха в длинном и узком ущелье, ведущем к сел. Кех. Северный борт ущелья образован почти вертикальным каменистым хребтиком Тешик-Таш, южный же борт сильно расчлененным увалом, прислоненным к поднимающемуся и расположенному примерно в 0,5–1 км хребту Сарикала, поросшему редким, но крупным кустарником арчи. На вершинах этого хребта и в яле лежит снег. Увал расчленен саями на отдельные меридиональные гребни. На одном из них, возвышающемся над ущельем на 30–35 м и имеющим ширину 50–60 м, а с севера на юг – 210 м, преимущественно близ восточного края гребня на расстоянии 5–8 м друг от друга разбросаны курганы (около шести десятков). Самые большие имеют диаметр около 12 м, обычно же 6–7 м, при высоте 0,3 – 0,6 м. Почти все курганы с широким и четким внешним кольцом, состоящим из крупных камней. Среди курганов имеются просто кольцевые выкладки почти без насыпи. Очень много (чуть ли не три четверти курганов) имеют следы ограбления.

В 1958 г. нами здесь было раскопано девять курганов^I. Один из них оказался подбойным, остальные – ямами с вертикальными стенками. Овальные могильные ямы основной части раскопанных кехских курганов имеют длину 2–2,5 м, ширину 0,8–2 м, глубину 1,1–2 м. Ориентация неустойчивая. В трех курганах оказались захоронения в долбленых деревянных гробах. По конструкции, ритуалу и инвентарю совершенно тождественны Ворухскому могильнику.

Сурх II (табл. 5, 42–51).

Около въезда в Сурхское ущелье от Сурхской долины на юго-восток отходит узкая боковая долина. В 3,6 км от Сурхского ущелья долина расширяется (местное название этого участка – Галанг), образуя амфитеатр, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Вдоль оси этого амфитеатра расположен останец длиной 150, шириной 60 м. С юга вплотную к останцу подходит русло сая, с севера же останец имеет террасовидный уступ (высота уступа – 3,5–4 м, ширина нижней площадки 25–

^IБ.А. Литвинский, 1961, стр. 70.

75 м), за которым русло другого сая. С юга останец возвышается над долиной на 25 м, благодаря резкому повышению долины к северу и сравнительно незначительному — останца, на северо-западе его высота уменьшается до 5–7 м.

На верхней площадке останца разбросано около 50 курганов. Первоначально создается впечатление, что они образуют цепочки. Впрочем, ни одной строгой цепочки нет — это просто ряды, возникшие "стихийно", в результате того, что останец узок, а курганов много. Около десятка курганов вблизи основной группы.

По внешнему виду курганы можно разделить на три группы: 1. Крупные курганы с кольцом, напоминающим облицовку из крупных валунов. По своей форме насыпи — округлые, округло-уплощенные и подконические. Иногда выраженного кольца нет, проведена как бы облицовка всей насыпи. 2. Мелкие курганы с округлыми или округло-уплощенными насыпями. Большей частью имеют щебневую насыпь без выраженного кольца, с одиночными крупными камнями на этой насыпи. 3. Курганы — кольца разных диаметров. Два варианта: кольцо из камней, ничем не заполненное внутри, и кольцо с засыпкой внутреннего пространства щебнем — на высоту кольца.

Могильник открыт нами в 1956 г.¹ и раскапывался в 1958 г.² Здесь было раскопано 47 курганов. Пять оказались кенотафами, без могильной ямы. Возможно, кенотафом являлся и курган № 50 с ямой, но без следов захоронения. Из 42 курганов ровно половина оказалась катакомбами, другая половина — подбойными.

В процессе раскопок выяснилось, что под насыпями второй и, особенно, третьей групп обычно располагались младенческие или детские захоронения. Особенностью этих курганов является не встречающийся на других могильниках района обычай, согласно которому не ограничивались забивкой могильной ямы круглыми валунами, но продолжали плотную укладку камнями по площади ямы выше, иногда на высоту 0,5–0,6 м. Курганная насыпь возводилась в этих случаях над и вокруг этой укладки. Харак-

1. Б.А. Литвинский, 1959 б, стр. 73–74.

2. Б.А. Литвинский, 1961, стр. 61–62.

терно наличие таких могильных сооружений, которые по своей конструкции занимают промежуточное место между подбоями и катакомбами.

В катакомбных захоронениях в большинстве случаев дромос вытянут с севера на юг (иногда — с ЮВ на СЗ), катакомба — с востока на запад (реже — с СВВ на ЮЗЗ), есть единичные случаи иной ориентации. Глубина дна катакомбы от древней поверхности 1,20–2,80 м. Дромос имеет постепенный наклон в сторону ямы или одну ступеньку, причем, в сторону катакомбы он, обычно, расширяется (длина дромоса 1,90–2 м, ширина 1,0–1,20). Катакомба по длине обычно значительно превосходит ширину дромоса (длина катакомбы 1,80–2 м, ширина 0,75–1,0 м). В большинстве случаев костяк расположен на спине, головой на восток или северо-восток, руки вытянуты.

Подбойные захоронения имеют в большинстве случаев входную яму, ориентированную С-Ю, СЗ-ЮВ (редко — СВ-ЮЗ) и нишу на запад от входной ямы. Кроме того, есть группа курганов, где входная яма ориентирована В-З, а подбой расположен к северу, имеются одиочные примеры другой ориентации. Глубина дна подбойной ниши от дневной поверхности — 1,10–2,50 м, длина впускной ямы — от 1,7 до 2,5 м, ширина ее от 0,5 до 0,8 м, длина ниши от 1,9 до 2,3 м, ширина ее — от 0,7 до 1 м. В подбоях, обращенных на запад от входной ниши, вытянутый костяк лежит на спине, головой на юг (или юго-восток), руки вдоль туловища, ноги вытянуты и сведены. В подбоях, обращенных на север, костяк лежит головой на восток.

К у р г а н № 2. Округлая в плане полусферическая насыпь, несколько оплывшая, состоит из щебня, гальки, мелких камней; кольцо у насыпи прерывающееся. Диаметр 9 м, высота 1,17 м. Имеется и внутреннее кольцо из редко разбросанных камней. В центральной части насыпи при углублении обнаружена овальная в плане выкладка из камней, которая поднимается над поверхностью древнего горизонта на 75 см, ориентированная СЮ (3 x 1,8 м).

Эта выкладка находилась над входом в могильную яму. Могильная яма была заполнена камнями и небольшим количеством щебня. Камни положены рядами. Средние размеры камней 50 x 30 x 20 см.

В западной стене могильной ямы сделан подбой, очертание ниши подбоя овальное. Стенки ниши подбоя образуют четверть сфер. Подбой занимает почти всю длину западной стенки могильной ямы. Скелет лежит на спине, головой на юг, руки вытянуты вдоль тела, локоть левой руки был прижат к туловищу, ноги вытянуты. Пол мужской, возраст старческий. Справа от черепа стоят 2 сосуда (находки № 1 и 2): один грушевидной формы с отогнутым наружу венчиком, украшенный волнистым орнаментом, другой — маленький с биконическим туловом и отогнутым венчиком. В области таза на левой половине тела лежит железный нож с остатками деревянной рукоятки. С правой стороны от ног стоял сосуд с шаровидным туловом, высокой шейкой, воронкообразным горлом. В ногах — кости какого-то животного. В области таза с левой стороны пряжка железная и железное острие (пило, наконечник?). Пряжка с остатками ремня (?) и прилипшими к ней кусочками ткани.

К у р г а н № 5. Довольно крупный курган с полусферической поверхностью, слегка овальный в плане. Диаметр ок. 8 м, высота насыпи 0,95 м.

У основания южной половины кургана прослеживается кольцо из крупных рваных камней на поверхности кургана. Насыпь — щебенка с галькой. В центре насыпи четкое кольцо из мелких камней. На глубине 80 см от центрального колышка в рыхлой щебенке появились крупные камни (размером до 50 x 36 x 25 см) — это выступающая закладка впускной ямы.

Крупные камни заполняли северо-западную часть могилы, в юго-восточной части могильной ямы щебенка с галькой.

Овальная яма (2,85 x 1,45 м) ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Подбой идет вдоль СЗ стенки. Ниша подбоя (2,6 x 1,05 м) ориентирована так же, как и яма. Устье подбоя меньше длинной стены впускной ямы. Ниша заполнена щебенкой. На дне подбоя на грунте — погребение. Скелет, судя по вещам, женский, очень плохой сохранности. Скелет лежит на спине, руки вытянуты вдоль туловища. У черепа опрокинутая черноангобированная чашка на высоком поддоне, под ней — длинные бараньи кости. У ног венчик чашки, пряслице, 3 миниатюрных сосуда, под одним из них — графит и стерженек для сурьмления бровей. Рядом еще 2 сосуда.

На шее — низка из пастовых бус и 3 перламутровых; в области груди — фрагмент бронзового зеркала с дырочкой, у предплечья — железный наконечник стрелы, рядом — обломок железного предмета (может быть, ножа).

К у р г а н № 8. Насыпь округлая в плане, полусферическая, диаметр 9 м, высота 0,9 м. Два кольца — внешнее и внутреннее. Поверхность состоит из щебня и камней, в пределах внутреннего кольца камней нет, грунт лёссовый с примесями щебенки. При углублении в центре насыпи выкладка из камней (2,75 x 1,70), поднимающаяся на 25–30 см над уровнем древнего горизонта. В насыпи же найдена керамическая крышка сосуда.

Под выкладкой обозначилось устье дромоса. Забивка его довольно плотная — крупные камни, щебень, лесс. Трапецеидальный в плане дромос вытянут на ЮВ–СЗ. Стенки его слабо округлые. Уширенный СЗ край дромоса соединяется с перпендикулярной ему катакомбой, в которую вела двухчастная ступенька (верхняя вырублена в грунте, нижняя выложена из камней). Ниша катакомбы овальная в плане, обложена вдоль края камнями, она ориентирована ЮЗ–СВ.

Скелет (женский, 25–30 лет) лежит в катакомбе головой на СВ. Он слегка повернут на левый бок. Правая рука полусогнута в локте, пальцы в кисти выпрямлены, кисть — в положении пронации. Левая рука вытянута прямо вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях, коленями к востоку. Стопы лежат параллельно. Все кости сверху покрыты плотным веществом, видимо, это остатки савана.

На голове, в макушечной части, мелкие обломки железного предмета (не сохранился). Рядом с этим железным предметом 5 круглых бронзовых бляшек. По обеим сторонам черепа у височных костей 2 бронзовые круглые проволоочные серьги.

Вдоль грудной и брюшной частей скелета лежат фрагменты длинного железного ножа, узкого, подтреугольного в сечении, с остатками костяной ручки. Правее — фрагменты бронзового зеркала с отверстием, под ним остатки ткани. В ногах, прямо у стоп, стояла прекрасная кружка, на выделенном дисковидном поддоне, с маленькой ручкой, с широкой орнаментальной поло-

сой под венчиком. Рядом с костями животного (они в ногах погребенного) фрагмент деревянного изделия.

У восточной стенки катакомбы, в 30 см от черепа, лежит фрагментированный красный сосуд, под восточной стенкой стоит другой сосуд — черный (с костями животного), накрытый сверху чашей.

На шее найдена I бирюзовая продолговатая бусина. Там, где лежало зеркало, найдена синяя стеклянная бусина. На запястье правой руки была ниска из бус (находка №13). Стопы погребенной лежали на какой-то деревянной доске. Под скелетом тоже плотное белое вещество, что и на костях скелета.

К у р г а н № 33. Насыпь округлая в плане, несколько уплощенная в центральной части. Диаметр 9,5–9 м. Вдоль поли насыпи — прерывающееся кольцо из небольших камней. Насыпь состоит из мелкой гальки, щебня сероватого лёсса. Заполнение могильной ямы выделяется благодаря наличию в нем крупных камней (до 45 x 35 x 20 см).

Входная яма овальной формы (2,10 x 0,9 м), узкая, ориентирована СЗ–ЮВ. К ней на глубине 1,2 м примыкает узкая же ниша подбоя, расположенная хотя также в общем направлена СЗ–ЮВ, но под углом к входной яме таким образом, что подбой как бы "срезает" часть входной ямы, ибо его нижний конец сильнее отклонен к востоку, при этом ниша несколько выдвинута к югу.

На дне ниши — женское захоронение, вытянутое на спине. Погребение сопровождалось довольно обильным инвентарем. У левого плеча находилось 4 сосуда (два из них миниатюрные), у ног — два крупных бочонковидных сосуда, рядом с ними кости жертвенного животного. Из предметов туалета — у левого плеча набор для сурьмления, а также фрагмент зеркала у берцовой кости правой ноги (с внутренней стороны). Однако этот фрагмент, по-видимому, использовался уже не по прямому назначению, а как украшение (в имеющуюся в нем дырочку было продето бронзовое колечко, в свою очередь продетое в другое колечко). Найдена бронзовая серьга, бронзовые кольца (на правой и левой руке), на лбу — бронзовое украшение, на левом запястье — бусы, имелось также ожерелье из стеклянных бус.

К у р г а н № 36-а. Насыпь круглая в плане, в разрезе

округло-конусовидная (диаметр 9,5-10,3 м, высота 0,85 м). Поверхность насыпи составляют щебень и галька, в северной части - небольшое количество камней. Под насыпью обнаружился трапецеидальный, вытянутый с ЮВ на ССЗ дромос (длина 2,0 м, стороны 0,7 и 1,20 м). Дромос, несколько сужающийся вниз, был заполнен камнем, а также щебнем и лёссом. К широкому (северному) концу дромоса почти перпендикулярно примыкает ниша катакомбы, спуск в которую оформлен ступенькой, выложенный из крупных камней (уровень дна дромоса 1,5, катакомбы - 2,2 м). Овальная яма катакомбы (2,00 x 0,75 м) вытянута точно с востока на запад. На дне катакомбы, головой на восток лежит женский скелет (возраст зрелый). Погребение на спине, руки вытянуты, кисти слегка согнуты, правая нога вытянута, левая слегка согнута. Из инвентаря следует отметить три сосуда (один в головах, два в ногах), бронзовый проволочный браслет на запястье правой руки, железный нож, украшения бронзовые и стеклянные.

К у р г а н № 39. Насыпь из щебня и лёсса, уплощенно-сферическая (диаметр 9,5-10 м, высота 0,6 м), вдоль основания - кольцо из камней. Овальная могильная яма (2,25 x 0,9 м) ориентирована В-З. Заполнение ямы сравнительно рыхлое: щебень, желтый лёсс, галька. Вдоль северной стенки ямы - вход в подбой, оформленный в виде ступеньки (уровень дна входной ямы на 70 см выше подбоя, это повышение образовано с помощью укладки на дно камней). Подбойная ниша (2,40 x 0,70 м) содержала захоронение. Скелет лежит прямо на грунте, головой на восток, вытянут на спине. Пол определить не удалось, возраст - иншеский.

Над черепом, у юго-восточного угла подбоя, стояла округлая плетеная корзинка (диаметр 15 см), сохранившаяся в виде фрагментов, в ней лежали кости животных. Также рядом с черепом, но в ССВ углу, стояла другая небольшая (8 x 8 см) плетеная корзинка, очень плохой сохранности, она была квадратной. В ней находилось 2 небольших сосуда, с приземистым туловом, вытянутыми горлами - черноангобированный и красноангобированный.

На нее справа найдены бусы - плоская, черная, усеченно-

коническая, ребристая, пастовая. На тазовой кости справа лежала округлая железная пряжка с подвижным язычком. Слева на тазовой кости поперек лежал железный фрагментированный нож. На пальце правой руки было железное фрагментированное кольцо, а на запястье — пастовые небольшие бусы. На левой руке — тоже железное фрагментированное кольцо, а на запястье — пастовые бусы. У стоп ног стояли слева — сосуд с яйцевидным туловом, воронкообразным горлом, с валиком на шейке, красно-ангобированный, а справа — сероглиняный сосуд с шаровидным туловом и отогнутым краем.

Усто-Мулло (табл.52-54).

Обнаружен в 1952 г., находится в 0,8-1 км на восток от могильника Калантар-хона. Этот могильник располагается в таких же условиях, как и вышеописанный могильник Калантар-хона. Северная часть могильника разрушена при проведении Чальгазинского канала и устройстве садов. Сохранившаяся часть могильника протянулась с востока на запад на 120 м, с севера на юг на 135 м. На этой площади разбросано свыше семи десятков курганов (при съемке плана было зарегистрировано 72 кургана). Насыпи курганов уплощенно-сферической формы, из щебня, средний диаметр 5-7 м, при высоте 0,3-0,7 м. Однако есть и совсем маленькие насыпи диаметром 2,8-3,5 м, например, курган № 52 — диаметр его равен 2,8 м, при высоте 0,10 м, и гораздо более крупные, диаметром 9-12,5 м, например, курган № 37, имеющий диаметр 12,4 м, высоту 0,55 м. Курганы разбросаны беспорядочно по всей территории поля, причем располагаются порой столь близко друг к другу, что насыпи сливаются. Прослеживаемое членение на две группы (восточную и западную) обусловлено наличием небольшого сая.

В могильнике Усто-Мулло в 1956 г. нами было раскопано восемь курганов^I, причем все они оказались подбойными и конструкция могильного сооружения, за одним исключением (курган №2), совершенно одинакова. Под насыпью обнаруживалась впускная яма овальной формы с отвесными или слегка

I. Б.А. Литвинский, 1959б, стр. 80-81.

наклонными стенками. Верхние ее размеры колеблются от 2,65 x 0,7 до 3,15 x 0,8 м, а глубины от 2,30 до 2,50 м. Вдоль западной стенки на всю длину сделана подбойная ниша, дно которой находится на одной глубине с дном впускной ямы. Ширина ниши 0,5-0,8 м. Особняком стоит курган № 2, имеющий значительно меньшие размеры впускной ямы (1,15 x 0,4 м), причем подбой сделан на север, юг и запад (общие размеры понизу равны 3 x 0,75 м). Глубина ямы равна 1,75 м.

Захоронение производилось в подбойной нише, головой на Ю или ЮВВ. Затем нижняя часть впускной ямы закладывалась камнем так, что вход в подбойную нишу был закрыт, что наиболее четко сохранилось в кургане № 4. В некоторых случаях эта закладка не была произведена на всю высоту или же обвалилась (в том числе и внутрь подбоя). Выше закладки из камней яму засыпали щебнем.

Скелет клался обычно на спину (в курганах № 1, 3, 5 на левом боку), руки вытянуты вдоль тела или сложены на животе (в кургане № 2 правая рука согнута в локте), ноги вытянуты или (в двух курганах) согнуты в коленях. Все погребения одиночные.

К у р г а н № 1. Почти круглая в плане насыпь (диаметр 6 м, высота 0,4 м) из щебенки и лёсса. Контур могильной (входной) ямы обнаружился непосредственно под насыпью. Она ориентирована ССЗ-ЮВ и имеет размеры 2,65 x 0,7 м. Яма заполнена в верхней части рыхлым щебенчатым грунтом, в самой нижней части переходящим в каменисто-щебенчатую насыпь с довольно крупными камнями. В западной части могильной ямы — подбой, который параллелен ей и несколько длиннее ее в южном конце.

В подбое, головой на юг, скелет. Труп, при его помещении в могилу, был несколько повернут на левый бок. Левая рука вдоль туловища, кисть правой — в области таза. Это захоронение мужчины зрело-старческого возраста. Инвентарь состоит из двух сосудов: одного, помещенного выше головы, рядом с ней, другого — в ногах. Оба сосуда были накрыты плоскими камнями. Выше таза, с левой стороны, остатки ножа с изогнутым (?) лезвием. Кроме того найдена раковина-каури.

К у р г а н № 5. Насыпь (диаметр ок. 6 м, высота

0,7 м) имеет приплюснуто-полусферическую форму, состоит из щебня и лёсса. Недалеко от оси север-юг обнаружена овальная в плане входная яма (2,6 х 0,8 м), ориентированная ССЗ – ЮВ. Заполнение рыхлое (лёсс, щебенка, мелкая галька). Примерно с середины глубины заполнение становится более плотным, количество камней возрастает, затем начинается слой, состоящий целиком из крупных камней (на высоту 0,5–0,6 м от дна). Подбойная ниша параллельна входной и расположена западнее ее. В ней находится покрытый слоем крупных камней костяк, ориентированный головой на юг. По-видимому, покойник был положен несколько на левый бок. Руки полусогнуты в локтях и покоятся в области таза, кисти в положении пронации. Ноги полусогнуты в коленях, причем правая – больше. В южном конце подбоя, за головой, два сосуда и какое-то железное изделие. На груди – бронзовое зеркало с боковой ручкой, ниже – бронзовая пряжка. На шее, у запястья левой руки, на животе – бусы. В ногах – три сосуда, два из них миниатюрные, здесь же – косметический набор.

Хозина-хона.

К северу от Калаи-Боле, на покатой поверхности от холмов к р. Исфара, в 1934 г. Б.А. Латынин исследовал могильник, отмеченный на поверхности холмиками высотой 0,15–0,20 м. Здесь были заложены два раскопа, вскрывшие два целых и два разрушенных погребения, причем одно из погребений было произведено в хуме.¹

Основная часть этого могильника была уничтожена при хозяйственных работах в марте 1956 г. Летом того же года, при посещении Хозина-хона, мы отметили в обрезах вырытого здесь котлована, в 5 местах, на глубине от 0,5 до 2 м от поверхности, человеческие кости. Тогда же здесь было собрано некоторое количество находок.²

Чильгазы (табл. 55).

На северо-восточной окраине кишлака Чильгазы, у подно-

1. Б.А. Л а т н и н , рукопись; он же, 1961, стр. 150–163.
2. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1959б, стр. 74.

жья гор, окаймляющих Исфаринскую долину с севера, на площади 200 x 100 м располагается ок. 90 курганов. Курганы не большие, диаметром 4-5 м. Здесь в 1956 г. нами раскопано 2 кургана¹.

К у р г а н № I - диаметром 5 м, высота насыпи 0,7 м. Насыпь, несколько оползшая к югу, из очень крупного щебня с небольшим количеством лёсса. При снятии насыпи на уровне древней поверхности в западной половине - остатки золы. Входная яма овальная (2,4 x 0,8 м), вытянутая ССЗ-ЮОВ. На глубине 1,5 м в яме слой пахсовых кирпичей (высота слоя 0,8 м), напоминающих гувальяки (средний размер 40 x 30 x 10 см). В западной стене подбой, опускающийся до глубины 2,7 м. Подбой параллелен яме, но больше ее по размерам (2,8 x 1 м). Именно эта подбойная ниша была ограждена стенкой.

На дне ниши костяк, головой на юг. Кости покрыты волокнистым веществом (истлевшая циновка). Скелет лежит на спине, руки вытянуты вдоль корпуса, кисти рук - рядом с бедренными костями. Ноги также вытянуты. Это погребение женщины зрело-старческого возраста. За черепом стоял крупный сосуд и маленькая чашечка, в ногах фрагментированный сосуд. На груди костяка - обломки бронзового зеркала и железных предметов, в том числе ножа в кожаных ножнах. В кисти левой руки бусина и бронзовый бубенчик, на правой руке - бусина. На черепе через равные промежутки - бронзовые полусферные бляшки.

К у р г а н № 2. Рядом с первым, западнее его. Совершенно аналогичен первому по устройству - подбой без ступеньки. Единственное отличие: подбойная ниша короче, чем входная яма. Глубина 2,25 м. Имеется кирпично-гувальячная стена (три ряда). В подбое головой на юг - погребение мужчины зрелого возраста. Костяк вытянут на спине, руки слегка согнуты в локтях, кисти по бокам таза, причем пальцы правой руки были согнуты. Левая нога согнута в колене, стопы сведены. Инвентарь: 3 сосуда (из них 2 - в головах) и фрагменты железного предмета в области таза.

¹ И. Б. А. Литвинский, 1959б, стр. 84.

Чорку I (табл.56-62).

Расположен в местности Чашмаи-Газийон — на СВ окраине кишлака Чорку и в 2,5 км к югу от крепости Сурх. Здесь два ската гор образуют расширяющееся к северу ущелье, значительная часть которого занята большим саям, глубина которого на юге достигает 10 м, севернее он становится мельче и вместе с тем — шире. На выходе сая в долину, на его западном берегу разбросаны курганы. По своей форме и размерам напоминают курганы могильника Сурх II. Однако в отличие от них курганы Чорку I более уплощенные. На них часто прослеживается кольцо, но "панцирной" обкладки нет. Размеры курганов: высота насыпи 0,35-1,25 м, диаметр 4,30-9,60 м. Насыпи сделаны из щебня с большим количеством крупного камня. В одном случае насыпь составлена из крупных камней, без щебня. В четырех случаях насыпи несут следы ограбления. Здесь насчитывается около 50 близко расположенных друг от друга курганов. Из них нами в 1958 г. было раскопано 37^I, в том числе один бесспорный кенотаф и два других с ямами, но без следов захоронения. Среди раскопанных курганов лишь два являлись катакомбами, все остальные — подбоя.

Подбойные могилы ориентированы или СЮ или (чаще) СЗ-ЮВ (иногда СЗЗ-ЮВВ), причем костяк головой почти всегда к югу (или ЮВ). Взаимное расположение входной ниши и ямы неустойчивое — подбой располагается как с западной, так и с восточной стороны входной ямы. Длина входной ямы 1,65-2,80, ширина 0,5-0,87, длина подбоя 2-3,3 м, ширина 0,6-1,30, высота 0,45 - 0,75, глубина 1,10-2,40 м. Из-за рыхлости грунта своды многих подбоев полностью или частично обрушились. В большинстве подбоев костяк вытянут на спине, руки положены вдоль туловища, ноги положены прямо. Однако имеются варианты, например, с рукой, кисть которой положена на таз; имеется также скороченное погребение. В кургане № 4I скелет находится на плохо сохранившемся деревянном сооружении, возможно, на носилках. Курган № 20 дал парное разнополое захоронение, на одном уровне, ориентированные головой на юг. Катакомбы — сурхского ти-

И. Б.А. Литвинский, 1961, стр. 62, 64-65.

па. Для курганов могильника Чорку I характерна забивка ям очень крупными камнями.

К у р г а н № 3. Насыпь уплощенно-сферической формы (диаметром около 7 м, высота 0,30 м), из небольших камней и гальки. Чуть выше пола кургана — кольцо из выступающих крупных камней. В центре, несколько сдвинуто к северу — выкладка (1,90 x 1 м) из крупных камней. Она незначительно возвышалась над могильной ямой. Могильная яма неправильно-овальная (2,20 x 1,70 м), ориентирована ВЗ. Яма забита камнями (50 x 30 x 20 см), галькой, землей. К северной стенке примыкает подбой — той же ориентации, но более длинный (2,60 м). Ниша подбоя вместе с нависающей стенкой частично обрушилась. Из могильной ямы в подбой ведет невысокая ступенька (глубина подбоя 1,15 м).

Скелет лежит в подбое головой на восток. Череп совершенно разрушен. Положение вытянутое на спине, руки вдоль туловища, пальцы полусогнуты. Ноги вытянуты, лежат параллельно. Пол мужской. За черепом стояли фляга и чашечка на кольцевидном поддоне; в ногах сосуд с округлым туловом, половина чашки на кольцевидном поддоне, маленький сосудик и стержень для сурьмления. На груди лежал фрагмент бронзового зеркала, а у локтевого сгиба левой руки с внутренней стороны — какой-то легкий предмет, обернутый в ткань. Под зеркалом тоже была ткань. На пальце правой руки фрагментированное железное кольцо и бусы. На левой руке железный перстень, на шее — бусы.

К у р г а н № 9. Насыпь округлая в плане, невысокая (диаметр 7 м, высота 0,55 м). Поверхность насыпи густо покрыта камнями, щебнем и галькой (размеры камней — от 30 x 20 x 10 до 10 x 5 x 5 см).

Насыпь состоит из рыхлой желтой земли и щебня, могильная яма сверху забита камнями (30 x 30 x 10 см), но выступающей выкладки из камней над ней не было. Ниже могильная яма заполнена мягкой рыхлой землей желтоватого цвета с галькой. Могильная яма овальной формы (2,2 x 1,1 м), ориентирована СЗ-ЮВ. Стенки ямы наклонные — чуть суживаются вниз. В ЮЗ стенке могильной ямы сделан почти на всю ее длину подбой. Подбой овально-сферической формы. Ниша подбоя примыкает к впускной

яме с востока, ее размеры 2,15 x 1,10 м. Из могильной ямы в подбой ведет ступенька, вырубленная в грунте и обложенная камнями, ее высота 30 см. Глубина подбойной ниши от поверхности 1,40 м.

Скелет лежит в подбое, головой на ЮВ. Возраст юношеский, пол, видимо, женский. Скелет лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты, колени сведены. У левого колена — кости барана (?).

Справа от черепа стоит кружка, орнаментированная заштрихованными треугольниками, слева — фрагментированный миниатюрный горшок. Справа у ног стояло 3 сосуда, в том числе один бочонковидный и один миниатюрный; у левой ноги — стерженек для сурьмления. На шее были обнаружены бусы.

К у р г а н № 20. Округлая в плане насыпь (диаметр 10 м, высота 0,6 м). Поверхность насыпи покрыта камнем (средние — 30 x 20 x 10 м), похожа на облицовку. Между камнями мелкая галька, щебень. Могильная яма на уровне древнего горизонта была отмечена выкладкой из камней. Заполнена могильная яма желтоватой рыхлой землей, щебнем, галькой и камнями (25 x 20 x 15 см). Могильная яма ориентирована с ССВ на ЮЗ. Она овальной формы (длина 2,15 м), стенки ее почти вертикальны.

В восточной стенке могильной ямы сделан подбой. Он занимает всю ее длину и выступает за ее пределы (длина его 2,80 м). Восточная стенка подбоя параллельна западной стенке могильной ямы. Свод подбоя обрушился. Очертания ниши подбоя — полуовальные. На дне подбоя (глубина его 2,35 м от дневной поверхности) двойное захоронение. Скелеты лежат в подбое головой на Ю, причем голова внешнего захоронения на уровне плечевых костей внутреннего. Внутренний вытянут на спине. Правая рука слегка полусогнута в локте, кисть лежит по правую сторону тела в положении пронации. Левая рука вытянута, у локтя — голова второго скелета. Правая рука второго (внешнего) лежит вдоль тела, локоть прижат к телу, левая рука полусогнута в локте. Ноги вытянуты.

Пол внутреннего скелета — мужской, возраст зрелый, у внешнего — соответственно мужской с вопросом, возраст зрелый.

У северной стенки подбоя стоял бракованный сосуд. У юж-

ной стенки подбоя – сосуд с округлым туловом, отогнутым наружу венчиком, покрытый сверху чашкой. Около предплечья правой руки скелета № I стоял маленький сосудик.

К у р г а н № 38. Насыпь уплощенная (диаметр 6,7, высота 0,6 м). У основания насыпи – кольцо из камней. Ширина этого кольца 0,7 м. Поверхность насыпи покрыта щебнем и галькой. Могильная яма заполнена камнями (45 x 45 x 10 см), землей, щебнем и галькой. Могильная яма овальной формы (длина 1,9 м), вытянута с запада на восток. Стенки могильной ямы вертикальные.

В северной стенке могильной ямы на всю ее длину и заходя за ее границы сделан подбой, который несколько шире (2,10 м). Крыша подбоя обрушилась. Глубина подбоя 1,5 м.

Скелет лежит в подбое, на грунте, головой на ЮВВ. Захоронение на спине. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая полусогнута в локте, кисть лежит на нижней части таза, ноги вытянуты. Череп полностью разрушен. Погребена женщина зрелого возраста.

У черепа слева стоят 2 сосуда. Над правой рукой, у грудной клетки, стоит раздавленный сосудик, а рядом фрагмент дна лепного сосуда. На ногах лежал какой-то деревянный предмет (30 x 25 см), очень плохой сохранности, а рядом с ним, ближе к стопам, глиняное пряслице.

К у р г а н № 41. Насыпь (диаметр 9 м, высота 0,5 м) выполнена щебнем, галькой, отдельными камнями. По внешней окружности кольцо из камней шириной ок. 1 м. После снятия на насыпи на уровне древнего горизонта обнаружили следы деревянного перекрытия в виде трухи истлевших балочек.

Могильная яма ориентирована СЗ – ЮВ, ее длина 2,85 м. Северо-восточная половина ямы имела очень плотную забутовку из сложенных рядами камней, при небольшом количестве щебня и лёсса. В другой части ямы заполнение состояло из рыхлого грунта (как выяснилось впоследствии – это результат обрушения свода подбоя).

Подбойная ниша была расположена с юго-западной стороны входной ямы и имела длину 3,20 м. Вход в нее имел вид ступеньки, глубина дна подбоя 2,15 м. Так как свод подбоя (вместе

с вышележащим слоем грунта) полностью обрушился, судить о форме ниши невозможно. В подбое, головой на юго-восток, лежал костяк. Под ним — очень плохо сохранившаяся деревянная конструкция — из продольных и поперечных деталей, напоминающая лестницу (погребальные носилки?). Левая и правая руки лежали на продольных досках. В ногах стоял сосуд, в головах — другой.

К у р г а н № 44 . Насыпь округлая (диаметр 8–8,5 м, высота 0,7 м), с кольцом из камней. Насыпь рыхлая: щебень, камни, лёсс. После снятия насыпи на уровне древнего горизонта слабые следы деревянного перекрытия. Могильная яма имела рыхлое заполнение, в котором встречались и крупные камни. Очертания этой, с востока на запад вытянутой ямы — трапециевидные, переходящие в западной половине в неправильный овал. Стенки ямы вертикальные. От западного конца этой ямы под углом примерно 60° отходит глубокая ниша, ориентированная по линии СЗ — ЮВ. Часть свода этой ниши обрушилась, поэтому половина скелета находится в нише, половина — в яме. По существу, это необычно расположенные дромос ("впускная яма") и катакомба ("ниша"). Из дромоса в катакомбу вела невысокая ступенька. Катакомба имела размеры 2,50 x 0,85 м. и располагалась на глубине 1,40 м.

Скелет, ориентированный головой на юго-восток, лежит на спине, руки вдоль туловища, кисти в положении pronation. У правой руки стояло два сосуда, один из них миниатюрный. Запястье левой руки было украшено бусами, на шее — ожерелье из бус. У черепа стоял небольшой сосудик, являющийся гончарным браком. Среди фаланг правой кисти — железное пластинчатое кольцо.

Чорку II (табл. 63–66).

Находится в 0,5 км к северу от могильника Чорку I на продолжении того же сая. Здесь на западном берегу сая возвышается меридиональный останец высотой 3–7 м. Останец в плане имеет подпрямоугольную форму, неглубокой ложбинкой он разделен на две ветви. По их довольно неровной поверхности разбросано около двадцати курганов, большинство их — невысокие кур-

ганчики средних размеров (диаметр насыпи 7,4-9,4 м, высота 0,57-1,24 м). На многих курганах следы ограбления. Территориально этот могильник мог составлять когда-то северную оконечность могильника Чорку I.

На могильнике Чорку II в 1958 г. нами раскопано 14 курганов¹, из них один оказался кенотафом, четыре - с захоронениями в катакомбах, девять - в подбоях². По своему характеру подбой и катакомбы такие же, как в могильниках Сурх II и Чорку I. Единственным отличием является, что здесь ямы вписаны в лёс - совый, а не в щебневый грунт.

Размеры подбойных могил: длина входной ямы 1,80-2,30 м, ширина ее - 0,40-0,60 м, глубина 1,3-2 м, длина подбоя 1,90-2,50, ширина 0,6-0,9, высота подбоя 0,45-0,65 м. Большинство ям ориентировано по линии СВ-ЮЗ, захоронения - головой на СВ.

К у р г а н № II. Насыпь (диаметр 7 м, высота 0,5 м) из рыхлой щебенки и мелких камней. Под насыпью обозначилось овальное устье дромоса (длиной 1,5 м), вытянутого ЮВ-СЗ и расширяющегося к СЗ концу, где он достигает 1,2 м. Заполнение дромоса - лёс и некоторое количество щебня. К СЗ концу дромоса примыкает эллипсоидная катакомба (2 x 1,00 м), вытянутая ЮЗ - СВ. Вход в катакомбу оформлен в виде высокой, шестидесятисантиметровой ступеньки (дно катакомбы на уровне 2 м от поверхности).

В катакомбе - скорченное на спине захоронение. Покойник (женщина старческого возраста) вытянут на спине, головой на восток. Правая рука - вдоль туловища, несколько отведена от него, левая отведена, согнута в локте так, что кисть на левой стороне таза. Ноги отведены вправо и согнуты в коленях. Погребальный инвентарь составляют три сосуда.

К у р г а н № I5. Насыпь оплывшая (диаметр 10,5 м, высота 0,7 м) из щебня и лёсса. В центре круглый камень 40 x 25 x 15 см. Под насыпью - устье дромоса трапециевидальной формы (длина 1,9 м). Он вытянут с ЮВ на СЗЗ и расширяется к

1. Б.А. Литвинский, 1961, стр.66-67.

2. Сюда же отнесены и два кургана, у которых ниши подбоев полностью обрушились.

последнему концу (от 0,75 до 1,25 м). Дромос заполнен лёссом и щебенкой. К широкому концу дромоса примыкает овальная катакомба (1,9 x 1,0 м), вытянутая по линии ЮВ - СЗ. Из дромоса в катакомбу ведет невысокая ступенька. Дно катакомбы на глубине 1,9 м от дневной поверхности.

На дне катакомбы, вдоль внутреннего края ниши, вытянут на спине скелет, пол, по-видимому, мужской, зрело-старческого возраста. Руки вытянуты совершенно прямо, кисти в положении пронации. Ноги слегка изогнуты в коленях - следуя кривой внутренней стенке ниши. У левого колена была найдена железная пряжка с подвижным язычком и фрагмент железного изделия (наконечник стрелы?). В ногах стояло 2 целых сосуда и один фрагментированный.

К у р г а н № 20. Насыпь (диаметр ок. 6 м, высота 0,3 м) из лёссовидного грунта и щебня, с кольцом по внешней окружности. Ниша входной ямы - неправильно-овальная (2,0 x 0,7 м), вытянутая ЮЗ - СВ. В забивке, наряду с лёссом и щебнем, встречаются камни размером до 40 x 25 x 10 см. К стенке входной ямы примыкает подбой, часть кровли которого рухнула. Вход в подбой был оформлен невысокой ступенькой. Дно подбоя находится на глубине 1,4 м от поверхности. В подбое головой на СВ в вытянутом на спине положении костяк. Руки и ноги вытянуты. У головы две глиняные фляги, в ногах - глиняный сосуд, у таза - железный нож. Около одной из фляг - кости животного.

К у р г а н № 25. Насыпь (диаметр 5,5 м, высота 0,6 м) с четким внешним кольцом. Насыпь выполнена из лёсса и щебня. Под насыпью - неправильно-овальная входная яма (длиной 1,4 м). Ее заполнение - камни (до 50 x 40 x 25 см, в среднем 20 x 20 x 10 см), щебень и лёсс. Стенки впускной ямы почти вертикальны. Внизу, с СЗ стороны, к яме примыкает подбойная ниша, основная часть свода которой рухнула. Первоначальные размеры ниши 1,7 x 0,8 м. Она овальная, вытянута с СВ на ЮЗ. Переход к нише оформлен ступенькой. Глубина ее - 1,6 м.

Женский скелет лежит в подбое головой на СВ, в вытянутом на спине положении. На черепе, на лобной кости, 3 бронзовые наливные бляшки, на затылке - 4 таких же бляшки, под ними - фрагменты ткани, видимо, остатки головного убора. На

левой ключице, у подбородка — бронзовое зеркальце петелькой вниз. На шее ожерелье из синих и белых стеклянных бус (6 бусин). На запястье руки — бронзовые браслеты. На локте правой руки — 16 бусин, в том числе небольшие пастовые. На указательном пальце правой руки — фрагмент железного кольца. В кисти левой руки были зажаты стерженек для сурьмления и кусочек графита. На запястье левой руки — бусы. В состав погребального инвентаря входило также 5 сосудов.

3. ТИПЫ МОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ВОПРОС ОБ ИХ ГЕНЕЗИСЕ

Описывая раскопанные нами могильники, мы обращали внимание на основные черты погребального обряда. Нет смысла вновь повторять данные, которые были приведены выше. Ниже мы остановимся лишь на отдельных специфических чертах погребального обряда населения, оставившего подбойно-катакомбные могильники Ферганы.

Прежде всего о терминологии и типологии. Термин "подбойно-катакомбные могильники" неточен. Он не охватывает всей совокупности погребальных сооружений: дело в том, что весьма широко представлены в тех же могильниках и погребения в грунтовых ямах без подбоя или катакомбы. Следовательно, более уместен был бы термин "ямно-подбойно-катакомбные могильники", но он является излишне громоздким, поэтому я продолжаю пользоваться старым термином.

Грунтовые ямы отнюдь не всегда имеют вертикальные стенки, с прямым или слабо-округлым сечением. Встречаются, хотя и редко, могильные ямы, суживающиеся вниз. Так, ВУ-13 — могильная яма с вертикальными торцовыми стенками, а по длине резко суживается вниз (от 1,85 до 1,30 м).

В Ворухском могильнике, как и в могильнике у Ворухского ущелья, широко представлена другая разновидность ям — расширяющихся сверху вниз, т.е. к основанию. При этом здесь можно наблюдать много вариаций. КВ-5-а имеет могильную яму, уширящуюся к основанию по обоим торцовым сторонам, причем более значительно у одной из них. Нечто вроде этого было в КВ-7, ВУ-10 (в последнем случае уширение с одного торца 0,3 м, с другого — 0,75 м) и др. Особо следует отметить наличие такого варианта, у которого яма уширяется к основанию по всем сторонам: больше по коротким торцовым сторонам и меньше — по длинным продольным. Так, например, ВУ-3: размеры устья могильной ямы 1,5 x 0,9 м, основания — 1,15 x 2,65 м. Примерно такая же картина ВУ-12 и другие курганы.

Такого же рода могильные ямы можно было бы назвать "кольцевыми подбоями" и этот термин достаточно точно передает существо дела, но во избежание путаницы с истинными "подбоя-

ми" приходится воздерживаться от его употребления. Может быть, их следует именовать "сводчатыми" ямами. В ворухских могильниках представлена целая гамма вариантов таких ям: от таких, у которых стенки незначительно вогнуты до резко расширяющихся к основанию.

Катакомбы и, особенно, подбой отделить от таких ям порой бывает затруднительно — граница очень условная. В качестве разграничительного признака следует отметить, что в сводчатых могильных ямах погребение располагается вдоль длинной оси устья, а не смещено к одной из сторон — в подбой.

У подбойных могил подбойная ниша равна или, чаще, несколько превышает длину ямы. Так, в типичном подбойном захоронении ВУ-2 длина входной ямы 1,5 м, ниши — 1,85 м. Редко подбойная ниша имеет меньшие размеры, чем яма (Хангиз, к. II 8). Иногда место сочленения по дну выкладывается камнем, а внешняя стенка входной ямы спускается уступами (ВУ-7) или делается в виде двух ступенек (ВУ-14). В ВУ-9 — дно ямы наклонное, круто спускающееся к подбою ("спуск" начинается на третьей части высоты ямы).¹ Широко распространен вариант, который следует считать типичным для подбоев: дно ямы на 20–50 см выше дна подбоя и спуск в яму при помощи одной (редко — двух) ступенек, вырубленных в грунте или выложенных из камня.

Дромосы большинства катакомбных курганов невелики — их длина чаще всего укладывается в 1,5–3 м, редко достигая 4 м. Однако есть и исключения — в могильнике Карабель дромос имеет длину 6–7 м.²

У типичных катакомбных могил дромос перпендикулярен катакомбе, симметрично примыкающей к одной из его узких (торцовых) сторон. В качестве примера можно указать на катакомбу ВУ-5. Здесь глубина дромоса 1,45 м. Двумя ступеньками, нижняя

1. Такой вариант зафиксирован и для катакомб: в к. 15 и 32 Баркорбазского могильника дромос имеет резко понижающееся дно (в сторону катакомбы) и вход в катакомбу сделан не в стене дромоса, а в самом пониженном участке его дна так, что могила становится двухъярусной — С.С. Сорокин, 1961а, стр. 140, табл. XIV, XVI. То же самое — в к. 27 Хангизского могильника — Н.Г. Горбунова и Б.З. Гамбург, 1957, стр. 34, рис. 1/2.
2. Д.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр. 62–64.

из которых обложена камнем, он спускается к катакомбе. Ее дно — на 0,6 м ниже дромоса. Ширина дромоса в 3 раза меньше длины катакомбы (соответственно 0,95 и 2,97 м). В плане такие катакомбы имеют вид буквы "Т". Но это идеальный случай, обычно строгой перпендикулярности нет. Встречаются довольно многочисленные случаи, когда отклонение от прямого угла довольно значительно.¹ Так, в ЧК-II-II, ЧК-II-15, К-I, К-70 этот угол равен 35–70°. Опишем К-70. Яма катакомбы, ориентированная почти с севера на юг, имеет вытянуто-эллипсоидную форму, расширяясь к северному концу (длина ямы 2 м, ширина 1 м). Глубина ямы 1,5 м. В северо-восточной части ямы имеется 30-сантиметровая ступенька, дальше идет сводчатая ниша (высота 0,8 м, длина 1,6, ширина 0,7 м). Продольные оси ниши и ямы образуют угол примерно 35°. Это сооружение называть катакомбой можно лишь условно. В ЧК-I-44 дромос подходит к катакомбе не симметрично, а к окончанию одной из ее длинных сторон, причем под углом 45–50°, образуя как бы треугольник. Когда угол вершины такого треугольника становится еще меньше, а длинные стороны начинают сливаться, как в К-4, где угол всего 25°, следует говорить о подбое, а не о катакомбе.

Сам дромос не всегда овальный в плане, а нередко неправильно-трапецеидальный или даже треугольный (особенно часто в С-II), примыкающий к катакомбе как своим широким, так и узким концом. Если при этом длина дромоса незначительная (напр., ВУ-I или И-5), сооружение почти с равным основанием можно считать как дромосом, так и катакомбой.

Особняком стоят катакомбы Куруксайского курганного могильника². В них ступенчатый дромос подходит к узкой (торцовой) стороне овальной и очень низкой катакомбы, т.е. в нем длинные оси катакомбы не перпендикулярны оси дромоса, как это бывает обычно, а являются ее продолжением. Такие же ка-

1. Катакомбы, расположенные под углом к дромосу есть и в Пскентском могильнике — см. А.А. П о т а п о в, 1938 (рукопись), л.15.

2. Б.А. Л и т в и н с к и й, 1956, стр. 39.

таким образом имеются в Кур-Мазарском и Лявандском могильнике¹. Одна такая катакомба раскопана и в рядом расположенном Пискентском могильнике. Курган В-1 имел прямоугольный дромос (длина 5,2 м и ширина 2 м). Дромос имел 5 поперечных ступенек. Катакомба уже и короче дромоса (длина катакомбы 3,6 м, ширина 1,85 м).²

Особо следует упомянуть также и о катакомбе кургана № 17 могильника Джангаул. Здесь вдоль продольной задней стены катакомбы сделана маленькая подбойная ниша — ее глубина 0,5 м, высота 0,4 м. Именно сюда положен костяк.³

Значительное разнообразие форм подбойных и катакомбных могил выявляется и для других областей Средней Азии, в частности, для Таласской долины.⁴

Таким образом, между "классическим" подбоем и "классической" катакомбой выявляется целая серия промежуточных форм.⁵

Такова типологическая сторона дела. Вытекают ли отсюда какие-либо хронологическо-генетические выводы? Ответ на этот вопрос бесконечно более сложен.

Впервые он был поставлен А.Н. Бернштамом, который выдвинул следующую гипотезу. Семиреченские погребения в катакомбах связаны с проникновением в Семиречье новых этнических групп — северных гуннов. С ними же связано "...формирование культуры катакомбного типа в Фергане (Исфара, Ширин-сай) и в Ташкентском оазисе (Каунчи)".⁶ Развернутое изложение им было дано в "Очерке истории гуннов". Он исходил из того, что Кенкольский могильник — гуннский. При этом А.Н. Бернштам подчеркивал, что на первых порах кенкольская культура сосуществовала с усуньской, впоследствии произошло их "скрещивание" и распространение

1. О.В. Обельченко, 1954, стр. 7-10; он же, 1957, стр. 109-110, 117; он же, 1961, стр. 124-125.

2. А.А. Потапов, 1938 (рукопись), л. 16.

3. Ю.Д. Баруздин, б.г. (рукопись).

4. Н. Нейке, 1918, Taf. VIII, IX.

5. Мне уже приходилось на это обращать внимание — Б.А. Литвинский, 1961, стр. 79-80.

6. А.Н. Бернштам, 1949, стр. 359, См. также А.Н. Бернштам, 1948, стр. 175-176; он же, 1950, стр. 69.

ние гуннской культуры, с одной стороны, в долину р. Или, с другой — на юг, в Ташкентский оазис и Фергану "...в силу власти над указанными районами северо-гуннского племенного союза". Культура гуннов "претерпевает сильные изменения, выражающиеся в воздействии высокой культуры Ферганы", гунны "...сохранились в более чистом виде на Таласе и в Арпе, отчасти в Ташкенте и подверглись активному скрещиванию в Фергане и Алае". "Скрещивание с оседлым населением явно сказывается в катакомбах Ферганы (Сох, Исфара, Ширин-сай) и в джунской культуре". "Если на Тянь-Шане гунны в основном подверглись воздействию со стороны усуней, а в Фергане влиянию восточноиранских племен, точнее этническое имя которых сейчас установить трудно, то в зоне Ташкентского оазиса и по Сыр-Дарье они скрещивались с кангуйским и сармато- (массагето) аланским кругом племен"¹.

"Исторический фундамент" этой гипотезы составляла идея А.Н. Бернштама о распространении власти гуннов на северо-восточную часть Средней Азии.²

В 1951-1952 гг. отдельные критические замечания по поводу интерпретации А.Н. Бернштамом среднеазиатских могильников как гуннских высказал К. Йеттмар. Рассмотрев археологический материал, он пришел к заключению относительно раскопанных А.Н. Бернштамом могильников, что "очень сомнительно" были ли их создатели потомками "царского племени" хуннов. Вместе с тем он не подвергал сомнению датировку Кенкольского могильника, продолжал считать создавших его людей выходцами с Востока. Одновременно он подчеркивал, что "среднеазиатские находки имеют несомненную связь с Западом".³

Дальнейший этап разработки этой проблемы связан с именем С.С. Сорокина. Будучи учеником А.Н. Бернштама, он

1. А.Н. Бернштам, 1951б, стр. 102-117. См. также А.Н. Бернштам, 1952, стр. 60-72.

2. Она развивалась им в ряде работ. Помимо вышеуказанных см. А.Н. Бернштам, 1940, стр. 27-31; он же, 1940а.

3. К. Йеттмар, 1951-1952, 174-176. Интересно, что познакомившись с работами С.С. Сорокина (см. о них ниже), К. Йеттмар вначале отнесся к его аргументации настороженно — см. К. Йеттмар, 1957, S. 367.

вначале полностью разделял его концепцию,¹ но позже отошел от нее, а в 1954–1956 гг. выступил с резкой критикой основных положений гипотезы А.Н. Бернштама.² Анализируя приведенные А.Н. Бернштамом сообщения китайских летописей, он отрицает массовое проникновение хуннов в Среднюю Азию. Конструкция подбойных и катакомбных погребений неизвестна в коренных хуннских землях. Китайские и восточнотуркестанские изделия в материале среднеазиатских погребений связаны не с хуннской принадлежностью погребений, а с развитием торговли. "Материал подбойных и катакомбных захоронений, взятый в целом, идентичен материалу широкого круга памятников, принадлежащих коренному местному населению Средней Азии. Это сходство... для подбойных и катакомбных захоронений и синхронных им поселений коренного местного населения устанавливается на массовом материале и является органическим, а не случайным".

"Антропологические данные не указывают на вторжение в конце I тысячелетия до н.э. на территорию Средней Азии значительного количества хуннов". Появление смешанного по типу населения, с примесью слабых монголоидных черт, относится к началу н.э. или несколько ранее, но оно отличается от антропологического типа хуннов.

С.С. Сорокин приходит к заключению о необходимости "...признать хуннскую гипотезу происхождения и принадлежности среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений совершенно неправильной, не соответствующей исторической действительности".

Вместе с тем С.С. Сорокин не считает возможным связывать появление подбойно-катакомбных могил с сарматами, хотя единственным районом, где, помимо Средней Азии в конце I тыс. до н.э. и в первые века н.э. были распространены погребения в подбоях, был населен сарматами. Он аргументирует свое негативное отношение к такому предположению тем, что у сарматов были погребения в подбоях, но не было погребений в оваль-

1. С.С. Сорокин, 1948, стр. 122–127.

2. С.С. Сорокин, 1954, стр. 131–147; он же, 1956а, стр. 3–14; он же, 1956, стр. 97–117; он же, 1958, стр. 15–19.

ных сводчатых камерах. Вместе с тем он отмечает, что "вопрос о генезисе самой конструкции могил остается пока открытым".¹

С тем, что среднеазиатские подбойно-катакомбные могильники, в частности, Кенкольский - не гуннские, согласился один из крупнейших знатоков истории и культуры гуннов О.Мэнчен-Хэльский.²

О.В. Обельченко, в связи с открытием Кую-Мазарского могильника, датированного им II-I вв. до н.э., также выступил с предложением пересмотра гипотезы А.Н. Бернштама о гуннском происхождении среднеазиатских подбойных и катакомбных могил. При этом он подчеркивал, с одной стороны, необходимость учета открытия катакомб в Заманбабинском могильнике эпохи бронзы и, с другой стороны, в противоположность С.С. Сорокину, акцентировал внимание на "сарматообразном облике" Кую-Мазарского могильника³. То же самое он пишет о Лявандакском могильнике.⁴

В 1956 г. Ю.А. Заднепровский говорил о ферганских катакомбах: "Мне представляется, что правильнее будет подходить дифференцировано к памятникам этого рода и попытаться выделить среди них памятники местного происхождения, западного (сармато-аланского) и восточного (гуннского)".⁵ Подробно он сформулировал свою позицию в специальном разделе ("О происхождении катакомбных и подбойных памятников Ферганской долины") своей работы 1960 г.⁶ Ю.А. Заднепровский полагает, что на грани III-II вв. до н.э. в Ферганской долине появляется новая форма могилы - захоронения в подбоях и катакомбах, причем исходные формы конструкции не обнаружены в могильниках предшествующего времени (стр. 131). Он отвергает тезис С.С. Соро-

1. С.С. Сорокин, 1956, стр. 115-117.

2. О.Мэнчен-Хэли, 1958, р.160 (ср. с его работой, 1944-1945, р.240, где он считал Кенкол гуннским памятником). Он не без основания критиковал А.Н. Бернштама за то, что ему "вся среднеазиатская археология представлялась расположенной вокруг центра - Кенкола", но форма критики мне кажется неприемлемой.

3. О.В. Обельченко, 1956, стр. 226-227.

4. О.В. Обельченко, 1961, стр. 127-129, 170-176. См. также О.В. Обельченко, 1954, стр. 15-16.

5. Ю.А. Заднепровский, 1959а, стр.28.

6. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр. 128-138.

кина об идентичности керамики из могильников и из поселений (стр.132). "Антропологические материалы свидетельствуют об изменении этнического состава населения предгорной Ферганы в результате появления населения с монголоидными расовыми признаками", что отличает, по мнению Ю.А. Заднепровского, "...население, оставившее катакомбные и подбойные памятники, от местного земледельческого населения Ферганской долины того же периода (! - отмечу, что о его антропологическом облике практически вообще ничего не известно. - Б.Л.), а также от населения предшествующего периода" (стр. 133, 136). Общее заключение Ю.А. Заднепровского "...археологические и антропологические материалы противоречат утверждению о местном происхождении катакомбных и подбойных захоронений и свидетельствуют о появлении их в Ферганской долине извне" (стр.136). Он присоединяется к мнению О.В. Обельченко и С.С. Сорокина (в работе 1954 г.) о связи этих памятников с движением печжийских племен (стр.137), впрочем, на следующей странице практически отказывается от этого (стр. 138).

По существу, это возврат к идеям А.Н. Бернштама, облаченных в форму критики теории С.С. Сорокина. Никаких новых фактов или серьезных аргументов Ю.А. Заднепровский не ввел, в связи с чем нет оснований рассматривать его положения, тем более, что в части фактического материала, например, в отношении керамики, они построены на недоразумении.

Обратимся к самому материалу, тем более, что за истекшие годы было сделано немало открытий, которые необходимо учитывать при решении этого вопроса.

Уже в эпоху поздней бронзы на разных территориях Средней Азии имелись катакомбные захоронения. В Заман-бабе (низовьях Зеравшана) обнаружены катакомбные захоронения. Дромос ступенчатый или наклонный, овальная камера катакомбы перпендикулярна ему. Входное отверстие заложено иногда глиняными комьями. Дно катакомбы в некоторых могилах ниже дна дромоса.¹ Превос -

1. Я.Т. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, 1966, стр. 120-129, табл. IV.

ходные образцы глубоких катакомбных могил имеются в раскопанных нами могильниках Вахшской культуры (Южный Таджикистан).¹

Хотя "Авеста" среди прочих способов захоронений знает и труположение², никаких конкретных сведений о них в интересующем нас плане не сообщается.

Однако для времени раннего железа отмечается частичный перерыв традиции. Во всяком случае в Фергане VI–III вв. до н.э. могильники актамского типа имеют неглубокие ямы без всяких подбоев и катакомб. Причем следует иметь в виду, что "актамская" традиция в части конструкции могильных ям надолго пережила культуру "актамского" типа. В равнинной Фергане и впервые века н.э. продолжали сооружаться курганы с очень неглубокими ямами (порядка 0,3–0,75 м) – типа могил Ташкурганского могильника, в котором имеются также погребения под насыпью на древнем горизонте. По конструкции могильного сооружения могильники вроде Ташкурганского, Мархаматского и др., как правильно отметила В.И. Козенкова, непосредственно продолжают традицию предшествующего периода³. В сакских памятниках Памира также отсутствуют подбои или катакомбы.

Однако, говоря о катакомбной конструкции могилы, нельзя не учитывать, что самая идея ее в сакское время – в виде наземных бревенчатых камер с коридорами бесшатырских усыпальниц,⁴ модифицируясь, сохраняется. С другой стороны, в Хорезме, в курганах Чирик-Рабата, сохранилось настоящее подземное катакомбное захоронение. Один из раскопанных курганов, датирующийся V–IV вв. до н.э., имел длинный и узкий дромос, вначале ступенчатый, затем горизонтальный. Северный его конец подводил к середине южной стороны, глубже расположенной (на 0,5 м) квадратной камеры (7,5 x 7,2 м).⁵

1. К. Иеттмар высказал идею, что катакомбный ритуал у сакской аристократии связан с очень ранними, до сакскими, влияниями, идущими из Центральной Азии – см. К. J e t t m a r, 1966a, Ss. 18–19, но он незнаком с материалами о памятниках вахшской культуры.

2. E. N e r z f e l d, 1947, II, p. 747; H. N u m b a c h, 1961a, S. 99.

3. В.И. К о з е н к о в а, 1966, стр. 222–223.

4. К.А. А к и ш е в, Г.А. К у ш а е в, 1963, стр. 31–62.

5. С.П. Т о л с т о в, 1962, стр. 139, 143, рис. 76.

В изученном К.А. Акишевым сакском могильнике Кзылауз I (У-IV вв.) в кургане I5 "...лежащий в грунтовой яме скелет огражден деревом, поставленным наклонно от дна могилы к противоположному краю". То же самое зафиксировано в 8 усуньских курганах I в. до н.э. - I в.н.э. Г.А. Кушаевым. По мнению обоих вышеупомянутых исследователей, это переходный тип от захоронений в простых грунтовых ямах к захоронениям в подбоях. Рассматривая вопрос о генезисе усуньских подбойных погребений, Г.А. Кушаев пишет: "Учитывая физические типы погребенных, распространение подбойных могил в более ранних памятниках Казахстана, а также то, что подбойные могилы правобережья (р.Или. - Б.Л.) по характеру сопровождающего инвентаря, по конструктивным особенностям насыпи, планировке в могильнике аналогичны другим типам местных синхронных погребений, мы пришли к выводу, что подбойные могилы правобережья р.Или являются захоронениями аборигенов. Этот тип могил возник в результате развития религиозных представлений древних усуней, в свою очередь явившихся следствием серьезных социально-экономических изменений, происшедших на рубеже нашей эры, т.е. в I в. до н.э. - III в.н.э. Несколько дальше уже абсолютно категорически: "Иначе говоря, ответ на все изменения типа древних погребений следует искать в особенностях способа производства".^I

И хотя автор при этом апеллирует к диалектике, его утверждения обнаруживают вульгарно-механические представления о взаимосвязи идеологии (и части ее - погребального обряда) и способа производства. Разумеется, Г.А. Кушаев не смог указать какие-либо изменения в способе производства, явившиеся причиной возникновения новой конструкции могил! Но, отвлекаясь от этого абсурда, следует отметить, что рациональное зерно в рассуждениях Г.А. Кушаева есть, - это мысль о связи появления подбойных могил с изменениями в религиозных верованиях. Но каких именно? Мне кажется, что здесь можно думать о том круге верований, который связан со стремлением, с одной стороны, обеспечить покойнику максимум комфорта, с другой - затруднить

ему (или его "душе") выход в мир живых, — т.е. страх мертвых. Эти, возникшие в глубочайшей древности представления,¹ постепенно эволюционировали и, судя по всей совокупности археологических материалов, получили в Средней Азии значительное развитие где-то в конце I тыс. до н.э. — первых веках н.э. (подробно об этих представлениях — см. стр. 104–124). Это создало, так сказать, идеологическую возможность и потребность в подобойных могилах, где и комфорт трупа и "запирание" осуществлялись с большей полнотой, чем в грунтовых ямах². С другой стороны, колебания вертикального контура ямы создавали предпосылки для выработки такой формы, как подбой (это, в частности, видно на примере более поздних ям ворухских курганов).

В результате в разных областях Средней Азии со II–I вв. до н.э. все более широко распространяются подбойные могилы. При этом обнаруживается удивительный параллелизм с сарматским миром — еще одно проявление общности основных линий развития среднеазиатских кочевников и сарматов. Контакт с сарматскими племенами, просачивание отдельных групп сарматов мог ускорить этот процесс; но в целом он шел спонтанно.

Однако, подчеркивая, все это в генетическом плане. В изученных же нами могильниках эти типы просто сосуществовали и взаимодействовали, следствием чего являлись, порой, удивительные гибриды, вроде уникального устройства в к. 17 могильника Джангаил, где в катакомбной камере, кроме того, устроена подбойная ниша.

Что же касается катакомб, то здесь вопрос значительно сложнее. Столь же трудно ответить на вопрос о происхождении катакомб племен савроматской и прохоровской культуры. Мне кажется, прав К.Ф. Смирнов, который писал о савроматских катакомбах: "сама идея сооружения подземной камеры со входом могла родиться под влиянием больших грунтовых прямоугольных могил с деревянным перекрытием и специально устроенным входом-дромосом..." того типа, что обнаружена в мечетсайском курга-

1. Ю.А. Семенов, 1966, стр. 387, 413.

2. Л.Г. Нечаева рассматривает подбой и катакомбы как результат стремления оградить погребенного от засыпания землей (Л.Г. Нечаева, 1961, стр. 154). На мой взгляд, этот фактор играл второстепенную роль.

В изученном К.А. Акишевым сакском могильнике Кызлауз I (У-IV вв.) в кургане I5 "...лежащий в грунтовой яме скелет огражден деревом, поставленным наклонно от дна могилы к противоположному краю". То же самое зафиксировано в 8 усуньских курганах I в. до н.э. - I в.н.э. Г.А. Кушаевым. По мнению обоих вышеупомянутых исследователей, это переходный тип от захоронений в простых грунтовых ямах к захоронениям в подбоях. Рассматривая вопрос о генезисе усуньских подбойных погребений, Г.А. Кушаев пишет: "Учитывая физические типы погребенных, распространение подбойных могил в более ранних памятниках Казахстана, а также то, что подбойные могилы правобережья (р.Или. - Б.Л.) по характеру сопровождающего инвентаря, по конструктивным особенностям насыпи, планировке в могильнике аналогичны другим типам местных синхронных погребений, мы пришли к выводу, что подбойные могилы правобережья р.Или являются захоронениями аборигенов. Этот тип могил возник в результате развития религиозных представлений древних усуней, в свою очередь явившихся следствием серьезных социально-экономических изменений, происшедших на рубеже нашей эры, т.е. в I в. до н.э. - III в.н.э. Несколько дальше уже абсолютно категорически: "Иначе говоря, ответ на все изменения типа древних погребений следует искать в особенностях способа производства".^I

И хотя автор при этом апеллирует к диалектике, его утверждения обнаруживают вульгарно-механические представления о взаимосвязи идеологии (и части ее - погребального обряда) и способа производства. Разумеется, Г.А. Кушаев не смог указать какие-либо изменения в способе производства, явившиеся причиной возникновения новой конструкции могил! Но, отвлекаясь от этого абсурда, следует отметить, что рациональное зерно в рассуждениях Г.А. Кушаева есть, - это мысль о связи появления подбойных могил с изменениями в религиозных верованиях. Но каких именно? Мне кажется, что здесь можно думать о том круге верований, который связан со стремлением, с одной стороны, обеспечить покойнику максимум комфорта, с другой - затруднить

ему (или его "душе") выход в мир живых, — т.е. страх мертвых. Эти, возникшие в глубочайшей древности представления,¹ постепенно эволюционировали и, судя по всей совокупности археологических материалов, получили в Средней Азии значительное развитие где-то в конце I тыс. до н.э. — первых веках н.э. (подробнее об этих представлениях — см. стр. 104–124). Это создало, так сказать, идеологическую возможность и потребность в подбойных могилах, где и комфорт трупа и "запирание" осуществлялись с большей полнотой, чем в грунтовых ямах². С другой стороны, колебания вертикального контура ямы создавали предпосылки для выработки такой формы, как подбой (это, в частности, видно на примере более поздних ям ворухских курганов).

В результате в разных областях Средней Азии со II–I вв. до н.э. все более широко распространяются подбойные могилы. При этом обнаруживается удивительный параллелизм с сарматским миром — еще одно проявление общности основных линий развития среднеазиатских кочевников и сарматов. Контакт с сарматскими племенами, просачивание отдельных групп сарматов мог ускорить этот процесс; но в целом он шел спонтанно.

Однако, подчеркиваю, все это в генетическом плане. В изученных же нами могильниках эти типы просто сосуществовали и взаимодействовали, следствием чего являлись, порой, удивительные гибриды, вроде уникального устройства в к. I7 могильника Джангаил, где в катакомбной камере, кроме того, устроена подбойная ниша.

Что же касается катакомб, то здесь вопрос значительно сложнее. Столь же трудно ответить на вопрос о происхождении катакомб племен савроматской и прохоровской культуры. Мне кажется, прав К.Ф. Смирнов, который писал о савроматских катакомбах: "сама идея сооружения подземной камеры со входом могла родиться под влиянием больших грунтовых прямоугольных могил с деревянным перекрытием и специально устроенным входом-дромосом..." того типа, что обнаружена в мечетсайском кургане.

1. Ю.А. Семенов, 1966, стр. 387, 413.

2. Л.Г. Нечаева рассматривает подбой и катакомбы как результат стремления оградить погребенного от засыпания землей (Л.Г. Нечаева, 1961, стр. 154). На мой взгляд, этот фактор играл второстепенную роль.

не. Этот исследователь считает, что катакомбный тип могильного сооружения мог возникнуть у савроматов самостоятельно.¹ В Средней Азии, я думаю, какая-то линия шла от эпохи поздней бронзы. Можно также представить, что в III-II вв., когда происходила выработка подбойного типа могил, те же самые идеологические "запросы" привели к появлению и катакомбных могил, тем более, что их прообразы — подземные и наземные катакомбные камеры сакских усыпальниц были распространены в северной части Средней Азии.

В археологической литературе, в частности, в среднеазиатской, широко распространено мнение о том, что обряд захоронения является наиболее устойчивым признаком, на основании которого мы можем судить об этносе, причем наличие в одном и том же могильнике (или группе могильников) различных обрядов захоронения рассматривается как свидетельство хронологической смены одного обряда другим или же как указание на наличие нескольких этнических групп. На основании таких посылок нередко делаются ответственные исторические выводы. Нам же представляется, что погребальный обряд не имеет того самодовлеющего значения, которое ему часто придается.

Прежде чем перейти к изложению своей точки зрения, определим, что будет пониматься под погребальным обрядом. В археологии значение этого термина значительно уже, чем в этнографии. С точки зрения археолога, погребальный обряд раскрывается в двух компонентах:

1) конструкция погребального сооружения;

2) собственно погребальный обряд, что, прежде всего, включает характер погребения (труположение, кремация и др.), способ помещения останков покойника (ов) (наличие или отсутствие гробов, урн и т.д.), ориентацию, сопровождающий инвентарь и др.

Как показывает практика современных народов, конструкция погребального сооружения отнюдь не является сколько-либо устойчивым признаком, а меняется, в зависимости от местных условий (и традиций) в разных местах расселения одного и того же наро-

да. Возьмем, к примеру, таджиков или узбеков. Если сравнивать двухметровые наземные камеры "сагона" узбеков Карнаба¹ или Коканда² с узбекскими же подземными двухчастными (с подбоем) могилами Самарканда или Ташкента, можно было бы, отвлекаясь от единства этноса и религии, предположить, что они оставлены различными народами. Резкие различия имеются даже в пределах небольших регионов. Так, в Оби-Гармском районе и Кулябской группе районов распространены два (собственно, три типа) могил: 1) могила с ляхадом (подбоем); 2) могила в виде прямоугольной ямы, без боковой ниши - ляхада³. Последняя имеет две разновидности: а) сверху большая прямоугольная яма на глубине 0,35-0,40 м, уступом сужается и спускается вертикально вниз ("яма с заплечиками"); б) яма без уступа. В соседнем Дарвазе стенки могилы (типа 2б) обкладываются камнем, а перекрытие делается из каменных плит.⁴

Все это тем более поразительно, что исповедовавшаяся узбеками и таджиками религия - ислам стремилась к унификации всяких ритуалов.

Можно привести еще один пример. У современных туркмен, живущих в Западной Туркмении, на одном и том же кладбище - могилы с ляхадом и двухъярусные могилы - в виде ямы, в центре дна которой по длинной оси - погребальная щель, которая перекрывается досками, жердями, камнями⁵.

И напротив. Единство погребального обряда, как он проявляется в погребениях афганцев⁶ и персов⁷, с одной стороны, и, скажем, средне-сырдарьинских узбеков, с другой, отнюдь не свидетельствует о единстве их этноса.

Однако и в отношении собственно погребального обряда отнюдь нельзя говорить о полной унификации. Представим, что

1. Я изучал их двадцать лет тому назад, - см. Б.А. Литвинский, 1950, стр.62.

2. Н.С. Дыкошин, 1915, стр. 104.

3. М./Р./ Рахимов, 1953, стр. 120-121.

4. А.К. Писарчик, Смерть, похороны (в печати).

5. С.П. Поляков, 1967, стр. 84-85. См. также Н.Г. Залкинд, С.П. Поляков, 1964, стр.30-33.

6. A. I. M o h a m m e d, 1965, p. 41-42.

7. L. B o g d a n o v, 1932, p. 483-484.

археологи были бы совершенно лишены сведений о мусульманском погребальном обряде и при этом произвели бы массовое вскрытие самаркандских кладбищ позднего средневековья. Они бы при этом столкнулись с наличием по крайней мере двух обрядов погребения: в одних случаях (и их было бы большинство) в могилах не были бы найдены никакие следы одежды, кроме сава-на, в других удалось бы обнаружить следы одеяний. Отсюда мог бы быть сделан вывод о наличии двух этнических групп или какие-то хронологические заключения. На самом деле эти различия объясняются предписаниями, согласно которым человек, погибший насильственной смертью, погребался в своей одежде¹. Хорошо известно наличие разных способов погребения у древних персов.

Различие в способах погребения многократно описывалось для различных народов: от аборигенов Америки до Индии, от Австралии до Сибири. Одна из лучших сводок этнографических материалов по этому вопросу сделана Е. Bendann, к книге которой я и отсылаю. Отмечу лишь, что этнографический материал показывает, что у одного и того же народа, в одно и то же время могут существовать совершенно различные погребальные обряды². Дифференциация при этом может идти по нескольким направлениям и погребальный обряд определяться:

- 1) социальным положением,
- 2) полом,
- 3) возрастом,
- 4) принадлежностью к религиозной группе,
- 5) принадлежностью к клану (роду),

-
1. Сами по себе эти предписания, существующие как мусульманские, на самом деле (и на это до сих пор не обращалось внимания в среднеазиатской этнографии) связаны с распространенным у многих народов делением покойников на 2 категории: 1) умершие в старости обычной смертью; 2) заложники — русский термин, который включает всех покойников, погибших насильственным путем, самоубийцы, люди, умершие преждевременно, а также колдуны и ведьмы. Заложники покойники у многих народов считаются более вредоносными и их погребают по иному обряду. Детальное исследование этого см. Д.Р. Зеленин, 1916, стр.1-305; о способах погребения — стр.52-92.
2. См., например, Г. Шурц. 1923, стр.231.

6) характером и обстоятельствами смерти и т.д.^I

Вполне вероятно, что и в древней Фергане могли параллельно и одновременно иметь место различные способы погребений или конструкций могильных сооружений. Само по себе это отнюдь не может, без привлечения антропологических останков и анализа всей совокупности материалов, быть решающим доводом в пользу существования различных этнических компонентов или хронологического развития.²

I. E. V e n d a n n , 1930, pp.197-224 (сводка не ставит себе целью исчерпать материал, автор показывает лишь основные направления). Много интересных примеров можно извлечь из этнографической литературы. В отношении возрастных различий в обряде захоронения см., например, практику племен Северной Ганы (J. G o o d y , 1959, pp. 135-137). У чукчей стариков убивали и зарывали в землю, умерших же своей смертью сжигали - см. Д.К. З е л е н и н , 1936, стр. 256-257. У австралийцев, обитающих в нижнем течении р.Муррей, было 5 различных вариантов погребения - см. А. Э л ь - к и н , 1952, стр.241.

2. Интереснейшие материалы по этому вопросу, помимо приведенных выше, см. также: A.L. K r o e b e r , Disposal of the dead. - "American Anthropologist", vol. 29, N 3, 1927, pp. 308-315; P.J. U c k o , Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains. - "World archaeology", vol. I, N 2, 1909, pp. 270-276.

4. ДЕРЕВЯННЫЕ ГРОБЫ

Одной из самых характерных черт погребального обряда ферганских подбойно-катакомбных могильников является употребление деревянных гробов и погребальных досок (табл. 131 - 132). Правда, они отмечены далеко не во всех могильниках, а лишь в части их: Ворухском, у Ворухского ущелья, Кехском, Чорку I (редко), Карабулакском, Тураташском (один случай), Карамойнакском, Кайрагачском (один случай), Боркорбазском.

В Карабулакском могильнике найдены досчатые гробы и гробы-колоды. Как пишет Ю.Д. Баруздин, "досчатые гробы изготовлялись из хорошо обработанных досок и имели форму прямоугольного ящика с расширением в головной части. На боковые стенки шли продольные широкие доски, концы которых при помощи шипов вдевались в пазы вертикальных стоек-ножек и для прочности закреплялись деревянными клиньями-гвоздями. Торцовые стенки изготовлялись таким же образом, но из нескольких коротких досок. Дно гроба делалось из одной или двух толстых досок, концы которых входили в пазы боковых и торцовых стенок. Крышкой гроба служили также одна или две доски; в их углах прорубались четырехугольные отверстия для шипов вертикальных стоек. Размеры гробов: длина - от 1,5 до 2,5 м, ширина 40-60 см, высота угловых стоек-ножек до 70 см.

Все колоды изготовлены из комлевой части дерева длиной от 2 до 2,4 м, шириной в основании до 55 см, у вершины - до 30 см, высота, соответственно, 50-20 см ... Боковые стенки в верхней части тонкие. Торцовые, наоборот, толстые и достигают 30 см. Встречались, как исключения, и вставные торцовые стенки".¹

Точно такие же гробы-колоды встречены и в Ворухском могильнике. Один из них имеет длину 273 см, ширину 50-55 см, высоту 35-38 см. Другой (из КВ-5а)-долбленный из ствола, одна треть которого была предварительно снята. Торцовые стены очень толстые (15-17 см), дно и боковые намного тоньше (6-7 см). Длина гроба 2,6 м, максимальная ширина ок. 50 см. Гроб

1. Ю.Д. Баруздин, 1961, стр.57-59.

из КВ-II имел длину 2,58 м, ширину (в ногах) 0,35 м, высоту (снаружи) 22-23 см. Толщина боковой стенки 3-3,5 см, торцо - вой - в 10 раз больше.

Своеобразный гроб - в форме расширяющейся колоды с одной вставной торцовой стенкой, был найден в кургане 26 Ворухско-го могильника (табл. I3I/2). Длина его 2,25 м, ширина 40-52 см, высота 38-40 см. Гроб суживается к ногам. Он выдолблен из целого ствола дерева. Особенности конструкции состоят в том, что узкая торцовая сторона монолитная, высечена из того же ствола, тогда как в головной части (к сожалению, гораздо хуже сохранившейся) торцовая стенка - это выступы, на которых - широкий и глубокий паз (шириной около 4 см, глубиной до 1,5 см). Этот паз проходит и по дну. В нем стоят дощечки, образующие торцовую сторону. Конструкция эта возникла сознательно, скорее всего, как следствие неудачи мастера, в результате которой торцовая стена была выбита. Боковые стенки внутри почти вертикальные, гладкие, снаружи выпуклые. Поэтому толщина стенок колеблется от 1-3 см наверху до 6-7 см в середине. Торцовая же стенка имеет толщину 6-11 см. Гроб был закрыт крышкой, состоящей из двух досок. Некоторые из Карабулакских колод имеют в расширенной части на дне поперечный уступ.¹

Чрезвычайно интересно, что при захоронении употреблялись носилки. Экземпляр, хранящийся в Омском музее, имеет вид двух продольных брусьев (концы их утончаются и скругляются), соединенных шестью поперечными досками, у крайних концы выпущены наружу, у средних - сидят в пазах. При наших раскопках в ЧК-II-4I обнаружена под костяком сложная деревянная конструкция из продольных досок и поперечных палок (удалось проследить 4). Это реальные погребальные носилки или их имитация.

В кургане №2 Боркорбазского могильника гроб (2 х 0,5 м) имел долбленные торцовые части, бока и дно - из тесаных арчевых досок (длина 1,8 м, ширина 0,15-0,20 м, толщина 5-7 см).² В кургане №9 был "гроб из тесаных арчевых досок, заб-

1. Омский областной историко-краеведческий музей, экспозиция.

2. С.С. С о р о к и н , 1961 г. стр. 123.

ранных в пазы четырех угловых стоек. Угловые крепления сделаны очень тщательно: стойки правильных геометрических форм, пазы прорезаны аккуратно, концевые шипы досок укреплены квадратными в сечении деревянными шпонками, забитыми в специально прорезанные квадратные отверстия. Дно гроба также из арчевых досок".¹ В экспозиции Ферганского историко-краеведческого областного музея сохранились несколько кусков деревянных стоек от гробов Баркорбазского могильника. Стойки лучшей сохранности – это отрезок четырехкантного бруса (в сечении ок. 14 x 10 см, при длине свыше 0,5 см – конец обломан), имеет два расположенных на разной высоте взаимноперпендикулярных сквозных отверстия. Одно отверстие прямоугольное – 11,6 x 4 см (на узком торце), другое квадратное – 6 x 6 см (на широком торце), по высоте они отстоят друг от друга на 4 см. Кроме того, есть специальное маленькое отверстие для шпонки (2,5 x 2,5 см). Сохранились куски досок. На одной торце несет следы среза пилой.

В кургане 9 могильника Кайрагач гроб размером 210 x 40 см был изготовлен из массивных и широких плах. По словам Ю.А. Заднепровского, "в продольных плахах сделаны косые пазы. Поперечные плахи соответственно заостряли и затем вгоняли в эти пазы. Гроб был более широким в головах и узким в ногах". Гроб имел дно и крышку.²

В могильнике у Ворухского ущелья (курган 40) встречен сборный гроб. В продольных бортовых досках (длиной 230 см, высотой 30 см) на расстоянии 20 см от концов сделан поперечный косой врез со сквозным отверстием в середине. Торцовые доски имели выступы-шипы, вставлявшиеся в эти отверстия и выступавшие наружу. Они закреплялись с помощью специальных шпонок. Деревянное дно и крышка не были прикреплены к раме (табл. I31/3).

В погребении №6 верхнего могильника в Сымапе гроб в виде несвязанного сруба из тесаных расщепленных бревен. Размеры сруба 220 x 40 x 27 см³. В КВ-3 в гробу помещалось основное, нижнее захоронение. Деревянное гробовище сужалось к но-

1. С.С. Сорокин, 1961 а, стр. 130, табл. XII.

2. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр. 94.

3. А. Пошка, Рукопись.

гам. Длина его 2,00–2,05 м, ширина 0,52–0,30 м. Гробовище устроено следующим образом: дно выстлано древесной корой, по длинным сторонам были поставлены доски, причем юго-западные боковые доски с внешней стороны были прислонены к трем крупным каменным блокам, а противоположные боковые доски – к стенке могильной ямы. Крышку составляли две лежащие рядом доски (общей шириной 32–35 см). Толщина этих досок 4,5–6 см, концы их оформлены в виде массивных, диаметром 12–15 см, шаровидных утолщений. Крышка сверху была покрыта корой. Показательно, что крышка закрывала не все гробовище, северо-восточная часть его оставалась открытой. Стенки гробовища истлели почти полностью, крышка – частично. По-видимому, такой же гроб был и в КВ-5.

В курганах Алая встречаются плетеные гробы-футляры из веток облепихи¹. Имеются деревянные гробы и в могильнике Турасу (центральный Тянь-Шань). В кургане №6 найден изготовленный из целого бревна гроб-колода длиной 240, шириной 70 и высотой 60 см. У него была дощатая крышка.²

В могильниках Таласской долины употреблялись сборные деревянные гробы (табл. I32/2–4). Вертикальные угловые стойки снабжены пазами, в которые вставлены концы продольных и поперечных досок (по две доски с каждой стороны). В продольных досках в свою очередь были пазы для вставления поперечных горизонтальных дощечек дна и крышки. Гроб стоял на довольно высоких ножках. Размеры гроба из Кенкола: длина 190 см, высота ящика 27 см, общая высота 55 см, ширина гроба у головы 66, в ногах – 42 см.³

В могильнике Чунг-Тепе (курган № I8) были найдены остатки деревянного гроба. Четыре угловых вертикальных стойки связаны продольными прогонами в две рамы. Длинные стороны образованы вставленными в пазы этих прогонов короткими вертикальными досками, торцовые – горизонтальными досками. Дно гроба состоит из поперечных реек (закрепленных в специальных

1. А.Н. Бернштам, 1952, стр.193.

2. А.К. Кибиров, 1959б, стр.114, рис.18/1.

3. А.Н. Бернштам, 1940, табл. XXIII; И. Кохом-бердиев, 1963, стр.60.

отверстиях прогонов), на которые были положены доски. Этот ящичный гроб имел низкие ножки.¹

В Кенкольском могильнике, в кургане 10, обнаружено сборное ложе, составленное из трех досок и имеющее по краям борта.² Деревянные гробы отмечены и в Зеравшанской долине. Остатки деревянных гробов были найдены в могильнике у сел. Хазара.³ В погребении II-III вв. в местности Кок-Сенгир (низовья Сыр-Дарья) покойник лежал в "легком гробу из деревянных планок и камыша".⁴

Остановимся на находках деревянных гробов в Восточном Туркестане. В могильнике в районе древнего форта в районе Лоу-Лани, в могиле №1 деревянный гроб состоял из двух поставленных на длинное ребро досок, закрытых сверху ветками тамариска. В другом погребении, наряду с длинными дощатыми стенками, были и короткие - на торцовых сторонах, и крышка, состоящая из семи досок. В одном из погребений торцовые стенки были уже пространства между продольными досками. Гробы часто закрывались сверху воловьими шкурами. Стенки ямы облицовывались тесно поставленными вертикальными досками.⁵

Вообще же гробы в могильниках в области Лоб-Нора были очень различными. Так, в изученном Ф. Бергманом погребении 10 был гроб-колода длиной 2 м. Торцовые стенки - вставные, закрепленные шпонками.⁶ В могильнике 7/А гроб примерно такой же конструкции имел четыре вставные ножки.⁷ В могильнике 5 в погребении 5/А гроб был сборный. Он состоял из двух продольных вогнуто-выпуклых стенок с утолщающимися концами. Этими концами доски соприкасаются, причем в них имеются верти -

1. Н. Я. Нейке, 1918, Св. 23-25, Таб. XII.

2. А. Н. Бернштам, 1940, стр. II, 20-21, табл. XXII. См. также ложе в кургане № 9 (стр. 9).

3. О. В. Обельченко, 1963, стр. 58, 60, 64.

4. С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина, 1963, стр. 52.

5. М. А. Stein, 1928, I, pp. 264-265, fig. 170-173. О гробах из могильника по дороге из Лоу-Лани в Алтмыш-Булак - см. М. А. Stein, 1928, I, p. 276-277. См. также описание могильника Астана - М. А. Stein, 1928, II, p. 642-718.

6. Ф. Бергман, 1939, p. 55, pl. П/С, см. также p. 132.

7. Ф. Бергман, 1939, p. 102-103, fig. 19.

кальные пазы, в которые загнана вертикальная планка-клин, скрепляющая конструкцию. Дно отсутствует.¹ В погребении 5/В того же могильника доски, образующие длинные стенки гроба, были прямыми, на концах – вертикальные пазы, в которые вставлены дощечки, образующие торцы. Длина таких гробов 2,3 м, ширина 42 см, крышка – бычья кожа.² Гробы наиболее совершенной конструкции встречены в могильнике 6. Это ящичные гробы на ножках боркорбазского типа: в пазы угловых стоек-ножек вставлены продольные и поперечные доски. Каждая закреплена двумя шпонками. Крышка состоит из двух продольных досок, соединенных шпонками.³

Наряду с настоящими дощатыми или долбленными гробами в ферганских могильниках находили употребление погребальные доски или дощатые настилы – такова погребальная доска из ВУ-7. Она небрежно, но с двух сторон, обтесана (в частности, каким-то инструментом типа теши с узким – 12–15 мм и слегка выпуклым лезвием). Она подпрямоугольная, суживающаяся к одному из боковых торцов (длина доски 2,15 м, ширина 0,31 м и 0,38 м, толщина 5–6,5 см). Такие погребальные доски известны из КВ-7, ВУ-4, ЧК-I-22 и др., а также в Карабулакском и Боркорбазском могильниках.

Верхнее погребение КВ-3-а покоилось на дощатом настиле. Это три продольные доски (средняя шириной 15 см, две боковые – по 10 см), положенные на некотором расстоянии друг от друга так, что общая ширина настила – 0,46 м. На этом настиле погребение. Нечто в этом роде было устроено и в КВ-6 и КВ-12.

Особняком стоит отмеченный А.Н. Бернштамом для некоторых алайских погребений факт помещения трупов "в плетеных гробах-футлярах из веток облепихи".⁴

В связи с этим следует также рассматривать и наличие деревянных носилок (или конструкции, их имитирующей) в ЧК-I-4I

1. F. Bergman, 1939, p.68-69, fig.12, pl.VI/a. Размеры такого гроба из другого погребения: длина 2,4, ширина 0,4, высота 0,3 м (p.72).
2. F. Bergman, 1939, p.70,72, fig.13 (аналогичные гробы).
3. F. Bergman, 1939, p.III, fig. 26-27.
4. А.Н. Бернштам, 1952, стр.193. Ср. саркофаг из пластин или кусков коры в погребении 19 кургана 12 у с.Политотдельское (К.Ф. Смирнов, 1959, стр.270).

(описание - выше, стр.53), деревянные носилки обнаружены и в погребениях Карабулакского могильника.

Гробы обычно были тщательно закрыты деревянной крышкой. Такого рода крышкам, вероятно, придавалось особо важное значение (в этом отношении показательно устройство гробницы нижнего захоронения КВ-3), поэтому в ряде случаев они выступали как "заменитель" гроба, его символ. Так, в КВ-13 детское погребение было тщательно засыпано землей и на нее, на высоте 20 см над дном, сверху была положена доска. В КВ-49 женский косяк был прикрыт сверху длинной доской. По бокам, вместо длинных стенок гроба - куски коры, короткие куски толстых деревянных обрубков. Скелеты, накрытые деревянной доской, имелись в КВ-64, ВУ-52 и др. В Восточном Туркестане, как отмечалось выше, гробы часто затягивались шкурой или кожей.

После открытия гробов в Кенкольском могильнике и исходя из его ранней датировки, И.В. Синицын высказал мнение, что появление в Поволжье деревянных гробов типа кенкольских связано с передвижением гуннов.¹

В настоящее время эта гипотеза не может быть принята. Здесь существенную роль играют два обстоятельства. Во-первых, изменилась датировка Кенкольского могильника; во-вторых, как сейчас бесспорно установлено, деревянные гробы у сарматов появляются уже на рубеже IY-III вв. до н.э. При этом у них были как долбленные гробы разных форм, с плоскими крышками (в одном случае, на торце вставлена в паз дощечка), так и сборные дощатые.² Это заставляет пересмотреть вопрос в целом. Я вполне вероятно, что на распространение в Средней Азии, на рубеже н.э., обычая захоронения в деревянных гробах оказали большое влияние среднеазиатско-сарматские связи.

Отметим также, что деревянные гробы, появившиеся еще в IY-III вв. до н.э., продолжают существовать у сарматов, как и в Средней Азии, очень длительное время.³

Погребальные носилки в погребениях также находят некоторые историко-этнографические параллели. Х. Есбергенов отмеча-

1. И.В. С и н и ц ы н , 1947, стр.13-14; о н ж е , 1959, стр.202.

2. М.Г. М о ш к о в а , 1963, стр.22.

3. О гробах в сарматских погребениях, помимо вышеуказанных

ет, что у каракалпаков погребальные носилки называются "ага-ат" - "деревянный конь". Он полагает, что это название не встречается у других народов Средней Азии и приводит мнение Т.А. Хданко, что "...это название является пережитком существовавшего у предков каракалпаков обычая погребения с конем"¹.

На самом деле это название зафиксировано и у других среднеазиатских народов. Так, в обрядовых песнях у таджиков погребальные носилки иногда называются "аспи чубин" ("деревянный конь").²

Обычная практика с погребальными носилками у таджиков (в Средней Азии и, как я наблюдал, в Афганистане) состоит в том, что их клали на могилу (где они лежали до новых похорон), зимой же чаще относили в мечеть. Вместе с тем в Дангаре зафиксирован у таджиков обычай изготавливать новые носилки для каждого покойника, причем их оставляли лежать на могиле.³

Не отвергая предложенного Т.А. Хданко объяснения, я хочу отметить, что тут, может быть, следует видеть отражение более общего, ныне уже практически утраченного и сохранившегося лишь в виде самых жалких обрывков, представления о передвижении души покойника в загробный мир на коне. У осетин эти верования сохранились полностью,⁴ пережитки их имеются и в Средней Азии до настоящего времени.⁵

работ, см. также В.А. Городцов, 1905, стр.210; Н.И. Веселовский, 1905, стр.358; И.В. Синицын, 1947, стр.13-14, 89, сл.; И.В. Синицын, 1948, стр.74, 83-84 и др.; К.В. Сальников, 1950, стр.119 и сл.; К.Ф. Смирнов, 1950, стр.103 и др.

1. Х. Эсбергенов, 1963, стр.9, 14.

2. Р. Кодилов, 1963, стр.89.

3. М.Р. Рахимов, 1953, стр.122.

4. Нарты, 1957, стр.262 сл. См. также В./Ф./ Миллер, 1881, I, стр.132-134; он же, 1882, II, стр.294-295; он же, 1882а, стр.203-204; Б.А. Калоев, 1964. Этнография и археология знают реальные случаи захоронения верхом на коне - см. Д.Н. Анучин, 1890, стр.109-112.

5. Б.А. Литвинский, Древние кочевники "Крыши мира" (в печати).

5. МНОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ДРЕВНИИ ФЕРГАНЕ И У СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Для ворухских могильников, а также Карабулакского характера множественность захоронений в одной и той же могиле (ямной, подбойной или катакомбной). Отдельные случаи множественных захоронений встречаются и в других могильниках.

Курган КВ-6 показал следующую картину. Нижний погребенный ("Т"), после того, как ткани распались, был сдвинут, кости его были частично передвинуты к стенкам ямы, частично (ребра, кости рук, позвонки) сложены кучкой около черепа. На его месте был положен головой на восток другой покойник ("В"). Затем, уже без нарушения покойника "В", было произведено новое захоронение — был положен покойник "Б" (ориентация противоположная). И, наконец, над всем этим, на дощатом настиле еще одно погребение. При этом у всех погребенных имелся инвентарь. Характерно, с одной стороны, сохранение обряда: самое нижнее погребение и самое верхнее были произведены на досках. С другой стороны, отношение к первоначальному покойнику было до крайности непочтительное. Наконец, следует отметить следующее. Деревянный настил, имевшийся первоначально, затем был пробит. Более того, при очередном захоронении стали копать неверно, не сразу попали в могильную яму, напрасно углубляясь за ее пределами, затем нащупали ее борт и тогда пошли правильно.

В КВ-3 (ямном) при вторичных захоронениях был разрушен деревянный настил над ямой, возведенный при совершении основного захоронения. О том, что верхние захоронения здесь несомненно являются впускными, особенно ясно свидетельствует среднее захоронение, для которого не нашли необходимым подготовить ровную площадку: горизонтально лежит лишь туловище, ноги же приподняты вверх. Основные находки — при нижнем (в КВ-3 — оно женское) захоронении. Аналогично и в КВ-10, где ноги верхнего захоронения настолько приподняты, что едва не выходили на поверхность.

В КВ-1-а (катакомбном) в самой катакомбе — три яруса захоронений, что было очень нелегко, так как катакомба сравни-

тельно невысокая - всего 0,8 м. Верхние два совершенно разрушены. КВ-3-а - на дне в каменной обкладке - ящичке детский скелет (основным в многоярусном захоронении является детское и в КВ-10), выше - захоронение взрослого. Затем было решено произвести третье (верхнее) захоронение. Часть среднего, к тому времени уже истлевшего, выбросили, остальные кости, в том числе череп, придвинули к одной из стен. Затем положили ноги. Устроили дощатый настил и на нем похоронили с сопровождающим инвентарем мужчину.

КВ-18 - погребение в деревянном долбленном гробу, на дне его вытянутый на спине скелет. Над ним - еще один скелет, помещенный в тот же гроб. Затем гроб был закрыт крышкой. И уже на нее, несколько под углом к гробу, был помещен третий по - койник, череп которого, когда крышка гроба сгнила, также попал в гроб.

КВ-24 дал шесть погребений. Верхнее ориентировано на восток - мужчина зрело-старческого возраста. Несколько ниже старческий скелет - головой на север. На дне - деревянный гроб. В нем - скелет, ориентированный на северо-запад старческого возраста (пол неизвестен). Рядом с гробом скелет женщины зрелого возраста и части еще двух скелетов. Шесть разновременных на разных уровнях захоронений и в КВ-9. А в КВ-28 семь (!) скелетов плохой сохранности. Нижний ярус представлен погребениями старика и ребенка.

Верхние захоронения иногда производились непосредственно под насыпью. Так, КВ-1 помимо мужского захоронения в подбое, под насыпью - женское захоронение с младенцем. Непосредственно под насыпью верхнее захоронение и в КВ-60.

Что касается взаимной ориентации скелетов в могилах с множественными захоронениями, она часто бывает полярно-противоположной. Бывают, однако, разновременные захоронения и с одинаковой ориентацией. КВ-26 - основное захоронение, головой на Ю-В, было сдвинуто и повернуто на левый бок, лицом к стене - с тем, чтобы установить гроб (такая же картина - КВ-69). В гробу, также головой на Ю-В, лежали 4 скелета. Можно считать, что после первичного захоронения в гробу прошло много времени, связки распались, затем с более короткими промежутками были произведены следующие захоронения. Кроме того, еще одно захо-

ронение — между гробом и стенкой ямы. Также (с одинаковой ориентацией) было, по-видимому, и КВ-43. ВУ-57 — на дне ямы, один над другим, два одинаково ориентированных (на С-3) скелета. Нижний — женский юношеского возраста, верхний определить не удалось. Поза у обоих вытянутая на спине. ВУ-50 на дне ямы, один над другим два одинаково ориентированных женских скелета. Нижний вытянутый, верхний в позе всадника с новорожденным младенцем.

Как явствует из вышеприведенных описаний, могилы с множественными захоронениями свидетельствуют, в большинстве случаев, о двух- и многократных погребениях в одну и ту же могильную яму. Последующие захоронения совершались через различные промежутки времени — иногда очень длительные, порой же — сравнительно короткие. Так, при помещении верхнего захоронения, нижнее в КВ-64 было сдвинуто, нога была вывернута из тазобедренного сустава и отведена к туловищу. Некоторые анатомические детали свидетельствуют о том, что это было сделано, когда связки еще были целы. Оба захоронения старческие, нижний скелет мужской, верхний — женский.

Об иной практике свидетельствует курган II8 Хангизского могильника. В северо-западном углу подбоя лежали сложенные в кучу кости человеческого скелета, рядом с ним найден мелкий бисер. Основную часть подбоя занимало позднейшее захоронение,¹ произведенное явно после того, как мягкие ткани истлели.

В Карабулакском могильнике также имеются множественные захоронения. Так, в кургане I06 (ямное захоронение) 4 костяка, ориентированные на юг. Все они (или часть их) лежали на деревянных досках. Захоронения здесь, несомненно, разновременные.² Вместе с тем, здесь имеются и парные захоронения на одном уровне. В кургане 62 в широком подбое, головой на юг, два костяка на арчевых досках. Не исключено, что это одновременные захоронения.³ Два костяка и на дне подбойного

1. Н.Г. Горбунова и Б.З. Гамбург, 1957, стр. 35.

2. Ю.Д. Баруздин, 1961, стр. 47-48, рис.6.

3. Ю.Д. Баруздин, 1961, стр. 45-46, рис.4.

кургана 22 Тураташского могильника.¹ В первом погребении Ширинсайского могильника в просторной яме (подбой или катакомба) рядом два женских костяка, один из которых скорченный. Этот скорченный костяк частично перекрыт третьим — мужским. Ориентация у всех костяков южная.² В кургане 27 Хангизского могильника в катакомбе два рядом лежащие костяка, причем нога и отведенная рука одного из костяков лежат на другом.³ Напротив, два лежащих рядом и одинаково ориентированных (на север) костяка из кургана №5 Карамайнакского могильника никак не соприкасаются. Они производят впечатление одновременно погребенных,⁴ как и погребения в кургане 19 Ташкурганского могильника.⁵ И в ворухских могильниках, наряду с ярусными множественными захоронениями, в нескольких случаях мы сталкиваемся с парными захоронениями на одном уровне. Такое захоронение было совершено в КВ-12. Два погребения на одном уровне известно и в ЧК-1-20, который подробно описан в соответствующем разделе. Отметим лишь, что здесь нет никаких признаков сдвижения первого, у внутренней стенки подбойной ниши лежащего скелета. Именно для того, чтобы поместить оба скелета, второй был расположен несколько ниже, так, что его голова приходится на уровне локтя первого (здесь подбой расширяется). По-видимому, в отличие от Карабулака и Кара-Майнака это все же разновременные захоронения. Оба погребения — мужские (один под вопросом), зрелого возраста.

Итак, в некоторых ферганских могильниках мы сталкиваемся с фактом многократного захоронения в одну и ту же могильную яму. В этом отношении ферганские подбойно-катакомбные погребения продолжают традицию, существовавшую еще в сакское время на Памире⁶ и в Фергане.⁷ Следует отметить, что в Средней Азии эта традиция сохранилась до наших дней в погребальном обряде таджиков и узбеков.

1. Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр.30.

2. В.Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 333-335, рис.2.

3. Н.А. Горбунова и Б.З. Гамбург, 1957, стр. 34, рис.1/2.

4. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр.107, рис.65.

5. В.И. Козенкова, 1966, стр. 215.

6. Б.А. Литвинский, Древние кочевники "Крыши мира" (в печати).

7. Н.Г. Горбунова, 1962, стр.97.

В Хуфе могилы делаются в виде продолговатых ям, без ляхада, со стенками, облицованными камнями. Определенной ориентации для ям не существует. Сверху они перекрываются плоскими камнями, на которых насыпается земля в виде небольшого намогильного холмика, который по краям обкладывается невысокой стенкой из двух рядов камней. "Бывает, — пишет М.С. Андреев, — что вместо того, чтобы копать и устраивать каждый раз свежую могилу, пользуются иногда для погребения старой. Делается это зимой, когда могилу в условиях Хуфа большей частью рыть не возможно. Тогда даже наиболее почтенных покойников хоронят в старых могилах. Для этого открывают входное отверстие. В той могиле, на которую пал выбор, забравшийся туда старик отодвигает кости прежнего покойника в сторону и освобождает место для нового обитателя. Характерно при этом, что хоронить мужчину, кладя его в могилу, где раньше была похоронена женщина, или наоборот, согласно обычаю, безусловно недопустимо..."¹

В Язгулеме, где могильные ямы имеют определенную ориентацию, ляхад также не делается, стенки ям, как и в Хуфе, облицовываются камнем.²

В Дарвазе, по сведениям М.Р. Рахимова, устройство могильной ямы было таким же, как в Хуфе и Язгулеме. Здесь было широко распространено последовательное захоронение в одной могиле 2-3 покойников, причем кости захороненного раньше перекладывали в сторону, а на их место клали нового покойника. В некоторых местах Дарваза существуют могилы, предназначенные для коллективного захоронения, где род или семья хоронят до 30-40 покойников (при одновременном захоронении в такую могилу помещается 5-6 покойников), имеются отдельные могилы для мужчин, женщин, мальчиков.³

Множественные захоронения в одну и ту же могилу не являются особенностью Памира. В Кастакозе (близ Ленинабада) "для каждого покойника новой могилы обычно не роют, а захоранивают в одну могилу последовательно несколько человек, независимо от пола покойника... Раньше в новые могилы, и то по

1. М.С. Андреев, 1953, I, стр.189-190.

2. М.С. Андреев, 1953, I, стр.200.

3. М.Р. Рахимов, 1956а, стр.69-70.

особому завещанию, хоронили только богатых людей. Последовательные погребения в одной могиле производят обычно по прошествии одного-двух лет, самым близким сроком считается шесть месяцев". Известны случаи погребения в одну могилу 13 человек.¹ По собранным мною в 1947 г. сведениям, в Кокандском районе наряду с обычными могилами с ляхаком имеются и наземные могильные сооружения в виде сводчатой кирпичной постройки, которые называются сагона. В них производится последовательное захоронение родственников (одного пола).² Такие наземные сводчатые могильные сооружения (выложенные по типу ложного свода, высотой до 2,5 и длиной до 3 м) были мною зафиксированы в 1946 г. в Карнабе (в районе Зиялдина),³ причем во многих из них можно было видеть остатки многократного захоронения. Как мне рассказывали там старики, в одну сагону можно класть покойников одного пола. На кладбище в Карнабе стоят как одиночные сооружения, так и спаренные и строенные. Все это семейные усыпальницы (табл. 130).

Г.П. Снесарев в Хорезме зафиксировал аналогичные наземные камеры, а также другие, выстроенные из жженого кирпича. Последние воспроизводили форму порталного мавзолея, но не имели входа. В тех и других производились наземные множественные захоронения. Для них были также предназначены наземные "дома мертвых", описанные для Пангаза и Хорезма (о них см. ниже, стр. 207-209).⁴

-
1. Н.Н. Ершов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерев, С.П. Русайткина, 1954, стр. 192 и прим. I на стр. 192.
 2. Сообщение жителей Коканда Р. Рахимова и М. Кадырова 29/УШ-1947 г.
 3. Б.А. Литвинский, 1950, стр. 62. О распространении таких сагона в местностях с высоким стоянием грунтовых вод см. Н.С. Лыкошин, 1915, стр. 104. Но это объяснение, которое дает местное население, не является исчерпывающим. Этнографы отмечают, что, скажем, в Хорезме, иногда в сырых местах господствуют могилы-ямы, тогда как в сухих возвышенных местах — наземное захоронение в склепах. В отдельных районах Хорезма "...захоронение умершего над поверхностью земли считается обязательным и почетным". Г.П. Снесарев не без основания связывает это с переживаниями зороастрийских воззрений — Г.П. Снесарев, 1960, стр. 69-70.
 4. Г.П. Снесарев, 1960, стр. 67-71.

Таким образом, в Средней Азии до наших дней, несмотря на приход совершенно иной религии — ислама, сохранились переживания, связанные с погребальными обрядами домусульманских времен. Характерно, что множественные захоронения в одной могиле кое-где (Дарваз и др.) производились не по семейному, а по родовому принципу. Кастакозские множественные захоронения сохранили еще одну архаическую черту, противоречащую распространенным мусульманским обычаям, а именно, погребение в одной и той же могиле мужчин и женщин. Существенно, наконец, и то, что при погребении родственников не считалось "засорным" отодвигать труп или кости предшествующих захоронений".

Что же касается немногочисленных одновременных коллективных захоронений, они находят аналогию в сарматском ритуале, где К.Ф. Смирнов считает их семейными и допускает в ряде случаев возможность ритуального умерщвления одного из погребенных взрослых членов семьи или детей.¹

1. К.Ф. Смирнов, 1959, стр.313-319.

6. ЗАПОЛНЕНИЕ МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ И ОГРАЖДЕНИЕ ПОКОИНИКА

Могильная яма, как правило, засыпалась. Деревянное перекрытие во многих случаях имело скорее символическое, чем рабочее назначение. В заполнениях могильной ямы можно выделить несколько вариантов: 1) засыпка тем же материалом, что получен при копании ямы; 2) добавка в засыпь камней и галек; 3) закладка входа в подбой или катакомбу крупными камнями; 4) закладка нижней трети или половины могильной ямы крупными камнями; 5) закладка всей могильной ямы крупными камнями; 6) забивка камнем верхней части могильной ямы; 7) забивка камнем всей могильной ямы с выступанием каменной забивки выше устья ямы; 8) закладка подбоя или катакомбы (или части их) сырцовым кирпичом; 9) устройство кирпичной стенки у входа в подбой или катакомбу; 10) загородка в виде плетня или вертикально стоящие жерди.

Первые 6 вариантов заполнения могильной ямы очень широко распространены как в Ферганской долине, так и за ее пределами. При описании могильников соответствующие сведения нами частично уже приводились. Добавим лишь, что забивка крупным камнем всей могильной ямы подбойных и катакомбных захоронений (вариант №5), характерная, в частности, для ЧК-I и С-П, превращается порой в настоящую каменную кладку. В яму аккуратно укладываются крупные камни размером до 40 x 30 x 10-15 см и 50 x 20 x 15 см (чаще 30 x 20 x 15 см), причем в некоторых случаях, (например, С-П-3, С-П-19) ровные ряды уложенных камней чередуются с прослойками щебня и лёсса. ВУ-I имеет впускную яму, сверху донизу забитую крупным камнем. Камни были плотно уложены, иногда даже подогнаны друг к другу, кое-где, для плотности, присыпка земли.

В Карабулакском могильнике входы в подбой или катакомбу закладывались плотно пригнанными друг к другу каменными плитами или большими камнями. Выше также шли крупные камни.^I В Боркорбазском могильнике на дно подбоя укладывались платья два слоя каменных плит, вход же в подбой закрывался тремя плитами, поставленными на ребро (к. №2) или же вход в ката-

И. Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 57-58.

комбу закрывает одна большая каменная плита, опирающаяся на край свода и на другую плиту, поставленную вертикально на дно камеры (к. I5). Иногда вход в камеру ограждали поставленными на ребро камнями (к. №19). Сверху все это засыпалось крупными камнями¹. В кургане №3 могильника Джангаил вход в катакомбу забутован камнем, выше идет заполнение камнем с землей².

Характерной особенностью могильных сооружений С-II является то, что могильные ямы не просто забивались (или закладывались) камнем до уровня древней поверхности, но и то, что эта каменная забивка продолжалась и выше, выступая над дневной поверхностью. Эта, наземная часть, имеет трапециевидную или овальную форму, редко — почти треугольную, соответствуя, в общем, очертаниям устья могильной ямы (вариант?). Приведем несколько примеров такого рода заполнения. Так, С-II/I над устьем могильной ямы продолжалась выкладка камней на высоту 50 см (при высоте насыпи 83 см). Камни уложены в три ряда, часть из них 30 x 25 см, самые крупные 55 x 40 см. С-II/2 — подбой, то же самое, но поднимается на высоту 75 см. Над поверхностью выкладка несколько больше по размерам, чем устье (овал выкладки 1,8 x 3 м). С-II/3 — два ряда каменной кладки на высоту 50 см (размеры камней в среднем 20 x 25 x 10 см). С-II/7 — детское захоронение в подбое, ориентировано на юг. Особенность: забивка входной ямы щебнем с камнем, но есть, вместе с тем, каменная выкладка на поверхности, в т.ч. один крупный камень в центре 35 x 25 см; другой 25 x 20 см. То же самое — в женском катакомбном захоронении С-II/8.

Наземная часть каменной выкладки в таких случаях явля-

1. С.С. С о р о к и н , 1961а, стр. 118-139. В некоторых алайских подбоях ниша также отделялась от ямы поставленными на ребро каменными плитами — С.С. С о р о к и н , 1956, стр. 110. В кургане 102 могильника Аламышик вход в подбой закрыт вертикально стоящими каменными плитами — А.Н. Б е р н ш т а м , 1952, стр. 84, рис. 46. В Кенкольском могильнике вход в катакомбу закрывался одной или несколькими плитами (А.Н. Б е р н ш т а м , 1940, стр. 14).

2. Ю.Д. Б а р у з д и н , рукопись, о.г.

лась своего рода "ядром", вокруг и над которым формировалась насыпь.¹

В могильнике Калантар-хона и Чильгазы многие курганы имеют кирпичную закладку или кирпичные стенки, ограждающие вход в подбойную нишу или катакомбу.

В НК-15 - катакомбное захоронение. Дромос на всю свою длину был сложен кирпичом. В НК-7 верхний уровень закладки повышался в сторону катакомбы. Закладка в целом носила нерегулярный характер. Она целиком закрывает всю нишу катакомбы и уходит в глубину дромоса на 0,8 м. В верхней части дромоса, над закладкой, заполнение из крупных камней. В НК-20 - кирпичная закладка всего дромоса, вплоть до катакомбы, но отступающая на 0,5 м от противоположного торца, заложена и одна ступенька - всего семь рядов на высоту ок. 0,75 м. Первоначально кладка была горизонтальной, но она "поползла" в катакомбу и сейчас резко наклонилась.

НК-3 - кирпичная закладка на 30 см возвышается над устьем могильной ямы, здесь это беспорядочное нагромождение кирпичей, ниже - аккуратная кладка. НК-13 (подбойное захоронение), на уровне 1,5 м от нуля - кирпичи и камни в беспорядке заполняют весь дромос. Ниже, на уровне 2,10 м - стенка у подбоя. То же самое дает НК-11, в котором на глубине 1 м по всей площади катакомбы - слой из крупных камней и кирпича. Между кирпичами - обломки алебастровой штукатурки, содранной и положенной вместе с кирпичами. Ниже - регулярная закладка кирпичами входа в катакомбу. НК-14 - катакомба. На глубине 1 м от поверхности завал из кирпича в той части катакомбы, что примыкает к дромосу. После расчистки выяснилось, что уступ - спуск в катакомбу состоял из кирпичной кладки, причем было положено пять-шесть кирпичей горизонтально, а в щель между этой кладкой и грунтовым уступом вставлены кирпичи вертикально. Кроме того, имелся один (два?) ряда кладки и по плоскости катакомбы. Промежутки между кирпичами были забиты мелкой галькой. На

1. Именно поэтому мы не можем включить сюда те случаи, когда каменная забивка составляла верхнюю часть заполнения ямы, своего рода каменную "пробку", но не выступала на поверхность (например, ЧК-1/9) - это другой вариант заполнения - №6.

верхний кирпич ставились наклонные кирпичные плитки, опиравшиеся на них и на стенку и закрывавшие щель в катакомбу.

Стенки следуют линии подбоя, приобретая в результате очертания овала. Иногда они отступают на 20–25 см от подбоя (или катакомбы), так в НК-16 и НК-17. В НК-5 (подбой) длина такой стенки 2,5 м. Она целиком ограждает вход в подбойную нишу. По торцам стены – по крупному камню. Кирпичные стенки были в могильнике Чильгазы. Особенно четко кирпичная стенка отделяет подбой в к. I (возможно, здесь это не кирпич, а правильные гувальки).

Как уже указывалось, кирпичная закладка или стенка нижней части могильной ямы обычно сочетается с засыпкой камня в верхней части ямы (см. также НК-4, НК-8, НК-16 и др.). Еще более показательна засыпь могильной ямы, состоящая из кирпича и камня (напр., НК-10), – здесь кирпич выступает в совершенно не свойственной ему роли не стенового материала, а заполнителя. Следует особо подчеркнуть, что хотя изредка наблюдается перевязка, например, в катакомбе НК-21, где закладка состояла из 8 горизонтальных рядов, ни в одном случае не зарегистрирована кладка на растворе. Это лишь имитация стенок, а не обычная кирпичная кладка.

Приведем размеры кирпича в разных курганах могильника Калантар-хона (размеры – в см).

НК-1	– 62 x 40 x 8	НК-13	– 45 x 30 x 10
НК-3	– 45 x 35 x 12		45 x 25 x 10
	40 x 30 x 10		35 x 30 x 10
	38 x 38 x 10		35 x 30 x 8
	30 x 30 x 10	НК-14	– 47 x 31 x 7
			46 x 32 x 10
НК-5	– 50 x 32 x 10		46 x 31 x 10
	40 x 34 x 9		46 x 30 x 10
	40 x 32 x 10		45 x 33 x 8
	39 x 35 x 9		45 x 30 x 10
			44 x 30 x 10
НК-7	– 43 x 32 x 10		42 x 27 x 10
	40 x 30 x 8		
	38 x 28 x 7,5	НК-20	– 45 x 25 x 10

НК-10- 45 x 30 x 10

НК-19 -50 x 27 x 8

49 x 25 x 7

НК-11 -45 x 30 x 10

48 x 25 x 6

НК-12 -55 x 35 x 10

НК-21 -31 x 25 x 10

40 x 30 x 8

30 x 20 x 8

Анализ приведенного выше материала показывает значительную вариабельность размеров кирпичей как по всему могильнику, так и, что более удивительно, по отдельным курганам. По-видимому, это можно объяснить лишь тем, что кирпич рассматривался как своеобразный "заменитель" камня и для погребальных целей изготовлялся специально, причем на однообразие формата обращалось очень мало внимания — важен был лишь сам факт помещения в могилу сырцовых кирпичей, кстати, иногда вперемежку с камнем. Находки кусков алебастровой штукатурки в НК-11 может говорить о разрушении для этой цели какой-то уже существовавшей постройки. Однако на самих кирпичах следов раствора, как правило, нет. Следовательно, их размеры должны как-то отражать существовавший в тот или иной период размер обычного строительного кирпича, тем более, что для изготовителей погребального кирпича калантарханинских курганов это было достаточно хорошо известное дело: они, как и всякие строители, применяли для этого не просто глину, а глину с саманом.

Несмотря на разноформатность, можно говорить о том, что лишь кирпичи из НК-19 отражают столь обычный для VI-VIII вв. модуль 1:2. В остальных случаях, если исключить квадратные, кирпич чаще всего отражает модуль 2:3 (при абсолютных размерах от 38 x 28 x 7,5 до 50 x 32 x 10 м). Близкий по размерам кирпич известен из раскопок на Калаи-Боло (в замурованной стене) и для некоторых других памятников района, причем он может быть датирован III-V или IV-V вв. н.э.¹

Погребения с сырцовым кирпичом встречаются и в других могильниках, в частности, Карабельском (крупные камни и фрагменты сырцового кирпича).²

1. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, 1955, стр. 83, 144.

2. Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр. 63.

В могильнике Тура-Таш 12 курганов (из 42 раскопанных)¹ имеют закладку входа в подбой или катакомбу сырцовым кирпичом и еще в трех вход закрыт "кирпичом и камнем", "камнем и гувальяком", "гуваляком". Таким образом, почти 40% всех погребений имели закладку входа с применением кирпича и гувальяка. Что касается размеров кирпича, то они следующие:

- к.21 - 50 x 30 x 60 см
- к.24 - "различных размеров",
- к.27 - 50 x 30 x 12 см,
35 x 23 x 10 см,
35 x 21 x 10 см,
- к.29 - 60 x 40 x 12 см.

В Кайрагачском могильнике, в одном из 10 раскопанных курганов, вход в катакомбу заложен сырцовым кирпичом. "Кирпич прямоугольной формы, размером 45 x 22 - 24 x 8-9 см, уложен в пять рядов на растворе. С боков выкладка ограничена кирпичами, поставленными на ребро. С левой стороны положена плоская галька".²

Необходимо отметить, что кирпичная или гувальячная закладка не является специфической особенностью ферганских погребальных сооружений - она встречается и в других районах.

Так, во Бревском могильнике вход в некоторые катакомбы был заложен глиняными комьями - гувальяками на глиняном растворе,³ то же самое - в Пскентском могильнике,⁴ где также встречаются заградительные стенки из сырцового кирпича.⁵ В Тойтибунском могильнике вход в могильную камеру был заложен комьями глины - гувальяками.⁶ Аналогичной является закладка в курганах Тямбугузского могильника.⁷

-
1. Д.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр.29, 31, 34, 36.
 2. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр.94, рис. 48/2.
 3. Т.А. Гзамходжаев, 1961, стр. 221-233.
 4. А.А. Потапов, 1930 (рукопись), л.21.
 5. А.А. Потапов, 1938 (рукопись), л.16.
 6. М.Е. Массон, 1939, стр.113; М.Е. Массон, 1951, рис.5.
 7. Т.А. Гзамходжаев, 1966, стр.6.

Закладка сырцовым кирпичом отмечена для нескольких могильников Зеравшанской долины. Так, вход в катакомбу кургана №2 Лявандакского могильника был заложен девятью рядами положенного без раствора сырцового кирпича 60 x 30 x 9 см.¹ В курганах Кутмазарского могильника вход в катакомбу также заложен кирпичом. Так, в кургане №1 — это 4 ряда кусков сырцового кирпича (один из них имеет размеры 52 x 30 x 10 см), на них куски гипса. В кургане №3 — 7 рядов кирпича (46 x 37 x 10 см) без раствора, сверху куски гипса.² В могильнике Акджар-тепе вход в катакомбу кургана №1 заложен 6 рядами сырцового кирпича 40 x 40 x 10 см.³ В кургане №1 закладка из сырцового кирпича (без раствора) занимала половину дромоса (кирпич 47 x 33 x 8 и с разными короткими сторонами 47 x 38 — 25 x 8 см). В подбойных курганах №2 и 3 также кирпичная закладка (44 x 19 — 29 x 8 см, 34 x 28 x 8, 30 x 25 x 9 см).⁴ В кургане 2 Сазаганского могильника вход в катакомбу заложен пятью рядами сырцового кирпича (38 x 38 x 12 см). Высота кладки 0,6 м, ширина 0,6 м. Кирпичом также закладывались катакомбы курганов около г. Катта-Курган.⁵

В Южной Туркмении, в кургане №3 у Хас-Кяриза, вход в катакомбу заложен 9 рядами сырцового кирпича (38-41 x 38-41 x 11-12 см). Это настоящая оградительная стенка.⁶ В восточно-туркестанском могильнике Астана вход из дромоса в камеру был закрыт грубой кирпичной кладкой.⁷

Закладка входа в подбой кирпичом в мусульманских могилах известна в средневековых мусульманских погребениях и дожила в Средней Азии до современности.⁸

Особо подчеркнем также и то значение, которое имеет факт применения сырцового кирпича в ферганских погребальных соору-

-
1. О.В. Обельченко, 1961, стр.106, 120.
 2. О.В. Обельченко, 1957, стр.109-110.
 3. О.В. Обельченко, 1962, стр.58, 62.
 4. О.В. Обельченко, 1963, стр.58, 60-61.
 5. О.В. Обельченко, 1966, стр.69, 76.

6. А.А. Марущенко, 1959, стр.113, табл.IV.

7. М.А. Стеин, 1928, II, pp. 642-718.

8. Н.И. Крашенинникова, 1966, стр.30, см. также В. Наливкин и М. Наливкина, 1886, стр.234.

жениях для выяснения образа жизни населения, оставившего эти могильники. Я уже писал, что Калантар-хона вообще является памятником переходивших к оседлости или уже осевших кочевых племен, сохранивших в погребальном обряде кочевнические традиции.¹

Что касается варианта 12, то вертикально стоящие жерди или плетень, отделяющие подбой или катакомбу от могильной ямы, отмечены в Карабулакском могильнике. Там, в кургане 51 вход в подбой закрыт девятью вертикальными жердями с плетнем. В кургане №12 подбой отделен вертикальными бревнышками, промежутки между которыми заложены смежными плитами. Сюда же можно отнести отделение подбоя от ямы деревянными носилками.²

Жерди и камни закрывали вход в катакомбы Карабельского могильника.³ В раскопанных А.Н. Бернштамом подбоях в Алайской долине также встречалось отделение подбойных ниш от ям с помощью деревянных жердей.⁴ В кургане 25 могильника Джангаил вход в катакомбу огражден 3 бревнышками.⁵ В Лявандакском могильнике применялась закладка гипсом, галькой и камышом, а в одном кургане — лишь камышом⁶; в Кую-Мазарском — вход в подбой закрывался камышовыми фашинами.⁷

Сопоставим эту практику с закладкой входа в подбой в сарматских погребениях. Уже в савроматское время входы в подбой и катакомбы закрывались хворостом, кольями, березовыми кругляшами или каменными плитами.⁸ В прохоровское время для этой цели служат поставленные вертикально или положенные продольно доски или жерди, а также ветки и камни.⁹ У сармат II в. до н.э. — I в. н.э. входы в подбой загораживались обычно камышом, хворостом, досками или травой.¹⁰ Так, в Сусловском могильнике это перегородки из "вертикально поставленных частых до-

1. Б.А. Литвинский, 1959б, стр.85.

2. Ю.Д. Баруздин, 1956, стр.58; он же, 1957а, стр.17, 20; он же, 1961, стр.49.

3. Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр.62-63.

4. А.Н. Бернштам, 1952, стр.193; С.С. Сорокин, 1956, стр.110.

5. Ю.Д. Баруздин, б.г. (рукопись).

6. О.В. Обельченко, 1961, стр.123-124.

7. О.В. Обельченко, 1956, стр.213, 218.

8. К.Ф. Смирнов, 1964, стр.83.

9. М.Г. Мошкова, 1963, стр.20.

10. М.П. Абрамова, 1959, стр.55.

сок в виде изгороди или же горизонтально уложенных досок, укрепленных двумя кольями по краям входа".¹ В позднесарматских погребениях также встречается закладка входа в подбой деревянными плахами, поставленными вертикально² и т.д.

Таким образом, характер господствующей закладки в области сарматской культуры — дерево, тогда как в Средней Азии — камень, кирпич и лишь изредка — дерево.

1. П./С./ Рыков, 1925, стр.6.

2. И.В. С и н и ц ы н, 1954, стр.230.

7. ПОЗА ПОГРЕБЕННОГО

Наиболее обычной позой в ферганских подбойно-катакомбных курганах является вытянутое на спине захоронение, с руками, вытянутыми вдоль корпуса и прямыми вытянутыми ногами. Однако эта поза не была канонической. Довольно часто кисть одной или обеих рук — подведены под таз или же кисть одной или обеих рук над тазом. Так, в КВ-75 (захоронение в гробу) вытянутое на спине юношеское погребение. Правая рука вытянута вдоль тела, левая полусогнута в локте, кисть в положении супинации покоится в области таза. В КВ-1а (нижнее погребение) кисть левой руки под тазом, правой — над тазом. Полная аналогия — Карабулак, к.5.¹ То же самое и в КВ-2а, точнее, здесь левая кисть рядом с тазом. Иной вариант — КВ-4, где правая рука прижата к корпусу, левая — отведена. В КВ-64 у верхнего погребения левая рука резко согнута в локте, предплечье в области живота поперек туловища (в Ширинсайском могильнике также зафиксирована такая поза, но с согнутой правой рукой и вытянутой левой). У нижнего костяка того же кургана левая рука вытянута, правая полусогнута в локте, кисть подведена под таз (характерно, что разница во времени между этими погребениями незначительна). НУ-4 — женское, вытянутое на спине погребение, обе кисти — в области лобка. Точно в такой же позе костяк в кургане № 17 Карабулакского могильника,² № 8, 10, 15 Тураташского могильника,³ в курганах № 9, 22 и 33 Кайрагачского могильника.⁴ Более редкий случай, когда кисти рук сложены в нижней части груди (Ширинсайский могильник, погребение № 2).⁵

Довольно часто скелет следует изгибу стенки могильной ямы. Так, ЧК-1-14 — захоронение в обычной позе на спине, обе руки слегка отведены, полусогнуты в локтях и подведены кистями под таз, но весь скелет в целом несколько изогнут вдоль зад-

1. Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 44, рис. 22.

2. Ю. Д. Баруздин, 1957а, стр. 18, 20, рис. 2.

3. Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 15, рис. 3.

4. Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 92, рис. 48, 53.

5. В. Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 336, рис. 5/1.

ней стенки подбойной ниши. В детском погребении ЧК-I-IO руки и ноги раскинуты.

В некоторых могильниках наблюдается трупоположение не прямо на спине, а несколько на левом боку (НУ-I, НУ-3, НУ-5 - подбой). Так, в НУ-3 мужчина зрелого возраста, вся правая половина скелета лежит выше левой. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая - лежала сверху на корпусе, кисть в области таза. В НУ-5 - также на левом боку, обе кисти - области таза, ноги полусогнуты в коленях. Вероятно, это погребение можно рассматривать как имитацию скорченного.

Известно некоторое количество скорченных погребений. Так, в КВ-82 - женский костяк на левом боку, лицом вниз. Сохранность плохая, но совершенно ясно, что это скорченное погребение с подогнутыми ногами. С-II-52 - скорченное погребение в катакомбе на правом боку. В КВ-70 в гробу, головой на северо-запад, женское погребение. Женщина лежала на левом боку, левая нога полусогнута в колене, правая согнута сильно. Скорченные на правом или левом боку погребения известны также в Карабулакском могильнике.¹ Одно такое погребение встречено в Тураташском могильнике, к.36 (сильная скорченность на правом боку)², Хангизском могильнике (курган 4) - на левом боку³, в Кайрагачском (курган 8) - на левом боку, с руками, согнутыми в локтях так, что кисти перед лицом. В другом случае в том же могильнике (курган 18) - скорченность на левом боку с вытянутыми руками.

Однако больше всего скорченных (преимущественно на левом боку) погребений дал Ширинсайский могильник, где 7 бесспорных случаев скорченных захоронений и 2 - вероятных.⁴ Это составляет (в общей сумме) свыше трети всех погребений.⁵

-
1. Ю.Д. Баруздин, 1956, стр.58-59; он же, 1961, стр.47,49, рис.5
 2. Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр.40, рис.9.
 3. Н.А. Горбунова и Б.З. Гамбург, 1957, стр.33, рис.1/1.
 4. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр.93, рис.47/3, 50/3.
 5. Подсчитано по публикации В.Ф. Гайдукевича - В.Ф. Гайдукович, 1952, стр.333-344.

Другой вариант — это скорченные на спине погребения. В ЧК-П-I7 левая рука согнута в локте и положена поперек живота. Ноги в коленях резко согнуты. То же самое — ЧК-П-II. В Ширинсайском могильнике также имеется скорченное на спине погребение (к.26).¹

Скорченные погребения встречаются и в сарматских могильниках², хотя сравнительно редко.³

Встречаются и погребения в "позе всадника". Таково, например, погребение КУ-44: руки разведены и полусогнуты в локтях, ноги раздвинуты и полусогнуты в коленях. Иногда это женские погребения, например, в КУ-50 в такой позе молодая женщина с новорожденным младенцем. В такой позе хоронили и детей: ребенок (возраст до 5-6 лет) из С-П-55 лежал на спине в ка-такомбе. Руки вдоль корпуса, ноги раздвинуты, согнуты в коленях, стопы сведены вместе. Чаще поза, которую можно называть "полувсаднической", когда отведена и согнута в колене лишь одна нога. Среди погребений в "полувсаднической" позе есть и женские (С-П-58, ЧК-П-I3 и др.), и мужские (ЧК-П-I6 и др.). В КВ-3 из трех погребений лишь верхнее (женское) в позе всадника. Такие погребения известны также в Карабулакском могильнике.⁴ Тураташский могильник дал 4 погребения в позе всадника.⁵ В Хангизском могильнике (курган 27) ноги в щиколотках не сведены, а широко раздвинуты.⁶

За пределами Ферганы погребения в такой позе встречаются в могильниках Ташкентского оазиса,⁷ Зеравшанской долины, в могильниках низовьев Кафирнигана, причем везде эти погребения немногочисленны.

Такого рода погребения явились предметом специального

1. В.Ф. Г а й д у к а в и ч, 1952, стр.344.

2. К.Ф. С м и р н о в, 1947, стр.78.

3. И.В. С и н и ц ы н, 1956, стр.28. Для У-УП вв. для Кавказа см. Д.М. А т а в, 1963, стр.47-48.

4. Ю.Д. Б а р у з д и н, 1961, стр.49.

5. Ю.Д. Б а р у з д и н, Г.А. Б р ы к и н а, 1962, стр.9, 24-25, 36, 39.

6. Н.Г. Г о р б у н о в а и Б.З. Г а м б у р г, 1957, стр.34, рис.1/2.

7. Г.В. Г р и г о р ь е в, 1948, стр.55-56, рис.22; М.Э. В о р о н а ц, 1951, стр.56.

рассмотрения О.В. Обельченко. Из составленного им обзора точек зрения вытекает, что часть исследователей считает такое ромбовидное положение ног результатом того, что у покойников, похороненных в могилу с согнутыми ногами, обращенными коленями вверх, затем ноги распались в разные стороны. Такую позу часто называли "позой всадника". Вместе с тем, в литературе высказывалось мнение (М.И. Артамонов), что такое положение ног у женских костяков символизирует супружеские отношения. Соглашаясь с этим, в отношении мужских костяков О.В. Обельченко исходит из того, что в очень низких нишах раскопанных им могильников поставить ноги коленями вертикально вверх было нельзя из-за недостатка места. Приведя некоторые данные о погребениях на коне, он приходит к заключению, что эта поза имела назначение символически изобразить передвижение на коне — наследие более ранних захоронений с конем или предметами конского снаряжения.¹

Такое объяснение является во многом заманчивым. Его можно было бы подкрепить указанием на осетинские представления, связанные с путешествием покойника в загробный мир верхом на коне и т.д. (см. выше, стр. 80-81). Смущает, однако, то, что имеются и "полувсаднические" погребения и некоторые другие факты, которые вводят погребения в позе всадника в группу скорченных погребений.

В двух погребениях Ширинсайского могильника (№2 и 13) покойников клали на спину, но ноги их были согнуты в коленном суставе и поставлены в приподнятом вверх положении.² В этом отношении интересна катакомба №5 на Ташкентском канале. В ней было 3 погребения на спине, как пишет А.И. Тереножкин, у второго погребения "ноги слегка согнуты в коленях и сведены на левый бок", у третьего — "ноги со слегка раскинутыми в стороны коленями". Что же касается первого, прижатого к стенке камеры, то левые конечности у него вытянуты, а "правая нога согнута в колене".³ Мне кажется, что можно представить такую картину: у второго и третьего покойников ноги были подог-

1. О.В. Обельченко, 1956, стр. 52-54.

2. В.Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 336, 341, 348.

3. А.И. Тереножкин, 1948а (рукопись), стр. 225-226.

нуты, но в одном случае упали на одну сторону, в другом — в разные стороны.

Здесь можно представить три варианта: 1) колени касались друг друга (так было в Ширинсее); 2) колени были раздвинуты, а ступни сведены (и м.б. связаны); 3) то же, что № 2, но ступни отстоят друг от друга на значительном расстоянии. При распаде связок легко могла образоваться так называемая "поза всадника", однако она (если принять это объяснение) была вторичной, посмертной. Исходной же являлась поза с согнутыми и обращенными вверх коленями — один из вариантов скорченности.

Фактов для окончательного решения вопроса о причинах появления погребений в "позе всадника" пока еще недостаточно, но я скорее склонен принять ту точку зрения, которая считает эту позу вторичной, посмертной.

Во многих могильниках имеются отдельные захоронения с перекрещенными ногами. Так, в КВ-2-а женское погребение с перекрещенными стопами, иногда при этом ноги в коленях не — сколько разведены (КВ-79). При этом иногда ноги лежат и перекрещиваются симметрично или же несимметрично (напр., КВ-93). В ЧК-1-8 вытянутое на спине захоронение. Правая рука несколько отведена в сторону. Правая нога согнута в колене и подведена под левую так, что они перекрещивались в области шиколоток. В И-42 левая нога вытянута, правая полусогнута так, что она перекрещивается в области лодыжек. Точно такая же поза — в исферином кургане, раскопанном в 1936 г.

Среди погребений со скрещенными ногами, наряду с мужскими (С-П-1, НК-2 и др.) и женскими погребениями, есть и детские. В С-П-15 — детское вытянутое на спине погребение, у которого ноги перекрещены в коленях. Погребения с перекрещенными ногами встречены также в могильнике Кех (Кех-4), Карабулакском,¹ Хангизском (к.4)², Карамойнакском (к.5),³ Караджарском.⁴

Поза с перекрещенными ногами известна как в сарматских

1. Ю.Д. Баруздин, 1961, стр.49.

2. Н.Г. Горбунова и Б.З. Гамбург, 1957, стр. 33, рис.1/1.

3. Ю.А. Заднепровский, 1960, рис.65.

4. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр.112.

захоронениях резных районов¹, так и в аланских². При этом в одном из сарматско-аланских захоронений (У-УП вв.) Западного Казахстана, раскопанных И.В. Синицыным, ноги были не только перекрещены ниже колен, но и связаны.³ Как пишет С.А. Плетнева о могильниках салтово-маяцкой культуры "довольно часто при связывании ноги лежащих на спине покойников скрещивали в голених, поэтому в тех случаях, когда веревочка не сохранилась, а ноги скрещены, мы можем уверенно говорить о том, что они были связаны".⁴ Эти наблюдения мы можем с полным основанием распространить на ферганские погребения.

-
1. Н.В. Анфимов, 1951а, стр.170, 192; И.В. Синицын, 1952, стр.71; К.Ф. Смирнов, 1952, стр.89; К.Ф. Смирнов, 1952а, стр.13 и др.
 2. Е.П. Алексеева, 1955, стр.77, прим.3; Д.М. Атаев, 1963, стр.47-48; С.А. Плетнева, 1967, стр.78
 3. И.В. Синицын, 1952, стр.71. Датировка - И.В. Синицын, 1956а, стр.96.
 4. С.А. Плетнева, 1967, прим. 14, на стр.78.

8. "ОГРАДИТЕЛЬНЫЕ" МЕРОПРИЯТИЯ И СОЗДАНИЕ КОМФОРТА ДЛЯ ПОКОЙНИКА В ФЕРГАНСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

В свое время В.В. Гольмстен для эпохи первобытного общества высказала взгляд, что скорченное положение покойников — результат связывания покойника, с целью обезвредить его.¹ Недавно С.А. Плетнева (вслед за С.В. Киселевым) высказала предположение, что "...древний обряд "скорченности", возникший еще при родовом строе, в классовом обществе приобрел новый смысл, стал символом "подневольности".² Отрицать такую возможность, действительно, нельзя. Но, с другой стороны, пока нет и сколько-либо реальных доказательств, что именно так и было. Напротив, обширный историко-этнографический материал свидетельствует о том, что страх перед покойниками приводил к связыванию покойников и в высокоразвитых классовых обществах — достаточно вспомнить Египет, и оставаясь одной из существенных черт погребальной обрядности большинства народов вплоть до современности. В трудах этнографов и историков культуры тысячи страниц посвящены описанию страха перед покойниками и различных мер, к которым прибегают, дабы не допустить его появления "на этом свете". Одной из таких мер было связывание. "Тасманийцы перед погребением связывали трупы по рукам и ногам, чтобы пресечь всякую попытку с их стороны освободиться".³ Австралийцы ... "труп чем-нибудь придавливают или связывают, или передавливают ему ноги, чтобы он не мог ходить".⁴ У австралийского племени Diegi (Центральная Австралия) крепкой бечевкой связывают вместе большие пальцы ног и, заведя руки за спину, — большие пальцы рук. Делают это столь тщательно, что даже сильный здоровый мужчина не смог бы освободиться от этих пут. В ответ на вопрос наблюдавшего этот обычай англичанина австралийцы ответили, что это делается в качестве предосторожно-

1. В.В. Гольмстен, 1935.

2. С.А. Плетнева, 1967, стр.76.

3. Ю. Липс, 1954, стр.386.

4. А. Элькин, 1952, стр.229.

сти, чтобы умерший не вздумал "бродить". Аналогичный обычай связывания больших пальцев рук и ног существует у бирманцев - Taughtu, причем они объясняют это точно так же, как австралийцы. И древние индусы связывали ноги своих покойников, чтобы они не возвратились в страну живых и не досаждали им. Иногда применялись сложные способы связывания. Так, у австралийцев практиковался способ, при котором вскоре после смерти над трупом мужчины проводились следующие операции: ноги стигались, колени подводились к шее и крепко привязывались к ней, пятки придавливались к бедрам, руки вытягивались вдоль тела и крепко привязывались к нему. Некоторые племена еще связывают вместе большие пальцы рук. Труп приобретает в результате форму шара. Объяснение: добиться, чтобы мертвый не имел возможности бродить по свету.

Особое внимание уделялось при этом ногам. Так, у племен Восточной Австралии ноги вообще разбивали деревянной колотушкой - "чтобы покойник не мог бродить по ночам".¹

Я выбрал из огромного количества исторических и этнографических фактов лишь несколько, которые объясняют погребальную практику древних ферганцев (и памирцев). Скорченность - это поза, обусловленная связыванием покойника. То же самое следует сказать о переkreщенных ногах и, возможно, о "позе всадника". Полное господство скорченности у саков Памира связано с этим верованием. В первые века н.э. скорченность и другие случаи связывания не являются доминирующими. Дело здесь очевидно, в том, что связывали лишь наиболее "злокозненных" покойников (такая практика известна у тех же австралийцев), для "обычных" покойников считалось достаточным помещение в могилу с забивкой входа в нее.

Показательно, что переживания практики связывания покойников сохранились до современности в Средней Азии: у горных таджиков, как сообщают А.К. Писарчик и М.Р. Рахимов, покойнику связывали вместе большие пальцы ног.

В некоторых курганах Карабулакского могильника лица по-

1. J.G. Frazer, 1934, II, pp.64-66. В некоторых погребениях памятников энеолита в Декане у скелетов отсутствуют кости стопы (А.Я. Щегенко, 1968, стр.69) - не связано ли это с характеризуемым кругом верований?

гребенных были закрыты шелковыми шарфами.¹ В женском погребении кургана №9 Кенкольского могильника голова и лицо были плотно обвязаны двумя повязками.² Подобно этому в восточно-туркестанском могильнике Астана (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.) лицо покойника постоянно было покрыто овальным или круглым куском многоцветной ткани. А. Стейн отмечает, что во всех случаях эти лицевые покрывала вырезаны из ткани с узором "сасанидского" (т.е., очевидно, среднеазиатского) типа и, по его мнению, "западного" происхождения.³

Я думаю, этот обычай связан со стремлением "ослепить" покойника, дабы он не смог найти путь в мир живых – обычай в разных областях доживший до современности.⁴

Исследуя ферганские подбойно-катакомбные захоронения, мы постоянно наблюдаем исключительно большую заботу о создании максимально-комфортабельных условий для погребенного. С этой целью его ложе устраивалось с большой тщательностью. Так, в большинстве погребений в Исфаринском районе костяк клался не прямо на грунт, а на камышовую циновку или подстилку – этот обычай сохранился, например, у узбеков и таджиков Зеравшанской долины⁵ до современности. В других случаях мы встречаемся с ложем из деревянной доски, дощатым настилом или деревянным гробом. В Карабулакском могильнике голова покойника часто лежала на "подушке" из веток арчи или соломы.⁶

Покойника при погребении одевали и, особенно если это была покойница, украшали. Выше (стр. 24) уже рассказывалось о том, сколь богато была украшена покойница из KB-51. Еще больше украшений в богатых погребениях Карабулакского могильника.

Сопровождающий инвентарь должен был обеспечить покойни-

1. Ю.Д. Баруздин, 1956, стр.58; он же, 1957, стр.97.

2. А.Н. Бернштам, 1940, стр.9.

3. М.А. Стейн, 1928, II, р.670; 1928, III, р.1XXX.

4. У таджиков, как и множества других народов, лицо покойника закрывают марлей – см. М. Рахимов, 1953, стр.III. Общая характеристика этого обычая – В. Харузина, 1909, стр.388-389.

5. М.М. Вирский, 1879, стр.147.

6. Ю.Д. Баруздин, 1961, стр.49.

ку "безбедное" существование в загробном мире. Для охоты (и войны?) должны были служить луки, стрелы, кинжалы, мечи. Одним из наиболее частых предметов, входящих в состав погребального инвентаря, являются ножи всех типов, — и это естественно, учитывая большую роль, какую играли эти предметы в домашнем быту. Шилья и иглы, пряслица и серпы — все это должно было служить покойнику на "том свете". И, разумеется, керамика. Почти в каждом погребении есть глиняные сосуды: от единственного до большого набора их. Наряду с керамическими ставились также деревянные сосуды, а также деревянные столики разных типов. Очень часто клались украшения и туалетные принадлежности: от I-2 бус до целых низок их, а также разнообразные металлические украшения, косметические наборы, гребни, зеркала. Для того, чтобы покойник легче мог их "захватить" с собой, мелкие предметы часто укладывались в плетеные корзинки. Так, в КВ-2а в плетеной корзинке, стоявшей у головы погребенной, находились треногий столик, кости барана (передняя нога, лопатка и астрагал), плохо сохранившиеся железные предметы с деревянной рукоятью (ножи?), грецкий орех. Все это было прикрыто столиком, лежавшим ножками вверх. В КВ-II — в ногах погребенной, внутри гроба — плетеная корзинка ("лукошко"), в которой три кувшинчика, деревянный гребень и деревянный столик (?). Здесь же, на груди, с правой стороны, мешочек, в котором бронзовое зеркало, стерженек для сурьмления и металлический нож. КУ-5 — женское захоронение. Одна плетеная корзинка у головы (в ней глиняный и деревянный сосуды и гребень), другая у ног (там деревянная чаша и кувшинчик (?), косточки миндаля и непонятное деревянное острие).

Карабулак, к.5I — женское захоронение. На крышке гроба — плетеная корзинка с костями барана, грецкими орехами, веточками ягод и косточками миндаля, другая — с четырьмя миниатюрными сосудами и гребешком. Карабулак, к.5 — накрытая деревянным столиком плетеная корзинка, в ней миниатюрный глиняный сосуд, деревянное блюдо, кости барана и фрагменты ножа. В к.62 — в плетеной корзинке деревянный гребень, один глиняный и 2 деревянных сосуда.¹

Обычно принято считать, что клались те вещи, которые были необходимы душе покойного в загробном мире. Это, безусловно, правильное объяснение, однако оно не исчерпывает всего круга верований. Вторая линия, или, скорее, пласт верований, состоит в том, что у большинства народов мира распространена в силу страха перед мертвецами и смертью, вера в необходимость избегать или запрет пользоваться имуществом покойного, которое ломалось, сжигалось (включая жилище) или помещалось вместе с умершим в могилу, ибо считалось, что в противном случае он будет посещать и терроризировать живых.¹ Иногда, чтобы задобрить душу покойника, с ним клались и подарки от его родственников. Существенно, что в некоторых случаях клалось и имущество жены — так, ирокезы разбивают на могиле кухонную утварь жены покойного.²

О многих переживаниях этого круга представлений в современных верованиях народов Средней Азии мы узнаем из этнографических публикаций. Вероятно, в древности населения Ферганы и Памира имело какие-то аналогичные верования.

Китайская хроника Бей-ши и последующие хроники сообщают для времени, синхронного с нашими могильниками, об обычае во владении Ши (Ташкент) ежегодно выставлять золотую урну с пеплом сожженных костей покойников — родителей владельца. Во время церемонии обхода рассыпались "пахучие цветы и разные плоды. Владелец с вельможами поставляет жертвенное/мясо/".³ У е-да-эфталитов, согласно хронике Бей-ши (=Вей-шу) "вместе с покойником кладут в могилу вещи, ношенные им" — так по переводу Н.Я. Бичурина.⁴ Современный японский синолог К. Еноки переводит это место несколько иначе: "The articles of everyday use are buried with the dead", т.е. "предметы/служившие/ для повседневного употребления, погребаются вместе с покойником".⁵ Этот нюанс перевода не меняет смысла.

Как правильно отметил М.Э. Воронец, "несомненно, что иногда простейшие бытовые предметы, сопровождающие захороне-

1. См., например, J.G. Frazer, 1934, II, pp.113-138.

2. J.G. Frazer, 1934, II, p.134.

3. Н.Я. Бичурин, 1950, II, стр.272-273, 282.

4. Н.Я. Бичурин, 1950, II, стр.269.

5. К. Еноки, 1959, p.49.

ние, оказываются теснейшим образом связанными с культовыми представлениями".¹ Двойственность функций многих предметов погребального инвентаря бесспорна: они должны были служить покойнику по своему прямому назначению и вместе с тем нередко несли определенную культовую нагрузку. Особенно наглядно это видно на зеркалах, магические и иные культовые функции которых исследованы мною в уже опубликованной работе ("Зеркало в верованиях древних ферганцев").² Именно потому некоторые предметы, например, те же зеркала или ножи,³ перед помещением в могилу преднамеренно ломались. Помещение в Куруксае, к.6 в женское погребение именно нижнего жернова не случайно — у многих народов нижний жернов олицетворял женщину, тогда как верхний — мужчину.⁴

Все это образует целый круг особых верований, на которых я останавливался в связи с изучением представлений, связанных с зеркалом.⁵

Обычай помещения в могилу погребального инвентаря под влиянием мусульманских установлений в центральных областях Средней Азии в XIX в. исчез почти полностью. Однако в средние века с погребенными мусульманами иногда клались различные предметы. Примером может служить захоронение X—XII вв., обна-

1. М.Э. Воронец, 1954, стр.74.

2. Б.А. Литвинский, 1964а.

3. Ю.Д. Баруздин, 1957а, стр.25-26.

4. В том числе у памирцев и равнинных таджиков — М.С. Андреев, 1958, стр.91. Впрочем, возможны, конечно, и другие объяснения. Один из героев нартского эпоса, Созырко, попав в загробный мир,

"...видел сам, как женщина другая
Лежала молча; жернова над ней.
Но не муку, а пыль лишь от камней
Выбрасывала мельница большая".

Обитатели подземного царства объясняют ему смысл этого:

"А это вот что, милый, означает:
Всю жизнь свою она была воровкой,
Муку чужую воровала ловко.
Вот здесь и платит долг она примерно
И на груди тяжелый держит жернов".

/Нарты, 1957, стр.265/. У алан и осетин существовал обычай установки жернова на могиле или внутри ее — см. Б.А. Калоев, 1967, стр.202.

5. Б.А. Литвинский, 1964а.

руженное в 1957 г. при строительных работах в Аште. Здесь с покойником положили семь сфероконических сосудов.¹

У казахов в начале XIX в. иногда, по сведениям А. Левшина, вместе с покойником зарывали "оружие, конскую сбрую и уборы умершего", а также принадлежавшую мертвому посуду.²

У узбеков Ташкента при зарытии послета, которое является имитацией захоронения новорожденного, в 20-х гг. клали с ним астрагал (если родился мальчик) или куклу (если родилась девочка). В Бухаре с последом закапывали четыре зерна или два астрагала.³ Мне приходилось детально анализировать обычный погребения послета. Помещение зерен и астрагалов я рассматривал как магическое средство, способствующее росту новорожденного.⁴ Возможно, в этом обычае также следует видеть и переживание практики захоронений с вещами.

С погребенными очень часто клалась пища. Обычно это кости барана или козы, помещенные прямо на грудь, в ноги или у головы покойника. Иногда это задняя часть животного. Так, например, в ЧК-I-8 у левого плеча погребенного задняя половина барана (таз, бедренная часть). Здесь же располагались сосуды и деревянные столики. Так, в С-II-25 в ногах, под деревянным столиком, — кости животного, на столике — какой-то железный предмет — нож (?); в С-II-5 у черепа опрокинутая черноангобированная чаша, под ней и рядом — бараньи кости. В Карабельском могильнике клали с погребенным череп барана.⁵ Хочу в этой связи привести удивительный факт: у ребенка IO-II лет, погребенного в С-II-3I, в кисть левой руки была вложена баранья кость.

1. Т.П. К и я т к и н а , 1959, стр.182. Примеры такого рода можно было бы умножить. Отметим, что они известны и для Ирана. В мусульманских захоронениях в Тали-Бакун А и Б были сделаны различные находки: стеклянные браслеты, монеты, бусы из стекла и пасты, фрагмент камня с надписью XVI в., бронзовые кольца, глазурованный сосуд с полихромным орнаментом и т.д. — см. E. F. S c h m i d t , 1957, II, p.121.
2. А. Л е в ш и н , 1832, стр.III и примечание на стр.II3.
3. А.Л. Т р о и ц к а я , 1927, стр.352; А.Л. Т р о и ц к а я , 1935, стр.II6, № 6.
4. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1958а, стр.33 (здесь же литература вопроса).
5. В.Д. Б а р у з д и н , Г.А. Б р ы к и н а , 1962, стр.62-63 (это имело и магическое значение — см. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1968а).

Мясо животного клалось, как указывалось выше, и в деревянные корзины. Можно привести еще много аналогичных фактов. Так, в С-П-39 в головах погребенного две корзинки, в одной из которых кости барана, в другой - два миниатюрных сосуда. В С-П-16 корзина с костями животных - в ногах погребенного. В Карабулаке, к.62 - плетеная корзина с костями в головах покойника.¹ Порой мясо клалось на деревянное блюдо. Так, в НК-1 в ногах продолговатое деревянное блюдо с костями животных.

В некоторых случаях в могилы помещались сосуды с жидкой мясной пищей. Так, в катакомбе С-П-8 в одном из сосудов, прикрытом чашей, лежали кости животного. Судя по следам на стенках, в сосуд при погребении была налита пища примерно до половины высоты.

В погребальных обрядах современных народов Средней Азии сохранились представления о необходимости снабжения покойника пищей. Традиционные поминки с обильным угощением участников, по мнению казахов, были необходимы, в частности, потому, что "часть приготовленной пищи шла на утоление голода умершего".²

Таджики Каратегина раньше считали, что поминальное угощение на третий день после смерти предназначено для духа умершего.³ По верованиям карлуков необходимо перед праздниками жарить божурсок, посвящая его духам умерших родителей - они приходят, почуяв запах.⁴

Еще более четким было осмысление поминального комплекса как связанного с кормлением покойников у осетин. "Осетин считал своей священной обязанностью справлять поминки, на которые смотрел как на кормление мертвых. Отсутствие поминок, в понятиях осетин, якобы, обрекало предков на вечный голод на том свете, а это было самым тяжким, по их мнению, преступлением. Осетинская поговорка гласит: "Кому устраивают больше поминок, тот живет лучше на том свете". Упрек в том, что

1. Ю.Д. Баруздин, 1961, стр.46, рис.4.

2. В.В. Востров, 1959, стр.57. См. также Ч.Ч. Валиханов, 1961, стр.472. Характерно, что у казахов, даже если в силу каких-то причин хоронили покойника на второй или третий день после смерти, то поминки устраивали все равно в первый день - см. А.М. Балаубаева - Голыховская, 1928, стр.29.

3. А.К. Писарчик, Смерть, похороны (в печати).

4. К. Шаниязов, 1964, стр.153.

"мертвые твои голодают", был самой тяжелой обидой и влек за собой кровную месть."¹

У шуганцев, рушанцев, хуфцев сразу после похорон производилось очищение дома, в котором жил покойник. "Существенной частью очищения дома является "очищение котла"...Для этого в нем варят немного пищи, которую потом выливают в какое-нибудь чистое место". При этом обычно варили в котле петуха.² А.К. Писарчик, как она мне сообщила, пришлось наблюдать этот обычай и у равнинных таджиков, но там все это лимитировано не одним днем, а тремя.

Мне кажется, что этот обычай был включен в очистительный комплекс в связи с запретом (связанным с мусульманством) помещать пищу в могилу. Пищу продолжали класть, но уже не в могилу, а на "чистое место". Вместе с тем, в Хуфе по праздникам родственники приносят и оставляют на могиле еду.³

Мы располагаем прямым свидетельством Бируни о распространении в домусульманских Средней Азии и Иране обычая "кормить духов" умерших. Бируни сообщает: "В последние пять дней /месяца/ Испендермаджи и в пять дней, которые за ними следуют, хорезмийцы делают то же, что делают жители Фарса в дни Фарвердфджана — они кладут в наусы пищу для духов умерших".⁴ Согдийцы в конце одного из месяцев "...плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как делают персы в Фарвердфджане."⁵

Наиболее подробным является описание относительно персов. В соответствующие пять дней "...люди ставили кушанья в наусы мертвецов, а напитки на крыши домов. Они утверждали, будто души умерших выходят в эти дни из места награды и наказания, приходят и всасывают силу кушаний и впитывают их

1. Б.А. К а л о е в , 1967, стр.203.

2. А.К. П и с а р ч и к — см.М.С. А н д р е е в , 1953, стр.198. Это вариант обычая, существующего у южных славян и шотландцев оставлять на месте, где умер покойник, стакан с водой и горшочек с мукой, так как душа в первые дни может вернуться домой — Н. Х а р у з и н а , 1909, стр.417.

3. М.С. А н д р е е в , 1953, стр.189.

4. Б и р у н и , 1957, стр.258.

5. Б и р у н и , 1957, стр.255.

вкус. /Домохозяйства/ окуривают свои дома девясилом, чтобы мертвые могли насладиться его запахом. Утверждают также, что души мертвых посещают своих жен, детей и близких и участвуют в их делах, хотя /люди/ их не видят".¹

В горных районах Таджикистана в старое время дети устраивали старикам-родителям поминки заранее, до их смерти, причем это считалось проявлением сыновнего почтения.² Этот, на первый взгляд странный, обычай находит, на мой взгляд, объяснение в другом сообщении этнографов: "В к. Пильдон некоторые старые люди устраивали себе поминки "ошу об" при жизни сами, но не принимая участия в трапезе. Считалось, что такие поминки обладают наибольшей благодатью".³

Именно последнее и разъясняет, я считаю, смысл этого обычая, восходящего к тому времени, когда пищу в могилу класть уже не разрешалось; поэтому кормление старика - будущего покойника приобретало символическое значение, заменяя реальное помещение пищи в могилу.

У разных народов Средней Азии отказ от помещения в могилу пищи произошел одновременно. Этнографам удалось еще зафиксировать рассказы, что у киргизов "в далеком прошлом в могилу богатого покойника клали зарезанного барана, а у бедных ставили горшок с приготовленным из ячменя напитком".⁴ С этим кругом верований связан также обычай помещать на могилу разнообразную посуду. Туркмены считали, что "...покойнику необходимо "на том свете" иметь свою посуду".⁵

В ферганских погребениях часто встречаются монеты. Перечислим некоторые из этих случаев (тип монет не указываем, т.к. он в данном случае не существен). В КВ-51 найдена монета. В погребении № I Ширинсайского могильника имеется монета, причем обнаружена она под черепом, возле рта.⁶ В катакомбных захоронениях, обнаруженных при проведении БФК, найдены обломки "мелких медных монет с квадратным отверстием".⁷

1. Б и р у н и, 1957, стр.236.

2. М. Р а х и м о в, 1953, стр.125.

3. А.К. П и с а р ч и к, Смерть, похороны (в печати).

4. С.М. А б р а м з о н, 1946, стр.52.

5. С.П. П о л я к о в, 1967, стр.89.

6. В.Ф. Г а й д у к е в и ч, 1952, стр.334.

7. М.Е. М а с с о н, 1940, стр.53. Т.Р. Оболюева сообщает

Известны находки таких монет в могильнике Кокташ¹, кургане 24 Гурмиронского могильника и в другом кургане, раскопанном в 1958 г. Ю.Г. Чулановым.² В кургане 102 Аламышикского могильника найдена монета.³

Известны находки монет в ферганских курумах: Ашт-2 и Ашт-8, Кара-сай-2, Долона-2, Чарчана-сай-16, Ниязбек-42,⁴ Сарыкул-сай-8,⁵ курум в Чадаке из раскопок Н.И. Веселовского.⁶ В куруме у с.Араб были найдены две монеты.⁷ Вообще же в среднеазиатских могильниках монеты встречаются неоднократно. Так, в Южном Таджикистане монеты найдены в погребениях Туп-Хоны,⁸ в могильниках Бешкентского района,⁹ в погребении в Джулисайском могильнике,¹⁰ в раскопанных О.В. Обельченко могильниках Зеравшанской долины, в могильнике Шаушукум и т.д. Иногда в погребения клались имитации монет или же, как это было в Душанбинском некрополе, — золотые кружки.¹¹

Обычай этот был широко распространен также в Восточном Туркестане и Китае.¹² Так, погребения в могильнике в районе Лоу-Лани¹³ — две монеты типа у-шу; в могильнике Астана¹⁴ в

в рукописном отчете о находке в Кайнаватском могильнике 2 обломков "бронзовых монет с квадратными отверстиями" — Т.Г. Оболдуева, рукопись II (в печатном отчете об этом не говорится); по-видимому, это те самые монеты, о которых пишет М.Е. Массон.

1. Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962, стр.62, прим. I.
2. А.Н. Бернштам (рукопись), л.29; Ю.Г. Чуланов, 1967, стр.248 и фонды Наманганского музея.
3. А.Н. Бернштам, 1952, стр.84.
4. Е.Д. Салтовская, 1960, стр.92.
5. М.Э. Воронец, 1954, стр.76.
6. ОАК за 1882-1888 годы, 1891, стр. LXVII; Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, СА-13840.
7. Ю.Г. Чуланов, 1967, стр.245.
8. М.М. Дьяконов, 1953, стр.171 и след.
9. А.М. Мандельштам, 1966, стр.138 и след.
10. Наши раскопки.
11. Э. Гулямова, 1958, стр.31; Б.А. Литвинский, Э. Гулямова и Г.И. Зеймаль, 1953, стр.137-139. Сводка находок монет в оссуарных захоронениях — см. В.Н. Ягодин, Т.К. Ходжайов, 1970, стр.144-145.
12. См. об этом А.М. Беленицкий, 1958а, стр.6-7.
13. Их описание — М.А. Stein, 1928, I, pp.224-259.
14. О нем см. М.А. Stein, 1928, II, pp.642-718, о монетах — p.646, 670-671.

четырёх случаях в рот покойника были положены монеты или их имитации (одна серебряная сасанидская монета и три золотых имитации византийских монет).

В ханьское время в гробницах встречаются монеты.¹ Монеты типа "у-шу" в китайских погребениях встречаются во всяком случае с эпохи Ст.Хань,² по-видимому, с начала ее.³ В гробницах ханьского времени в Корее также встречаются монеты у-шу.⁴ При этом монеты у-шу с рельефной горизонтальной линией над центральным квадратным отверстием чеканились с 61 до 58 г. до н.э.⁵ В цзиньских, суйских и танских погребениях монеты находятся во рту у погребенного или зажаты у него в руке.⁶ Хуан Вен-пи сообщает об открытии в 1928 г. в гробнице в Караходжа, относящейся, вероятно, к танскому периоду, медной и серебряной монет во рту погребенного. Серебряная монета, по-видимому, чеканена при халифе Муавии (661-680 гг. н.э.). Вообще, в древнем Китае был обычай помещать гемму или какую-либо драгоценность в рот трупа⁷ или в руки.⁸

В связи с монетами, входящими в состав погребального инвентаря, обычно вспоминают греческий обычай вкладывания

-
1. См., напр., Археологический отряд, 1959, стр.84; Музей пров. Гуйчжоу, 1959, стр.103; Shen Chung Ch'ang, 1959, p.126.
 2. Музей пров. Гуйчжоу, 1959, рис.1-4 на стр.101; R.C. Raddolph, 1960, 1961, p.47.
 3. Археологический отряд, 1959а, стр.72.
 4. Т. Кауamoto, 1962, p.120-121.
 5. Т. Кауamoto, 1962, p.121.
 6. Археологический отряд, 1959б, стр.107.
 7. Vang, Lien-aheng, 1955, pp.151-152. См. также - E.H. Schafer, 1963, p.257.
 8. E. Laufer, 1909, pp.317-318. По китайским верованиям, как сообщает Де Гроот, положение монеты в рот покойнику связано с тем, что монета является "оберотом" - она защитит тело покойника от разложения. Приводя это место из работы Де Гроота (нам недоступной), А. Стейн вместе с тем рассказывает, что Шаванн извлек из китайской "Трипитаки" буддийскую историю, согласно которой покойнику должен класться в рот кусок золота, которым умерший одаряет добрых духов царя Великой Горы - A. Stein, 1928, II, pp.646, 670-671.

монеты в рот мертвецу для того, чтобы он мог оплатить Харону переправу через Стикс (Страбон, VIII, 6, 12).¹ Но дело в том, что такого рода верования и обычаи были распространены чрезвычайно широко.

Так, у племени Khasis в Ассаме кладут монету в гроб для того, чтобы "дух покойника имел средства, чтобы купить пищу во время путешествия". Lolos вкладывают монеты и рис в рот трупа для того, чтобы снабдить его пищей и средствами для его последнего путешествия. У одного индийского племени Центральной Америки каждому ребенку, вскоре после рождения, привешивают мешочек с зернами, которые должны послужить платой за перевоз через реку, отделяющую этот мир от потустороннего, если он умрет в молодости. В Бирме в рот покойнику кладут кусок золота или серебра — "плату за перевоз" через мистическую реку.² Вообще же идея, что положенная в рот трупа монета будет служить платой за перевоз, известна также в Италии, Малой Азии, Германии, современной Греции, Бирме и т.д., а вообще же монета кладется в могилу еще во многих других странах. Этот обычай отмечен и в некоторых местностях Украины и России. Фрезер связывает этот обычай с верой в существование "водного барьера", отгораживающего мир живых от мира мертвых. Вместе с тем, он указывает, что первоначальным обычаем могло быть помещение в рот покойника какой-то пищи, место которой впоследствии заняли деньги, на которые покойник мог купить себе пищу.³

В Кастакозе в старое время при выносе покойника со двора носилки обсыпали мелкими деньгами. Как пишут этнографы, былой смысл обсыпания покойника деньгами был совершенно забыт и обряд этот производился чисто традиционно. Описавшие этот случай исследователи высказали предположение, что он, быть

1. Об эволюции этих верований в греческом мире — см. А.М. Ми ро н о в, 1895.

2. J.G. F r a z e r, 1933, I, pp.193-194.

3. J.G. F r a z e r, 1931, pp.19-20. См. также Д.Н. А н у - ч и н, 1890, стр.102-104; К.Т. П р е у с с, 1930, s.5, 30; В.С. Р у с к л е, 1926, p.51-52.

может, восходит к домусульманским похоронным обрядам,¹ но не конкретизировали, к каким именно. Известны также факты нахождения монет в мусульманских погребениях VIII-XIV-XV вв. в Иране² и в Средней Азии.³

Если при этом учесть также широкое бытование в Средней Азии обычая выражения благопожелания путем обсыпания монетами, сухими фруктами и т.д., также, очевидно, имеющего древние корни,⁴ то можно предположить, что практикующееся современными таджиками обсыпание монетами носилок с покойным – результат контаминации двух обычаев: положения монет в могилу в составе погребального инвентаря и благопожелательного обсыпания монетами живых людей.

Приведенная выше гипотеза Д. Фрезера о том, что обычай помещения монет в могилу связан с древнейшими представлениями о водном барьере, отделяющем мир живых от мира мертвых, быть может, справедлива для древних ферганцев. В этой связи имеет значение и то, что форма большинства ферганских деревянных гробов напоминает лодку или ладью.⁵

Случайно ли это? Д.Н. Анучин, специально исследовавший вопрос о долбленных гробах-колодах, полагал, что они представляют собой погребальные ладьи, и связывал это с представлением о том, что путь в загробный мир лежит через большой водный рубеж, для преодоления которого нужна лодка.⁶ Я не уве-

1. Н.Н. Ершов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерев, С.П. Русаяйкина, 1954, стр.191-192.

2. E.F. Schmidt, 1957, p.120.

3. Н.Н. Негматов, Е.Д. Салтовская, Т.П. Кияткина, 1961, стр.138.

4. Н.А. Кисляков, 1954а, стр.61-62.

5. Еще не ясны древность и генезис распространенного у среднеазиатских народов обычая передачи – за деньги или продукты – грехов покойника живым – см. Х. Есбергенов, 1963, стр.9-10, 13. Не думаю, однако, что и его можно было бы совсем исключить при рассмотрении фактов помещения монет в могилу. Однако рассмотрение этого вопроса потребовало бы исследования концепции грехов в зороастризме, манихействе и буддизме, что слишком увело бы нас в сторону от основной темы.

6. Д.Н. Анучин, 1890, стр.94-98. См. также J.G. Frazer, 1933, I, pp.181-187.

рен, что именно так было у древних ферганцев, но возможность того, что у некоторых племен или групп их такие верования имели место, исключить нельзя. И вместе с тем, приход в Среднюю Азию греков, принесших с собой обычай "обола Харона", мог явиться толчком к распространению аналогичного обычая и в Средней Азии — не только в Бактрии (как думает Е. Бикерман),¹ но и значительно севернее, в частности в Фергане.²

Наши рассуждения о возможных представлениях древних ферганцев до сих пор исходили лишь из интерпретации на основании этнографических материалов (по другим, несреднеазиатским народам) фактов, связанных с ферганскими захоронениями. Но мы располагаем еще одним источником: свидетельствами "Авесты" и зороастрийских сочинений о верованиях древних иранцев. Зороастрийцы верили в то, что отразил в своих надписях сасанидский жрец Картир: "существует рай и существует ад, и тот, кто добродетелен, отправится в рай, а тот, кто грешен, будет брошен в ад". Душа человека после его смерти, как сообщается в пехлевийских сочинениях, три ночи держится у изголовья покойника. Различные молитвы и обряды, выполняемые близкими, должны помочь душе подготовиться к путешествию в загробный мир.³ Классическое описание содержится в самой "Авесте" (Вид., I9,28-32). Там рассказывается, что душа — *utvan* добирается до Чинватского моста — *činvato paraetu*. Здесь происходит допрос, затем приходит прекрасная девушка в сопровождении двух собак и ведет душу верующего через мост к "Стене" — *hāetu*, образующей границу небесного мира. Отсюда душа направляется к Ахура-Мазде. Очень близкие представления существовали и в древнеиндийской мифологии. Там, в частности, также имеется "мост мертвых", а согласно Риг-Веде (X, I4,I), путь в загробный мир пересекает большой водный поток (*vaitaraṇī*), у индийского бога смерти также имеются собаки. Эти и другие соответствия дали обоснования для заключения,

1. E. B i c k e r m a n , 1966, стр.110.

2. Собственно, к такому же выводу пришел в свое время и М.М. Дьяконов, 1950, стр.177.

3. P.H. Ф р а й , 1967, стр.133-134.

что вышеприведенные верования восходят еще ко временам индо-иранской общности.¹

1. A.A. Macdonell and A.B. Keith, 1958, II, pp.175-176; J.G.onda, 1960, S.130; G.Widen-gren, 1965, Ss. 39-40. В этом свете интересны находки в некрополе Миздахкана погребального сосуда с предварительно очищенными костями собаки (В.Н. Ягодина, Т.К. Ходжайов, 1970, стр.143), оссуария с костями собаки в некрополе Ток-кала, где вообще в оссуарном могильнике найдены почти исключительно кости собаки (А.В. Гудкова, 1964, стр.86), а в одном из погребений Ширинсайского могильника - лежащей на блюде челюсти собаки. По мнению В.Ф. Гайдукевича "...блюдо являлось жертвенным и что оно было связано с выполнением какого-то обряда, в котором роль культового животного принадлежала собаке" (В.Ф. Гайдукевич, 1952, стр.350-351). В святилище Балалык-Тепе на суфе найдено 9 челюстей собак. На Тали-Барзу была найдена челюсть собаки, лежащая на блюде (Л.И. Альбаум, 1960, стр.101). На Кафир-Кале (под Самаркандом) в помещении с оссуариями, человеческими костями, обломками хумов, были найдены нижние челюсти собак (Г.В. Шишкина, 1961, стр.218). На ток-калинских оссуариях есть изображения собаки (А.В. Гудкова, 1964, стр.100). Обычай захоронения собаки вместе с хозяином был распространен у скифов в нижнем и верхнем Приднепровье, в Крыму и на Таманском полуострове. В мавзолее Неаполя Скифского - три захоронения собак (П./Н./Шульц, 1953, стр.63,67). В семи савроматских захоронениях встречены кости собаки, причем в одном случае - также челюсть. Как пишет К.Ф. Смирнов, собака, как и верховая лошадь, сопровождала своего хозяина-скотовода в загробный мир, как его верный помощник и его собственность (К.Ф. Смирнов, 1964, стр.102; см. также К.Ф. Смирнов, 1959, стр.316). Встречаются они и в сарматское время (М.И. Вязьмитина, 1954, стр.222). На аланских дольменообразных скелетах встречаются изображения собаки, они, по мнению В.А. Кузнецова, "...выполняют охранные функции, оберегая покой погребенных" (В.А. Кузнецов, 1962, стр.53). В зороастризме собака вообще рассматривается как единосущное с человеком существо, как священное животное, причем непосредственно связанное с погребальным обрядом. К.А. Иностранцев издал парсийскую миниатюру, где погребальную процессию сопровождают две собаки. У эфталитов практиковался обычай подводить к умершему собаку - ее взгляд отгоняет злых духов (К.А. Иностранцев, 1909, стр.97,99,101,103; он же, 1911). Следовательно, с собакой у среднеазиатских, в частности у ферганских, племен был связан целый цикл верований и обрядов, что отчасти нашло отражение и в погребениях (см. также В.Н. Ягодина, Т.К. Ходжайов, 1970, стр.143-144).

В этой связи следует остановиться на преднамеренных захоронениях собак (а также волков и козлов) в III периоде Бар-

В одном из поздних зороастрийских сочинений, "Бундахисне", содержится описание погребального моста как меча, причем праведная душа странствует по его широкой плоскости, тогда как грешник должен пробежать по его лезвию.¹ Чрезвычайно существенно, что у среднеазиатских народов представления об этом мосте сохранились до наших дней.

Совокупность археологических, этнографических и исторических материалов позволяет предполагать, что у древнего населения Ферганы и других областей Средней Азии существовало представление о водном рубеже, отделяющем земной мир от небесного, и в некоторых случаях покойники, которым, как предполагалось, будет трудно его преодолеть, снабжались монетами для "оплаты" перевоза (или пропускания через мост); наличие гроба, напоминающего лодку, также могло служить для этой цели.² В Восточном Туркестане, этнически и культурно-исторически теснейшим образом связанном со Средней Азией,³ могли существовать аналогичные верования.

Как явствует из вышеприведенных фактов и наблюдений, древние ферганцы делали все возможное, чтобы создать в могиле максимально благоприятные условия для покойника, а также для того, чтобы он мог отправиться в "царство мертвых". Такая удивительная предусмотрительность может быть объяснена лишь одним: избежать возвращения мертвого назад, к живым.

Во всем этом нет ничего необычного. Приведем лишь один пример, касающийся аборигенов Австралии. "Куран (душа) недавно умершего человека вызывает у аборигенов ужас. Не зная, что

захом Ш (олиз Сринагара), которые датируются временем после 1400 г. до н.э. Бриджит и Раймонд Олчин ищут аналогий таким захоронениям в Сибири и Манчжурии, так как такие захоронения не имеют параллелей на индийском субконтиненте (В. and R. A l l c h i n, 1968, pp.159-160, 310). Однако эти ритуальные погребения собак нет никаких оснований выводить как результат столь отдаленных влияний. Как пока вызывает вышеприведенное, скорее они связаны с индо-иранским контекстом (в его древнейших проявлениях).

1. G. W i d e n g r e n, 1965, s.40; Р.Н. Ф р а й, 1967, стр.134.
2. По В.Н. Ягодину, монеты в оссуарных погребениях отражают обычай загробного кормления покойников - В.Н. Я г о д и н, Т.К. Х о д ж а й о в, 1970, стр.145.
3. Б.А. Л и т в и н с к и й, 1967, стр.132.

смерть наступает в результате естественных причин, аборигены полагают, что она происходит от волшебства какого-то врага. Поэтому душа умершего человека, гневавшаяся на то, что ее разлучили с телом, пользуется любым случаем, чтобы отомстить за себя людям. В основе всех похоронных обрядов аборигенов лежит страх перед душой умершего. Когда умирает абориген, его ближайшие родственники покидают лагерь. Все свое имущество они оставляют на старом месте, чтобы обмануть душу мертвого человека и создать у нее впечатление, будто они пошли охотиться и скоро вернутся. Родственники умершего стараются, чтобы в могиле ему было тепло и удобно и чтобы его душа не испытывала особого желания бродить по свету".¹

И не буду приводить другие примеры – они бесчисленны. Универсальный характер этих верований и разнообразие их проявлений хорошо показаны в двухтомнике Фрезера, который прямо так и называется "Страх смерти в первобытной религии".²

Следует отметить, что в верованиях среднеазиатских народов (этот материал Фрезер не использовал) страх перед покойниками распространен очень широко. Не сообщая здесь всего этого материала, отметим лишь несколько моментов.

У среднеазиатских народов до революции сохранилось множество верований, связанных со страхом перед покойником. Подробное описание их составило бы целую главу, поэтому ограничимся простым перечнем части из них.

Считалось, что обычно покойник не вредит живым. Однако он жаждет получить на тот свет принадлежавший ему скот, животные тогда начинают умирать и требуются умиловительные жертвы, чтобы он отказался от скота.

Однако в некоторых случаях начинают умирать и люди – его домашние и вообще жители селения. Поэтому соблюдались разные меры предосторожности. Те, кто присутствовал при смерти того или иного человека, до возвращения к себе домой, мылись, смывая с себя коснувшийся их дух покойника – иначе они могут занести его в свой дом. Покойника выносили всегда ногами вперед. В Сагырдакте это объясняли стремлением, чтобы покой-

1. Ч.П. Маунтфорд, 1958, стр.94-95.

2. Ж.С. Фрезер, 1933-1934.

ник не нашел обратно пути в дом и чтобы не забрал с собою своих родственников. Вынос покойника осуществлялся не через дверь, а через специальный пролом в стене или окно.¹ Если после переезда на новое место люди начинают умирать, это происходит из-за недовольства духов местных покойников – и для них устраивается умиловительное угощение. "Чаще, – пишет А.К. Писарчик, – применяются меры, имеющие целью обмануть духов. Например, ребенка, которого считали заболевшим из-за мертвеца, купали в воде, приготовленной для обмывания покойника, или относили на кладбище и оставляли ненадолго в какой-нибудь старой могиле и т.п. – все это с целью убедить духов, что этот ребенок уже умер, он обмыт или даже похоронен".

Если же близкие или жители селения умирали, то, как считалось у среднеазиатских народов, причиной часто бывало то, что покойник забрал в рот саван. Следовало разрыть могилу и расправить саван. Однако не всегда дело ограничивалось этим. Как сообщает А.К. Писарчик, "в к. Ёгид разрывали могилу и клали в рот камешек, в особо тяжелых случаях покойника даже вынимали из могилы и выбрасывали в воду; в к. Яхч, разрыв могилу, опять закапывали", а в Шугнани и Шах-Даре, по сведениям М.С. Андреева, покойнику в таких случаях вбивали в живот кол или прокалывали его серпом.²

1. О сути этого явления – см. Б.А. Литвинский, 1968а, стр.100-103.

2. М.С. Андреев, 1953, I, стр.76, 206; М. Рахимов, 1953, стр.116; М.Р. Рахимов, 1956а, стр. 67-69; А.К. Писарчик, Смерть, похороны (в печати). О проявлениях страха смерти перед возвращением покойника у ягнобцев – см. М.С. Андреев, 1970, стр. 138. Другое дело, если уже попавшая в рай душа предков, в виде ночной бабочки посещает дом, дабы навестить свой дом – это безвредно – М.С. Андреев, 1927, стр.55; М.С. Андреев, 1953, стр.208; М.С. Андреев, 1970, стр.145. Все эти среднеазиатские обычаи находят самые широкие этнографические параллели (см., например, С.И. Руденко, 1955, стр.321), от изложения которых мы, из-за недостатка места, уклоняемся. Отметим лишь, что у большинства народов наиболее "вредоносными" являются новоумершие, покойники же со значительным "стажем" обычно без-

Это, так сказать, "кну́т", но есть и "пряник", как говорит Л. Леви-Брюль: "конечно, в некоторых обществах иногда пытаются обезвредить покойника, уродуя его тело или превращая его в жижу, изгоняя его духа или сбивая с толку, однако обычно более верным средством считают расположить духа к себе, т.е. удовлетворить все его желания".¹

Выше писалось о поминальных обрядах как переживания помещенной пищи в могилу. Можно было бы привести еще некоторые материалы из среднеазиатской этнографии. Недавно таджикистские этнографы выявили у горных таджиков обычай вскрывания могилы и "смотрин" покойника. Наиболее подробно описан он для Хаита. Делали это женщины (они вообще менее ортодоксально придерживаются догм ислама). Специальная женщина открывала могилу, обнажала лицо, затем пришедшие смотрели покойника. По мнению населения, "целью этого обычая было "остудить сердце", "уменьшить боль и тоску от утраты".² Быть может, смысл этого обычая первоначально был иным: убедиться в "благополучии покойника".

Как вытекает из этнографических материалов, создание комфорта для покойника в могиле еще не решало всей проблемы. А если его душа все же захотела бы отправиться в мир живых? Эта возможность учитывалась, и осуществлялись разнообразные мероприятия, которые должны были воспрепятствовать душе вновь появиться на этом свете.

Гробы плотно закрывались крышками. Иногда гроб, собственно, состоял из одной крышки. Тех покойников, которых подозревали в злонамеренности, связывали (погребения с перекре-

вредны — см. Л. Леви-Брюль, 1930, стр. 267 и след. По древнеиндийским представлениям покойник не сразу переходит в мир "отцов" (Pitaras), но некоторое время остается призраком (Preta), он отделен от них и, напротив, ближе к живым, для которых опасен. И лишь через год (или более короткое время) он возвышается до общества благосклонно относящихся к живым предков — J. Gonda, 1960, S. 134-135. Выше подробно говорилось о верованиях горных таджиков, об отношении к покойникам равнинных таджиков сведений меньше. Известно, что кастакозские таджики раньше боялись покойников, считая, что они могут причинить вред (Н.Н. Ершов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Русаяйкина, 1954, стр. 193).

1. Л. Леви-Брюль, 1930, стр. 270.

2. А.К. Писарчик, Смерть, похороны (в печати).

щенными ногами). Этот обычай также имел широкое распространение. Как удачно отметил Ю. Липс: "Представление о ревнивой мстительности мертвых проходит красной нитью через похоронные обряды человечества, начиная с доисторических времен и кончая нашей современной цивилизацией. Камни, которые наваливались на тасманийскую могилу, связанные мумии Египта и забитые гвоздями гробы наших дней — все это восходит к одному и тому же атавистическому страху."¹

Немаловажное место среди "запретительных" мероприятий, которые должны были воспрепятствовать нежелательному возвращению души, занимали ограждение подбойной и катакомбной ниши, забивка или закладка могильной ямы. Та тщательность, с которой это осуществлялось, скажем, в могильнике Сурх II, где не ограничивались обычной засыпкой или закладкой самой ямы, а где закладка возвышалась над уровнем дневной поверхности, сама по себе является ярким свидетельством страха перед возвращением покойника.²

И если у племен Восточной Австралии перед похоронами делали несколько разрезов — в животе и в груди трупа — и заполняли полости камнями³, то более цивилизованная практика состояла в забивке камнями пространства над трупом. Однако смысл обычая от этого не изменился.

1. Ю. Л и п с , 1954, стр.386.

2. "Запретительные" мероприятия, как показывают памятники и Веды (P.V. Kane, 1953, II, p.246 et seq; A.A. Macdonnell and A.B. Keith, 1958, I, p.9; N.B. Wannerjee, 1965, pp. 37-74), были известны у индо-иранских племен с глубокой древности.

3. J.G. Frazer, 1934, II, p.64.

9. ПРОБЛЕМА РАЙОНИРОВАНИЯ И ДАТИРОВКИ ФЕРГАНСКИХ ПОДБОЙНО-КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКОВ

Первый опыт районирования и классификации ферганских подбойно-катакомбных могильников осуществил в 1956 г. С.С. Сорокин. При этом он рассматривал ферганские могильники не изолированно, а вместе со всеми среднеазиатскими подбойно-катакомбными могильниками, как неразрывную часть общего целого. Собственно, это была обще-среднеазиатская классификация, куда был включен и ферганский материал. С.С. Сорокин предложил разделить среднеазиатские подбойные и катакомбные могильники на две группы. В первую он включил могильники предгорий Ферганы, Ташкента, Южной Туркмении, Бухары и Таласа, расположенные вблизи от земледельческих оазисов; во вторую – могильники высокогорных долин Тянь-Шаня и Алая, где земледелие отсутствовало или же было затруднено. На доступном ему в то время материале С.С. Сорокин детально рассмотрел особенности могильников всех районов, в том числе ферганские и алайские могильники.¹ Отчетливо осознавая трудности, возникающие при решении этой задачи, исследователь огорчивался (1958), что "...на основании имеющихся в настоящее время данных пока еще не представляется возможным четко определить число районов и их границы, а также с достаточной полнотой их охарактеризовать".²

Попытку детальной классификации и районирования погребений Ферганы и Алая вскоре после этого предпринял Ю.А. Заднепровский. В его распоряжении был дополнительный материал из раскопанных им самим могильников Кайрагач, Кара-Мойнак и некоторых других (впрочем количество курганов в этих могильниках было невелико), а также предварительные данные о раскопках Ю.Д. Баруздина и моих.

Он выделил 5 групп южноферганских могильников:

- 1) долина р.Ходжа-Бакырган (могильник Кайрагач);
- 2) междуречье Сох-Лайлак (могильники Баркорбаз,

1. С.С. С о р о к и н , 1956, стр.100 след.

2. С.С. С о р о к и н , 1958, стр.12.

Карабулак, Тура-Таш, Карабель, Кара-Мойнак и могильники Исфары);

3) северные склоны Алая (могильники Джангаил, Вуадиль, Хангиз, Актан);

4) долина р.Кара-Кульджа (Кара-Джар, Кара-Кульджа);

5) могильники Алайской долины.

Следует отметить, что в характеристике отдельных районов немало неточностей и натяжек, а выделение четвертого района по малочисленности имевшегося материала было явно нецелесообразно.¹ В отличие от С.С. Сорокина, Ю.А. Заднепровский не проявил должной осторожности и осмотрительности. Будучи знаком лишь с первыми результатами раскопок Ю.Д. Баруздина и моих (по предварительным публикациям), он, естественно, недоучел всей сложности встающих проблем, не провел необходимого источниковедческого анализа. Ю.А. Заднепровский не задался прежде всего вопросам: синхронны ли все рассмотренные им могильники? Может быть, они относятся к разным векам — и тогда объединение их в территориальные группы будет отражать не "локальные варианты культуры" (как считает Ю.А. Заднепровский)², а механическую группировку разновременных памятников. Так как детальная хронология ферганских могильников пока не может быть дана (см. об этом ниже, стр.130-133), уже одно это ставит нас перед вопросом о целесообразности детального районирования. Но есть еще один не менее важный аспект проблемы. Так, на основании трех (!) раскопанных погребений Ю.А. Заднепровский выделяет в качестве отдельного района могильники долины р.Кара-Кульджа. Споры нет, вполне возможно, что могильники, расположенные в долине этой реки, имели определенное своеобразие. Но не исключено ведь и другое: при широких раскопках выяснится, что могильники этого района примыкали к могильникам какого-либо другого района, или же специфика каракульджинских могильников была совсем в другом, чем думал Ю.А. Заднепровский. К сожалению, "представительность" выборок, даже если учесть последние раскопки, очень невелика. По 20 курганов и больше раскопано лишь в 7 могильниках (сре-

1. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр. 116-128.

2. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр. 127.

ди них – 5, в которых раскопано свыше 40 курганов). Лишь могильник Сурх II раскопан практически полностью (47 курганов из 50) и могильник Чорку-I – на 75% (37 курганов из 50). Обычно раскопана значительно меньшая часть могильника, порой всего 3–5% общего числа курганов (могильники Тура-Таш и Хангизский). Разумеется, на основании таких материалов, строго говоря, нельзя характеризовать даже могильник как изолированный феномен. Но каждый могильник, если материалы его раскопок использовать для характеристики района в целом, должен рассматриваться не изолированно, ибо генеральной совокупностью следует считать систему синхронных могильников. Однако лишь в Баткенской котловине и в Исфаринской долине произведены значительные раскопки могильников: в первой вскрыто в могильниках Кара-Булак, Тура-Таш, Карабель и Кокташ свыше 180, во второй в II могильниках – около 260 курганов. Общее количество раскопанных здесь курганов почти в 5 раз превышает число аналогичных курганов, раскопанных в других местностях.¹ Даже не прибегая к математической статистике, можно понять, что сопоставление столь по-разному изученных групп памятников не может быть не только убедительным, но и правомерным. Наше мнение: пока нет возможности дать научно обоснованную схему детального районирования.

В нашей таблице на стр. 128 наиболее раскопанные могильники, для которых имеются соответствующие данные, сгруппированы по типам погребальных сооружений. Для первых трех (могильники Кех, Ворух, Ворухское ущелье) характерно преобладание могил в виде грунтовых ям. В большой группе могильников (Исфара, Усто-Мулло, Чорку I, Кара-Мойнак, Чорку-II) преобладают подбои или же они, как в могильниках Карабаг и Сурх II, составляют половину погребальных сооружений. В могильниках же Калантар-хона и Хангиз большинство раскопанных сооружений – катакомбы, а в трех могильниках – Гурмирон, Джангаил и Кайрагач обнаружены исключительно катакомбы.

В первой группе Кех и Ворухский могильник не дали среди захоронений в ямах явно преобладающей ориентации. Несколько

1. Я не включаю в этот подсчет алайские курганы и курганы из раскопок Д.А. Зинника, материал которых совершенно не освещен в публикациях.

МОГИЛЬНИК		ОБЩЕЕ ЧИСЛО КУРГАНОВ И МОГИЛЬНИКОВ	ЧИСЛО РАКОПАЯНЫХ КУРГАНОВ	ТИП МОГИЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ (% К ЧИСЛУ РАКОПАЯНЫХ) В ОРИЕНТАЦ. ПОГРЕБЕННЫХ		
				ЯМА	ПОД-БОИ	КАТА-КОМБА
1	КЕХ.....	60	9	(89)	(11)	-
2	ВОРУХ.....	450	93	(83)	(99)	(7)
3	ВОРУХСКОЕ УЩЕЛЬЕ.....	500	43	(65)	(21)	(14)
4	Исфара.....	70	15	(40)	(50)	-
5	Усто-Мулло.....	72	8	-	(100)	-
6	ЧОРКУ I.....	50	37	-	(91)	(6)
7	КАРА-МОЙНАК.....	-	10	(11)	(90)	-
8	ТУРА-ТАШ.....	1500	42	-	(85)	(14)
9	КАРАБУЛАК.....	900	136	(92)	-	(8)
10	БАРКОРБАЗ.....	36	12	-	(80)	(20)
11	ЧОРКУ II.....	20	14	-	(19)	(31)
12	КАРАБАГ.....	150	19	(11)	(50)	(39)
13	СУРХ II.....	50	47	-	(50)	(50)
14	КАЛАНТАР-ХОНА.....	150	22	-	(40)	(60)
15	ХАНГИЗСКИЙ.....	150	8	-	(25)	(75)
16	ГУРМИРОН.....	60-100	10	-	-	(100)
17	ДЖАНГАИЛ.....	52	5	-	-	(100)
18	КАЙРАГАЧ.....	200	10	-	-	(100)

Условные обозначения ориентации:

--- 20-40% ПОГРЕБЕННЫХ

— 50-80% — " —

← 81-100% — " —

отличается картина в могильнике у Ворухского ущелья, где на юг ориентирован 21%, на юго-восток - 26%, но вместе с тем на север - 26%. В этом же могильнике в подбойных могилах ориентация выявляется более четко - 67% погребенных ориентированы на юг.

Во второй группе для подбойных погребений можно отметить значительно более определенную ориентацию. В большинстве могильников этой группы ориентация подбойных захоронений на юг или юго-восток. Так, в Чорку I на юг - 53%, на юго-восток - 27%, в Тура-Таше - на юг 45%, на юго-восток - 52%. Более "рассеянный" спектр дает Сурх II, но и там сумма южной и юго-восточной ориентации составляет 55%, а вместе с восточной - 75%. Совсем иная ориентация в могильниках Баркорбаз и Чорку II - север или северо-восток (как и подбоев могильника третьей группы Хангиз). Следовательно, имеется два варианта: а) с южной и юго-восточной ориентацией; б) с северной и северо-восточной.

В третьей группе в катакомбах погребенные ориентированы, главным образом, на восток, реже с отклонением на юго-восток или юго-запад (как, впрочем, в катакомбных погребениях в других группах).

Таким образом, даже по этим двум признакам географическое распределение могильников не совпадает с их членением по характеру могильных сооружений и ориентации погребенных. При рассмотрении с учетом других признаков, в частности с характером погребального ритуала и особенно погребального инвентаря, выявляется необходимость выделения в особую группу баткенско-исфаринских могильников. Культуру, представленную материалами из этих могильников, я предлагаю назвать "карабулакско-ворухской культурой".

Вместе с тем даже внутри баткенско-исфаринской группы выявляется несколько подгрупп. Особенно близки ворухские (могильники Кех, Ворухский и у Ворухского ущелья) и Карабулакский. Могильники Исфара, Чорку I и Тура-Таш образуют, очевидно, другую подгруппу. В целом же карабулакско-ворухская культура охватывала не только территорию Баткенской котловины и Исфары, но и ряда соседних районов, где имелись варианты этой культуры.

Еще более сложной является проблема датировки ферганских подобойно-катакомбных могильников. А.Н. Бернштам полагал, что основная часть могильников относится к "гуннскому" времени, хотя некоторые могильники относил к III-IV вв. По С.С. Сорокину датировка этих могильников концом I тыс. до н.э. — первыми веками н.э. "не может вызвать сомнений".¹ Эту же датировку повторил в 1960 г. Ю.А. Заднепровский.² Первые находки из во-рухских курганов я датировал I-IV вв. н.э.³ Дальнейшие рас-копки принесли материал, убедивший меня, что часть исфарин-ских могильников может датироваться III-V (или VI) вв.⁴, а в целом я предложил относить Исфаринские могильники к эпохе со II в. до н.э. до VI-VII вв. н.э.⁵ Впрочем, проведенное самим С.С. Сорокиным скрупулезное исследование Боркорбазского мо-гильника убедило его, что он относится не к "первым векам н.э.", а к III-V вв.⁶ Ю.Д. Баруздин в своей заключительной ра-боте по Карабулакскому могильнику, отметив, что некоторые по-гребения могут относиться к последним векам до н.э., основ-ную массу погребений датировал II-IV вв. н.э.⁷ Эту датировку он распространил и на могильник Тура-Таш,⁸ а Н.Г. Горбунова и Б.З. Гамбург датировали могильник Хангиз первой половиной I тыс. н.э.⁹

Таким образом, был произведен общий "сдвиг" датировки могильников в сторону их "омоложения", однако, за исключе-нием моего приведенного выше утверждения в части конкретных могильников, общее определение так и не было снято. Сейчас уже нет смысла останавливаться на всех основаниях датировки "последними веками до н.э. — первыми веками н.э.". Одним из доводов в пользу такой датировки послужили находки китай -

1. С.С. С о р о к и н , 1958, стр.14-15.

2. Ю.А. З а д н е п р о в с к и й , 1960, стр.127.

3. Е.А. Д а в и д о в и ч и Б.А. Л и т в и н с к и й , 1955, стр.69.

4. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1959б, стр.84-85.

5. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1961, стр.79.

6. С.С. С о р о к и н , 1961а, стр.117-160. На это, впрочем, указывал уже А.Н. Бернштам, 1951б, стр.115-116.

7. Ю.Д. Б а р у з д и н , 1961, стр.65.

8. Ю.Д. Б а р у з д и н , Г.А. Б р ы к и н а , 1962, стр.68.

9. Н.Г. Г о р б у н о в а и Б.З. Г а м б у р г , 1957, стр.43-44.

ских зеркал в погребениях.^I Сейчас в нашем распоряжении значительно большее количество таких зеркал. Они датируются следующим образом:

Происхождение	Датировка
ЧК-I-28	II-I вв. до н.э.
Карабулак, к.20 Вревский могильник Фархадстрой, восточный некрополь	I в. до н.э.
Пскентский могильник, к.В-I Фархадстрой (погребение?)	I в. до - I в. н.э.
С-II-8 Карабулак, к.26 КВ-3 ЧК-I-4 Джангаильский могильник Кайрагачский могильник	I-II вв. н.э.
НУ-7 ВУ-57 К-37 ЧК-I-30 А-8	II в. до - II в. н.э.
Карабулак, к.14	II-III в.н.э. (?)

Все вышеприведенные датировки основаны на данных о производстве тех или иных зеркал в ремесленных центрах Китая и времени бытования их на территории Китая. Нет сомнения, что они могли попадать на территорию Средней Азии в то же самое время, что бытовали в Китае или же незначительно позже. Но, будучи привезенными в Среднюю Азию, они одновременно вырывались из общего потока "моды" на зеркала, господствовавшей в Китае, не подчинялись ее закономерностям и могли употребляться в быту длительное время. Трудно сказать, конечно, сколь продолжительным мог быть период использования их в среднеазиатском быту. Мне приходилось видеть у ферганских таджиков, в Кастакозе, посуду столетней давности, причем в

И. С.С. С о р о к и н , 1958, стр.14.

торжественных случаях ее использовали в быту. А.К. Писарчик любезно рассказала мне, что нуратинские таджики в 30-е гг. хранили комплекты одежды более чем столетней давности. Известны случаи, как указал мне Н.Н. Ершов, употребления в быту таджиков и узбеков очень старом бронзовой посуды, "возраст которой намного превышает столетие". Нет никакого сомнения, что высоко ценившиеся китайские зеркала могли служить в быту, по крайней мере, 100-150 лет, а обломки их использоваться в качестве амулета еще более длительное время.

Таким образом, зеркало, изготовленное и продававшееся в Китае в I в.н.э., могло попасть в ферганское захоронение и во втором, и в третьем, и — я не исключаю этой возможности — и в IV в.н.э. Следовательно, собственная датировка китайских зеркал может служить лишь указанием на время, раньше которого не мог возникнуть данный могильный комплекс — и не оольше. Практически ничего не дают для датировки монеты типа у-шу. Напротив, гораздо существеннее для датировки составляющие абсолютное большинство находок местные типы зеркал, вооружения, украшений. Однако ни их типология, ни вопросы датировки до сих пор не были детально разработаны. В специальном исследовании я подверг изделия этих категорий подробному анализу, пытаюсь рассмотреть их не только в пределах Средней Азии, но и в сопоставлении с лучше изученными синхронными сериями соседних территорий. Детально была также изучена керамика, хронологическое определение которой "подпирается" стратиграфией ферганских поселений.¹

В результате анализа каждого могильного комплекса, сопоставления их друг с другом внутри могильника и сравнения комплексов целых могильников — по всем категориям составляющих их компонентов, мы пришли к заключению, что самые ранние из них могут датироваться I-II вв. н.э. Но основная масса погребений может быть датирована II-IV вв. н.э.; значительная — V-VII вв. Такова суммарная картина.

Очень высок удельный вес погребений, которые на данном этапе не поддаются уточненной датировке. Высокий "традицио-

1. Б.А. Литвинский, 1969. См. также Б.А. Литвинский, 1965; 1966; 1971.

нализм" в составе и характере форм керамических сосудов — наиболее массового вида погребального инвентаря — является сложной преградой на пути к такой датировке. Среди самых ранних — комплексы из могильников в Ворухском ущелье и Калантар-хона. Есть здесь погребения I-II вв. и особенно II-IV вв.н.э. Примерно ко II-III вв. восходят ранние погребения остальных могильников. При этом в Ворухском могильнике, могильниках Сурх II и Чорку II погребений II-III вв. немного, больше IV-VII вв. Карабулакский могильник не дает погребений VI-VIII вв., в целом он существовал с I-II до IV-V вв.н.э. (основная часть — II-IV вв.н.э.), как и Тура-Ташский. Наиболее крупные могильники существовали очень длительное время: по три-пять столетий.

Более подробное хронологическое членение, с соотносением с этой хронологической схемой каждого погребения, может быть осуществлено лишь после значительного прироста фактического материала.

Глава II

КУРУМЫ

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Специфические наземные намогильные сооружения в Северной Фергане впервые были отмечены в нач. XIX в. Побывавший в 1813–1814 гг. в Фергане переводчик Филипп Назаров, описывая свой путь, сообщил: "По тракту на Кокант мы пошли мимо горы Ходжент, в 15-ти верстах от горских жителей отстоящей. По дороге находятся обработанные поля, а вокруг горы вырытые ямы, где Ташкентцы добывают бирюзу; не в дальнем от сего расстояния видели поблизости ключей древний памятник, имеющий внутри отверстие, посреди коего выложена каменная могила"¹ (подчеркнуто мною – Б.Л.). В статье Д.Г./раменицко-го/ "О древних урочищах Туркестанского края", опубликованной в 1879 г., указывалось, что "в горах между Ангреном и Сыр-Дарьей и Алайских кучи камней, арыки, вообще пункты, обращающие на себя внимание, следы работ, производившихся в незапамятное для населения время, приписываются народу Мук..."²

Заслуга начала научных раскопок курганов в Средней Азии принадлежит Н.И. Веселовскому.³ Так как его экспедиция положила начало научному изучению курганных древностей Средней Азии и вместе с тем о ней в литературе имеются лишь краткие и не всегда точные данные, остановимся на ней подробнее.

На Афрасиабе в 1883 г. производились, по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора, раскопки подполковни-

1. Ф. Назаров, 1821, стр. 40–41.

2. Д./М./ Г./раменицкий/, 1879. Перепечатка: Д./М./ Г/раменицкий/, 1897–98, стр. 151.

3. Нигилистическое отношение к его работам (О.В.Обельченко, 1964, стр. 214) едва ли уместно. Б.В. Фармаковский полстолетия назад писал: "Несправедливо судить и о раскопках Н.И. (Веселовского), предъявляя к ним требования того, чего во время деятельности Н.И. нигде не было и чего и ожидать было нельзя. Н.И. был сыном своей эпохи. Отныне археологи будут применять, конечно, более совершенные методы исследования курганов, и это, без сомнения, даст и более точные наблюдения и более богатые результаты. Для своего времени раскопки Н.И. дали все же очень много" – Б./В./ Фармаковский, 1921, стр. 384. Такая оценка выглядит еще более уместной теперь.

ком В.В. Крестовским.¹ Сведения о них были опубликованы в "Туркестанских Ведомостях",² более подробно — в "С.-Петербургских Ведомостях"³ и перепечатаны (или изложены) во многих других газетах.⁴ Основываясь на этих сообщениях, Археологическая комиссия попросила Туркестанского генерал-губернатора Н.Г. Черняева выслать наиболее ценные находки, рисунки других находок, а также "подробный журнал" раскопок и сообщить, кто будет заведовать археологическими исследованиями в Туркестане.⁵ Н.Г. Черняев обещал в ответном письме находки выслать и сообщал, что ответственным лицом за археологические исследования им назначен подполковник Всеволод Владимирович Крестовский. Представляет интерес собственноручная приписка Черняева: "Хотя подполковник Крестовский с любовью отнесся к раскопкам древностей, но сам не признает себя достаточно компетентным для классификации древностей, им самим раскопанных, так и собранных прежде в разное время. Для собранных уже по настоящее время древностей, а равно для имеющихся в виду при будущих раскопках, мною основан в Ташкенте археологический музей. Весьма желательно было бы, чтобы теперь, в начале этого интересного дела, Археологическая комиссия командировала бы сюда одного из своих членов для направления будущих работ и классификации того, что уже есть".⁶

Эта идея нашла поддержку в Археологической комиссии. Было получено согласие Н.И. Веселовского — доцента факультета восточных языков. В начале апреля 1884 г. Археологическая комиссия официально обратилась в Совет Петербургского университета с просьбой разрешить ему с осени 1884 г.

1. Об этих раскопках — см. А.Ю. Якубовский, 1940, стр. 287–289; В.А. Шикин, 1969, стр. 14–24.

2. "Туркестанские Ведомости", 1883, № 42.

3. "С.-Петербургские Ведомости", 1884, № 32, 34–37.

4. См., например, "Сын Отечества", 1883, № 288; "Новое Время", 1883, № 2741 (5.Х) и др.

5. Письмо Археологической комиссии от 17 октября 1883 г. № 306 Туркестанскому генерал-губернатору Н.Г. Черняеву. — Архив ЛОИА, д.1, 1883, № 20, л.8.

6. Письмо Туркестанского генерал-губернатора от 5.XII.1883 г., № 7288 Председателю Археологической комиссии. — Архив ЛОИА, там же, л.9.

годовую командировку в Туркестан для изучения Афрасиаба, причем поездка должна была финансироваться Археологической комиссией. Совет Университета поддержал это ходатайство, направив его в соответствующие инстанции.¹ 30 августа в "Правительственном Вестнике" было опубликовано решение о командировке с 15 ноября 1884 г. "доцента Императорского С.-Петербургского университета, коллежского советника Веселовского"².

Наряду с этой административной перепиской велась финансовая и научная подготовка экспедиции.

Археологическая комиссия обратилась в Русское археологическое общество с предложением о совместном финансировании Н.И. Веселовского. В этом документе впервые говорилось о желательности, помимо исследования Афрасиаба, во время этой экспедиции "...изучить Туркестанский край вообще..."³

В то время произошла смена Туркестанского генерал-губернатора, на этот пост был назначен Н.А. Розенбах. Археологическая комиссия обратилась к нему с просьбой оказать содействие работам Н.И. Веселовского, в том числе и денежными средствами. Кроме того, комиссия просила, чтобы "...до прибытия г. Веселовского прекращены были всякие раскопки и разведки как на Афрасиабовом городище, так и в других местностях, заслуживающих археологического расследования".⁴ В результате этого Н.А. Розенбах отдал соответствующее распоряжение о прекращении раскопок⁵, но в финансировании категорически отказал.⁶

1. Письмо Археологической комиссии от 3.IV.1884 г. № 253 в Совет С.-Петербургского университета. - Архив ЛОИА, там же, л.11; Письмо Совета С.-Петербургского университета от 27.VI.1884 г. № 996 в Археологическую комиссию. - Архив ЛОИА, там же, л.12.

2. "Правительственный Вестник", 30.VIII.1884, № 193.

3. Письмо Археологической комиссии от 3.IV.1884 г., № 254 в Русское археологическое общество. - Архив ЛОИА, там же, л.13.

4. Письмо Археологической комиссии от 3.IV.1884, № 255 Туркестанскому генерал-губернатору. - Архив ЛОИА, там же, л.14-15.

5. См. об этом Н. Е м е л ь я н о в, 1885.

6. Письмо Туркестанского генерал-губернатора от 7.IV.1884, № 157 в Археологическую комиссию. - Архив ЛОИА, там же, л.16.

На все расходы по годичной экспедиции Археологическая комиссия смогла отпустить всего 4400 руб.¹

Н.И. Веселовский получил от Археологической комиссии подробные инструкции. Ему предписывалось сосредоточить основное внимание на раскопках Афрасиаба, обследовать в археологическом отношении Зеравшанский округ и попытаться проникнуть в Бухарское ханство. Признавалось желательным также произвести работы в Ферганской области, причем "с соблюдением всех научных требований". В инструкции был записан и такой пункт: "Кроме раскопок городищ, не мешало бы разрыть и несколько курганов, что представляется важным для курганной раскопки, производимых в России, так как с расширением поля археологических исследований могут уясниться и некоторые из тех вопросов, которые остаются темными в области курганологии" (л.23). В предписании Н.И. Веселовскому говорилось: "Производству работ необходимо будет вести подробный журнал, с указанием в нем номеров необходимых вещей, которые под теми же номерами должны быть заносимы в особую опись" (л.25) и далее: "Кроме городищ полезно было бы разрыть также несколько курганов, со способом раскопки которых Вы можете ближе ознакомиться по тем данным, которые имеются в Археологической комиссии" (л.256).²

Получив соответствующие документы, Н.И. Веселовский выехал в Туркестанский край. В конце декабря 1884 г. он прибыл в Ташкент³, а в январе 1885 г. производил раскопки на городищах под Ташкентом. В феврале же он выехал в Ферганскую область. Именно здесь, в Северной Фергане, он изучал курганные древности. Остальная часть поездки Н.И. Веселовского, приведшая к довольно значительным результатам, не свя-

1. Письмо Археологической комиссии от 24.XI.1884, № 605 Н.И. Веселовскому. - Архив ЛОИА, там же, л.24а.

2. Заметка к инструкции командируемому в Туркестанский край для археологических исследований доценту С.-Петербургского университета Н.И.Веселовскому. - Архив ЛОИА, там же, л.22-23; Письмо Археологической комиссии от 24.XI.1884, № 605. - Архив ЛОИА, там же, лл.24-26; Протокол от 11 февраля 1887 г., стр. XC I - CV.

3. Это было отмечено в краевой газете - см. "Туркестанские Ведомости", 1885, № 2.

зана с темой данной работы, поэтому мы здесь останавливаться на ней не будем.

В марте 1886 г. Н.И. Веселовский сдал отчет о раскопках, который в интересующей нас части предельно краток и суммарен.¹ Из финансового отчета выясняется, что раскопки в кишлаке Ашт производились 14-18 февраля (по 25-30 рабочих ежедневно), в Пунуке и Чадаке - 19-20 февраля (соответственно, 15 и 26 рабочих). Всего за 7 рабочих дней было оплачено 180 рабочих.² Кроме того, в деле имеется, также достаточно суммарная, опись находок. Никаких дневников и графических материалов нет.

Что же касается описания раскопок, то оно, практически полностью, опубликовано в "Отчете Археологической комиссии".

Итак, Н.И. Веселовскому предстояло, как сказано в данной ему инструкции, "расширять поле исследования", причем уже тогда существовало мнение, что материал среднеазиатских курганов может оказаться полезным при изучении курганов других территорий России.

В 1885 г. Н.И. Веселовский, проводя свою экспедицию, совершил, в частности, разведки в Северной Ферганае, от Коканда до Ашта. При этом в Аште, Пунуке, Чадаке и в Касане он осмотрел около 100 курганов. Главное внимание он тогда уделил району Ашта и Аштскому могильнику. В разных местах им было вскрыто 15 кургумов, в основном близ Ашта, один в Пунуке и несколько в Чадаке. Краткий отчет об этих раскопках был им опубликован в ОАК,³ однако его постигла печальная судьба - его упустили как туркестанские краеведы, так и некоторые дореволюционные столичные ученые, занимавшиеся этим предметом.

1. Н.И. Веселовский, 1886, лл.39-50 (курганные древности - 400 - 43а).

2. Н.И. Веселовский, 1883а, л.54.

3. ОАК за 1882-1888 годы, СПб, 1881, стр. LXY-LXIX; см. также Н.И. Веселовский, 1888, прим.1 на стр.221 (в этой же работе он приводит сведения о зафиксированных им курганных могильниках Ташкентской области и в Ферганае - стр. 221-222). Материал из раскопок кургумов хранится в Гос. Эрмитаже.

В 1896 г. тогда еще начинающий краевед М.С. Андреев писал, что в горах Могол-Тау "...до сих пор еще сохранились очень интересные остатки каменных жилищ, насколько я могу судить, циклопического характера, известные у туземцев под названием "ханаи-мут" (жилища мугов). Это невысокие, купо - лообразные, слегка продолговатые сооружения около 5 аршин в длину и 2-х в ширину. Входное отверстие у них около 1 кв. аршина, стены, сложенные из неотесанных камней, очень тол - сты". Он упоминает, что при возведении этих сооружений "не было употреблено ни дерева, ни цемента". Загадочные муги, по его мнению, жили до завоевания края арабами.¹

На заседании Туркестанского кружка любителей археоло - гии 11 декабря 1898 г. было прочитано сообщение члена круж - ка К.А. Рудановского. Он писал, что еще в 1881 г. он обра - тил внимание на "...небольшие груды камней, ряды которых тянулись по краю одного из оврагов, находящегося между сел. Чадак и сел. Ашт". Он предположил искусственное происхож - дение этих куч камней. Местные жители рассказали ему, что эти кучи камней - результат деятельности мугов. Ему была показана одна приписываемая мугам постройка по верхней до - роге из сел. Ашт в сел. Ашабу. Имелся проход, перекрытие не сохранилось, внутренность была заполнена камнями. В 1891г. он осматривал такого типа сооружения, но большие по разме - рам и лучше сохранившиеся, по Гава-сая (размеры постройки - диаметр ок. 12 аршин, высота до 4-5 аршин). Эти сооружения имеют изогнутый вход-коридор. Он также отметил аналогичные постройки в разных местах ущелья Гава-сая, а также по ущель - ям Кок-сарек, Сумсар и Касан.

К.А. Рудановский высказал мнение, что это не что иное как постройки. Сообщение К.А. Рудановского в ПТКЛА сопро - вождается литографией (с фотографии) муг-хона в ущелье Гава, в местности Урта-су.²

Выступая в прениях по этому докладу, М.С. Андреев пов - торил высказывавшееся им ранее в печати относительно этих

1. М./С./А н д р е е в , 1896, стр.6-7. Более кратко еще об этом - см. М./С./А н д р е е в , 1896а, стр.27.

2. К.А. Р у д а н о в с к и й : 1897-1898, стр.233-234.

сооружений мнение. Члены кружка сочли, что это циклопические постройки, аналогичные западноевропейским.¹

Много позже (через десять-двенадцать лет), приведя соображения М.С. Андреева и К.А. Рудановского, известный востоковед К.А. Иностранцев сравнивал эти сооружения с циклопическими постройками — гробницами Аравии и погребальными башнями осетин и призывал к исследованию ферганских "хана-и-мут".² При этом он не сопоставил с вышеприведенными сообщениями краеведов отчет Н.И. Веселовского, который подтверждал его предположение, что это не жилища, а погребальные сооружения.

Тем временем фиксация курумов продолжалась. Геолог В.Н. Томилин отметил, что в Турунгул-сае (северо-западный Карамазар, район Курук-сая) "...имеется куполообразная постройка из громадных камней довольно правильной формы, немного уже развалившаяся".³

На заседании Туркестанского кружка любителей археологии 30 апреля 1913 г. И.А. Кастанье выступил с сообщением, которое называлось: "Краткое сообщение о поездке к развалинам Ахсыкента и в горы для осмотра построек, известных под названием "хана-и-мут"⁴. Однако содержание доклада в интересующей нас части в "Протоколах" Кружка никакого отражения не получило.

В 1914 г. И.А. Кастанье опубликовал статью "Monuments cyclopiens dans le Ferghana". Из нее мы узнаем о сделанной им работе и взглядах этого краеведа на эти памятники. Небольшая статья, собственно заметка (3 с небольшим страниц), содержит общие сведения об этих памятниках, заимствованные у М.С. Андреева и К.А. Рудановского. Однако И.А. Кастанье приводит и оригинальные сведения. Он осмотрел семь или восемь курумов хорошей сохранности в долине Кок-Сарек (окрестности Чуста) и один около Кара-Кургана. Одно сооружение (типа мут-хонн) он подробно, с приведением раз-

1. Протокол от II.XII.1898, стр.234-235.

2. К.А. Иностранцев, 1909, стр.117-120.

3. В.Н. Томилин, 1912, стр.45-46.

4. Протокол от 30 апреля 1913 г., 1913, стр.57.

меров и фото, описывает. Здесь было осуществлено вскрытие. Над поверхностью поля лежал пятнадцатисантиметровый слой, в котором были найдены осколки керамики и фрагмент кости. И.А. Кастанье вкратце излагает вышеприведенные соображения К.А. Иностранцева. Сам И.А. Кастанье приходит к заключению, что эти сооружения "малы и не приспособлены, чтобы служить жильем, следовательно, местное название "хана-и-мут" (жилище мугов) представляется не отвечающим истине. Наше мнение: эти памятники являются оссуариями, возможно, построенными древними жителями Ферганы до введения ислама". Отсутствие же костей он объяснял тем, что трупы сожрали дикие звери, а может быть, собаки, специально содержавшиеся для этого в Согдиане до VII в.¹

Это был, безусловно, дальнейший шаг к разработке проблемы. К сожалению, содержание этой статьи осталось неизвестным и М.Э. Воронцу, специально писавшему об истории изучения муг-хона-курумов, и О.В. Обельченко, автору детального и ценного обзора истории изучения курганных древностей Средней Азии.

Кстати, работая в Гос. архиве УзССР, я случайно наткнулся на один документ, связанный с И.А. Кастанье. Оформляя после революции свой выезд за границу, он сообщал, что предполагает в Париже, в Академии изящных искусств и надписей, прочитать доклад на тему: "О древнеиранских погребальных обычаях и постройках — дома или могилы мугов в ферганских горах. Вопрос об оссуариях и о надписях на туркестанских оссуариях".²

В 20 и 30-е годы многочисленные геологические партии, изучавшие Кураминский хребет и Кара-Мазар, нередко наткнулись на эти памятники и иногда производили любительские раскопки. На основании рассказов геологов (1928 год), курумы северных склонов Кара-Мазарских гор, близ урочища Каули, в 1,5 км от кишлака Таракен, упомянул в своей публикации 1953 года М.Е. Массон. Он же привел сведения о нескольких

1. J. Castagné, 1914, p.7-10.

2. Переписка, л.109.

лично осмотренных им курумах в районе Канджола и Кансая.¹

Все это "доистория". Подлинно научное изучение курумов на современном уровне было начато в 1950-1951 гг. возглавлявшимся М.Э. Воронцом отрядом Института истории и археологии и Музея истории и археологии и Музея истории АН УзССР, проводившим работы в Наманганской области УзССР и прилегающих районах КиргССР. Отряд не ограничился разведками, но и произвел вскрытие 35 курумов. В публикациях М.Э. Воронца и другого участника работ В.И. Спришевского² впервые был издан материал из курумов, сделана попытка классификации этих сооружений и их хронологического определения. Это был первый опыт исследования проблемы, и не во всем он оказался удачным.

В 1953-1957 гг. я обследовал курумы Карамазарских гор. Особенно интенсивно наши работы производились в 1955 и 1957 гг. В 1955 г., наряду с разведками, были произведены раскопки могильников Бобои-Дархан, Карамазар-сай и Курук-сай,³ а в 1957 г. раскапывались могильники в Долона, Чарчанак-сае, Дашти-Бодомаке, Аште.⁴ Всего было вскрыто 160 курумов.⁵ В этих экспедициях, помимо автора, принимали участие археологи Э. Гулямова, Е.Д. Салтовская, Т.И. Зеймаль, Е.В. Зеймаль, В.А. Ранов, Э.А. Юркевич, А.Д. Бабаев.

Местное население применяет несколько различных названий для обозначения этих памятников, и они проникли также на страницы соответствующих публикаций. Очень часто их называют хонаи-мут (таджикское), мут-хона или мут-уй (узбекское), что означает - жилище мута (киргизы произносят "мык"). Те же сооружения, что имеют вид каменных курганов с камерой,

1. М.Е. М а с с о н , 1953, стр. 15-17, рис.8. Сосуд с зооморфной ручкой из Канджола был доставлен в Государственный Эрмитаж геологами О.Гвоздицким и П.Князевым. - Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, инв. № СА-3277.

2. М.Э. В о р о н ц е в , 1951а; он же , 1954; В.И. С п р и ш е в с к и й , 1956.

3. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1956.

4. Б.А. Л и т в и н с к и й , 1959; он же , 1959в.

5. Общие результаты этих работ - Б.А. Л и т в и н с к и й , 1969.

чаще называются мут-таш - "камень муга" (узбекское), санг-туда или муг-туда "груда (мутских) камней" (таджикское).¹

Почти постоянно в название этих памятников входит слово "мут". Оно означает "огнепоклонник". В Фергане с "мугами" связано множество легенд, некоторые из них я издал.² В этих легендах муги предстают в качестве удивительно сильных и трудолюбивых, есть даже пословица "работает как муг" (киш - лак Пангаз).

Широкое применение этого слова в топонимике, временно - тельно к древним крепостям, поселениям и т.д., вызвало большой интерес у туркестанских краеведов. Уже в 1896 г. М.С. Андреев указал, что "мут" не что иное, как "маг".³ В этом же году было предложено иное толкование, а именно, что "мут" - сокращение от "мугул" - монгол.⁴ Этот вопрос неоднократно дискутировался и позже, например на заседании туркестанского кружка любителей археологии 7 февраля 1900 г.,⁵ причем большинство склонялось к той же точке зрения, что и М.С. Андреев.

Разумеется, это слово связано с авест. *moγu*, др. - перс. *magu*, согд. *mwγ* и т.д.⁶

Следует также отметить, что местное население, таджикское и, особенно, туркское, имеет, как уже заметил Н.И. Веселовский⁷, обобщенное название для этих памятников, а именно "курум" (или рурум), а у таджиков - корумб. Вообще таджикское корумб - "...осыпь или завал больших камней: ср. киргизское "корум" в том же значении".⁸ У киргизов существу-

1. Н.И. Веселовский слышал также название карахатай-хона - ОАК за 1882-1888 годы, СПб, 1891, стр. XV.

2. Б.А. Литвинский, 1959в, стр. 227-228.

3. М./С./ Андреев, 1896, стр. 7.

4. Н./С./ Лыкошин, 1896, прим. к стр. 20.

5. Протокол от 7.П.1900 г., стр. 2.

6. D.D. Karadja, 1953, p. 407-408, 427; H.W. Bailey, 1954 г., p. 5. Об этимологии этого слова от др.-ир. *magha* - см. W. Brandenstein und M. Mayrhofer, 1964, S. 130-131. Ср. Ch. Bartholomae, 1961, Sp. 1111, 1176.

7. ОАК за 1882-1888 годы, 1891, стр. XV.

8. Н.Г. Маллицкий, 1945, прим. 3 к стр. 285. См. также К.К. Юдахин, 1940, стр. 300 (*qorim* - I, щебень, 2. валун); К.К. Юдахин, 1965, стр. 409 (груда больших камней, отваливающихся от скал). В Шугнане кучи кам-

ет выражение к о р у м д а н к о й , "похоронить покойника, сложив могилу из больших камней на поверхности земли"¹.

Именно этот обобщающий термин - курум - является, мне представляется, наиболее подходящим для этих сооружений (в целом). Что касается часто применяющегося в литературе термина "мугхона", то он имеет более узкое значение: его можно оставить для обозначения тех сооружений, которые имеют четкие внешние стены.

ней, свалившихся с гор, под которыми снег, называют "кы-румо" - А.К. П и с а р ч и к , 1958, стр.390. У ягнобцев "куча камней" - курум или галанг - М.С. Андреев, рукопись, стр.7 (последнее обозначение приводится обычно в форме *γūlāng* - "куча камней, каменистая осыпь" - М.С. А н д - р е е в и Б.М. П е щ е р е в а , 1957, стр.159).
Г. Р.К. Ю д а х и н , 1965, стр.409.

2. ОПИСАНИЕ КУРУМОВ КАРАМАЗАРСКИХ ГОР И ИХ РАСКОПКИ

Как показали наши рекогносцировки 1953–1957 гг., в Кармазарских горах имеется очень большое количество курумов. Они то концентрируются в обширные могильники (табл. 67, 70–71), то разбросаны маленькими группами или по одному. Почти в каждом саяе можно найти курумы, нередко они располагаются по вершинам небольших гряд.

Самые западные зарегистрированные нами курумы располагаются в Курук-саяе – в северо-западной оконечности Кармазарских гор. Много их и в центральном и восточном Кармазаре – в Канджол^I, Кармазар-саяе, к востоку от Адрасмана, в районе Долонны, вдоль дороги Адрасман – Сольпром, в районе Даханы, в Пангазско-Шайданской долине, в Пунуке, в районе Ашта (в том числе по хребтикам, окружающим сам кишлак Ашт), в Ашобе, Сарвак-саяе и др.

Опишем некоторые из этих могильников.

Долонна (табл. 68). На северо-запад от крайних домов кишлака Долонна, вдоль по саяю и по гребням невысоких отрогов группа курумов (свыше десяти). Курумы небольшие, диаметром 7–8 м, камера 2 x 1 м. Но камеры не везде можно проследить, иногда это просто группа камней. Тут же в саяе, рядом с грудой камней, каменный курган. Вся группа находится в 1–1,5 км от Долонна.

От родника, питающего кишлак водой, уходит к северо-западу, к горам, суживающийся сая. По обе стороны сая, на его террасах цепочкой тянутся к горам курумы больших размеров (до 15–16 м диаметром) с намечающейся камерой и обвалившимся перекрытием. Курумы тянутся и на восток от этой группы. Эту группу курумов можно назвать могильником №1. Он состоит из четырех десятков погребальных сооружений. Курумы расположены на конусах выноса саяев (на площади 0,5 x 0,9 км) в несколько рядов, примерно 3–4. Вытянуты цепочками с юго-запада

I. Б.А. Литвинский, 1956, стр. 38. Здесь, в частности, есть небольшая группа курумов (4 сооружения) в 8 км от Канджола по дороге Канджол – Табашар.

на северо-восток. Начинаются непосредственно за кышлаком и кончаются у подножья гор, иногда в виде отдельных точек попадаются и на гребнях.

Курумы по типу относятся к каменным ящикам. Чаще всего это груда камней, наваленных в одну кучу, без ярко выраженного внешнего кольца и стен. Выкладка верхней части камеры намечается всегда. Внешняя засыпка в большинстве своем состоит из крупных камней, реже — мелкая щебенка с камнем. Размеры курумов различны: от больших и высоких (16–18 м в диаметре) до средних (диаметр 10–11 м) и маленьких.

На гребне с третьей цепочкой курумов, почти у подножья гор, подтреугольный камень 2 x 2 x 1 м, одна ровная щека которого покрыта наскальными изображениями в виде свежесбитых козлов. Некоторые козлики покрыты пустынным загаром.

В этой группе нами вскрыто два курума, один из которых дал множественное захоронение.^I

Другая группа курумов расположена на понижающейся к дороге трапецеобразной террасе, строго на восток от кышлака Долон. Курумы вытянуты цепочкой с ига на север. Курумы на террасах разделены на две группы: одна ближе к горе, вытянута цепочкой, переходящей местами в двухрядную, другая тянется по краю террасы параллельно дороге. Около некоторых курумов, в 2–3 местах, каменные курганы, в одном случае с углублением, похожим на грабительскую дудку.

Внешняя засыпка из крупных камней, без внешних колец и стен. Курумы плоские, средний диаметр от 12 до 15 метров. В отличие от курумов других групп, здесь сравнительно большая камера.

Могильник дальше продолжается по саю и вдоль дороги Ад-расман — Сольпром. Здесь около 40 курумов и каменных курганов из мелкой засыпки камня. Курганы с грабительской дудкой тоже нередки в этом сае. Курумы средней величины, насыпь и из рваного и из окатанного камня. Иногда встречается засыпка из щебенки. Камеры средние.

I. Б.А. Литвинский, 1959, стр.109.

Моги́льник в сая Бовулчак. На запад от кишлака Дахана, в 3 км за горой, как бы являющейся границей моги́льника Чарчана́к-сай, в небольшом ущелье, резко суживающемся к основным горам Кураминского хребта, обследована группа курумов: 10 курумов цепочкой бегут к горам по восточной стороне сая, на расстоянии друг от друга примерно в 100–120 м, ближе к горам они расположены компактнее. У западного входа в сай три курума – рядом. В общем сай резко понижается с севера на юг. Поверхность сая покрыта мелкой щебенкой. Местами попадаются большие камни, поверхность которых покрыта наскальными изображениями (козлы – с пустынным загаром и более свежие, изображаются животные с загнутыми назад рогами и со спаренными ногами).

Здесь высокие (2,60 м) и большие (диаметр до 16 м) курумы, сложены из рваного камня больших размеров и внутренним заполнением (между стеной камеры и внешней стеной) из мелкого щебня. Если внешние стены курума не очень четко видны, то хорошо отмечается внешнее нижнее кольцо из крупных камней (50 x 40 x 15, 45 x 35 x 20 см и т.д.). Высота камеры около 1,10 м, кладка небрежная, перекрытие не сохранилось. Широкая у подосновы, кверху она резко сужается, но перехода к куполу не видно. Камера имеет яйцевидную форму.

На самой горе – граница между группами курумов – 4 курума, по форме совпадающие с вышеописанными. На одном из них топографический знак из камней курума. На некоторых курумах есть большие плиты, которые могли служить перекрытием.

Моги́льник в сая Букултол. В 6 км на запад от кишлака Дахана, вдоль подножия гор, группа курумов, вытянутая с востока на запад. Группа в 20 курумов тянется около 2 км с большими интервалами (200 м) между отдельными курумами. В некоторых местах, в виде небольших скоплений из 4–5 курумов, они выступают на юг.

Курумы крупных размеров (диаметр 14–15 м), но невысокие, сложены из камней среднего размера (20 x 15 x 15, 30 x 40 x 20 см и т.д.). Камера сложена небрежно, иногда почти совсем завадана камнями перекрытия, а иногда даже видна подоснова – тогда высота камеры достигает одного метра.

По типу эти курумы скорее относятся к каменным ящикам: наличие больших плит на поверхности, отсутствие внешних стен и колец, отсутствие входа.

Могильник в Новалик-сая. Новалик-сай - Дахана, 10 км на запад от Даханы. Сай понижается с севера на юг, курумы расположены цепочкой, тянутся по направлению сая, с севера на юг. Их здесь насчитывается свыше 20, друг от друга расположены сравнительно недалеко - 50-60 м.

Суджа. Севернее Пангаза, вблизи кишлака Суджа, в местности Пушти-Дашт, имеется группа из трех очень крупных курумов (так, например, третий курум имел диаметр 12-14 м и камеру со сторонами 2,75 x 2,75 м, углами ориентирована по сторонам света), при постройке которых широко употребляются громадные каменные плиты (1,10 x 0,60 x 0,55 м).

Ашоба. В кишлаке Ашоба по гребням хребтов, окружающих кишлак, особенно с востока, разбросаны отдельные курумы. Другой могильник находится на адрах на юго-восток от кишлака.

Гудас. Сай, проходящий по кишлаку, называется Гудас-сай. От самой развилки, где дороги идут одна в нижний Гудас, а другая - в верхний, начинается цепочка курумов вдоль сая по вершинкам отрогов до самых гор (отроги, вытянутые с юга на север).

На вершинках в общей сложности может быть около 50-60 курумов. Но они расположены очень редко и далеко друг от друга. Говорят, что еще в недавнее время здесь были целые курумы и что они разрушились совсем недавно. В предыдущее перечисление мест курумов входят и курумы верхнего Гудаса.

Курумы большие, расплывчатые, с двумя полосами больших камней и присыпкой из щебня. Камера плохо видна, очень плоская, с очень нечеткими границами.

На площадке, перед подъемом в к. Гудас, 2 курума и один каменный курган. Один курум очень большой (диаметр 29 м, высота 1 м). Сложен из окатанных камней средних размеров, с тремя намечающимися и хорошо видимыми камерами. Перекрытие не сохранилось. Возможно, это слившиеся воедино три курума, поставленные когда-то рядом.

Другой курум тоже больших размеров (диаметр 18 м, высота 2 м). Насыпь из больших окатанных камней. Кое-где намечается обкладка, но по всей вероятности не был двухчастным. Очень хорошо видны кольца. Рядом, на восток от курума, кольцевая выкладка из камней, типа бронзовых Даханы — одна.

Дальше по дороге еще 4 курума, два каменных, а 2 — типа каменных курганов, присыпанных землей. По восточной стороне, если ехать в Гудас Верхний (Гудаси Боло), курумы расположены в 2 линии, по вершине отрогов и на террасе сая, где их около 15.

Сарвак-сай. На юго-юго-восточной стороне сая, в 5 км на юг от кишлака Сарвак по предгорьям группа курумов около полутора десятков. Выехав из кишлака на северо-запад по горам тоже имеются курумы, расположены они, по рассказам местных жителей, друг от друга в 200-300 м.

Могол-Тау. На северо-запад от Ленинабада по старой дороге к перевалу Бадабек и на северо-восток от города, к востоку от Кансайского шоссе отмечено свыше сотни курумов.¹

В 1955 и 1957 гг. мы производили раскопки в 7 могильниках, причем было вскрыто 160 курумов.² Ниже дается характеристика раскопанных могильников.

Ашт (табл. 67, 72-78).

Могильник расположен в 2 км к ЮЗ от Ашта, к западу от шоссе от дороги Ашт — Ленинабад. Местность, в которой он находится, является участком резко наклонной подгорной равнины, сложенной пролювиальными отложениями. Ее перерезают русла двух крупных и бесконечное количество мелких саев. На поверхности — масса щебня и крупных камней. Иногда они образуют "дорожки", "круги" и более сложные фигуры.

С севера к этому участку примыкают сильно разветвленные и низкие отроги сзади лежащих передовых хребтов, по существу это всего-навсего холмы. По хребтикам многих холмов располагаются курумы.

1. А.Е. Маджид, 1957, стр.78-79.

2. Б.А. Литвинский, 1956, стр.37-46; он же, 1959, стр.109-129.

Основная часть могильника имеет вид полосы, вытянутой с ССЗ на ЮВ. В этой полосе располагаются 80 курумов. Судя по внешнему виду, большинство является каменными ящиками, но есть (видимо несравненно меньше) и муг-хона, в том числе с сохранившимся перекрытием входа. Кроме того, имеется 4-5 курганов с каменной насыпкой (не считая сомнительных). Здесь они разбросаны группами по три-четыре сооружения, в 30-40 м друг от друга.

На отрогах хребтиков на западе и северо-востоке от могильника множество курумов — одиночных или мелкими группами. Судя по расспросным сведениям, могильник раньше доходил до южных окрестностей к.Ашт. Сейчас большое количество курумов или разобрано, или превращено в загоны для скота. Именно здесь, по-видимому, производил раскопки в 1885 г. Н.И.Вeselовский (см. выше стр.141).

В 1957 г. мы вскрыли здесь 25 курумов. В 1961 г. Е.Д. Салтовская произвела вскрытие еще 5 сооружений.

Аштские курумы имеют вид каменных насыпей диаметром 7-13 м и высотой до 2,5 м. Внешнее кольцо у них иногда выражено укрупнением камня, но почти никогда не является конструктивным элементом. Вокруг камеры, расположенной обычно точно в центре, также укрупнение кладки (опять же не во всех случаях).

У всех раскопанных курумов ориентация камеры (ее размеры от 0,9 x 2,5 до 2,9 x 3 м) одинаковая, она, как правило, вытянута СЗ-ЮВ, реже — ССЗ-ЮЮВ. Сама камера имеет в плане квадратную, прямоугольную, неправильно четырехугольную или овальную форму. Курумы различаются в части конструкции наличием или отсутствием входа.

Курумы со входом имеют вход в восточной части камеры, причем он оформлен в виде коридора, пересекающего всю насыпь или ее часть. Иногда коридор понижается к концу насыпи. Его перекрытие состоит из очень крупных плоских каменных плит.

Образцом такого рода курумов может являться курум № 9. Диаметр насыпи 12-12,5 м, высота ок.2 м. Здесь два довольно четко выраженных кольца из более крупных камней — внутреннее и внешнее. Камера почти круглая в плане (диаметр 3 м).

Стены ее выложены в основании очень крупными камнями, выше идет аккуратная кладка из средних камней. В юго-восточной стороне вход в коридор. Сохранилась одна плита перекрытия, длина ее 1,35 м, ширина 0,45 м, легко перекрывающая 75-сантиметровую ширину коридора (длина четко прослеживаемой его части 2,20 м). Коридор высокий, у входа 1,4 м. Курумы этого типа составляют примерно четверть раскопанных.

Вариантом этого типа являются такие курумы, у которых вход оформлен порогом на один камень высотой. В них, как правило, входной коридор прослеживается с трудом. Таких курумов также около четверти общего количества.

Второй тип — это курумы с камерой, не имеющей входа. Устройство камеры такое же, как у курумов первого типа. Насыпь у них редко оформлена кольцами, чаще совершенно однородная. Характерными курумами этой группы являются № 4 и 31. Их насчитывается около половины общего числа.

Перекрытие камер не сохранилось ни в одном случае. Лишь кое-где прослеживается нависание длинных стен, но незначительное, порядка 10–15 см с каждой стороны. В куруме 28 отмечены примитивные тропы. Намек на них можно видеть в куруме 15. При возведении курума 14 был использован большой камень (1,2 x 0,5 x 0,6 м), составивший часть северо-западной стенки.

Сохранность костяков в курумах Аштского могильника исключительно плохая. Практически судить даже о количестве погребенных в большинстве случаев нельзя. Керамика же, благодаря обрушению верхних частей камер, разбита на большое число фрагментов. Можно лишь говорить, что в ряде случаев имели место множественные захоронения и, с другой стороны, говорить о наборе погребального инвентаря.

Поэтому в описании ограничимся парой примеров.

Курум 2. Округлой формы (диаметр 10 м). В центре камера округлой формы (2,30 x 1,95, при высоте 0,60–1,05 м), узкой стороной на СЗ. Перекрытие обвалилось, проход отсутствует. Стенки камеры выложены из крупных камней неправильной формы, укладка их — ложком и тычком.

Заполнение состояло в верхней части из крупных камней

перекрытия, в нижней — из мелких камней и щебня. На дне, на грунте — множественное захоронение. В вытянутом на спине положении лежали как бы в ряд четыре скелета. Сохранность их страшно плохая, лишь у двух центральных можно было проследить направление позвоночников, а руки были вытянуты в вдоль тела, у крайних остались лишь кости ног. Ориентированы они были головой на ССЗ, судя по сохранившимся костям таза, среди них была по крайней мере одна женщина.

Курум дал большое количество инвентаря. Среди них много украшений: бронзовые перстни и серьги, разнообразные бу-сы, косметический набор, бронзовая и две железных пряжки, китайская бронзовая монета типа у-шу и т.д. Имеется железный нож. Здесь же найден один сосуд с зооморфной ручкой и 12 керамических фрагмента (склеилось 4 сосуда).

Курум 6. Округлой формы (диаметр 12 м, высота 3 м) со слабо оформленным внешним кольцом. Прослеживается также увеличение размеров камня в центре, вокруг камеры.

Камера помещается в центре, незначительно смещена к ЮЗ. Камера имеет в плане вид неправильного четырехугольника (2,75 x 1,75 м) с усеченной южной стороной, ориентирована СЗ — ЮВ. Основание стенки длинной северо-восточной стороны состоит из 3 поставленных на ребро каменных плит (длина двух из них по 1 м), северо-западный торец сложен средними по размеру камнями. Наиболее мелкие камни в юго-восточном торце, здесь не исключено наличие прохода.

На полу камеры — небольшой слой щебня с землей. При его расчистке обнаружены совершенно разложившиеся кости человеческого скелета. Из находок следует отметить стерженек для сурьмления, бронзовые серьги (2 экз.), железную пряжку. У стенок камеры было 7 скоплений керамических фрагментов (свыше 300), из них склеилось 7 сосудов.

Бобоидархан (табл. 70, 79-91).

В западной оконечности кишлака Бобой-Дархан начинается горловина долинки, образованной двумя небольшими хребтиками — северным Кухи-Сиях и южным — Кухи-Сурх. Очень крупные и скалистые, они постепенно расходятся, и долина расширяется с во-

стока на запад. На расстоянии километра от кишлака ширина долины достигает 0,75 км. Здесь она упирается в третий хребет и завершается. Однако выщелки этой долины в виде двух полого поднимающихся ущелий уходят — один на запад, другой на северо-запад. В западном ущелье проходит дорога на кишлак Муллои Мир. Здесь, на перевале, есть мазар. Почва долины, а также ущелий каменистая, покрытая щебнем. Здесь располагаются выносы саев, с песчанисто-галеchnikовыми отложениями.

Эту местность население кишлака называет Дашти-Шуро — бак. В южной и меньше — в северной части долины, прижимаясь к хребтам, разбросаны курумы. Они располагаются также на мелких выступах хребтов и тянутся на запад, вдоль дороги на Муллои Мир. Всего здесь свыше сорока курумов, сконцентрированных в несколько групп. Они отстоят друг от друга на 20—50 м, но чаще — на более значительное расстояние. Курумы Бобойдархана имеют вид насыпей с провалами-камерами. Размер их: диаметр 7—14, высота 1—2 м.

На курганном поле, в его южной части, была найдена зернотерка и клад караханидских монет XI в.

В 1955 г. нами было вскрыто в этом могильнике 32 курума.¹

Лишь в нескольких курумах более или менее сохранились костяки, в большинстве же случаев это разрозненные кости, главным образом — конечностей. Судя по костным остаткам, были камеры с одним скелетом, в других же обнаружены следы нескольких захоронений. Ориентация курумов неустойчивая. Можно подметить лишь одну закономерность: камеры вытянуты и обращены входами вдоль долины ущелий или к их тальвегам, но никогда — к хребтам.

Погребальные сооружения двух типов. Один тип (свыше четверти всех сооружений) имеет насыпь или совершенно аморфную, или со слабо выраженным внешним кольцом. В центре насыпи — подквадратная или прямоугольная, обычно широкая камера (от 1,6 x 2 до 2,5 x 3 м) чаще со входом. Характерной отличительной чертой таких камер является устройство стен

И. Б.А. Литвинский, 1956, стр.38-39.

основания из поставленных на ребро очень крупных плит. Образцом такого рода кур. юв является БДШ-2, подробно описанный ниже. Ни в одном случае перекрытие обнаружено не было. По-видимому, стенки вверх все же давали некоторое нависание, затем уже они перекрывались плитами очень больших размеров. В поле насыпи БДШ-15 лежит, например, плита перекрытия размером 1,30 x 0,52 м.

Разрушенный каменный ящик № 7 (описан ниже) дает другой вариант - узкопрямоугольный (2,1 x 0,6 м).

Другой тип курумов Бобой-Дархана - это курумы с овальной в плане камерой, имеющей сводчато-плоское перекрытие. Они очень близки к типу таких же сооружений Карамазар-сая. Опишем БДШ-7а. Насыпь в плане круглая (диаметр 8 м, высота 2 м). По-видимому, имелось внешнее кольцо, сложенное из камней небольших размеров и плитообразных камней 40x25, 40x30 см. Собственно насыпь из камней порядка 15-20 см в поперечнике. В центре - вытянутый с ССВ на ЮЗ овал камеры. Основание равно 2,30 x 1,4 м. Стенки камеры выложены плиточным камнем среднего размера, встречаются и более крупные (45 x 11 см). Кладка в основной части беспорядочная, лишь кое-где прослеживается цепная кладка. Вверху, благодаря нависанию рядов кладки, она суживается до 1,6 x 0,7 м. Перекрытие было на высоте 1,7-1,8 м, часть его плит свалилась.

То же самое БДШ-10 (насыпь без колец, сохранившаяся высота стен 1,6 м). В БДШ-21 часть перекрытия сохранилась - камера была перекрыта на высоте 1 м, а в БДШ-34 перекрытие можно предполагать на высоте 1,5-1,6 м.

Имелись и кенотафы. БДШ-22 - невысокий курганчик с насыпью из камней среднего размера и мелких. Диаметр насыпи с юга на север 4,60 м, с запада на восток 5,20 м, высота ок. 0,7 м. Почти в центре насыпи, чуть к западу, наполовину выступая из земли, лежит громадный камень из красного гранита. После снятия каменной поверхности кургана начался твердый нетронутый грунт. При углублении на 0,75 м изменений нет. Создается впечатление, что камни были набраны в виде кургана на материковую поверхность, т.е. это кенотаф без погребальной камеры.

К у р у м 2. Курганная насыпь сложена из небольших кусков красного гранита с примесью щебенки. Кольцо из камней в основании насыпи прослеживается участками. Диаметр насыпи 10,4, а высота 1,4 м, в центре из огромных камней был выложен прямоугольник, заполненный камнями таких же размеров (90 x 33 x 20, 91 x 32 x 30 см — камни завала). После полной расчистки он оказался погребальной камерой. Длина камеры 3 м, ширина камеры 2,40 м, высота у торцевой стены 1,35 м, у входа 1 м. Камера в плане прямоугольная. Из всех сторон наиболее выпуклая — южная. Камера вытянута с запада на восток и ориентирована сторонами по странам света. Сверху камера была заполнена огромными камнями, ниже их — камни поменьше. Над полом слой щебня и мелкой гальки в 18–20 см. Пол ничем не выстлан, земляной, со щебенкой. Вход в камеру с востока, ширина его 53 см, высота 70 см, высота порога, оформленного каменной ступенькой, 30 см. Вход, видимо, перекрывался плоским камнем. Над самым входом перекрытия нет, следующий камень сохранился. Вход забит мелкой галькой, щебенкой. Стены камеры вертикальные, сложены из больших, с ровной поверхностью камней, поставленных на ребро (максимальная высота 80, минимальная — 34 см). Выше они лежат плашмя (3–4 ряда). Щели, образованные между неплотно пригнанными друг к другу камнями, заполнены рыхлой землей с галькой и обломками камней. Поверхность стен аккуратная, ровная, выкладка кое-где цепная. Прослеживается стремление создать вертикальную перевязку. В южной половине камеры лежали в беспорядке кости. В центре лежат мелкие обломки костей черепа. Сохранился сосцевидный отросток, по которому видно, что череп принадлежал мужчине. Южнее, рядом, лежит нижняя челюсть и бедренная кость. У южной стены лежал обломок, по-видимому, бедра, одна тазовая кость животного, локтевая кость, верхняя часть крестца, плечевая кость, у самой стены — тазовая кость животного, за ней — пяточная кость, кусочки ребер, опять тазовая кость, шейный позвонок, грудной позвонок, бедренная кость, кусок бедра (коленный сустав), тазовая кость, головка плечевой кости, обломки длинных костей человека, кусочки поз-

вонков. Кусочек височной кости с сосцевидным коротким и маленьким отростком принадлежал женщине. Здесь же найден первый шейный позвонок — атлант, лучевая кость, большая берцовая, локтевая, таз какого-то животного, небольшая локтевая кость, лучевая, косточка запястья, плечевая кость, кусочек таза (по-видимому, детского). Под восточной стеной лежали в углу кусочки костей черепа, перед входом локтевая кость и обломки длинных костей человека.

Таким образом, создается впечатление, что в южной половине камеры лежат, по крайней мере, два скелета: I мужской и I женский и, может быть, детский. В северной половине камеры лежат пяточная кость, часть большой берцовой, обломки костей черепа, плечевая кость, часть черепа, локтевая и большая берцовая кости, за ними плечевая кость и рядом длинная кость какого-то животного. Возможно, это еще одно захоронение.

В южной половине камеры, среди разбросанных костей, довольно много находок: серьги бронзовые, бусы, стержень для сурьмления, кусочек графита, оселок. В центре — костяное пряслице, в северо-восточном углу — миниатюрный сосуд.

К у р у м 7 . Невысокий каменный курган с насыпью крупных и средних камней красного гранита. Расположен у дороги в сильно покатой с запада на восток местности. Насыпь имеет почти круглую форму, вытянутую с запада на восток, диаметр 8,60 м, высота 0,9 м. Ямы, обложенной камнем, в центре кургана не было, камни были набросаны в беспорядке. В рыхлом слое земли, в южной половине кургана, под камнями, найдены фрагменты длинных костей коня, рядом, в центре кургана, на этой же глубине, стремя железное и фрагмент оронзового зеркала. При дальнейшей расчистке выявилась стена из камней, стоящих ромбом в северной части насыпи, над ними ряд камней, лежащих плашмя, горизонтально. Стена эта четко прослеживается на востоке и частично, одним камнем, делает заворот на юг, где она исчезает. В западной части кургана сохранился только I камень этой стены. Все это сооружение является разрушенным каменным ящиком. Ширина его по сохранившейся восточной и частично

южной стенке 60 см, длина 2,1 м. Над полом слой земли с галькой и щебенкой. Ориентирован восток-запад. Внутри него, у восточной стенки, найдены были фрагменты мужского (судя по сосцевидному отростку) черепа, несколько разрушенных грудных позвонков, один шейный, халцедоновая бусина. По-видимому, это первоначальное захоронение. Высота камней ящика, стоящих ребром, 50-53 см.

Восточная стенка образована одной квадратной плитой из красного гранита (50х50). Позже, в средние века, южную полу кургана, а вместе с ней и южную стенку ящика разбросали и захоронили здесь коня. Стремена за пределами предполагаемого ящика, одно в южной части кургана, в беспорядочно наваленных камнях, а другое ближе к центру, но тоже за стеной. Рядом со вторым стременем были найдены кости коня; остатки таза, лодыжка, немного к востоку фаланга копытная. Все находки, в том числе и кости, на одном уровне, примерно на глубине 75-80 см. Пол ящика и площадь под конским погребением гораздо ниже материковой поверхности. Костяк коня находился в каменном завале, в южной части кургана, примерно метрах в двух от предполагаемой южной стенки ящика.

При конском захоронении два железных стремена (одно, упомянутое выше, целое, другое - фрагментированное) и фрагмент бронзового зеркала. В ящике же была найдена одна бусина.

К у р у м 9а. Расположен на склоне гор, с юга спускающихся к дороге. Насыпь очень невысокая, расползшаяся, сложена из красного гранита, частью рассыпавшегося и превратившегося в крупный красный песок. Насыпь (диаметр 8 м, высота 1 м) была сложена из камней небольших размеров (10 х 15 х 10 см). В центре несколько крупных камней (50 х 40 х 20 см). На полу находился громадный камень-монолит. Размеры его 1-1,50 х 1,10 м. Он образует собой сильно нависающую восточную стену. Нависание у основания 45 см, на высоте 50 см - 18 см. Камера имеет форму неправильного овала (2,1 х 1,4 м), ориентация СЗ-ЮВ. Северо-восточная стена прямая, юго-западная - округлена, Южная торцовая

стена образована одним громадным камнем, размеры его 1,10 х 0,5 м. Четкого входа нет. Глубина камеры 1 м. В юго-западной половине камеры лежат в беспорядке человеческие кости. Есть основание предполагать, что здесь было не единичное захоронение (3 головки бедренных костей). Здесь же найдена небольшая железная пряжка. В юго-восточной четверти камеры еще одно скопление человеческих костей, в беспорядке большая берцовая, две малые берцовые, локтевая, лучевая кости, 2 поясничных позвонка, косточки плюсны и первая фаланга. Найдены еще локтевая кость и ключица. Все кости поражают своей величиной и мощностью. Скелеты, по-видимому, оба принадлежат очень крупным мужчинам. Некоторые кости черные, обгоревшие — на уровне скелетов по всей площади камеры слой древесного угля.

К у р у м 39. Расположен на одной из холмистых гряд, спускающихся к долине. Насыпь из мелких и средних камней, аморфная (диаметр 8,5–9 м, высота 0,9 м). В центре насыпи — овальная камера, ориентированная СЗ–ЮВ (2,1 х 0,7 м). Стены камеры выложены из средних камней, положенных без особой системы. Нависания на сохранившейся высоте не отмечаются.

Вдоль продольной юго-западной стены, головой на СЗ — скелет неплохой сохранности. Это вытянутое на спине женское захоронение. Руки вытянуты вдоль корпуса, правая — в положении пронации. Лицевая часть черепа и часть таза разрушены. У головы — крупный сосуд с двумя ручками. У черепа справа — серьга (бронзовое колечко с бусиной). У кисти правой руки — железный нож. В районе шейных позвонков — бусы. Близ правого бедра — трубчатая кость барана (9).

Дашти-Бадамак (табл. 71, 92–96).

От Пангазской долины в местности махалля Пушти-Гардан отходит широтная долина, которую жители называют Дашти-Муг, т.е. долина мугов. Зажатая двумя хребтиками, она постепенно сужается и вместе с тем повышается с востока на запад. В южной половине долины — русло сая, густо усеянное галькой и валунами.

В этой долине, — другое ее название Дашти-Бадамак, —

на расстоянии около 2 км от устья, разбросано свыше четырех десятков курумов. Наиболее густо они расположены в юго-восточной части этой местности, реже - в западной.

Пробные раскопки трех курумов были нами осуществлены здесь в 1955 г.¹ Кроме того, 19 курумов были вскрыты в 1957 г.²

Курумы Дашти-Бадамака имеют вид беспорядочных куч камней диаметром 8-14 м, при высоте 1-2 м. Внешние кольца у насыпей, как правило, отсутствуют, сама насыпь аморфная, из средних и мелких камней. Камеры расположены в центре насыпи. Камеры имеют овальную или подпрямоугольную форму (от 1,1 x 2,2 до 1,3 x 3 м) и ориентированы чаще всего ВЗ или (реже) СЗ-ЮВ, строго вдоль долины.

Сами камеры большей частью выложены бессистемно, кладка их стен не имеет строгой упорядоченности. Эти курумы полностью напоминают основную группу курумов Бобои-Дархана.

В некоторых камерах прослеживается обрушившийся проход. Так, ПБ-8 проход - в торцевой стене овальной камеры. Стены его оформлены двумя вертикально поставленными плитами (75 x 35 x 30 и 85 x 37 x 26 см). На них покоится перекрытие тоже в виде большой каменной плиты 65 x 37 x 20 см. Сохранился порог, возвышающийся над полом на 17 см.

Иной вид имеет камера курума №21. Он очень плохо сохранился, фактически в наличии лишь основание камеры. Это почти точный прямоугольник длиной 2,1, шириной 1,5 м, ориентированный СЗ-ЮВ. Основание стен состоит из 9 специально подобранных мощных плит, поставленных на длинное ребро. К сожалению, вышележащие слои кладки практически не сохранились. Близок к нему и ящик курума 23 (камера 2 x 1,2 м). Здесь наблюдается на двух сторонах (южной и западной) регулярная кладка над основанием. Один из углов перекрыт под углом 45° плитой-тротуаром (на высоте 0,90 м). Ящик курума 3 имел проход.

Сохранность погребений очень плохая - костяки большей частью полностью разрушились.

1. Б.А. Литвинский, 1956, стр.38.

2. Б.А. Литвинский, 1959, стр.109-110.

К у р у м 3 . Насыпь из мелкой каменной засыпки (диаметром 10 м, высотой 1,5 м). Насыпь без кольца, напоминает курганную. В центре – провал – камера. Она имеет неправильно-овальную форму, одна из продольных сторон почти прямая, другая – выпуклая. Размеры камеры 2 x 1,3 м, ориентирована СЗ-ЮВ. Основание камеры сложено из крупных плит, поставленных на длинное ребро. Так, торцовая сторона состоит из двух таких плит, размеры большей из них равны 70 x 40 x 20-30 см. Выше начинается довольно бессистемная кладка из плашмя положенных камней, причем с очень незначительным нависанием (на высоту 1,4 м). На юго-восточной торцовой стене – вход. "Косяк" оформлен изнутри вертикальной плитой (высота 0,95 м), сейчас вход завален, он имел раструсообразный план.

Грунтовое дно камеры покрыто слоем щебня. Плохо сохранившиеся кости показывают, что костяк был вытянут вдоль камеры. Из находок интересен сосуд с зооморфной ручкой и бусы.

К у р у м 7 . Беспорядочная насыпь из средних и мелких камней (диаметр 9,5-10,5 м, высота 1,75 м). Внешнего кольца нет. Несколько смещенная к юго-западу от центра насыпи овальная камера, вытянутая с СЗЗ на ЮВВ. Устье камеры выложено из крупных плит. Основание камеры овальное, 2,1 x 1,45 м. Стены выложены внизу из больших каменных плит, выше идет кладка из крупных и средних камней. Стены камеры поднимаются на сохранившуюся высоту (1,25 м) почти без нависания. Заполнение верхней части камеры очень крупными камнями (70x35x20, 70x30x25, 68x27x23, 80x52x24 см) свидетельствует вместе с тем о плоском перекрытии. Не исключено, что в восточной стене был проход с порогом.

Над полом – тридцатисантиметровый слой щебенки. В нем обнаружены (в центре и у западной стены) мелкие кости человеческого скелета, а рядом бусы и железный перстень. В западной половине камеры – глиняный сосуд, железный наколечник и человеческие кости. В восточной – развалившийся череп, фрагменты костей, а также глиняный сосуд, бусы, каменные оселки.

К у р у м I 6 . Насыпь круглая (диаметр I2, высота I,7 м), сложена из мелких и средних камней. Внешнее кольцо отсутствует. В центре насыпи — устье овальной в плане камеры, вытянутой с востока на запад. Основание камеры также овальное (2,25хI,3 м). Кладка нерегулярная из средних камней. Никакого подбора или подгонки камней нет. Вместе с тем происходит непрерывное суживание камеры кверху с помощью нависания вышележащих камней. На высоте I,15 м ширина камеры 0,6 м, т.е. сужение в два раза. Выше, вероятно, были плоские каменные плиты — тогда перекрытие можно называть сводчато-плоским. Прохода нет.

В слое щебенки, покрывавшей грунтовый пол камеры, — развалившиеся кости человеческого скелета. У северной стенки многочисленные фрагменты керамики (два скопления). В северо-восточном углу — два железных наконечника стрел, а также бусина. В юго-восточном углу — две железные пряжки с подвижными язычками.

Кармазар-сай (табл. I07-I18).

На правом и левом берегах Кармазар-сая на большом протяжении имеются одиночные курумы и группы их. Одна такая группа расположена примерно в 8-9 км к югу от центра кишлака Кара-Мазар, начинаясь неподалеку от местности Чиль-Духтарон (или Кырк-кыз). На этом участке сай течет между двумя довольно высокими меридиональными хребтами, расстояние между которыми 300-500 м. Сай промывает середину резко понижающейся долины, по бокам образовались террасовидные галечниковые уступы разной высоты. Они перерезаны широкими лощинами и узкими обрывистыми оврагами, вблизи гор покрыты камненными осыпями. По гребням образовавшихся мелких хребтиков, а также между ними, в низинах, на уровне первой террасы, расположены курумы — всего около 25, причем они расположены группами по два-три, каждый из входящих в группу курумов отстоит от соседних на 8-15 м. К востоку от этой группы, по северному берегу безымянного сая, имеются многочисленные скопления курумов. Общее число их достигает ста.

Большинство сравнительно плохой сохранности. До раскопок они имели вид осыпавшихся куч камней (диаметром 7-14 м, высотой 1-2,5), внутри которых виден провал-камера. Исключением является курум 18, расчищенный местным населением и использовавшийся в качестве загона для скота.

В 1955 г. нами был здесь вскрыт 31 курум.¹ Во всех погребениях скелет почти полностью или совершенно разрушен, погребения часто подвергались ограблению. При раскопках курумов этой группы были сделаны довольно разнообразные находки (наконечники стрел, бусы, керамика и пр.). Курумы этой группы чрезвычайно разнообразны по конструкции.

Среди них имеются типичные мугхона - с двойным кольцом стен и внешним (третьим) цокольным кольцом. Прекрасно сохранившимся образцом является курум 18 (описан в разделе "обряд"). Менее сохранилась мугхона №2. Она также имеет внешнее невысокое (до 0,5 м) цокольное кольцо. Диаметр мугхоны с кольцом 8-7 - 10 м, без кольца 5,9 x 4,35 м, высота 1,5-2 м. В кладке среднего кольца использовались крупные камни (до 45 x 60 x 15 см), забивка между средним и внутренним кольцом из мелких камней. Кладка внутреннего кольца, т.е. стенок камеры (она овальная, 2,2 x 1,1 м), очень аккуратная, из крупных камней. Стены камеры имеют в разрезе вид вогнутой кривой - они образуют купол. Входной коридор открывается в восточной торцовой стенке камеры. Он был перекрыт большими плитами.

Второй тип могильных сооружений - это каменные ящики со сводчато-плоским перекрытием и без прохода. Они имеют прямоугольную или овальную камеру, в которой кладка ведется по типу ложного купола, но на определенной высоте (порядка 0,8-1,2 м) обрывается. Устье камеры перекрывалось большими плоскими плитами, положенными поперек камеры. По-видимому, сверху эти плиты засыпались мелким камнем. Образцом таких "ящиков" является МКМ-7 (описанный ниже). Перекрытие камеры поперечными плитами на высоте ок. 1 м сохранилось в МКМ-41.

¹Б.А. Литвинский, 1956, стр.31.

Следует также добавить, что насыпь иногда имела вы-
раженные кольца (2 или 3), но не кладку. Такого типа ящик
МКМ-13 имел необычную овальную насыпь (4,5-5,9 м) с тремя
четкими кольцами: внешним, средним и кольцом камеры. Преи-
мущественная ориентация север-юг.

Основную часть погребальных сооружений Карамазар-сая
составляют именно ящики со сводчато-плоским перекрытием,
типичные мугхона единичны (примерно, десятая часть обще-
го количества). Кроме того, у некоторых "ящиков" можно
подозревать наличие входа.

К у р у м 7 . Снаружи имеет вид крупной кучи из
мелких камней (диаметр 12-13,5 м, высота 1,5 м). При изу-
чении насыпи выявляются внешнее кольцо и внутреннее уп-
лотнение из более крупных камней. Здесь имеется провал
камеры, частично сохранившей перекрытие. Камера прямоу-
гольная (1,0 x 2,3 м по основанию), со скругленными угла-
ми, приближающаяся к овальной. Она ориентирована с СЗ на
ЮВ. Камера выложена, в основном, из камней среднего раз-
мера, преимущественно 15x25x10 - 20x30x10 см. При этом
внизу лежат мелкие камни, затем камни покрупнее и т.д. На-
висание у длинных сторон и у юго-восточной торцевой - не-
большое, очень сильное - у северо-западной стены. Пере-
ход к округлению углов облегчен в углах переборской пли-
ты с одной стороны на другую. На высоте 0,8-0,87 м камера
суживается до 0,6 x 1,8 м. На этом уровне устье камеры
перекрывалось плоскими плитами. Две такие плиты сохранились
(в северо-западном углу): 70x20 - 30x15 и 60x20 - 50 x
12 см.

Пол камеры выстлан каменными плитами. На полу - со-
вершенно разложившиеся кости человеческого скелета, по-
видимому, разбросанные. На полу сохранились некоторые пред-
меты погребального инвентаря. Примерно в центре камеры-два
железных наконечника стрел, неподалеку - железная игла,
несколько бусин, фрагменты керамики.

К у р у м 57 . Имел вид уплощенной насыпи из сред-
них камней (диаметр 8-8,5, высота до 1,5 м). Насыпь аморф-
ная без цоколя или кольца. Камера несколько смещена к се-

веро-восточному концу насыпи. Она имеет форму неправильного овала (2,4х1,3 м), вытянутого с СВ на ЮЗ. Стены камеры сохранились на высоту 0,75 м. Кладка стен предельно небрежная. Основание из крупных камней (70х30, 60х35, 50х25 см), выше средние камни. Нависания на сохранившейся высоте не прослеживаются. Плит перекрытия ни на самом куруме, ни в непосредственных окрестностях его обнаружить не удалось, если не считать камней длиной порядка 60-70 см (обычно плиты перекрытия имели длину около метра или больше). Тем не менее отсутствие прохода и характер устройства насыпи склоняют к тому, что перед нами каменный ящик.

Над полом слой мелкой щебенки - 15-20 см. Кости скелета (скелетов?) сохранились настолько плохо, что о них практически ничего сказать нельзя. Весь инвентарь находился в юго-восточной части камеры. На юго-востоке, близ соответствующей продольной стены - фрагменты глиняного кувшинчика грушевидной формы без ручки, из очень плохого теста. Бусы были разбросаны в средней части камеры (35 штук). Следует отметить также три стерженька для сурьмления, кусочек графита, железную пряжку с подвижным язычком, фрагменты трех железных игл.

Кара-сай.

Находится на восток от кишлака Дахана. Здесь, в тех же условиях, что и в Чарчанак-сае (см. ниже, стр.171), но на гладком предгорном адыре, в полосе 3-4 км, разбросаны 19 курумов. Нами в 1957 г. вскрыто два курума.¹

К у р у м I. Диаметр насыпи 10,5-12 м, высота 1,5 м. Сложена из мелкого и среднего камня. Внешнее кольцо отсутствует.

Камера в центре несколько сдвинута к юго-востоку. Сверху она имеет форму вытянутого эллипса. Узкой стороной ориентирована на юго-восток.

Кладка стен аккуратная, из однородного материала. Почти все камни уложены на широкую грань и обращены к

И. Б.А. Л и т в и н с к и й, 1959, стр.109.

центру малым торцом. В нижней части стен, а именно в центре северо-восточной, почти на всей северо-западной стене (за исключением северного угла) и в западном углу юго-западной стены камни обращены к центру продольным торцом. Основание камеры — прямоугольник со скругленной юго-восточной стороной. Что касается последней, кладка здесь неравномерная: нижняя часть (до 25 см от пола) выложена так же, как и остальные три стены, но выше идет одна большая плита, повернутая к центру продольным торцом (60 x 20 см), затем обычная кладка и снова плита (торец 65 x 10 см). Выше кладка обычная. Тромпы отсутствуют.

Основные размеры камеры: 2,4 x 1,3 м при высоте 1,20–1,40 м. Пол засыпан щебнем. Кости не обнаружены, есть лишь 39 фрагментов глиняного сосуда.

К у р у м 2. Насыпь — как у предыдущего. Каменный ящик с обвалившимся сводом, округлой формы, с россыпью камней на запад и восток.

Камера в центре ящика. Сверху она имеет эллипсоидную форму, узкой стороной ориентирована на юг. Кладка стен отличается от предыдущего курума тем, что весь нижний ряд состоит из больших камней, повернутых к центру продольным торцом и что южная стена имеет только одну плиту (70 x 15 см) на расстоянии 25 см от пола.

Камера внизу представляет из себя неправильный, вытянутый прямоугольник, с некоторым расширением в центре и несимметричной южной стеной. Тромпов нет. Проход отсутствует. Основные размеры камеры: длина 4,1, ширина 1,2, высота 1–1,20 м.

В северной части сохранилась часть свода, выложенная, подобно стенам камеры, из продолговатых камней, обращенных к центру малым торцом. Их поддерживают плиты, покоящиеся на широкой грани и образующие нижнюю часть перекрытия — основу.

На полу — 20-сантиметровый слой щебня. Есть мелкие фрагменты костей человеческого скелета. Из инвентаря: глиняный кувшин и фрагменты керамики, стеклянные бусы и китайская монета типа у-шу.

Курук-сай (табл. II9-I27)

В 1,5-2 км на ЮЮЗ от рудничного поселка Курук-сай имеется лощина, с трех сторон окруженная невысокими грядами. На гребнях этих гряд, а также частично у их оснований, расположено около десятка курумов. В 1955 г. здесь нами было раскопано семь из них.^I

Сами могильные сооружения по своей конструкции принадлежат к типичным муг-хона с двойным или тройным кольцом (внешнее - цокольное). Диаметр этих сооружений - 6-8,5 м, сохранившаяся высота до 2,5 м. Камера подпрямоугольная (по основанию 1,5 x 2,1 м - 1,7 x 2,5 м). Камера ориентирована СЮ, проход - коридор начинался в южной стене, причем иногда он под углом к длинной оси камеры. Камера перекрыта ложным куполом, коридор - плоскими плитами или нависанием камней. Кладка стенок велась в основании крупными камнями, выше шли более мелкие камни. Кладка велась всухую, без раствора, в некоторых курумах небрежно, в других - тщательно. В одном случае пол образовали каменные плиты (курум 5).

Погребения оказались нарушенными. Так, в куруме I найдены разбросанные кости ног, таза, шейные позвонки - у западной стенки камеры. В куруме 7 кости скелета в беспорядке разбросаны у северной части камеры, а несколько фрагментов черепа - в юго-восточной части, близ входа. Здесь найдено несколько фрагментов керамики, две бусины, раковины каури. В некоторых курумах вообще не сохранилось следов погребения.

Наиболее многочисленные, хотя также нарушенные остатки захоронения дал курум 2.

Курум 2. Расположен на гребне гряды. Он сильно разрушен. Наружное кольцо-стена сохранилось на севере, востоке и западе, на юге же обвалено. По основанию муг-хона завалена обрушившимися камнями. Вход также завален, "цокольное" внешнее кольцо отсутствует. Наружная высота 1,7 м. О наклоне внешних стен дает представление то, что

на высоте 1,60 м наклон равен 30 см. Диаметр муг-хонь сверху 6,5-7 м, размеры камеры сверху 1,80 x 1,20, толщина стен 2,20-3 м (они толще вдоль длинных стенок камеры). Камера овальная, вытянутая почти точно с севера на юг.

Нависание стенок камеры незначительное, размеры по основанию 2,10 x 1,35 м. Лишь западная стенка отступает вглубь на 15 см. Пол камеры неровный — более покатый к краям.

Кладка стенок камеры небрежная. Например, в нижнем ряду, наряду с большими плитами, мелкие неправильной формы камни, причем поставленные под углом. В большие промежутки забито очень много щебня.

На высоте 50 см над полом — щебенка. В ней на высоте 40 см — округлая железная пластинка неизвестного назначения. На высоте 30 см — железный нож хорошей сохранности. Кроме того, недалеко от ножа железная пряжка с подвижным язычком, раковины-каури, три бусины, железное кольцо. Все эти находки в северо-восточной части камеры. Близ каждой стенки — обломок железной иглы. Кроме того, найдено много фрагментов керамики. Основная часть их в северо-западном углу, там, где скопление костей. Один фрагмент найден на уровне ниже стен.

Впечатление разграбления — кости совершенно разбросаны. Точнее, их пригребли к северо-западному углу к середине восточной стены. Обращенная своим дистальным концом к западной стене лежит бедренная кость. Между нею и стеной — тазовая кость. У западной стены лежит очень маленькая, по-видимому, детская ключица. Несколько севернее не лежит обломок маленького, тоже, по-видимому, детского, ребра. По обе стороны бедренной кости разбросаны косточки стопы, грудной позвонок и фрагменты костей черепа, в частности, обломок височной кости с длинным сощевидным отростком и часть чешуи лобной кости со значительно развитой глабеллой. Здесь же лежат несколько зубов и обломок левой половины челюсти. Судя по сощевидному отростку, рельефу чешуи лобной кости и зубам, можно

сказать, что скелет принадлежит мужчине зрелого возраста (40-60 лет).

Дальше вдоль северной стены лежат большая и малая берцовые кости, левая половина нижней челюсти и обломки костей свода черепа. Ближе к восточной стене лежит обломок лопатки; дальше 4 грудных позвонка, большая и малая берцовые кости. У западной стены лежат два обломка длинных костей конечностей человека, обломок длинной кости, обломок затылочной кости, грудного позвонка и несколько обломков ребра.

У восточной стены в северной части ее лежит обломок длинной кости. На 50 см южнее, у этой же восточной стены, в направлении В-З лежит обломок ребра взрослого человека, затем очень разрушенные части длинных костей человека, рядом с ними обломок нижней челюсти (левая и средняя части с сохранившимися I-м моляром и полуразрушенным I-м премоляром). Далее к югу вдоль стены лежат обломок ребра и обломки длинных костей. Наличие обломка нижней челюсти, отличной от левой половины нижней челюсти у северной стены, говорит о том, что здесь лежат скелеты двух взрослых людей. Найденные маленькая ключица и обломок ребра позволяют думать, что здесь был и скелет ребенка. Итак, здесь были захоронены двое взрослых и ребенок.

Чарчанак-сай (табл. 7Ia, 97-106).

Могильник расположен на запад от кишлака Дахона. Здесь обращены на юг обрывистые склоны хребта Кара-Таг. К нему с юга примыкает подгорная галечниковая долина, изрезанная руслами крупных и мелких саев и покрытая панцирем крупно-обломочного пролювия. Самый крупный сай, прорезающий эту территорию с СЗ на ЮВ, носит название Чарчанак-сай. По нему получило название и все урочище. На западе урочище ограничено меридиональным хребтиком. В целом урочище имеет вид вытянутого в широтном направлении амфитеатра, открытого в сторону северо-западной оконечности Камыш-Курганской долины.

Местность сильно пересеченная. В западной части возвышается несколько холмов. В урочище Чарчанак-сай, на про-

странстве 3,5 x 1,5 км, разбросано свыше 70 курумов (их размеры от 8-9 до 14 м, высота 1-1,9 м). Курумы тянутся полосой вдоль подножия северных и западных гор, большая часть - вдоль северных и сосредоточена на запад от Чарчанак-сая. Они располагаются на значительном расстоянии друг от друга, иногда объединяясь в группы по 2-4 курума. Курумы лучшей сохранности сосредоточены в западной группе.

На территории могильника встречается большое число наскальных рисунков, причем некоторые нанесены на камни, слагающие курумы. Однако наибольший интерес представляют скопления наскальных рисунков на небольших, находящихся внутри территории могильника, возвышенностях, названных нами Кухи-Расм и Сурат-Таги, а также на возвышенности на северо-западе от могильника (табл. 71а).

В 1957 г. в Чарчанак-сае нами было вскрыто 36 курумов.¹ Сохранность костяков очень плохая, в большинстве случаев сохранились лишь отдельные кости. Наряду с оди-
ночными имеются многократные захоронения (курум 8 - 3 скелета, курум II - 2 скелета).

Курумы могильника в Чарчанак-сае имеют два вида насыпи: совершенно однородную (курганного типа) и с внешним кольцом. Все они имеют одинаковые - подпрямоугольные или овальные узкие камеры (от 1 x 2,35 до 1,8 x 2,8 м), в большинстве случаев вытянутые СЗ-ЮВ, реже - С-Ю.

Типичным курумом первого варианта является курум 49. Насыпь (диаметр 13 м, высота 1,7 м) из мелких и средних камней, однородная. В центре открывается перекрытая длинными каменными плитами камера. Сверху она напоминает щель, самая широкая ее часть равна 37 см. Таким образом, верхнее кольцо камеры является самым последним рядом, после чего шло перекрытие продолговатыми камнями. Глубина камеры 1 м. Нижний ряд стен камеры в торцовой части (северо-западной) состоит из крупных камней, положенных горизонтально. Остальные ряды выложены плоскими камнями, местами небольшими отрезками, напоминающими цепную кладку. В целом кладка хорошая. Переход к куполу осуществлен сильным нави-

И. Б.А. Литвинский, 1959, стр. 109-110.

санием торцовых стен, а также плавным переходом к куполу двух продольных стен. Верхний край камеры сложен из радиально положенных плоских плит. Верхнюю часть перекрытия составляли каменные плиты 0,50 x 0,30 x 0,15 м; 0,70 x 0,50 x 0,15 м. Сверху все это было завалено камнями и снаружи выглядело как курган.

Имеются курумы, прямоугольная камера которых в основании выложена из плит, поставленных на ребро. Так, ДЧ-5-камера 1,35 x 2 м, в основании выложена большей частью крупными плитами, поставленными на ребро. Выше идет кладка из средних и мелких камней. То же самое - ДЧ-II (прямоугольная камера 2,05 x 1,2 м). Однако и эти курумы, очевидно, не следует выделять в особый тип, так как разница в кладке не сопровождается различием в форме камеры.

Перекрытие у всех курумов было купольно-плоское.

Курум 6. Имеет крупную насыпь продольной формы (диаметр насыпи II-12 м, высота 1,7 м). По окружности - плохо выраженное кольцо. В юго-восточной части насыпи - камера, ориентированная СЗ-ЮВ. Устье камеры имеет овальную форму (1,25 x 1,9 м). Основание камеры также овальное (1,4 x 2,3 м). Внизу стен уложены крупные камни (0,5 x 0,3 м), выше идет кладка менее крупными камнями. Кладка довольно аккуратная. С помощью нависания камера постепенно суживается. Камера сохранилась на высоте 1,35 м. Сужение ведется главным образом вдоль длинных сторон.

Грунтовый пол камеры покрыт слоем щебня ок. 30 см толщиной. Вдоль юго-западной продольной стенки - кости скелета. Лучше всего сохранились кости ног. Близ той же стенки - фрагменты сосуда и персиковые косточки. В центре камеры - кусочек графита, а в северном углу - стерженек для сурьмления и 2 бусины. В юго-восточной половине найдены железный наконечник стрелы и железная пряжка с подвижным язычком.

Курум 8. Форма насыпи курума овальная (диаметр II,5 - 12,5 м, высота 1,3 м) со шлейфом россыпи камней на юге. Насыпь сложена из мелких и крупных камней неправиль-

ной формы (средний размер камней: 60х25х15, 50х40х15, 40х30х10, 25х30х10 см). На некоторых высечены изображения козлов.

Камера расположена в центре ящика. Сверху она имеет эллипсоидную форму с сужением к югу, точнее к ЮЮВ, куда она и ориентирована. Устье камеры повторяет форму ее основания (2,15 х 1,25 м). Нижняя часть стен выложена из крупных плит, расположенных в форме прямоугольника, скругленного на юге (проход?). В верхней части камни меньше и уложены с некоторым нависанием над нижними рядами.

Имеются примитивные тропы. Незначительное нависание в сохранившейся части камеры (высота 1,2 м) выше было, очевидно, более резким. Пол камеры грунтовый: мелкая щебенка с небольшой примесью земли.

Заполнение верхней части камеры состояло из крупных камней (70х40х12, 56х30х13, 42х15х10 см). Примерно с 50 см над полом начинаются более мелкие камни (33х20х10, 20х12х8, 23х8х5 см), еще ниже слой состоит из щебня.

На полу обнаружены следы захоронений. Здесь имеются три группы фрагментов черепов. Два черепа лежат почти рядом у восточной стены. Около них скопление костей скелета. Третий череп раскопан немного южнее северной стены. Например, в северо-западном углу плечевая кость. Судя по расположению костей, можно считать, что скелеты были сдвинуты в результате ограбления или новых захоронений.

Мелкие разрушенные кости находятся у западной стены и рядом с третьей группой фрагментов черепа. Кости ног почти в центре, ближе к южной стене.

Видимо, здесь первоначально были два скелета, затем они были сдвинуты и введено еще третье захоронение.

Следует отметить две группы фрагментов керамики у северной стены, небольшое скопление у обломков черепов на восточной, а также разломанную кружку близ северо-западного угла. В юго-западном углу найдено пряслице.

К у р у м 30 . Расположен на гребне отрога Кара-Тау, на самом конце его языка. Поверхность состоит из мелкого щебня и больших камней с гор.

Курум средних размеров, диаметр II-II,5, высота I-I,20 м. Сложен из рваных камней (средние размеры: 20х15х10, 20х40х15, 25х20х15 см и т.д) и мелкого щебня. Есть обводное кольцо, из одного ряда больших и средних камней (размер камней 60х50х30, 70х45х30 см и т.д.). На одном из них свежевбитые козлики.

Устье камеры выложено радиально положенными продолговатыми камнями (60х20х20, 50х30х20, 50х20х15 см и т.д.). Камера имеет яйцевидную форму: тупая торцовая стена и другая заостренная. Нижняя часть стен оформлена плитообразными подквадратными камнями больших размеров (70х60, 60х50, 50х55, 30х40, 50х40 см и т.д.).

Основание стены сделано из крупных камней. Остальная часть стены, до верхнего края, выложена узкими продолговатыми, радиально положенными камнями. Кладка стен небрежная. Высота I м. У юго-восточной торцовой стены сохранились две длинные плиты, которые перекрывают купол (80х20х15 см). Да и на поверхности курума встречаются камни таких размеров. Следовательно, и здесь сводчато-плоское перекрытие.

Пол состоит из мелких камней и щебенки с примесью земли. Находок нет.

3. КУРУМЫ В ДРУГИХ РАЙОНАХ

Как явствует из обзора истории изучения, распространение курумов не ограничивается территорией Карамазарских гор: они занимают обширное пространство, простираясь на восток до Касана. Здесь, на территории Наманганской области Узбекской ССР и в прилегающих районах Киргизской ССР, разбросаны многочисленные скопления курумов. Особенно много их по Гава-саю и примыкающим к нему Кулпак-саю, Учинаур-саю, Сарыкул-саю и др. Во время экспедиции 1950-1951 гг. М.Э. Воронец и В.И. Спришевский насчитали здесь свыше 300 курумов. Они располагаются на высоких склонах ущелий, группами по 7-15-30 сооружений, которые тянутся на расстояние до 5-6 км. Внутри же групп они расположены на расстоянии 150-400 м друг от друга. Наружные размеры курумов: диаметр 7-15, высота 2,5-4 м.

В 1950-1951 гг. М.Э. Воронец и работавший под его руководством В.И. Спришевский раскопали 35 курумов, из которых 21 были определены как муг-хона (табл.128) и 14 - как курганы с ящиком из каменных плит (табл.129). Раскопанные сооружения дали обильный материал.¹

Позже, в середине 50-х годов сотрудники Наманганского краеведческого музея во главе с Ю.Г. Чулановым дообследовали поврежденные при хозяйственных работах курумы у с.Араб (в 18 км к северо-западу от с. Гава, на левом берегу Гава-сая). Здесь был получен материал из 4 курумов, напоминающих муг-хона.

У с. Чадак (на правой террасе Чадак-сая) дообследовано четыре раскопанных школьниками курума, близких по облику к аштским.²

В одном случае курумы отмечены в Южной Фергане. В 1952 г. при разведках в Канибадамском районе мы обнаружили

-
1. М.Э. Воронец, 1951а, стр.95,97; М.Э. Воронец, 1954, стр.58-79; Б.А. Патрушева, 1954, стр.102; В.И. Спришевский, 1956, стр.53-74. Материалы хранятся в музее истории УзССР (Ташкент).
2. Ю.Г. Чуланов, 1967, стр.245-250. Материалы в Наманганском музее.

ли неподалеку от кишлака Ниязбек могильник, состоящий из 80 погребальных сооружений, разбросанных (на площади 5х6 км) по предгорной каменистой долине на скате от Туркестанского хребта у Сыр-Дарьи вблизи громадного каменного вала (табл. 69).¹

Здесь имеются курумы, напоминающие муг-хона, курумы с камерой в виде каменного ящика, крупные земляные курганы.

В 1954 г. А.М. Мандельштам вскрыл здесь 3 сооружения.² В 1958 г. одна из групп возглавлявшегося нами Исфагинского отряда (руководитель группы - Е.Д. Салтовская) раскопала 6 муг-хона, 3 земляных кургана и 3 каменные насыпи с ящиками.³

Имеются также упоминания о курумах в Чаткале. Среди могильных сооружений Чаткала, обследованных в 1955 г. Южно-Киргизским отрядом под руководством Ю.А. Заднепровского, были и муг-хона, при этом две муг-хона были раскопаны.⁴ Ю.А. Заднепровский датировал их первыми веками н.э. и высказал соображения об их эволюции.⁵ Материал находок до сих пор не издан.

1. Б.А. Литвинский, 1954г, стр.139.

2. Б.А. Литвинский, 1954г, стр.51.

3. Е.Д. Салтовская, 1960, стр.89-93. Материал в фондах Института истории АН Таджикской ССР.

4. Ю.А. Заднепровский, 1960, стр.8.

5. Ю.А. Заднепровский, 1959а, стр.29.

4. КЛАССИФИКАЦИЯ И АРХИТЕКТУРА КУРУМОВ

М.Э. Воронцу принадлежит первая попытка классификации курумов. Он разделил их на две группы: 1) каменные погребальные курганы с ящиком из каменных плит, 2) муг-хона. Каменные погребальные курганы с ящиком из каменных плит в районе селения Багдай, где М.Э. Воронец производил вскрытие этих сооружений – "...представляют собой уплощенные (от 1 до 1,5 м высоты и от 4 до 12 м в диаметре) курганы, сложенные из небольших валунов или кусков камня. Под курганом находится ящик, сложенный из поставленных на ребро больших каменных и необработанных плит. Плиты чаще поставлены на уровне поверхности земли или слегка углублены; ящики обычно состоят из 8–12 плит. Сверху такой ящик перекрыт 5–6 плитами. В отдельных случаях пол ящика выстлан плитами. Длина ящиков колеблется от 1,9 до 2,5 м, ширина их в одном конце больше (от 0,93 до 1,85 м), в другом меньше (от 0,65 до 1,5 м). Глубина ящиков колеблется от 0,70 до 1 м. Могильная яма углублена немного ниже поверхности земли, на 50–60 см".¹

Мугхона же, пишет М.Э. Воронец, "...состоит из цоколя, сложенного из больших каменных плит, на котором построены один на другом иногда два, иногда три уменьшающихся усеченных конуса из хорошо пригнанных камней. Все сооружение имеет ступенчатый округлый вид. Крыша мугхона, также сложенная из камней, снаружи иногда бывает плоская, иногда в виде низкого купола. Стены мугхона достигают внизу 2,5 – 5 м, а наверху 1–1,5 м толщины, в зависимости от размера всего сооружения. Через толщу стен внутрь мугхона ведет небольшой лаз около 0,7 м вышины и такой же ширины, который вводит в небольшую куполообразную камеру. Потолок камеры сложен из каменных необработанных плит, нависающих одна над другой. В горизонтальном сечении камера имеет овальную форму. Длинная ось ее достигает 2–2,5 м, а короткая 1,5–2 м. Высота камеры колеблется от 1,7 до 2 м. Пол камеры,

М.Э. Воронец, 1954, стр.58–59, рис.7–8.

выложенный каменными плитами, сделан, обычно, на уровне окружающей поверхности земли. Пол лаза на 50–60 см выше уровня поля камеры. Наружные размеры мугхона очень различны: высота от 2,5 до 1, диаметр с цоколем от 7 до 15 метров".¹ В.И. Спришевский, сотрудник М.Э. Воронца, предложил подразделить мугхона по числу колец-стен на мугхона с одной, двумя или тремя кольцевыми стенками.²

Таким образом, в качестве специфических черт муг-хона как особого типа погребального сооружения, М.Э. Воронец предложил считать уступчатый силуэт, наличие цоколя и сводчатое перекрытие. Однако уже среди сооружений, исследованных самим М.Э. Воронцом, были и такие, как мугхона близ усадьбы Ширматова в Чаркисаре³, для которой уступчатый силуэт не засвидетельствован, внешнее цокольное кольцо отсутствует, а перекрытие могло быть как сводчатым, так и плоско-сводчатым. Изучая курумы Карамазарских гор, мы сразу же обратили внимание, что наряду с каменными погребальными курганами, с ящиком из каменных плит и мугхона, имеется множество сооружений, которые составляют как бы гибрид тех и других, являя различные промежуточные формы. В связи с этим мы уже отмечали, что классификация М.Э. Воронца не может быть принята безоговорочно.⁴

В Карамазарских горах имеются и типичные мугхона, отвечающие всем признакам, перечисленным М.Э. Воронцом. Остановимся на характеристике устройства и конструктивных особенностей карамазарских мугхона.

Типичной муг-хона является курум 18 из Карамазар-сая (табл. II3–II4). Он имеет вид круглой, не совсем симметричной ротонды. Северная стенка этой постройки в виде округлой, выпуклой наружу кривой, южная почти прямая, но наклонная. В целом же сужение (на сохранившейся высоте) ощущается не

1. М.Э. Воронец, 1954, стр. 65–66.

2. В.И. Спришевский, 1956, стр. 54.

3. Ее план и разрез – В.И. Спришевский, 1956, рис. 2.

4. Б.А. Литвинский, 1956, стр. 46. На разнообразие типа курумов обращал внимание уже Н.И. Веселовский – ОАК за 1882–1888 годы. СПб., 1891, стр. ХУ–ХХУ.

очень значительно и муг-хона выглядит почти как цилиндрическая. Внешнее (цокольное) кольцо сохранилось хорошо у входа, где оно имеет ширину до 1 м при высоте до 45 см.

При рассматривании со стороны долины в объеме сооружения прежде всего бросается в глаза обращенный в сторону долины вход — высокий и узкий. Акцент на входе усиливается еще благодаря мощной плите плоского перекрытия (90х50х15 м), лежащей над ним. Вход по длине несколько суживается внутрь — от 62 до 52 см (у основания). Сужение будет гораздо более значительным, если измерение провести выше уровня кольца — здесь вход в плане имеет трапецеидальный характер — плиты, оформляющие его слева, выступают нависая за пределы основания. При этом, несомненно, следовали общей тенденции — сделать проход шире с внешней стороны, так что это нельзя признать случайным. Кольцо (внешнее у прохода) "разрезано" проходом, причем по бокам положены крупные блоки 75х35х10, 80х37х20 и др. Стороны проема, особенно северная, выложены аккуратно из крупных плит.

Основная часть кладки внешней стены собственно мугхоны очень небрежная: из мелких, неправильной формы кусков и плиток камня (15–30 см). Лишь кое-где ближе к основанию — крупные плиты. Вместе с тем следует отметить две закономерности.

1. Крупные большие плиты кладутся таким образом, что их длинная сторона образует стенку мугхоны, т.е. ложком, тогда как мелкие — затопляются вглубь и их длинная сторона перпендикулярна образующей плана, т.е. тычком, они располагаются как бы радиально.

2. Сквозь имеющийся полный беспорядок кладки кое-где проступают участки кладки полосами, где чередуются более или менее горизонтальные полосы крупных плит или блоков, между которыми зажаты участки довольно беспорядочных мелких кусков камня — переключки с сырцовой архитектурой с ее чередованием кладки тычком и ложком. Венчание муг-хоны не сохранилось. Здесь наверху отчетливо видны два кольца основного тулова муг-хоны, пространство между которыми — засыпка из чрезвычайно мелкого щебня с песком.

Интерьер очень интересен. Камера ориентирована сторо-

нами по странам света. С восточной стороны — проход с порогом из горизонтальной плиты камня. Проем суживается кверху. Его высота 1,25 м, ширина у основания 0,65 м. Основание камеры подквадратное (2 х 2 м), серединки стенок лишь чуть-чуть выпуклые. Переход к кругу осуществляется по-разному (табл. II5): в северо-восточном углу на высоте 55 см две очередные краевые плиты на каждой из стен положены не под прямым углом, как нижележащие, а их концы выдвинуты наружу так, что они, сомкнувшись, нависли над углом на 10 см — это и есть примитивный трюп. Более рациональное решение было применено в северо-западном углу, где на высоте 40 см был положен блок через угол — стрелка равна 10 см. В юго-восточном углу применен третий вариант: каждый вышележащий блок попеременно, то с одной стены, то с другой, входит под углом в противоположащую, в результате угол постепенно срезается. Однако все это делалось настолько робко и так примитивно по исполнению, что получить круг или хотя бы овал на этом уровне не удалось, он получился много выше, благодаря постепенному нависанию над этими углами.

Кладка внутри довольно беспорядочная. Для нее характерно, между прочим, применение в нижней половине особо крупных плит — длиной до 1,10–1,20 м, при высоте 30–40 см. В верхней половине преобладают обычные крупные блоки и плиты, а также много среднего и мелкого камня. В результате получался свод повышенно-эллипсоидных очертаний. Такого рода своды известны в среднеазиатской сырцово-пахсовой архитектуре VII–VIII вв. — приведем в качестве примера раскопанную нами башню на городище Кафыр-Кала в Колхозабаде (Южный Таджикистан)¹. Случаев ли такой параллелизм? Рассматривая купола синхронных подземных гробниц около Ангрена, В.А. Нильсен отметил, что "возведение нарусов и оболочки купола путем консольного напуска камней во внутрь помещения (т.е. при статической работе купола, осуществленного в технике "лож-

1. См. о ней — Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймалъ, Аджина-Тепа. Живопись. Скульптура. Архитектура (в печати). Вообще же и в сырцовой раннесредневековой архитектуре Средней Азии купола были еще довольно примитивными — см. В.А. Нильсен, 1966, стр. 256–260.

ного свода") обуславливало высокий подъем, очевидно, эллиптической или даже конической формы.¹ Мне кажется это безусловно верным. Но и в древнейших сырцовых купольных конструкциях, когда среднеазиатские зодчие еще лишь начинали возводить купола, они выполняли их повышенных очертаний, ибо при эллиптической криватуре вертикальная доля статической нагрузки значительно выше. К пониманию этого эмпирическим путем подошли древние зодчие. Именно поэтому, я думаю, повышенно-коробовое очертание характерно, скажем, для арочных кривых парфянской эпохи.²

Вернемся к карамазарской мугхоне № 18. Обращает на себя внимание разница в устройстве внутреннего и второго кольца. Внутреннее кольцо сложено из очень крупных плит, второе — из значительно более мелких. По основанию они смыкаются, выше — расходятся, так как кладка второго кольца не следует наклону внутреннего, а идет более вертикально, так что на высоте 2,50 м (сохранившаяся высота муг-хона) между ними образуется пространство 0,5 м. Это пазушное пространство заполнено рыхлым щебнем. Свод внутренней камеры принимал на себя давление этой забутовки и некоторую часть давления второго кольца, так как оно, по-видимому, не завершалось сводом и ее падающее усиление также гасилось, передаваясь через забутовку, сводом-кладкой внутреннего кольца. Именно поэтому оно, видимо, совершенно сознательно сделано более массивным.

В целом перед нами настоящее архитектурное сооружение, некоторыми своими строительными приемами приближающееся к сырцово-пахсовому строительству.

Близкими по конструкции были также муг-хона № 2, 15, но они сохранились хуже. Камера была квадратная (№ 18), круглая (№ 15), вытянуто-овальная (№ 2). Внешнее (третье) кольцо невысокое, у № 15 — из плоских каменных плит.

Одна нераскопанная муг-хона (МКМ-60) имеет внешнее кольцо очень хорошей сохранности. Оно сложено из крупного камня 60 x 20, 45 x 12 см и имело по основанию ширину до 2,3 м.

1. В.А. Н и л ь с е н , 1966, стр. 108.

2. Этот факт, но без объяснения, отмечает Г.А. П у г а - ч е н к о в а , 1958, стр. 221-222.

Такая значительная ширина объясняется тем, что муг-хона была поставлена на скате, и внешнее кольцо играло не просто роль цоколя, но и мощного контрфорса.

Типичные муг-хона имеются и в Курук-сае. У них два или три кольца, причем внешнее, как правило, ниже. Так, в муг-хона 3, имеющей высоту до 2 м, со всех сторон, кроме северной, сохранилось третье внешнее кольцо. Оно состоит из очень крупных камней и кое-где опирается на выходящие из земли небольшие останцы коренных пород. Высота этого кольца - до 1 м, при ширине до 1,2 м. Кладка небрежная. Судя по размеру обрушений (довольно незначительных), по-видимому, внешнее кольцо сохранилось примерно на первоначальную высоту. Тогда следует его считать цокольным, а муг-хона - имеющим уступчатую форму.

Кладка внешних стен осуществлялась порой очень тщательно. Так, у двухкольцевой куруксайской муг-хона (№1) хорошо сохранился участок кладки на северной стороне. Кладка осуществлена из рваных полигональных кусков камня, причем очень тщательно. Куски камня так плотно подогнаны друг к другу, что возникает мысль о предварительной обработке, хотя явных следов скалывания отметить не удалось. Пространство между внешними и внутренними кольцами заполнялось щебнем и мелким камнем.

Камера обычно в основании подпрямоугольная, в среднем 1,5 x 2 м, есть 2 x 2,5 и 1,7 x 2,5 м. Нижний ряд кладки стенок камеры муг-хона I состоит из очень крупных камней и плит (до 80 x 20 см). Выше кладка из средних камней. В муг-хона № 5 нижний ряд из больших плит (75 x 54 и 60 x 45 см), остальные ряды из камней средних размеров, порядка 40 x 20 см. В муг-хона № 5 пол камеры выложен плоскими плитами 60 x 40, 40 x 30 см.

Перекрытие в камере куруксайской муг-хона I по типу ложного купола. При этом камера (ее размеры 1,5 x 2,1 м) сначала укорочена. С этой целью в юго-западном углу, на высоте 40 см, на углу положена одна плита диагонально (примитивный трюп). Другие углы оформлены в виде напуска плит, в наиболее сохранившемся северо-восточном углу нависание при высоте 1,3 м равно 0,45 м.

В муг-хона № 3 Курук-сая свод сохранился почти до вершины. Высота камеры до сохранившегося уголка — вершины свода равна 2,10 м. Свод выполнен очень своеобразно. Дно камеры представляет почти правильный овал, но свод в разных частях камеры оформлен по-разному. В передней (у входа) отрезки свода прямые, в задней же части они округлые. Все это выполнено приемами ложного купола консольным напуском камней внутрь камеры. Особенность: сочетание прямого и округлого участков, в результате чего перекрытие получает в плане яйцевидную форму.

Коридорный вход был крытым. Часто он устраивался выше уровня камеры — в высоте ступеньки — 0,4–0,7 м. Коридор сохранился в южной части муг-хона 3 Курук-сая. С этой стороны второе кольцо выложено крупными продолговатыми плитами (например, 80 x 50 x 20 см). Проход суживается (в плане) внутрь камеры (снаружи его ширина равна 90 см, внутри 60 см). Изменяется вместе с тем и его устройство. У наружного конца нижняя часть оформлена в виде вертикальных стенок, лишь в верхней трети высоты — резким нависанием плит, торцовые края которых к тому же сколоты под углом. Судя по всему, они здесь не смыкались, а перекрывались плитой. Но зато глубже внутрь картина меняется: нависание начинается снизу и идет до полного смыкания. Длина прохода 2,20 м.

Однако количество таких "типичных" мугхона сравнительно невелико. Как я писал выше, характеризуя могильники, основную часть курумов в Карамазарских горах составляют иные сооружения. Для которых характерна камера (овальная или подпрямоугольная) с нависанием рядов кладки — приемами ложного свода, но этот свод не замыкается. Вверху шельфа образуется поперечно положенными плоскими плитами. Это сводчато-плоское перекрытие, сочетающее приемы ложного свода и плоского перекрытия. Часть таких курумов имеет внешнее (или второе) кольцо, часть лишена каких-либо наружных структурных элементов и выглядела со стороны просто как курган. Что же касается входа, то он на части курумов этого типа имеется, на других отсутствует. Varia-

бельность здесь очень велика. Некоторые (их меньшинство) довольно близки истинным муг-хона. В Аштском могильнике это тип Ia (около четверти всех курумов), в меньшей степени - Ib, хотя они и не имеют уступчатых очертаний. Большинство же ближе по характеру насыпи и отсутствию входа к "каменным ящикам", но имеют довольно высокую (до 2 м) камеру со сводчато-плоским перекрытием.

Промежуточный между муг-хона и "ящиком" - курум МКМ-12 - с двумя стенами-кольцами, лазом и овально-подпрямоугольной камерой. Было ли тут сводчатое перекрытие или же высокий подъем нависанием (сохранился на высоту до 1,4 м) венчался плоским перекрытием, сказать точно трудно, ибо могло быть и то и другое. То же самое можно сказать про Ашт-9 с почти круглой камерой и входом-коридором, перекрытым плоскими плитами.

Стены муг-хона иногда превращаются в кольца насыпи, так, в МКМ-19, где камера все еще квадратно-округлая (2-2,4 м), по-видимому, был лаз, но сужение камеры не в виде свода, а лишь вдоль длинных сторон - для плоского перекрытия. В ящиках МКМ-54, МКМ-48, МКМ-51 можно подозревать вход-лаз. Некоторые ящики, например МКМ-54, демонстрируют очень слабое сужение. Правда, и высота небольшая - ок. 0,75 м. Может быть, здесь был свод или же плоское перекрытие располагалось выше, чем обычно.

Помимо описанного выше (стр. 166) МКМ-7, типичным представителем каменных ящиков со сводчато-плоским перекрытием является МКМ-41. Диаметр насыпи 12-14 м, высота 2,20 м. Разрезы показали, что это настоящая насыпь из мелкого щебня и камня (до 20 x 20 x 8 см), уплотненно-сферическая. Лишь в центре прослеживается овальное кольцо из крупных камней. Под насыпью оказался каменный ящик со сводчато-плоским перекрытием. Кладка стен очень небрежная, для нее применялись разные по размерам и по форме камни. Камера овальная в плане (2,5 x 1,1 м) вытянута с северо-запада на юго-восток. Благодаря кольцевому нависанию, особенно резкому вдоль длинных сторон, она быстро суживается, и на высоте 1 м (9 рядов кладки) превращается в щель длиной 2 м и шириной 30-35 см. Эта щель перекрыта крупными

каменными плитами, положенными попереk длинной оси камеры. Всего плит пять. Самая крупная 1,0 x 0,55 x 0,18 м, остальные — 0,9—1,0 x 0,3 x 0,12 м. Сверху образовавшийся ящик был засыпан мелким щебнем.

Опишем еще МКМ-14. Насыпь из средних камней (диаметр 7,5—8,5 м), совершенно аморфная. Перекрытая плоскими плитами камера была сверху засыпана этими же камнями (общая высота 1,5 м). Подпрямоугольная камера несколько расширяется на северо-запад (ее размеры 0,8—1,0 x 2,35 м, высота стен 0,85 м). В основании северо-западной торцовой стены поставлен громадный округлый блок длиной ок. 80 см, высотой 0,35 м. Он образует основу этой стенки. К нему под углом положены два небольших блока, что значительно расширяет камеру — до 1—1,05 м. Кладка этих стен чрезвычайно аккуратная, в перевязку, из мелкого и среднего плиточного камня. Вместе с тем крупные полуметровые плиты также употреблялись в кладку — в основании и посредине высоты стен. Сужение организуется с помощью консольного напуска камней. Пролет, подлежащий перекрытию, всего 0,5—0,65 м. Овальное устье перекрыто поперечными плитами, одна из которых имеет размер 70 x 80 x 15 см. Практически то же самое в МКМ-4 (высота камеры в них — 1 м).

Такой же тип каменных ящиков является наиболее распространенным и в могильнике Бобои-Дархан. Насыпь чаще всего совершенно аморфная, курганного типа, иногда со слабо выраженным внешним кольцом. Очертания камеры подпрямоугольные или, еще чаще, овальные. Кладка стен очень небрежная, без особой системы. Перекрытие было на высоте 1—1,8 м. Аналогичные погребальные сооружения доминируют и в могильнике Дашти-Бадомак и в Аштском могильнике.

В могильнике Бобои-Дархан, как указывалось в описании, имеется и другой тип каменного ящика. Курумы этого типа имеют насыпь типа курганной, чаще — даже без внешнего кольца. Камера подквадратная или прямоугольная, широкая (от 1,6 x 2 до 2,5 x 3 м), чаще — со входом. Основание стен, — и это отличительный признак типа, — сложено из поставленных на ребро очень крупных плит. В куруме 3 размеры этих плит 58 x 72, 60 x 40 см. Нередко одна такая плита образу-

ет всю торцовую стенку, как, например, в БДШ-5 стенка состоит из одной плиты длиной 1,1 м, высотой 0,5-0,55 м (глубина 0,3-0,4 м). Второй ряд кладки из менее крупных камней (порядка 30 x 40 x 25 м). Нижняя часть стен такого рода камер была практически вертикальна - это также отличает их от типа I, затем начиналось резкое нависание. Таким образом, это также были ящики со сводчато-плоским перекрытием, но имеющие выделенное ящичное основание. Такие камеры-ящики были представлены и в других могильниках, например, ПБ-21.

Один ящик - БДШ-7, к сожалению, разрушенный впускным конским погребением, был узким (2,1 x 0,6 м) и частично врезанным в землю. Однако и он имел кладку из средних камней над плитами. Ящики варианта БДШ-7 могли быть перекрыты без сужения нависанием пролета. Возможно, такой ящик был и в ДЧ-II, где у камеры 2,05 x 1,20 м основание из плит, поставленных вертикально.

Но и этот, второй тип карамазарских "ящиков", не вполне тождествен тем, что описал М.Э. Воронец. Наличие не-скольких рядов горизонтальной кладки (над плитами), сужение с помощью нависания в верхней части - все это заставляет отграничить их от типичных "каменных ящиков" М.Э. Воронца. Лишь вариант БДШ-7 практически идентичен каменным ящикам восточной группы курумов. С другой стороны, этот второй тип более близок в целом первому типу карамазарских "каменных ящиков".

Итак, с учетом карамазарского материала мы видим, по меньшей мере, 4 типа сооружений: 1) курган с камерой - каменным ящиком с плоским перекрытием и аморфной насыпью; 2) курган с камерой - намеченным ящиком со сводчато-плоским перекрытием и аморфной насыпью (два варианта), иногда с проходом - лазем; 3) курган с камерой со сводчато-плоским перекрытием и насыпью, имеющей внешнее (и среднее) кольца, часто с коридором; 4) муг-хона.

В разделе, посвященном характеристике могильников, а также при описании типа курумов, я привел целый ряд данных относительно строительных приемов, использовавшихся при их

возведении. Количество наблюдений в этой части можно было бы значительно увеличить. Остановлюсь лишь на некоторых моментах.

В МКМ-I (типа ящика) камера (2,3 x 1,1 м) выложена из больших плиточных и валунообразных камней. У изголовья, непараллельно входу, в нижнем ряду положен один большой камень формы неправильного треугольника (70 x 30 см). А в основном камни стен камеры почти все одинакового размера, как нижние, так и верхние ряды камней. Средний размер камней камеры: 60 x 30, 30 x 15, 35 x 25 и 25 x 17 см. Основанием торцевой северо-западной стороны камеры служит больший треугольный камень, к которому с юго-западной стороны, под углом, положены 2 небольших камня, а с северо-восточной стороны один камень средних размеров. Все это слегка закругляет торцевую стенку камеры и придает ей овальную форму и немного расширяет камеру в этой части. Кладка стены камеры в основном радиальная, т.е. тычком. Кладка аккуратная и на некоторых, довольно больших участках, особенно северо-восточной стены, можно проследить наличие цепной кладки. Стены камер почти вертикальные (у северо-восточной стены на высоте 60 см нависание 7 см, у торцевой стены на высоте 60 см - 18 см). Свод, видимо, пирамидально сужался кверху.

Стена камеры МКМ-2 (муг-хона) аккуратно выложена из камней больших размеров (55 x 45 x 10, 25 x 15 x 30, 60 x 30 x 20 см). В нижнем ряду камни более крупные (60 x 20, 50 x 15 см), в чем верхние ряды. У основания торцевой стены лежит большой плоский камень, от которого под небольшим углом отходят два небольших камня, что делает эту часть камеры овальной. Камень второго ряда торцевой стены поставлен на ребро, а следующие ряды сложены из плиточных камней небольших размеров цепной перевязкой. Собственно почти вся стена камеры выложена цепной кладкой. Высота камеры 1,10-1,35 м. Стены камеры к куполу сходятся в виде вогнутой кривой и сильно нависают, особенно у коротких стен. Таким образом, овальная в плане камера (2,2 x 1,1 м) за счет более резкого нависания над торцовыми сторонами постепенно могла быть перекрыта куполом. Коридор же имел

плоское перекрытие — его перекрывали камни, размеры одного из которых 80 x 50 x 15 см. В МКМ-15 выход в коридор из камеры образован двумя крупными каменными блоками (МКМ-15 — 60 x 60 x 40 см), положенными тычком по отношению стен камеры (остальные крупные блоки основания стен камеры расположены ложком).

Вообще нижний ряд очень часто делался из крупных камней. Однако это не было твердо установившимся правилом. Так, в МКМ-7 ("ящик") основание торцевой стены выложено из мелких камней, на нем положена плита; следующий, третий, ряд состоял из плит средних размеров. Основание и верхний ряд камней камеры МКМ-46 (ящик) из крупных камней, тогда как средний ряд — из менее крупных. В кладке многих курумов можно отметить своего рода цепную кладку. Так, четкое чередование кладки стен попеременно "ложком" и "тычком" наблюдается в ящике МКМ-31. В МКМ-42 стены камеры ящика выложены из плиточного камня (средних размеров — 30 x 10, 40 x 15 см). На некоторых участках можно проследить наличие перевязки. Очень тщательную кладку стен для восточных муг-хона отметил М.Э. Воронец.¹ Однако не следует преувеличивать. Во всех могильниках встречаются и курумы с очень небрежной кладкой. В могильнике Чарчанак-сай кладка стен, как правило, неаккуратная, бессистемная. Есть лишь несколько исключений, например, ДЧ-34 — овальная камера. Одна из торцевых стен отмечена вертикально поставленным клинообразным камнем (60 x 50 см) трапециевидной формы. Нижние два ряда в основании других стен выложены продолговатыми камнями, положенными на продольный торец, остальные ряды — тычком. Камни так подогнаны, что поверхность стены почти гладкая. Но, повторяю, в большинстве случаев в Чарчанак-сае стены камеры курумов выложены предельно небрежно. Следует подчеркнуть, что и в тех случаях, когда кладка тщательная, и тогда, когда она предельно небрежная, — она ведется всухую, без раствора. Иногда в качестве стены использовались огромные камни-монолиты; например, в БДШ-9-а значительную часть продоль-

1. М.Э. Воронец, 1954.

ной северо-восточной стены образует монолит 1,5 x 1,1 x 1,0 м. Это напоминает захоронения под большим камнем, открытые на Западном Памире А.Д. Бабаевым.¹ Пол камеры МКМ-I (типа ящика) частично был выложен небольшими плитками (20x5 или 20x20 см). Плиты эти сохранились вдоль стен, то же самое - в МКМ-I5 (типа муг-хоны), МКМ-24 (типа ящика). Но в МКМ-7 (ящик) - не часть, а весь пол выложен каменными плитками. Почти весь пол выложен каменными плитками в МКМ-I3 (плитки 20x15x4, 25x12x8, 18x10x4 см). В ПБ-24 пол выложен плитками разной формы и размеров.

Выше неоднократно упоминалось о тропках. Приведу еще несколько примеров. МКМ-58 - ящик округло-овальной формы (1,4 - 1,7 м). Кладка стен небрежная. В северо-западном углу 2 крупных камня основания лежат практически под прямым (или даже несколько тупым) углом друг к другу. Камень следующего (верхнего) ряда перекинут с одного камня основания на другой, образуя примитивный тропп. В остальных углах ничего подобного нет. То же самое - МКМ-49. В почти квадратной камере ящика со входом БДШ-I6 (2,32 x 1,90 м) - в основании стен огромные камни, частично плиты, поставленные на ребро. Выше - камни меньших размеров. По углам камеры - примитивные тропки, в виде положенных по диагонали камней. В БДШ-I7 огромная плита перекинута через юго-западный угол, образуя тропп. В прямоугольной камере ПБ-23 один из углов перекрыт плитой-тропком на высоте 0,9 м.

Строители курумов применяли несколько типов тропков: а) плита, перекинута через угол²; б) две плиты, выдвинутые навстречу друг другу и смыкающиеся на одном уровне; в) плитки (или блоки) входят попеременно то с одной стороны, то с другой под углом в противолежащую так, что угол постепенно срезается.

Такие "диагональные" тропки предельно примитивны, но именно они больше всего соответствуют характеру строительного материала и уровню строительной техники, применявшейся при сооружении курумов.

1. А.Д. Бабаев, 1965а, стр.14-15.

2. Аналогичным образом устроен тропп и в гробнице №8 у Ангрена - В.А. Нильсен, 1966, стр.109.

Изучение многих курумов позволило мне сделать заключение (и оно было достаточно неожиданным), что у строителей этих сооружений был сравнительно высокий уровень строительных знаний и навыков (это ранее никак не отмечалось в литературе). Как указывалось выше, они знали и применяли в кладке из каменных плит столь обычный для среднеазиатской сырцово-архитектуры способ "цепной" кладки, радиальную кладку, несколько вариантов тропов, разнообразные ложные купола и своды. Разумеется, эти строительные навыки и приемы имели источником не только собственную традицию и практику, но также знакомство с пасхово-сырцово-архитектурой Ферганы и Шаха.

Чрезвычайно эффектно (хотя и не совсем точно) охарактеризовали архитектурный облик этих памятников Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель: "Сурова и монументальна архитектура этих древних мавзолеев с их почти коническим силуэтом и массивными каменными кладками. Они включаются в спокойный горный пейзаж, словно часть самой природы, где все из камня, где также остроконечны силуэты скал, где торжественное безлюдье гармонирует с помыслами о покинувших этот мир".¹

1. Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, 1958, стр.15. В другой своей работе эти же исследователи пишут: "По-существу, это древнейшие мавзолеи, которые сыграют определенную роль в дальнейшем формировании мавзольных сооружений Средней Азии" (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, 1965, стр.55). Это утверждение мне представляется спорным (вопроса о генезисе типа среднеазиатского средневекового мавзолея я касаюсь в работе: Б.А. Литвинский, 1953а, стр.133-138; Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймалъ, Аджина-Тепе. Живопись. Архитектура. Скульптура. М., 1972.

5. ВОПРОС О ГЕНЕЗИСЕ КУРУМОВ

Чрезвычайно сложен вопрос о генезисе этого типа сооружений. Рассматривая этот вопрос, следует иметь в виду два обстоятельства. Территориально курумы связываются почти исключительно с Северной Ферганой¹. Хронологически они охватывают промежуток от II-I вв. до н.э. или рубежа н.э. до VI-VIII вв. н.э. (см. об этом ниже).

Детальное изучение курумов и открытие в Фергане, в том числе на территории распространения этих памятников, погребальных сооружений эпохи бронзы, дало мне возможность сформулировать гипотезу о происхождении курумов.²

Отправной точкой является безусловное сходство курумов с ферганскими погребальными сооружениями эпохи бронзы. В этой связи приведем описание интереснейшего курума, обнаруженного в районе кишлака Бобои-Дархан.

Он расположен на вершине горы Бобои-Сухта, у топографического знака, напротив к. Бобои-Дархан. Конструктивно курум отличается от всех известных нам, ибо "утоплен" в землю и только небольшая часть приходится на дневную поверхность (34 см, при высоте сохранившихся стен 140-160 см). Перекрытие не сохранилось, но, по всей вероятности, оно еще было до недавнего времени - до времени выкладки находящегося рядом топографического знака, где очень много рваных плоских плиточных камней.

Курум расположен на труднодоступном восточном скате хребта. Курум овальный, вытянут с запада на восток. По сохранившемуся отрезку стены у входа можно предположить, что здесь было мощное (ширина примерно 1,5 м) внешнее кольцо, которое сглаживало скат. Поэтому кольцо-ступенька было, по-видимому, только с южной, восточной и северной сторон -

1. Если по прямой измерить расстояние между Касан-саем на востоке (если прав М.Э. Воронец и это действительно восточная граница распространения курумов) и Курук-саем - крайним западным пунктом наших разведок, получим полосу порядка 200 км.

2. Э. Гулямова, Е.А. Давидович, Б.А. Литвинский, В.А. Ранов, 1956, стр. 13; Б.А. Литвинский, 1960, стр. 52.

где есть скат. Насыпь состоит из обломков красного рваного гранита небольших размеров (40х15х8, 35х10х10 см) и мелкой щебенки. Диаметр курума, судя по сохранившимся участкам насыпи, 6,80-7 м. Подквадратная камера (4х4 м) ориентирована углами по сторонам света. Стены камеры сложены из плоских красных гранитных плит. Кладка стен камеры регулярная и тщательная. На отдельных участках стены можно проследить, как большие плиты (50х20, 60х25 см) зажимают ряд кладки из мелких камней. Камни по величине в кладке стен распределены равномерно. Щели между плитами аккуратно забиты мелкой щебенкой. Вообще кладка стен камеры отличается тщательностью. Переход к куполу был осуществлен сглаживанием южного и северного угла и, возможно, что свод имел яйцевидную форму. В западной стене интересна одна деталь: здесь в середине стены у основания один камень поставлен на ребро. Стены камеры почти вертикальные, нависание, да и то небольшое, отмечается с юга и севера.

Вход находится в восточном углу (обычно в курумах вход расположен в середине одной из стен). Высота входа 1 м, ширина у основания 0,37 м, сверху 0,57 м, длина 1,5 м. Вход выложен большими гранитными камнями (40х30х50, 30х20х40 см). Порогом служит плоский камень (60х10х20 см). Проем перекрыт тремя большими плитами (70х15х20, 65х20х25 см), которые уступчато понижаются от внутренней стены камеры ко внешней стене. Если у стены камеры высота проема 1 м, то под второй плитой высота проема 75 см, а под третьей ей - 65 см. Дальше плиты кончаются, но стена коридорчика продолжается еще на 1,20 м небольшим барьером, высота которого 80-90 см, ширина 60-50 см. Плиты, перекрывающие проем, сверху заложены камнями и одной наклонно лежащей плитой. Вход, вероятно, был расчищен грабителями. Внутри камеры, у входа, на полу лежит каменная плита (60х30х8 см). Возможно, что эта плита обвалилась сверху, но вероятнее всего, что она служила заслонкой входа. Итак, это муг-хона (судя по камере) почти классического типа, но она погружена в землю.

Мы, к сожалению, не располагаем материалами для датировки этого сооружения. Но его типологическая близость к

даханинским погребальным камерам¹ поразительна так же, как и близость типичных курганов с каменной насыпкой и камерой ящиком из каменных плит к ящичным могилам поздней бронзы Ходжаягонинского могильника.

Совершенно безосновательным следует признать высказанное в печати мнение об обусловленности данного типа сооружений горным ландшафтом², — дело в том, что таких сооружений нет в других горных районах Средней Азии (за исключением, как мне сообщила А.Г. Максимова, Кара-Тай). Специально и успешно изучавший их М.Э. Воронец не мог ничего сказать о генезисе, отметив лишь, что он не нашел аналогий на других территориях.³

Я в свое время писал: "...открытие Даханинского могильника дает ключ к решению вопроса о генезисе так называемых "курумов" (каменных курганов), конструкция части которых, вплоть до деталей кладки, оказывается восходящей к даханинским камерам. Являясь закономерным развитием типа погребального сооружения, видимо широко распространенного в эпоху бронзы, "курумы" в течение последующих столетий, конечно, не оставались неизменными. Воздействие нового типа жилища — юрты сказывается в формировании внешнего облика классической муг-хоны, в конструктивных приемах которой можно проследить и влияние строительных образцов из оазисов с оседлым населением. О причинах столь устойчивого сохранения традиции погребальных сооружений здесь, на севере Ферганы, можно только догадываться. Возможно, что приясартская группа сакских племен, сформировавшаяся из местных племен эпохи поздней бронзы, оказалась наиболее прочной и в меньшей степени включила инородные этнические компоненты. И хотя материалы рубежа I тыс. н.э. наглядно свидетельствуют об оживленных сношениях населения, оста-

1. Б.А. Литвинский, 1960б. Полуподземные каменные наусы У-УШ вв. около г.Ангрена (о них — Т.А.Г.Замходжаев, 1966а, стр.104-III), на первый взгляд очень похожие на курум в Бобои-Сухта, являются, как мне кажется, явлением иного порядка (см. об этом ниже, стр.209).

2. М.Е. Массон, 1953, стр.16.

3. М.Э. Воронец, 1954, стр.65.

вившего "курумы", с жителями Ташкентского оазиса и оседлых районов Ферганы, основное этническое ядро должно было сохраняться, иначе столь необычный для соседних областей тип погребальных сооружений должен был бы измениться".¹

Формулируя эту гипотезу, я отчетливо сознавал ее уязвимое место — большой хронологический разрыв между каменными ящиками поздней бронзы и курумами.

Наиболее ранний материал встречен в БДШ-5. Здесь в составе инвентаря имеется трехпластовый бронзовый наконечник стрелы со внутренней втулкой, головка — сводчатая, наконечник снабжен опущенными жальцами. Типологически он может датироваться IУ—III вв. до н.э., самое позднее — II в. до н.э.². Весь остальной комплекс находок датируется с большим трудом. Наиболее определенная дата вытекает из анализа керамики — это I—II вв. н.э. Так как погребение в этом куруме (типа узко-прямоугольного ящика) одиночное, то наличие разновременных предметов инвентаря может быть связано с двумя этапами существования этого курума: после его сооружения в IУ—II вв. до н.э. было произведено захоронение, впоследствии первоначальный скелет и инвентарь были выкинуты, остался лишь наконечник, и было произведено вторичное захоронение уже в I—II вв. н.э. Это чисто логическое построение. Не менее, а может быть более вероятно, что старый наконечник имел характер амулета и был включен в погребальный инвентарь в I—II вв. н.э.

Итак, пока мы еще не имеем непрерывной линии. Однако сохранение в сакское время на Памире и в других областях Средней Азии сильной традиции устройства каменных ящиков или иных каменных сооружений в могилах, переживание их в более позднее время (вплоть до современности) — все это не может не вселить уверенности, что и в Северной Фергане будут найдены памятники сакского времени, причем здесь они явятся промежуточным (хронологически) звеном между камен-

1. Б.А. Литвинский, 1960б, стр. 52. См. также Э. Гулямова, Е.А. Давидович, Б.А. Литвинский, В.А. Ранов, 1956, стр. 13.
2. Б.А. Литвинский, 1968, стр. 97.

ными камерами эпохи поздней бронзы и курумами. О наличии промежуточного этапа уже сейчас свидетельствует Кунгайский могильник У-ІУ вв. до н.э. (в 40 км от г. Ферганы).¹

Сложение типа наземных каменных построек типа мугхона могло произойти под влиянием и иной традиции, а именно деревянных наземных камер с коридором-входом внутри каменной насыпи курганов типа Бесшатырских.²

В отношении аланских склеповых гробниц Л.Г. Нечаева высказала такую гипотезу: "попав в горы, аланы были вынуждены воспроизводить катакомбы в камне — стали строить сначала подземные, а затем полуподземные и наземные склепы. Очевидно, склеповый погребальный обряд осетин можно считать продолжением в горных условиях катакомбного аланского, и в значительной части погребенных в склепах можно предполагать потомков алан".³ Эта схема не встретила поддержки у других исследователей аланской культуры,⁴ не вижу я возможности применить ее (по аналогии) и к Средней Азии, где ситуация, примерно, одинаковая. Скорее можно предположить, что каменные гробницы-курумы отражают, помимо охарактеризованных выше линий их генетических связей, также и то направление развития религиозной идеологии, которое привело к появлению отдельно стоящих наземных наусов, разумеется, в специфически переработанном виде.

1. Н.Г. Горбунова, 1961, стр.187-188.

2. Об их устройстве — см. Н.А. Акишев, Г.А. Кушаев, 1963, стр.27-72.

3. Л.Г. Нечаева, 1968, стр.68.

4. В.А. Кузнецов, 1962, стр.108.

6. МНОГОКРАТНОСТЬ ЗАХОРОНЕНИЙ

При описании могильников я неоднократно указывал на плохую сохранность скелетов — обычно сохранились лишь отдельные кости. Это объясняется специфическими условиями, в которые попадали трупы в курумах сразу же после погребения и, особенно, впоследствии, после обрушения (или намеренного разрушения) перекрытия. При этом атмосферные осадки получали свободный доступ; кости, как и предметы погребального инвентаря, дробились падавшими камнями. Щебенчато-каменное заполнение камер большинства курумов не только не предохраняло их содержимое от доступа воздуха и влаги, но и оказалось чрезвычайно неудачным с точки зрения археологического исследования курумов. Никакие вторичные использования этих сооружений не выявляются, ибо здесь, в отличие от курганов, мы не можем выявить последующей истории каждого сооружения: перед нами, внутри камер, аморфный каменный развал. Не случайно, при раскопках М.Э. Воронца¹ и наших в курумах попадались вещи явно поздние, XVI—XVIII вв. Но не исключено и наличие не столь явных посторонних вещей: когда курумы имели необвалившиеся камеры, они могли использоваться для погребений и как жилье, а в последующее время, уже после обрушения, — для впускных погребений. Сложность заключается в том, что "стратиграфия" (за редкими исключениями) никак не выявляется. Это в определенной степени обесценивает и комплексы из курумов.

Плохая сохранность костей в большинстве случаев не позволяет ответить даже на самый элементарный вопрос: сколько было погребений в той или иной камере. Однако в некоторых случаях выясняется, что в камерах (особенно муг-хона, а также в камерах со сводчато-плоским переходом) было свыше одного костяка. Так, в БДШ-2 было, вероятно, 3 взрослых и одно детское захоронение. То же самое — в БДШ-26. В ДЧ-8 можно наблюдать сдвигку костей первоначальных захоронений при помещении последующего — здесь остатки 3 скелетов. В Ку-

1. М.Э. Воронца, 1954, стр. 67-68.

рук-сае - 2 - двое взрослых и ребенок. По несколько погребений было и муг-хона, изученных М.Э. Воронцом. Он назвал их "коллективными трупоположениями".¹ Мне же представляется, что здесь, как и в некоторых курганах, последовательные трупоположения, т.е. многократные захоронения.

Аналогичные многократные захоронения мы видим в подземных склепах в местности Апартак около г. Ангрена, где камера содержит скелеты 1-3 человек. На основании находок в склепах одного целого и фрагментов оссуариев Т. Агзам-ходжаев рассматривает эти склепы как подземные дахмы (или, как он говорит, наусы)² и в некоторых других аналогичных сооружениях Чирчик-Ангренского района. С другой стороны, следует также упомянуть захоронения в каменных оградах круглой и четырехугольной формы, изученные на Западном Памире А.Д. Бабаевым и А.Н. Зелинским.³

1. М.Э. Воронцов, 1954, стр. 68.

2. Т. Агзамходжаев, 1966а, стр. 104-III.

3. А.Д. Бабаев, 1965а, стр. 13-14; А.Н. Зелинский -
ский, 1960; А.Н. Зелинский, 1965.

7. КУРУМЫ И ДРУГИЕ АНАЛОГИЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В АЗИИ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Погребальные сооружения типа карамазарских курумов стоят в Средней Азии совершенно изолированно. Однако если рассматривать их в более широком историко-географическом аспекте, ситуация оказывается иной.

В Восточном Тибете, вопреки предписаниям ламаизма, как отголосок местной религии Бон, до сих пор производятся захоронения в землю с надгробным курганом. Наземная часть имеет вид обмазанного глиной каменного купола (в виде ложного свода), покоящегося над квадратной постройкой, ниже – погребальная камера. С. Гуммель ставит появление этих погребальных сооружений в Тибете в связь с "понтийскими" и более поздними передвижениями народов в направлении запад-восток, подразумевая под ними, в частности, передвижения скифского времени.¹

В письменных источниках есть сведения, что у племени t'u – fan, соответствующего современным тибетцам, при погребении воздвигают сооружения из камней, имеющие вид домиков с плоской крышей.²

В области Нильгири в Южной Индии имеются мегалитические погребальные сооружения, в известной мере напоминающие курумы – с наземным расположением погребенных. Датировка – около рубежа н.э. Несомненна связь между материальной культурой, представленной в мегалитических погребениях, и материальной культурой населяющих эту область дравидоязычных племен тогда. Сопоставляя эпиграфические и литературные

1. S. H u m m e l , 1959, Ss. 174 (Anm. 25), 195–197.

Гуммель указывает, что подобные сооружения были и в Северном Тибете, ссылаясь на работу W. Filchner, 1937. Однако последний при изложении способов погребения у современных тибетцев (S. 149) лишь описывает в поселении Mi-dang-roq-tse сначала жилые дома, затем упоминает сводчатые каменные постройки высотой 1,2 м (судя по рисунку эллиптического профиля с эллиптическим же проемом), но о их назначении ничего не говорит (W. F i l c h n e r, op. cit. S. 120, Abb. 41).

2. W. E b e r h a r d , 1942, S. 93.

источники, некоторые ученые приходят к заключению о том, что культура этих мегалитов принадлежит предкам тогда. Хотя сейчас некоторые племена Центральной и Северо-Восточной Индии воздвигают мегалитические сооружения, но они мемориального, а не погребального характера; в древности же аборигены воздвигали и мегалитические погребальные сооружения.¹

В 1875 г. английский майор Моклер заинтересовался некоторыми древностями Макрана, в частности, дамб'ами — скоплениями камней. "Дамб", по его словам, в белуджском означает "место, отрезанное от окружающего мира". Местные жители объясняли происхождение этого названия так: когда-то наступил голод, и жители выстроили домики из камней, поместив в каждый из них старика или слабосильного человека и дав лишь по горшку с водой и определенное количество зерна. Замурованные здесь люди так и были покинуты умирать.

Он обследовал местность Дамба Кух. Здесь дамб'ы, которые оказались гробницами, имели квадратный план, каждая имела дверь, перекрытую длинной каменной плитой. Камеры, стены которых были сложены из маленьких камней, постепенно сужались кверху, образуя нечто вроде свода, перекрытие состояло из больших каменных плит. Хотя никаких следов раствора отмечено не было, майор не сомневался, что кладка велась на глиняном растворе, которым, как он верил, была покрыта и поверхность. Наряду с крупными (диаметром до 4,5 м) есть и совсем маленькие кучи камней (диаметром до 1,5 м).²

В окрестностях Дамба-Кух он обследовал три других могильника. Здесь наряду с описанными выше имелись также и овальные в плане, причем входных проемов у них как будто нет.

Моклер произвел в нескольких дамб'ах раскопки.³ Он извлек целые керамические сосуды (в том числе — мустахара, большие кувшины с носиком, сосуды с витой ручкой и др.),

1. G.N. D a v , 1958, pp.140-152.

2. M o s k l e r , 1877, pp. 126-128.

3. M o s k l e r , 1877, p.132, pl./5.

бронзовые браслеты с концами в виде головок змей, сердо-
ликовые бусы, медные и железные сосуды, медную лампу(?),
оселки, железные ножи, наконечники, фрагменты железа, ка-
менные и керамические бусы и др. Из наиболее важных нахо-
док надо отметить сосуд зеленой глазури и парфянскую мо-
нету. К сожалению, находки не воспроизведены — за исклю-
чением четырех сосудов.¹ Поэтому судить о материале почти
невозможно. Автор считал возможным рассматривать эти памят-
ники как "скифские" и связывать их с брахми, а не с белуд-
жами.²

Примерно через полстолетия эти памятники вновь прив-
лекли внимание, на этот раз профессионального археолога
А. Стейна.

В Макране (Иран) в местности в двух милях на восток
от р. Баху (Bāhū) по склонам и частично вершинам изолиро-
ванного скального хребта Дамба-кух, на площади 0,75 x 0,5
миль, разбросано около двух тысяч каменных курганов³ (мо-
гильники впервые исследовались майором Моклером — см. выше).

Эти кучи камней имеют очень различную конструкцию.
Некоторые из них — это грубо прямоугольное помещение, сте-
ны которого, поднимающиеся на 1,3–1,7 м высоты, сложены из
неправильных плит. Внутреннее пространство имеет обычно
размер 1,7–1,9 м в стороне, заполнено грунтом и имеет нечто
вроде перекрытия из больших плоских плит. С одной стороны
стена сооружения имеет отверстие — вход, также с плоским
перекрытием. Стены сложены без раствора и часто распадались
так, что получалась просто куча камней. Другой и очень
распространенный тип — это маленький холм, сложенный из
неотесанных камней, имеющих вид круга или свода, но также
с внутренней камерой.

А. Стейн раскопал 42 сооружения. Внутри оказались
фрагменты костей, целые сосуды и их фрагменты (обычно у

1. Mosklер, 1877, pl. 7–10.

2. Mosklер, 1877, p. 122.

3. A. Stein, 1937, pp. 71–73, fig. 24. План могильника —
Plan 7, p. 75.

стен).¹ У одного глиняного сосуда две ручки, одна похожая на тигра, другая — на собаку. Встречены плохо сохранившиеся тонкие железные сосуды, в т.ч. бокал, бронзовые сосуды, фрагменты и один целый сосуд зеленой глазури, стеатитовые и керамические пряслица, маленький каменный сосуд, многочисленные каменные бусы, два железных наконечника копья (?), точильный брусок.

А. Стейн датирует эти находки на основании находки майором Моклером в одном из сооружений парфянской монеты и обнаружения им самой монеты выпуска Синатрука. Он считает, что они могли существовать длительный период времени в первые века н.э.²

Сравнительно недалеко — в Сунстаре были раскопаны 8 погребальных сооружений, где были найдены сосуды и фрагмент деревянного гребня.³ Близ деревни Фанух М. Стейн произвел раскопки в могильнике, насчитывающем свыше 120 сооружений. Из вскрытых 22 гробниц было получено большое число керамических сосудов, в том числе — одна фляга, металлические (серебряные?) украшения из скрученной проволоки и др.⁴

В Кермане, в местности Дамел, могильник, состоящий из 150 сооружений⁵; между деревнями Хут и Чах Дарут — такое же сооружение диаметром 4-4,5 м, высотой до 1 м.⁶

В долине Зоба, в местности Каудани, имеется холм с доисторическим поселением.⁷ На его поверхности и рядом — большое количество каменных курганов в виде неправильных групп. Здесь было вскрыто 60 таких сооружений. В них были найдены обломки человеческих костей и разнообразный инвентарь. Он включал железные черешковые наконечники стрел (в одной камере было найдено четыре листовидных плоских и один — трехпластный с опущенными жалцами), много керамики

1. A. S t e i n , 1937, p.74.

2. A. S t e i n , 1937, p.76-77. Материалы, pls.III, XVIII, XXVIII, XXXI.

3. A. S t e i n , 1937, p.72.

4. A. S t e i n , 1937, p.102.

5. A. S t e i n , 1937, pp.174-175.

6. A. S t e i n , 1937, p.163.

7. О датировке — см. W.A. F a i r s e r v i s , 1959, p.360.

(грубого изготовления, светло-розовая внутри, белая снаружи). Найден маленький серебряный браслет с завязанными концами (для регулировки диаметра), бронзовый сосуд на трех ножках и др. Кроме того, был найден богато декорированный рельефным орнаментом горшок и три бронзовых кольца. Два из них — обыкновенные бронзовые кольца; третий же — перстень. На площадке перстня выгравированы две фигуры: человек с высоким головным убором с копьем и луком в левой руке, вторая — фигура женщины, у которой правая рука поднята, согнутая левая — на талии, правая нога согнута — поза изображает танец. Все это, по мнению А. Стейна, предполагает индийскую работу кушанского или гуптского периодов.¹

Такие могильники имеются и в других районах Белуджистана, например, в районе Lōralai (вблизи холма Sharerkai, Dabar-kōt и др.).²

При датировке белуджистанских сооружений А. Стейн опирался на следующее. В Sūr-jāngal, на террасе, находится тепа — доисторическое поселение, поразительно богатое керамикой и каменными изделиями.³ У подножья тепа — гробницы. В одной из них были найдены фрагменты расписной керамики, в другой — каменный нож. Отсюда он сделал вывод, что обычай сооружения каменных гробниц зародился в "доистории", а затем продолжался — вплоть до времени после рубежа н.э.⁴

Разумеется, обнаружение в гробницах, расположенных на территории поселения, фрагментов керамики с этого поселения еще ничего не доказывает. Среди современных индийских археологов ведется спор относительно датировки белуджистанских мегалитов. Н.Р. Банерджи предлагает их относить ко времени ок. 1000–800 гг. до н.э., С.П. Гупта

1. A. S t e i n , 1929, p.49 et seq., pl.X,XII, fig.II.

План могильника — pl.4.

2. A. S t e i n , 1929, p.54, 70.

3. См. о нем W.A. F a i r s e r v i s , 1959, p.293–300.

4. A. S t e i n , 1929, pp.76–77. Обзор (очень краткий) мегалитов Белуджистана — см. N.R. B a n e r j e e , 1956, pp.42–44.

настаивает на времени от 1000 до н.э. до 100 г.н.э.¹ Я думаю, что в отношении продолжительности существования скорее прав С.П. Гупта, более того, надо говорить и о II-III вв. н.э.

Такие сооружения имеются и в Гедрозии.²

А. Стейн, к сожалению, не дал описания каждого из раскопанных им сооружений, лишь частично воспроизвел и описал находки, дал очень мало изображений этих сооружений.³ В наши задачи не входит анализировать весь инвентарь, но он безусловно разновременный.

В разных местах Фарса А. Стейн зафиксировал своеобразные наземные могильные сооружения и часть из них раскопал.⁴ Так, например, в горной долине Бисезард (Bishezard), большое количество больших куч камней расположено на горных склонах, в том числе крупные сооружения из грубых плит песчаника. Среди них имеются просто округлые в плане сооружения, двух- и трехступенчатые, т.е. с двумя или тремя уступами. Высота наиболее крупного 4,4 м, при диаметре ок. 10,5 м. Указаны размеры и другого, менее крупного сооружения - высота 3 м, диаметр 7 м. На плоскости среднего уступа имеются нерегулярно расположенные глубокие углубления, до 0,6 м в ширину, при глубине 2-3 м, они иногда перекрыты плитами. Судя по приведенному фото одной из этих гробниц,⁵ они полностью совпадают с муг-хона, причем прямоугольный вход сделан на высоте ок. 1,5 м, и сверху перекрыт плоской плитой.⁶

А. Стейн раскопал в долине Бисезард около двух десятков таких сооружений. Внутри оказались фрагменты чело-

1. N.R. Banerjee, 1965a, p.213-214; S.P. Gupta, 1965, p.206.

2. A. Stein, 1931.

3. Например есть фото угла камеры гробницы в Дамба-Кухе (A. Stein, 1937, fig.22), показывающей кладку, абсолютно идентичную среднеазиатским курумам.

4. A. Stein, 1936, pp. 136, 158, fig.196.

5. A. Stein, 1936, fig.13.

6. В одном случае, в местности Асмангирд, раскопано, по-видимому, сооружение типа каменного ящика - A. Stein. 1936. p.136.

веческих костей и сравнительно небогатый инвентарь, в том числе специфическая грубая керамика, покрытая белым ангобом (она, к сожалению, не описана). Можно назвать подвески из голубой пасты в виде сжатой руки, фаллическую подвеску, стеклянные и каменные бусы, бисер и другие украшения, бронзовые кольца (судя по рисунку, собственно проволочные перстни с выделанной овальной площадкой, в одном случае с углублением для вставки), несколько треугольных крупных наконечников стрел с коротким черешком, железный нож с вытянуто-треугольным черешком, посаженный симметрично, кинжал с сохранившимися бронзовыми ножнами, обломок железной подковы. Весь материал, на основании находки серебряной монеты Ездигерда III автор датирует VII в.н.э.¹

Местные жители считают, что "в старое время" в этих сооружениях закрывали умирать одряхлевших стариков, оставляя им лишь один кувшин с водой, и называют эти сооружения *goré-sang*.²

При раскопках погребальных сооружений, исходя из наблюдения, что человеческие кости в них разбиты и растрескались, А. Стейн сделал заключение, что это кости тех трупов, которые подверглись предварительному выставлению с тем, чтобы мясо было съедено птицами и собаками. Затем они помещались в индивидуальные гробницы. Последнее противоречит ортодоксальному зороастризму, который требовал помещения в дахмы. И если это не удивительно, пишет

А. Стейн, для окраин Ирана, таких как Белуджистан и Макран, где ортодоксальный зороастризм никогда полностью не утвердился, то это очень странно для Фарса, который считался цитаделью ортодоксии.³

Выше мы привели обзор этих сооружений главным образом на основании работ А. Стейна. Имеются и другие упоминания и описания, но для нас в данном случае важно дру-

1. A. S t e i n , 1936, pp.158-159. Описание инвентаря на основании pl. 3313/5-12,15,18,20,23,24,26,38,40, 43,50,56.

2. A. S t e i n , 1936, p.136.

3. A. S t e i n , 1936, p.159. См. также E. H e r z - f e l d , 1947, II, p.748.

гое — широкое географическое распространение этих сооружений, с одной стороны, и их разновременность, с другой, причем новейшие исследования подтверждают, что эти сооружения восходят к эпохе раннего железа.¹

Наконец, следует указать, что на западе, на Северном Кавказе обычай захоронения в наземных каменных гробницах широко практиковался у алан (позже — у осетин). Я не буду подробно останавливаться на этом, так как весь соответствующий материал собран, проанализирован и классифицирован в книге В.А. Кузнецова.²

Итак, в горных и каменистых местностях ряда областей, находящихся на значительном удалении от Средней Азии, имеются погребальные сооружения, в той или иной степени напоминающие карамазарские курумы. Мы не видим реальных линий, по которым можно было бы связать среднеазиатские каменные гробницы с восточнотибетскими или южноиндийскими. Несколько иначе обстоит дело с дамба. Хотя они развивались на основе местных сооружений, восходящих еще к эпохе бронзы, я допускаю мысль, что проникновение среднеазиатских племен, в частности, со среднего течения Сырдарьи в Дрангиану, Арахозию, Гедрозию и т.д., также способствовало развитию этого типа сооружений. Предметом специального исследования должно стать также соотношение среднеазиатских и аланских каменных наземных гробниц — какие-то связи здесь кажутся не исключенными.

Не исключено, что апартакские склепы служили в качестве дахм у тех племен, у которых традиция "курумного" погребального обряда переплеталась с оссуарной традицией согдийско-шашского населения.

В Средней Азии и прилегающих странах отдельные отголоски обычая множественных погребений в наземных сооружениях дожили до современности. Некоторые примеры мы приводим

1. N.R. Ванергее, 1965а, р.213-214; S.P. Гурта, 1965, pp.205-206.

2. В.А. Кузнецов, 1962. См. также Г. Кокеев, 1928; Е.И. Крупнов, 1948; Л.П. Семенов, 1948.

ли выше (стр.86-87). Но самые эффектные - это так называемые "дома мертвых".

В Хорезме до недавнего прошлого имелись сырцово-паховые наземные большесемейные погребальные сооружения сводчатого типа. Некоторые из них имеют длину от 5-7 до 25 м. В отдельных случаях захоронения производились на глинобитных нарах, разделенных на отсеки, в каждом из которых - скелет. Зафиксированы склепы, в одном отделении которых мужские захоронения, в других - женские. В этих склепах погребались лишь родственники.¹

Г.П. Снесарев связывает это с оссуарным погребальным обрядом и, кроме того, сообщает, что в Хорезме "...в ряде мест захоронение умершего над поверхностью земли считается обязательным и почетным. Предать тело земле здесь, несмотря на все мусульманские установления, считается проявлением неуважения к покойному... в старину, там, где преобладал надземный способ захоронений, в землю клали лишь безродных и бедняков."²

В Северном Таджикистане, в Пангазе, также имеются наземные постройки - семейные наземные склепы, в виде однокамерных и двухкамерных глино-саманных сооружений с плоской кровлей (размеры 4,4x2,3; 4,7x1,1 м и т.д.). В некоторых из них были похоронены мужчины и женщины.³

В Гильгите, в Гупис (Gupis) К. Йеттмар слышал рассказы, что в Пуниал (Punyal) и Ясине существовали "дома для мертвых", называемые *gumbad*. По словам его информаторов, это одноэтажные постройки с плоской крышей, с большим помещением. Внутри выстроена платформа из камней и глины, на которую кладут трупы. В центре платформы - яма, куда сметают кости истлевших трупов. Немецкий путешественник А. Фридрих в 1955 г. лично видел такие дома в Читрале, в Гакуш (Gakush). К. Йеттмару рассказывали, что подобные сооружения есть-де на Памире.⁴

1. Г.П. Снесарев, 1960, стр.60-67.

2. Г.П. Снесарев, 1960, стр.68-70.

3. Т.Р. Агзамходжаев, 1965, стр.159-161.

4. К. Йеттмар, 1959, р.92.

В своей последней работе К. Йеттмар приводит описание гильгитских "домов мертвых", которое он сделал в 1964 г. в Пуниал, в сел. Бубур (Bubur). Гробница расположена на вершине холма. Она двухъярусная и состоит из наземной постройки (4,5х5,5 м), с кессонным потолком. Пан-дусный спуск ведет в нижнюю камеру, по своим размерам близкую верхнему помещению. Боковые стенки снабжены каждая двумя нишами (поднимаются на высоту 40 см), задняя — суфэй. Трупы клались в центре камеры, после того как труп полностью разлагался, черепа помещались на суфу, остальные кости с помощью деревянной лопаты сгребались в ниши: в ниши восточной стороны — покойников-мужчин (в одну — женатых, в другую — неженатых), в ниши западной стороны — женщин (с таким же подразделением).¹

Весьма важное заключение К. Йеттмара сводится к следующему: "Несомненно мы имеем здесь, в сердце мусульманской области, институт, связанный с древней иранской практикой. Кроме того, ясно, что этот погребальный обычай находится в соответствии с общей верой дардов в то, что кости — местонахождение души и их сохранение необходимо для воскрешения индивидуума. Представляется, что подобные верования были широко распространены в горах Западного Тибета и имели значительное влияние на развитие религии Бон".²

Можно сопоставить описанные советскими учеными и К. Йеттмаром погребальные сооружения с погребальными сооружениями осетин — теми, что еще Р. Вирхов, а вслед за ним другие сближали с древнеиранскими, а К.А. Иностранцев рассматривал в качестве комбинации дахмы и астоdana-науса. При этом он (очень осторожно) указывал на возможность, что в одном ряду с этими сооружениями стоят и ферганские курумы.³

1. К. J e t t m a r , 1967, p.70, fig. 12-14.

2. К. J e t t m a r , 1959, p.92.

3. К.А. И н о с т р а н ц е в , 1909, стр.121-122. Некоторые детали, особенно наличие каменных или деревянных полок, сближают гильгитские "дома мертвых" с восточным вариантом осетинских склепов (В.А. Кузнецов, 1962, стр.108) даже больше, чем со среднеазиатскими курумами.

Итак, среднеазиатские и гильгитско-читральские "дома для мертвых" не могут быть объяснены вне маздеистско-зороастрийской традиции, и они дают близкую параллель ангрено-чирчикским склепам и курумам. Что же касается последних, то скорее можно говорить, что они представляют собой один из вариантов древнеиранских погребальных сооружений с погребальным обрядом, который переживает до современности.

Мне кажется, что при рассмотрении обряда погребения во всех этих типах могильных сооружений (и, особенно, в дамбах и курумах) нельзя проходить мимо одного свидетельства "Авесты". В первом фаргарде Видевдата, при перечислении стран на десятом месте упоминается Харахвати — Арахозия. И, в соответствии с обычной формулой, прославляются добрые дела, совершенные там Ахура-Маздой, в противовес которому "сотворил Ангро-Майнью, полный смерти, (такое) зло: неискупимый грех *нашу . врауа*". Последнее выражение переводили "погребение трупов".

Лингвистический анализ привел Э. Бенвениста (вслед за Х. Бартоломэ) к заключению, что речь шла об "оставлении трупов на поверхности почвы", что являлось в глазах ортодоксальных зороастрийцев, неискупимым грехом. Как пишет Э. Бенвенист, погребальные обычаи "различались по областям Ирана, они изменялись в разные эпохи и, как кажется, зависели от социальных условий — они варьировали от кремации до погребения в земле и выставления трупов на дамах". Картина становится еще более сложной, если учесть и установленное значение арахозийской практики *нашу . врауа*. Вместе с тем, как справедливо отмечает Э. Бенвенист, выставление трупа известно у многих народов.¹ Сам Э. Бенвенист не сопоставил с этим обычаем погребальные сооружения типа дамба; в свою очередь, К. Леттмар также не привлек материал по дамбе и не использовал новое толкование термина *нашу . врауа*, предложенное Э. Бенвенистом.

Цитированный выше текст Видевдата подразумевал такой обычай, когда труп не зарывается в землю, а кладется на

1. E. Benveniste, 1962, p. 39-43. Данные о выставлении трупа — см. Д. К. Зеленин, 1916, стр. 92-94.

его поверхности. По существу, именно так обстояло и в дамба и в курумах, хотя труп и помещался в каменную гробницу. И в Средней Азии, и в других областях, населенных иранцами, этот древнеиранский обычай, несмотря на распространение ортодоксально-зороастрийского погребального обряда (который испытал воздействие неортодоксальных погребальных обрядов и сам оказал влияние на другие погребальные обряды) сохранился вплоть до победы ислама, а в виде переживаний — почти до наших дней.

8. К ДАТИРОВКЕ КУРУМОВ

В курумах (чаще, чем в курганах) встречаются монеты у-шу разных вариантов. Так, монета из Ашт-2 имеет диаметр 25 мм, центральное отверстие IIxII мм, ободок вдоль внешнего края на аверсе и реверсе, внутреннее отверстие без ободка. Вторая, из курума 8, имеет диаметр 23 мм, центральное отверстие IOxIO мм и лишена ободков. Кроме того, монеты этого типа найдены в Кара-сай 2, Долона 2, Чарчанах-сай I6, Ниязбек 42,¹ Сарыкул-сай-8,² куруме в Чадаке (раскопки Н.И. Веселовского)³, в куруме у с.Араб,⁴ а также встречаются и в курганных могильниках (см. выше, стр.II5-II6).

Эти монеты, помимо собственно Китая, очень широко распространены также в Восточном Туркестане (по подсчетам Ф. Бергмана, в одной лишь области Лоб-Нора было найдено около тысячи монет, большинство из них у-шу).⁵ Китайские монеты типа у-шу стали выпускаться в II8 г. до н.э. и чекан их продолжался до 58I г.н.э. Ранние выпуски этих монет не имели на аверсе ободка вокруг центрального отверстия, а имели лишь на реверсе. В 73-49 гг. до н.э. на аверсе появляется под ободком центрального отверстия обращенный вниз сегмент. В I89 г.н.э. были выпущены монеты обыкновенного образца, но без внешних ободков. В 402-42I гг. медные монеты типа у-шу были выпущены в Кашгаре.⁶ По наблюдениям Ф.Бергмана, поздние выпуски отличаются меньшим размером и более низким качеством,⁷ однако крупнейший специалист по китайской ну -

1. Е.Д. Салтовская, 1960, стр.92.

2. М.Э. Воронец, 1954, стр.76.

3. ОАК за 1882-1888 годы, 189I, стр. XUM; Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, СА-13840.

4. Ю.Г. Чуланов, 1967, стр.245.

5. F. Bergman, 1939, p.162. См. также M.A. Stein, 1907, I, pp.575-579, vol.II, 1907, II, pl.LXXXIX; A. Conrady, 1920, S.168, Abt.3, Taf. 1/9-15, 16-20, 21-26; F. Bergman, 1935, p.100, pl.XV/4-5; F. Bergman, 1939, pp.73, 161-162, 179 and oth., pl.31/1.

6. T. de Lascourperie, 1892, pp.XVI, 360, 362, 399. См. также W. Vissering, 1877, p.37.

7. F. Bergman, 1939, p.162.

мизматике писал: "как правило, невозможно узнать, где и когда выпущен какой-либо из вариантов монет у-шу".¹

Характерны в этой связи находки в Гур-Мироне. Монета, происходящая из раскопок А.Н. Бернштама, на аверсе и реверсе имеет наружный ободок, но ободок вокруг центрального отверстия отсутствует (диаметр 25 мм, центральное отверстие 10х10 мм). При раскопках же Ю.Г. Чуланова в одном из курганов найдено сразу три монеты у-шу. Одна из них такая же, как вышеописанная, другая имеет ободок вокруг центрального отверстия, третья — плоская, без всяких ободков.² Таким образом, по крайней мере три варианта этих монет могли обращаться в Фергане одновременно. Относительно монет с БФК М.Е. Массон высказал предположение, что эти китайского типа монеты, возможно, среднеазиатского происхождения,³ однако оно ни на чем не основано. Относительно монет из Ашта известный китаист Б. Панкратов высказал предположение, что они чеканены в период Нань-бэй-чао (386-589 гг. н.э.),ого — ворившись однако, что это лишь догадка.

Итак, монеты типа у-шу, найденные при раскопках могильных сооружений в Фергане, не являются сколько-либо надежной опорой при датировке. Может быть, все же следует учитывать наблюдения Ф. Бергмана, согласно которым в Восточном Туркестане периодом наиболее интенсивного обращения этих монет является вторая половина III в.н.э.⁴

При анализе комплексов из курумов были приняты во внимание все категории погребального инвентаря. Выявилось, что можно говорить о двух территориальных группах курумов: восточной и западной. Западную группу, представленную могильниками в полосе от Ашта до Курук-сая, несмотря на большую специфику могильных сооружений, очень многое в облике культуры сближает с каунчинско-джунской. Фактически, эта "аштская культура", как я предлагаю ее называть, едва ли

1. T. de L a s o u r e r i e , 1892, p.432.

2. Наманганский музей, монета из раскопок А.Н. Бернштама, инв. № НМК 1326, остальные без шифра.

3. М.Е. М а с с о н , 1940, стр.53.

4. F. B e r g m a n , 1935, pp.100-101.

не является горным вариантом каунчинско-джунской культуры.

Для курумов восточной группы характерна иная традиция, идущая в большей степени от позднеусуньской и равнинной Ферганы.

М.Э. Воронеж — первый современный исследователь курумов датировал их временем "около начала н.э.", "I-II веками н.э."¹ Участник его работ, позже продолживший исследование комплексов из курумов, В.И. Спришевский, предложил иную датировку — I-IV вв.²

Я заново пересмотрел все материалы из раскопок М.Э.Воронца. Большая группа их должна на самом деле датироваться IV-V вв., что особенно ясно вытекает из анализа наконечников стрел.³

В вопросе о датировке курумов еще больше сложностей, чем в датировке подбойно-катакомбных могильников. Эти сложности связаны с часто имеющейся неясностью в отношении истории сложения погребального комплекса. Тем не менее, и инвентарь из курумов может датироваться в тех же пределах, что и инвентарь из подбойно-катакомбных могильников — с I-II вв. н.э. до VI-VII вв. При этом удельный вес захоронений V-VII вв. выше, чем в подбойно-катакомбных могильниках.

1. М.Э. Воронеж, 1954, стр. 63, 77.

2. В.И. Спришевский, 1956, стр. 70.

3. Б.А. Литвинский, 1965, стр. 85 и след.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АРТ, П - "Археологические работы в Таджикистане в 1954 г." Отв. ред. А.А. Семенов, М.Ф. Фазылов и Б.А. Литвинский. Сталинабад, 1956 /Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII/.
- АРТ, III - "Археологические работы в Таджикистане в 1955 г." Отв. ред. Б.А. Литвинский. Сталинабад, 1956 /Тр. АН Тадж. ССР, т. LXIII/.
- АРТ, IV - "Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.", вып. IV. Отв. ред. Б.А. Литвинский. Сталинабад, 1959 /Тр. АН Тадж. ССР, т. XCI/.
- АРТ, V - "Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.", вып. V, Сталинабад, 1959 /Тр. АН Тадж. ССР, т. CIII/.
- АРТ, VI - "Археологические работы в Таджикистане", вып. VI /1958 год/. Отв. ред. Б.А. Литвинский. Сталинабад, 1961.
- АРТ, VII - "Археологические работы в Таджикистане", вып. VII /1959 год/. Отв. ред. Б.А. Литвинский. Душанбе, 1961.
- АРТ, VIII - "Археологические работы в Таджикистане", вып. VIII /1960 год/. Отв. ред. Б.А. Литвинский. Душанбе, 1962 /Тр. Института истории АН Тадж. ССР, т. XXXIV/.
- АРТ, IX - "Археологические работы в Таджикистане", вып. IX /1961 год /. Отв. ред. Б.А. Литвинский. Душанбе, 1964 /Тр. Института истории АН Тадж. ССР, т. XLII/.
- ВГО - Всесоюзное географическое общество.
- ВДИ - "Вестник древней истории".
- ДАН - "Доклады Академии наук".
- ЗВОРАО - "Записки Восточного отделения Русского археологического общества".

ЗИРАО	- "Зап. И. Русского археологического общества".
ИАК	- "Известия Археологической комиссии".
ИМКУ	- "История материальной культуры Узбекистана".
ИООН АН Тадж. ССР	- "Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР".
ИТН, I	- "История таджикского народа", т. I. "С древнейших времен до У в. н. э.". Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
КАЭЭ	- Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА	- "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии /АН СССР/".
КСИИМК	- "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры /АН СССР/".
КСИНА	- "Краткие сообщения Ин-та народов Азии /АН СССР/".
КСИЭ	- "Краткие сообщения Ин-та этнографии /АН СССР/".
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ	- Материалы Хорезмской экспедиции. Под общей ред. С. П. Толстова.
ОАК	- Отчеты Археологической комиссии.
ПИДО	- "Проблемы истории докапиталистических обществ".

- ПТКЛА - "Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии".
- РАО - Русское археологическое общество.
- РГО - Русское географическое общество.
- СА - "Советская археология".
- СВ - "Советское востоковедение".
- СТАИМК - "Сообщения ГАИМК".
- СЭ - "Советская этнография".
- ТОВЭ - "Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа".
- ТПЭ - Таджикско-Памирская экспедиция.
- ТХАЭЭ - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Под общей редакцией С.П. Толстова.
- ФАН - Филиал Академии наук.
- ЮТАКЭ - Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- AAr - "Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae".
- AI - "Ancient India." Delhi.
- BMFEA - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". Stockholm.
- CAJ - "Central Asiatic Journal".
- EW - "East and West".
- HJAS - "Harvard Journal of Asiatic Studies".
- JAOS - "Journal of the American Oriental Society".
- MA SI - "Memoirs of the Archaeological Survey of India".
- MDAFA - "Mémoires of la Délégation archéologique Française en Afghanistan".
- MRDTB - "Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library)".
- JRAS - "Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland". London.

Абрамзон С.М., 1946.

Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

Абрамова М.П., 1959.

Сарматская культура II в. до н.э. – I в.н.э. /По материалам Нижнего Поволжья. Суловский этап/. – СА, 1959, № I.

Агеева Е.И., 1961.

К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. – Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казах.ССР, т.I2. Алма-Ата, 1961.

Агзамходжаев Т., 1961.

Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. – В сб.: ИМКУ, вып.2. Ташкент, 1961.

Агзамходжаев Т.Р., 1965.

Археологическая разведка в селении Пангаз. – В сб.: ИМКУ, вып. 6. Ташкент, 1965.

Агзамходжаев Т., 1966.

Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв.н.э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1966.

Агзамходжаев Т., 1966а.

Подземные каменные наусы около г.Ангрен. – В сб.: ИМКУ, вып.7, Ташкент, 1966.

Акишев К.А., 1956.

Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 года. – Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, т.I. Алма-Ата, 1956.

Акишев К.А., 1959.

Саки Семиречья /По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг./. – Тр. Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т.7, Алма-Ата, 1959.

Акишев К.А., 1959а.

Памятники старины Северного Казахстана. – Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, т.УП. Алма-Ата, 1959.

Акишев К.А., Кумаров Г.А., 1963.

Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Алексеева Е.П., 1955.

Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. - КСИИМК, в.60, 1955.

Альбаум Л.И., 1960.

Бадалик-тене. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

Андреев М.С., 1896.

Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. - Отд. оттиск из: "Среднеазиатский Вестник", 1896, май /то же - ПТКЛА, г.І. Ташкент, 1896/.

Андреев М.С., 1896 а.

Исторические заметки о Ходженте. - "Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г.", вып.ІV. Самарканд, 1896.

Андреев М.С., 1927.

По этнологии Афганистана. Долина Панджир /Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г./ Ташкент, 1927.

Андреев М.С., 1953.

Таджики долины Хуф /верховья Аму-Дарьи/, вып.І. Сталинабад, 1953 /Тр. АН Тадж.ССР, т.7/.

Андреев М.С., 1958.

Таджики долины Хуф /верховья Аму-Дарьи/, вып.П. Подг. к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К. Писарчик. Сталинабад, 1958 /Тр. АН Тадж.ССР, т.ХІ/.

Андреев М.С., 1970.

Материалы по этнографии Ягноба (запись 1927-1928 гг.) Подготовка к печати и редакция А.К. Писарчик. Душанбе, 1970.

Андреев М.С., (рукопись).

Ягноб. Этнографические записи 1927-1928 гг. Рукопись. Научный архив Института истории им. А.Дониша.

А н д р е е в М.С. и П е щ е р е в а Е.М., 1957.
Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря,
составленного М.С. Андреевым, В.А.Лившицем и А.К. Писарчик,
М.-Л., 1957.

А н у ч и н Д.Н., 1890.

Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда.
Археолого-этнографический очерк. М., 1890 /Отд.оттиск/.

А н ф и м о в Н.В., 1951 .

Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. -
МИА, № 23, М.-Л., 1951.

Археологический отряд, 1959.

Археологический отряд управления по делам культуры пров.
Хэнань. Отчет о раскопках захоронений периода Зап. Хань
близ села Темыньчжэнь /Синьань, пров. Хэнань/ -"Kaogu Xuebao"
1959, № 2.

Археологический отряд, 1959а.

Археологический отряд Бюро культуры пров. Хэнань. Раскоп-
ки ханьских могил Байша уезда Кйсянь пров. Хэнань. -"Kaogu
Xuebao", 1959, № I /русс. резюме - стр. 83-84/.

Археологический отряд, 1959б.

Археологический отряд управления по делам культуры пров.
Хэнань. Отчет о раскопках захоронений периода от Северных
династий до Суй-Тан на западном берегу р. Цзяньхэ в г.
Лояне в 1955 г. -"Kaogu Xuebao" 1959, № 2.

А т а е в Д.М., 1963.

Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
Атлас, 1968. - Атлас Таджикской Советской Социалистической
Республики. Душанбе - Москва, 1968.

Б а б а е в А.Д., 1965.

Уникальные находки из погребальных сооружений Западного
Памира. - ИООН АН Тадж.ССР. 1965, № I.

Б а б а е в А.Д., 1965а.

Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана /Ишка-
шинский район ГБАО/. Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 1965.

Б а л а б у е в а - Г о л я х о в с к а я А.М., 1928.
Погребальные обряды у казаков Акмолинской губернии. -
Сборник научного кружка при Восточном факультете Ср.-Аз.
Гос. Университета, вып. I. Ташкент, 1928.

Б а р т о л ь д В.В., 1910.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
в историческом, археологическом, лингвистическом и этно-
графическом отношении. 1903-1909 годы. - Известия Русс-
кого комитета для изучения Средней и Восточной Азии,
№ 10, СПб., 1910.

Б а р у з д и н Ю.Д., 1956.

Карабулакский могильник /Раскопки 1954 г./. - Тр. Инсти-
тута истории /АН Кирг.ССР/, вып. II. Фрунзе, 1956.

Б а р у з д и н Ю.Д., 1957а.

Карабулакский могильник /Раскопки 1955 года/. - Тр. Инсти-
тута истории /АН Кирг.ССР/, вып. III, Фрунзе, 1957.

Б а р у з д и н Ю.Д., 1957б.

Кара-Булакский могильник, - КСИЭ, XXVI. М., 1957.

Б а р у з д и н Ю.Д., 1961.

Карабулакский могильник. - Изв. АН Кирг.ССР, сер. общест-
венных наук, т. III, в. 3. Фрунзе, 1961.

Б а р у з д и н Ю.Д., б.г.

Раскопки могильника Джангаил. Без года и пагинации. Рукопись
- черновые записи. - Фонды Ферганского обл. историко-крае-
ведческого музея.

Б а р у з д и н Ю.Д., Б р ы к и н а Г.А., 1962.

Археологические памятники Баткена и Ляйляка /юго-западная
Киргизия/. Фрунзе, 1962.

Б е д е н и ц к и й А.М., 1958а.

Археологические заметки. - ИООН АН Тадж.ССР, в. 4. Сталина-
бад, 1958.

Б е р н ш т а м А.Н., 1940.

Кенкольский могильник. Л., 1940. /Археологические экспеди-
ции Государственного Эрмитажа, вып. II/.

Б е р н ш т а м А.Н., 1940а.

Из истории гуннов I в. до н.э. Ху-хань-е и Чжи-чжи-шаньюй.-
СВ, т. I, М.-Л., 1940.

Б е р н ш т а м А.Н., 1948.

Археологические исследования на Памире в 1948 г. - Вестник
ЛГУ, 1948, № II.

Б е р н ш т а м А.Н., 1949.

Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. -
СА, XI, М.-Л., 1949.

Б е р н ш т а м А.Н., 1950.

Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская до-
лина". Составлены под руководством А.Н. Бернштама. М.-Л.,
1950 /МИА, № I4/.

Б е р н ш т а м А.Н., 1951 .

Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Б е р н ш т а м А.Н., 1952.

Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и
Памиро-Алая. М.-Л., 1952 /МИА, № 26/.

Б е р н ш т а м А.Н., рукопись.

Материалы Памиро-Ферганской экспедиции. Рукопись. - Архив
ЛОИА, ф. 56, д. I26.

Б и р у н и , 1957.

Избранные произведения, ч. I, Памятники минувших поколений,
пер. и прим. М.А. Салье, Ташкент, 1957.

Б и ч у р и н Н.Я. /Иакинф/, 1950, 1950а, 1953.

Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в
древние времена. Ред. текста, вступит. статьи и коммента-
рии А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М.-Л., 1950-1953. т. I -
1950; т. II - 1950а; т. III - 1953.

В а л и х а н о в Ч.Ч., 1961.

Следы шаманства у киргизов. - В кн.: Ч.Ч. Валиханов,
Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961.

В е с е л о в с к и й Н.И., 1883.

Перечень предметов, привезенных Н.И. Веселовским из Тур-

кестана. - Архив ЛОИА, д. № 20, 1883. /фактическая дата - 1886 г./.

Веселовский Н.И., 1883а.

Отчет по расходованию 3000 рублей, отпущенных мне на производство раскопок в Туркестанском крае. - Архив ЛОИА, ф. I, 1883. /фактическая дата - 1886 г./

Веселовский Н.И., 1886.

Донесение профессора С.-Петербургского университета Н.И. Веселовского об археологических исследованиях его в Туркестанском крае в 1885 году. - Архив ЛОИА, ф. I, 1883, № 20.

Веселовский Н.И., 1888.

Заметка о курганах Туркестанского края. - ЗВОРАО, т. III. СПб., 1888.

Веселовский Н.И., 1891.

Отчет о работах в Средней Азии в 1884-1885 гг. - ОАК за 1882-1888 гг. СПб., 1891.

Веселовский Н.И., 1905.

Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. - Тр. XII археологического съезда, т. I. М., 1905.

Вирский М.М., 1879.

Об устройстве сартовской могилы и о похоронных обрядах у туземцев Самарканда. - Изв. И. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете, т. XXXV, Тр. антропологического отдела, т. У. М., 1879 /Антропологическая выставка 1879 года, т. III/.

Воеводский М.В. и Грязнов М.П., 1938.

У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории у-суней. - ВДИ, 1938, № 3 /4/.

Воронец М.Э., 1951.

Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Узб. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. - Тр. Музея истории народов Узбекистана, вып. I. Ташкент, 1951.

В о р о н е ц М.Э., 1951а.

Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области. - Изв. АН УзССР, 1951, № 5.

В о р о н е ц М.Э., 1954.

Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950-1951 годах. - Тр. Музея истории Узбекской ССР, вып. II. Ташкент, 1954.

В о с т р о в В.В., 1959.

К вопросу о пережитках древних верований у казахов. - Изв. АН Каз.ССР, сер. история, археология и этнография, 1959, вып. 2 /10/.

В я з ь м и т и н а М.И., 1954.

Сарматские погребения у с.Ново-Филлиповка, - В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954.

Г а й д у к е в и ч В.Ф., 1952.

Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. - СА, XVI. М.-Л., 1952.

Г о л ь м с т е н В.В., 1935.

О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. - ПИДО, 1935, № 5-6.

Г о р б у н о в а Н.Г., 1961.

Кунгайский могильник. - Археологический сборник /Гос. Эрмитажа/, вып. 3. Л., 1961.

Г о р б у н о в а Н.Г., 1962.

Культура Ферганы в эпоху раннего железа. - Археологический сборник /Гос.Эрмитажа/, вып. 5. Л., 1962.

Г о р б у н о в а Н.Г., 1970.

О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. - СА, 1970, № I.

Г о р б у н о в а Н.Г. и Г а м б у р г Б.З., 1957.

Могильник Хангиз. - ИООН АН Тадж.ССР, вып. I4, Сталинабад, 1957.

Г о р о д ц о в В.А., 1905.

Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. — Тр. XII археологического съезда, т. I, М., 1905.

Г р а к о в Б.Н., 1962.

Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, № 115, М., 1962.

Г р а м е н и ц к и й Д.М., 1879, 1897–98.

Заметка о древних урочищах Туркестанского края. — "Туркестанские Ведомости", 1879, № 12. /Перепечатка: Граменицкий Д. М. Заметка о древних урочищах Туркестанского края. — ПТКЛА, г. III. Ташкент, 1897–1898/.

Г р и г о р ь е в Г.В., 1948.

Келесская степь в археологическом отношении /К истории культуры древних саков/. — Изв. АН Каз. ССР, № 46. Сер. археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948.

Г у д к о в а Е.В., 1964.

Ток-Кала, Ташкент, 1964.

Г у л я м о в Я.Г., И с л а м о в У. и А с к а -
р о в А., 1966.

Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966 /АН Узб. ССР, Ин-т истории и археологии. Труды Махандарьин. отряда Узбекистанской археологической экспедиции АН УзССР, кн. II/.

Г у л я м о в а Э., 1958.

Раскопки на Душанбинском некрополе. — Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, вып. III, 1958.

Г у л я м о в а Э., Д а в и д о в и ч Е.А., Л и т -
в и н с к и й Б.А., Р а н о в В.А., 1956.

Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР /Краткий обзор/. Сталинабад, 1956.

Д а в и д о в и ч Е.А., 1958.

Раскопки замка Калаи-Боло /из работ Исфаринского отряда в 1951-1952 гг./. - МИА, № 66, М.-Л., 1958.

Д а в и д о в и ч Е.А. и Д и т в и н с к и й Б.А., 1955.

Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955 /Тр.АН Тадж.ССР, т. XXXV/.

Д ъ я к о в о в М.М., 1950.

Работы Кафирниганского отряда. - МИА, № 15, М.-Л., 1950.

Д ъ я к о в о в М.М., 1953.

Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана /Кобадман//1950-1951 гг./. - МИА, № 37, М.-Л., 1953.

Е м е л ь я н о в Н., 1885.

Меры по воспреещению производства археологических раскопок в крае. - "Туркестанские Ведомости", 1885, № 34.

Е р ш о в Н.Н., К и с л я к о в Н.А., П е щ е р е в а Е.М., Р у с я й к и н а С.П., 1954.

Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.-Л., 1954 /Тр. Института этнографии АН СССР, н.с., т. XXIV/.

Е с б е р г е н о в Х., 1963.

К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков /на материале погребальной обрядности/. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963.

Ж у к о в В.Д., 1940.

Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала /Предварительное сообщение/. - Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10.

Ж у к о в В.Д., 1951.

Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. - Тр. Института истории и археологии /АН УзССР/, т. IV. Ташкент, 1951.

И у к о в В.Д., /рукопись/.

Археологическая коллекция из Южной Ферганы. Рукопись -
Архив Института истории и археологии АН УзССР, инв.
№ 251.

З а д н е п р о в с к и й Ю.А., 1959 .

Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопро-
сом о происхождении киргизского народа. - Тр. КАЗЭ, III,
Фрунзе, 1959.

З а д н е п р о в с к и й Ю.А., 1960.

Археологические памятники южных районов Ошской области
/середина I тысячелетия до н.э. - середина I тысячелетия
н.э./, Фрунзе, 1960.

З а л к и н д Н.Г. и П о л я к о в С.П., 1964.

Материалы к характеристике средневековых кладбищ Запад-
ной Туркмении. - Научн. труды /Ташк. ун-т/, вып. 235.
Ист.науки, кн.49, 1964.

З е л е н и н Д.К., 1916.

Очерки русской мифологии, вып. I. Умершие неестественной
смертью и русалки. Пгр., 1916.

З е л е н и н Д.К., 1936.

Кульг онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии си-
бирских народов. М.-Л., 1936 /Тр. Института антропологии,
археологии и этнографии, XIV. Этнографическая сер., в.3/.

З е л и н с к и й А.Н., 1960.

Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа. - СА, 1960, №3.

З е л и н с к и й А.Н., 1965.

Древнее погребение на Южном Памире. - В сб.: Страны и
народы Востока, вып.IV, М., 1965.

Извлечение из протокола заседания Русского комитета для
изучения Средней и Восточной Азии 31.I.1904. - Изв. Рус-
ского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, №3,
СПб., 1904.

Извлечение из протокола заседания Русского комитета для
изучения Средней и Восточной Азии 22.III.1904. - Изв. Рус-

ского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, №4. СПб., 1904.

Иностранцев К.А., 1909.

О древне-иранских погребальных обычаях и постройках. - ЖМНП, нов. сер., XX, № 3, СПб., 1909.

Иностранцев К.А., 1911.

Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератской версии книги об Арта-Вираф. - Изв. И. Академии наук, 1911. У1 серия, №7.

Калоев Б.А., 1964.

Обряд посвящения коня у осетин. М., 1964 /УП Международный конгресс антропологических и этнографических наук/.

Калоев Б.А., 1967.

Осетины /историко-этнографическое исследование/ М., 1967.

Кибиров А.К., 1959а.

Археологические памятники Чаткала. - Тр. КАЗЭ, т.П, М., 1959.

Кибиров А.К., 1959б.

Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953-1955 гг. - Тр. КАЗЭ, т.П, М., 1959.

Кисляков Н.А., 1954.

Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков. - ИООН АН Тадж.ССР, вып.7. Сталинабад, 1954.

Кисляков Н.А., 1954а.

Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи "История Бухары" как этнографический источник. - Тр. АН Тадж.ССР, т.ХХУП. Сталинабад, 1954.

Княткина Т.П., 1959.

О поездке в Ашт в 1957 г. /краниологический материал/. - АРТ, У. Сталинабад, 1959.

Қодиров Р., 1963.

Фольклори маросимии тореволюционии тоҷикиони водии Қамқа-дарё. Душанбе, 1963.

Кожомбердиев И., 1960.

Могильник Акции-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. - Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, т. П, вып. 3, Фрунзе, 1960.

Кожомбердиев И., 1963.

Катакомбные памятники Таласской долины. - в сб.: Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе, 1963.

Козенкова В.И., 1966.

Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры. - СА, 1966, №1.

Кокеев Г., 1928.

Склеповые сооружения Горной Осетии. Ист. - этнол. очерк. Владикавказ, 1928.

Крашенинникова Н.И., 1966.

К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. - Тр. Ташкентского Гос. университета, вып. 295. Археология Средней Азии, УП. Ташкент, 1966.

Крупнов Е.Н., 1948.

Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. - Тр. ГИМ, вып. ХУП. М., 1948.

Кузнецов В.А., 1962.

Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 /МИА, №106/.

Кузнецов П.Е., 1916.

О таджиках Кокандского уезда /Поездка 1915 г./ - Известия Туркестанского отдела РГО, т. ХП, в. 2. Ташкент, 1916.

Б.А. Латынин Б.А., 1931.

О работах Ангренской и Ферганской экспедиций в 1930 г. - СГАИМК, 1931, №1.

Латынин Б.А., 1935.

Отчет о работах. - ИГАИМК, в. IIО. М.-Л., 1935.

Латынин Б.А., 1935а.

К вопросу об истории ирригации. - В сб.: Академия наук СССР. Академику Н.Я. Марру. М.-Л., 1935.

Латынин Б.А., 1961.

Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. - Ар-

хеологический сборник /Гос. Эрмитажа/, вып. 3, Л., 1961.

Л а т ы н и н Б.А., рукопись.

Отчет Ферганской экспедиции 1934 г. - Архив ЛОИА, фонд №2, оп. №2, №712.

Л а т ы н и н Б.А., О б о л д у е в а Т.Г., 1959.

Исфаринские курганы /К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы/. - КСИМК, вып.76, М., 1959.

Л е в и - Б р ю л ь Л., 1930.

Первобытное мышление. М., 1930.

Л е в ш и н А., 1832.

Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч.Ш, СПб., 1832.

Л и п с Ю., 1954.

Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1950.

К истории добычи олова в Узбекистане. - Труды САГУ. Новая серия, в.ХІ. Гуманитарные науки, кн.3: Археология Средней Азии, Ташкент, 1950.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1951.

Отчет о работе археологической группы У отряда ЮТАКЭ в 1947 г. /Реконгносцировки района Безмешин-Кизыл-Арват/. - Труды ЮТАКЭ, т.П, Ашхабад, 1951 /на обложке - 1953/.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1953.

Полевые археологические работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1952 году. - ИООН АН Тадж.ССР, №3. Сталинабад, 1953.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1953а.

Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран. - Тр. АН Тадж. ССР, т. ХУП. Сталинабад, 1953.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1954.

Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии /преимущественно IX-XII вв./. - Тр. АН Тадж.ССР, т.ХХУП, Сталинабад, 1954.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1954а.

Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954 /АН Тадж. ССР, Научно-популярная библиотека, вып. 19/.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1954б.

Археологическое изучение Таджикистана советской наукой /Краткий очерк/. Сталинабад, 1954 /Тр. АН Тадж.ССР, т. XXVI/.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1954в.

Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой. - ИООН АН Тадж.ССР, вып. 6, Сталинабад, 1954.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1954г.

Новые материалы по археологии Таджикистана. - КСИИМК, в. 55. М., 1954.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1956.

Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Кара-Мазарских горах. - АРТ, III, Сталинабад, 1956.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1956а.

Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе /в Ворухе/. - КСИИМК, в. 64, М., 1956.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1958а.

О древности одного среднеазиатского обычая. - КСИЭ, в. XXX. М., 1958.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1959.

Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. - АРТ, V, Сталинабад, 1959.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1959б.

Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 году. - АРТ, IV, Сталинабад, 1959.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1959в.

Курумы. - В сб.: "Археологи рассказывают". Сталинабад, 1959.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1960.

Рец. на: Б.В. Дунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркмении. - СА, 1960, №3.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1960а.

Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960/ XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР/.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1960б.

Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане.- КСИИМК, вып. 80, 1960.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1961.

Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. - АРТ, У1, Сталинабад, 1961.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1964а.

Зеркало в верованиях древних ферганцев. - СЭ, 1964, №3.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1965.

Среднеазиатские железные наконечники стрел. - СА, 1965, № 2.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1966.

Сложносоставной лук в древней Средней Азии /к проблеме эволюции лука на Востоке/. - СА, 1966, №44.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1967.

Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. - СА, 1967, №2.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1967а.

Археология Таджикистана за годы Советской власти. - СА, 1967, № 3.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1967б.

Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии.- ВДИ, 1967, №4.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1968.

Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Бронзо-

вые топоры, кинжалы. Наконечники стрел. - В сб.: Материальная культура Таджикистана, вып. I. Душанбе, 1968.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1968а.

Кангуйско-сарматский Фарн /к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии/. Душанбе, 1968.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1968б.

Погребальный обряд у древних ферганцев в свете этнографии. - ИООН АН Тадж.ССР, в.3 (53). Душанбе, 1968.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1969.

История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников). Автореф. докт.дисс.М., 1969.

Л и т в и н с к и й Б.А., 1971.

Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. - В сб.: Материальная культура Таджикистана, II, Душанбе, 1971.

Л и т в и н с к и й Б.А., Гулямова Э. и Зеймаль Т.И., 1959.

Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты /1956 г./. - АРТ, IV. Сталинабад, 1959. /Тр. АН Тадж.ССР, т.XCI/.

Л и т в и н с к и й Б.А., Давидович Е.А., 1952.

Археологические работы в Ленинабадской области. - ИООН АН Тадж.ССР, № 2, Сталинабад, 1952.

Л и т в и н с к и й Б.А. и Давидович Е.А., 1956.

Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе /Исфаринский район/ в 1954 г. - АРТ, II. Сталинабад, 1956 /Тр. АН Тадж.ССР, т.XXXVII/.

Л у н и н Б.В., 1958.

Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии /1895-1917 гг./. Ташкент, 1958.

Лыкошин Н. С., 1896.

Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. - Отд. оттиск из "Среднеазиатского Вестника", 1896, июль, сентябрь (то же - ПТКЛА, г. I, Ташкент, 1896).

Лыкошин Н.С., 1905.

Очерк деятельности Туркестанского кружка любителей археологии за первое десятилетие его существования /1895-1905/. - ПТКЛА, т. X, Ташкент, 1905.

Лыкошин Н.С., 1915.

"Хороший тон" на Востоке. Пгр., 1915.

Маджи А.Е., 1957.

Наскальные рисунки в горах Моголтау.- ИООН АН Тадж.ССР. в. I4. Сталинабад, 1957.

Маллицкий Н.Г., 1945.

О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии.-Изв. ВГО, 1945, №5.

Мандельштам А.М., 1966.

Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966 /МИА, №136/.

Марущенко А.А., 1959.

Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. - Тр. Института истории, археологии и этнографии /АН Туркм. ССР/, т. V. Ашхабад, 1959.

Массон М.Е., 1939.

Археологические исследования в Узбекистане. - В сб.: Наука в Узбекистане за 15 лет /1924-1939/. Ташкент, 1939.

Массон М.Е., 1940.

Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. - КСИИМК, в. IY, М.-Л., 1940.

Массон М.Е., 1951.

Уникальный намогильный лицевой памятник из долины Ангрена /Кураминский район Узбекской ССР/. - Изв. АН Каз. ССР, №108, сер. археологическая, в. 3, Алма-Ата, 1951.

М а с с о н М.Е., 1953.

Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

М а у н т ф о р д Ч.П., 1958.

Коричневые люди и красные пески. Путешествие по дикой Австралии. М., 1958.

М и л л е р В.Ф., 1881, 1882, 1887.

Осетинские этюды. ч. I. Осетинские тексты. М., 1881.

ч. II. Исследования. М., 1882.

ч. III. Исследования. М., 1887.

М и л л е р В.Ф., 1882а.

Черты старины в сказаниях и быте осетин. - ЖМНП, ч. CCXXII, №8, СПб., 1882.

М и р о н о в А.М., 1895.

Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах. М., 1895.

М о ш к о в а М. Г., 1963.

Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (Археология СССР.

Свод археологических источников, Д I - I O).

М у з е й пров. Гуйчжоу, 1959.

Раскопки ханьских могил в окрестностях уездов Цинчжэнь и Пинба пров. Гуйчжоу. - Каогу Хуебао, 1959, № I (русск. резюме - стр. I O 2 - I O 3).

Н а з а р о в Ф., 1821.

Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посылаемого в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821.

Н а л и в к и н В. и Н а л и в к и н а М., 1886.

Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Нарты. Эпос осетинского народа. Издание подготовили В.И. Абаев, Н.Г. Джусов, Р.А. Ивнез и Б.А. Калоев, М., 1957.

Н е г м а т о в Н., С а л т о в с к а я Е.Д., К и - я т к и н а Т.П., 1961.

Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. - Тр. Института истории АН Тадж.ССР, т. XXII, 1961. /Археологические работы в Таджикистане, в. VI/.

Н е ч а е в а Л.Г., 1961.

Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. - В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь М.И. Артамонова. Л., 1961.

Н е ч а е в а Л.Г., 1968.

Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин. - В кн.: Тезисы докладов годичной научной сессии, май 1968 г. /Ленинградское отделение Ин-та этнографии АН СССР/. Л., 1968.

Н и л ь с е н В.А., 1966.

Становление феодальной архитектуры Средней Азии (У-УШ вв.). Ташкент, 1966.

О б е л ь ч е н к о О.В., 1954.

Куя-Мазарский и Лявандакский могильники - памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1954.

О б е л ь ч е н к о О.В., 1956.

Куя-Мазарский могильник. - Тр. Института истории и археологии /АН УзССР/, вып.УП. Ташкент, 1956.

О б е л ь ч е н к о О.В., 1957.

Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Куя-Мазарского могильника. - Тр. САГУ, нов. сер., в. СХІ, Ист. науки, кн. 25. Археология Средней Азии, ІУ. Ташкент, 1957.

О б е л ь ч е н к о О.В., 1961.

Лявандакский могильник. - В сб.: ИМКУ, вып.2. Ташкент, 1961.

О б е л ь ч е н к о О.В., 1963.

Курганы около селения Хазара. - В сб.: ИМКУ, вып.4. Ташкент, 1963.

О б е л ь ч е н к о О.В., 1964.

К изучению курганных погребений в Средней Азии. - В сб.: ИМКУ, вып.5. Ташкент, 1964.

Обельченко О.В., 1965.

Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии. - В сб.: ИМКУ, вып.6. Ташкент, 1965.

Обельченко О.В., 1966.

Сазанганские курганы. - В сб.: ИМКУ, вып.7. Ташкент, 1966.

Обельченко О.В., 1967.

Погребение сарматского типа под Самаркандом. - СА, 1967, №2.

Оболдуева Т.Г., 1937 /рукопись/.

Отчет о раскопках курганов близ города Янги-Юля 1937 г.

Рукопись. - Архив Госкомитета Сов. Министров УзССР по делам строительства и архитектуры, инв.№45.

Оболдуева Т.Г., рукопись, П.

Археологические наблюдения на БФК в 1939 г. I отряд.

Описи находок. - Архив управления по делам архитектуры УзССР, д.143-144.

Отчет Археологической комиссии за 1882-1888 годы. СПб, 1891.

Патрушева Б.А., 1954.

В Музее истории АН УзССР в 1950-1952 гг. - Изв. АН УзССР, 1954, №1.

Переписка по экспедиции в пещеру Кон-и-Гут. Доклады П.А. Кастанье, имеющие быть прочитанными в Париже. Рукопись. - Гос. архив УзССР, ф.№ 394, оп.1, ед.хр.2.

Писарчик А.К., 1958.

Примечания и дополнения к кн.: М.С. Андреев. Таджики долины Хуф /верховья Аму-Дарьи/, вып. П. Сталинабад, 1958 /Тр. АН Тадж.ССР, т. XI/.

Письмо Археологической Комиссии от 17. X. 1883 г. №306 - туркестанскому генерал-губернатору Н.Г. Черняеву. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Археологической комиссии от 3. IY 1884 №253 в Совет С.-Петербургского университета. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Археологической комиссии от 3.IV.1884 №254 в Русское археологическое общество. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Археологической комиссии от 3.IV.1884 №255 Туркестанскому генерал-губернатору. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Археологической комиссии от 24.XI.1884 №605 Н.И. Веселовскому. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Археологической комиссии от 22.XI.1894 №1652 в Русский исторический музей /хранится в ГИМ'е/.

Письмо Совета С.-Петербургского университета от 27.VI. 1884 №996 в Археологическую комиссию. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Туркестанского генерал-губернатора от 5.XII. 1883 №7288 председателю Археологической комиссии. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

Письмо Туркестанского генерал-губернатора от 7.IV.1884 №157 в Археологическую комиссию. - Архив ЛОИА, ф.1, 1883, №20.

П л е т н е в а С.А., 1967.

От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

П о л о в ц о в А.А., 1904.

Поездка в Ворухское ущелье в 1904 г. - ПТКЛА, т.IX. Ташкент, 1904.

П о л я к о в С.П., 1967.

Современные погребальные сооружения туркмен Западной Туркмении. - Вестн. Моск. ун-та. Сер. IX. История, 1967, №1.

П о т а п о в А.А., 1930.

Пскентский могильник. Отчет о раскопках А.А. Потапова 1930 года, рукопись. - Архив комитета охраны памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР, инв. №II43.

П о т а п о в А.А., 1938.

Пскентский курганный могильник 1938, рукопись. - Архив комитета охраны памятников материальной культуры при Сове-

те министров УзССР, инв. №53. Альбом "Рисунки", инв. №32.

П о ш к а А.

Древние старатели Сымапа. Из археологических обследований строительных раскопов 1956 года. Рукопись /у автора, без пагинации/.

Протокол заседания №5 Туркестанского кружка любителей археологии от II.XII.1898. - ПТКЛА, г.Ш. Ташкент, 1897-1898.

Протокол заседания №I от 7.П.1900 Туркестанского кружка любителей археологии. - ПТКЛА, г.У. Ташкент, 1900.

Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 12.XI.1904 г.-ПТКЛА, т.IX. Ташкент, 1904.

Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 28.Ш.1905. - ПТКЛА, т.X. Ташкент, 1905.

Протокол заседания №4 от 30 апреля 1913 г. Туркестанского кружка любителей археологии. - ПТКЛА, г.ХУП. Ташкент, 1913 (нумерация выпуска ошибочна, правильно-ХУШ).

Протокол общего собрания от II февраля 1887. - ЗИРАО, т.П. СПб., 1887.

П у г а ч е н к о в а Г.А., 1958.

Своды в архитектуре Южного Туркестана. - Тр. ЮТАКЭ, т.УШ. Ашхабад, 1958.

П у г а ч е н к о в а Г.А., Р е м п е л ь Л.И., 1958.
Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.

П у г а ч е н к о в а Г.А., Р е м п е л ь Л.И., 1965.
История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965.

Р а х и м о в М., 1953.

Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. - ИООН АН Тадж.ССР, в.Ш. Сталинабад, 1953.

Р а х и м о в М.Р., 1956.

Следы древних верований в земледельческих обычаях и обря-

дах таджиков Каратегина и Дарваза до революции. - ИООН АН Тадж.ССР, в.10-11. Сталинабад, 1956.

Рахимов М.Р., 1956а.

Некоторые результаты работы Гармской этнографической экспедиции 1954 г. - ИООН АН Тадж.ССР, в.10-11. Сталинабад, 1956.

Рудановский К.А., 1897-1898.

О постройках, приписываемым мугам в Фергане. - ПТКЛА, г.Ш. Ташкент, 1897-1898.

Руденко С.И., 1955.

Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955.

Рыков П.С., 1925.

Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925 /отд.оттиск из "Уч.записок" Саратовского Гос. ун-та, т.IV, в.3, 1925/.

Рыков П., 1931.

Изучение скифо-сарматской культуры в СССР. - "Изв. Нижне-Волжского Института краеведения", т.IV, Саратов, 1931.

Салтовская Е.Д., 1960.

Вал и могильник у кишлака Ниязбек. - ИООН АН Тадж.ССР, №1 /22/, 1960.

Сальников К.В., 1950.

Сарматские погребения в районе Магнитогорска. - КСИИМК, в. XXXIV, М.-Л., 1950.

Семенов Л.П., 1948.

Археологические разыскания в Северной Осетии. - Изв. Сев.-Осетинского НИИ, т.I2, 1948.

Семенов Ю.П., 1966.

Как возникло человечество. М., 1966.

Синицын И.В., 1947.

Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947 /то же - Уч. зап. Саратовского Гос. ун-та, т.XV/.

Синицын И.В., 1948.

К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. - СА, УШ. М.-Л., 1948.

С и н и ц ы н И.В., 1952.

Археологические исследования в Саратовской области и в Западном Казахстане. - КСИИМК, в. XLV, 1952.

С и н и ц ы н И.В., 1954.

Археологические памятники в низовьях реки Иловли. - Уч. зап. Саратовского Гос. ун-та, т. XXXIX. Саратов, 1954.

С и н и ц ы н И.В., 1956.

Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. - Тр. Саратовского областного музея краеведения. вып. I. Саратов, 1956.

С и н и ц ы н И.В., 1956а.

Археологические исследования в Западном Казахстане. - Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР, т. I. Алма-Ата, 1956.

С и н и ц ы н И.В., 1959.

Археологические исследования Заволжского отряда /1951-1953 гг./,- МИА, №60, М., 1959.

С м и р н о в К.Ф., 1947.

Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. - "Доклады и сообщения исторического факультета МГУ", в. У, М., 1947.

С м и р н о в К.Ф., 1950.

Сарматские племена Северного Прикаспия. - КСИИМК, XXXIV. М.-Л., 1950.

С м и р н о в К.Ф., 1952.

Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг. - КСИИМК, в. XLV, 1952.

С м и р н о в К.Ф., 1952а.

Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Приднепровья. - КСИИМК, в. XLVI, 1952.

С м и р н о в К.Ф., 1954.

Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. - В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Смирнов К.Ф., 1959.

Курганы у сел Иловатка и Политотдальское Сталинградской области. - МИА, №60, М., 1959.

Смирнов К.Ф., 1964.

Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Снесарев Г.П., 1960.

Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. - КСИЭ, в. XXXII. М., 1960.

Сорокин С.С., 1948.

К вопросу о гуннах в Средней Азии. По археологическим данным. - Вестник ЛГУ, 1948, №II.

Сорокин С.С., 1954.

Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. - СА, XX. М., 1954.

Сорокин С.С., 1956.

Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. - СА, XXVI, М., 1956.

Сорокин С.С., 1956а.

О датировке и толковании Кенкольского могильника. - КСИИМК, в. 64. М., 1956.

Сорокин С.С., 1958.

Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1958.

Сорокин С.С., 1961.

Керамика древнего Хотана. - Археологический сборник (Гос. Эрмитаж), вып. 3, Л., 1961.

Сорокин С.С., 1961а.

Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох). - Тр. Гос. Эрмитажа, т. У, Л., 1961.

Сорокин С.С., 1961б.

Железные изделия из Кенкольской коллекции. - Сообщения Государственного Эрмитажа, в. XX. Л., 1961.

С о р о к и н С.С., 1961в.

Древние скотоводы ферганских предгорий. - В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь М.И. Артамонова. Л., 1961.

С о р о к и н С.С., 1961г.

Древние скотоводы ферганских предгорий. - "Материалы по "Отделению этнографии", ч. I. Л., 1961 /Географическое общество СССР. Отделение этнографии/.

С п и ц ы н А.А., 1930.

Древности Средней Азии, 1930 /рукопись/. - Архив ЛОИА, ф.5, №33, 1930.

С п р и ш е в с к и й В.И., 1956.

Некоторые находки из Мугхона в собрании Музея истории. - Тр. Музея истории Узбекской ССР, в. III. Ташкент, 1956.

Т е р е н о ж к и н А.И., 1948.

Холм Ак-тепе близ Ташкента /раскопки 1940 г./.-Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948.

Т е р е н о ж к и н А.И., 1948а.

Согд и Шам /опыт археологической периодизации/. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, рукопись. Л., 1948. (Б-ка им. В.И.Ленина).

Т о л с т о в С.П., 1962.

По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Т о л с т о в С.П., Ж д а н к о Т.А., И т и н а М.А., 1963.

Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. - МХЭ, в.6. М., 1963.

Т о м и л и н В.Н., 1912.

Месторождения медных и свинцовых руд в предгорьях Могол-Тау и Кара-Мазара в Туркестане. - Зап. Горного института, т. IУ, вып. I. СПб., 1912.

Т р о и ц к а я А.Л., 1927.

Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда. - В сб.: В.В. Бартольд. Ташкент, 1927.

Т р о и ц к а я А.Л., 1935.

Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана (По материалам Среднеазиатской экспедиции Академии наук СССР в 1926-1927 гг.). - СЭ, 1935, №6.

Ф а р м а к о в с к и й Б. В. , 1921.

Н.И.Веселовский - археолог. - ЗВОРАО, т.ХХУ. Пг., 1921.

Ф р а й Р.Н., 1967.

Зороастрийские представления о бессмертии души. - "Народы Азии и Африки", 1967, №3.

Х а р у з и н а В., 1909.

Этнография, вып. I, ч. I. М., 1909.

Ч у л а н о в Ю.Г., 1967.

Некоторые новые памятники Северной Ферганы. - СА, 1967, №2.

Ш а н и я з о в К., 1964.

Узбеки-карлуки /Историко-этнографический очерк/. Ташкент, 1964.

Ш и ш к и н В.А., 1969.

К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. - В сб.: Афраснаб, в. I. Ташкент, 1969.

Ш и ш к и н а Г.В., 1961.

Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. - ИМКУ, в. 2. Ташкент, 1961.

Ш у л ь ц П.П., 1953.

Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

Ш у р ц Г., 1923.

История первобытной культуры, в. I. М., 1923.

Щ е т е н к о А.Я., 1968.

Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968.

Э л ь к и н А., 1952.

Коренное население Австралии. М., 1952.

Ю д а х и н К.К., 1940.

Киргизско-русский словарь. М., 1940.

Ю д а х и н К.К., 1965.

Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Я г о д н и В.Н., Х о д ж а й о в Т.

Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Я к у б о в с к и й А.Ю., 1940.

Из истории археологического изучения Самарканда. - ТОВЭ, т.П. I., 1940.

A l i M o h a m m e d , 1965.

The Afghans, Kabul, 1965.

A l l c h i n , B. and R., 1968.

The birth of Indian civilization. India and Pakistan before 500 B.C. Penguin books, 1968.

B a i l e y H.W., 1954.

Madu, a contribution to the history of wine. Repr. from: "Silver Jubilee Volume of the Zinbun-Kadaku-Kenkyusyo", Kyoto University, 1954.

B a m e r j e e N.R., 1956.

The megalithic problem of Chingleput in the light of recent exploration. - AI, N 12. New Delhi, 1956.

B a m e r j e e N.R., 1965.

The iron age in India. Delhi, 1965.

B a n e r j e e N.R., 1965a.

The iron age in India. - In: Indian Prehistory: 1964. Editors V.N. Misra and M.S. Mate. Poona, 1965 (Deccan College building centenary and silver jubilee series, N 32).

B a r t h e l o m a e Ch., 1961.

Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, 2. unveränderte Auflage, Berlin, 1961.

B e n d a n n E., 1930.

Death customs. An analytic study of burial rites, London, 1930.

B e n v e n i s t e E., 1962.

Coutumes funéraires de l'Arachosie ancienne. In: - A Lecuat's Leg. Studies in honour of S.H. Taqizadeh. London, 1962.

B e r g m a n F., 1935.

Lou-Lan wood-carvings and small finds discovered by Sven Hedin.- BMFEA, N7. Stockholm, 1935.

B e r g m a n F., 1939.

Archaeological researches in Sinkiang especially the Lop-Nor region. Stockholm, 1939 (The Sino - Swedish expedition. Publication 7. VII. Archaeology, I.).

B i c k e r m a n E., 1966.

The Seleucids and the Achaemenids.- "Accademia Nazionale Dei Linzei". Anne CCCLXIII, Quaderno N 76. Roma, 1966.

B o g d a n o v L., 1932.

The home and life in Persia. - "Islamic Culture. The Hyderabad quarterly review", 1932, vol. VI, N 3.

B r a n d e n s t e i n W. und M. M a y r h o f e r , 1964.

Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden. 1964.

C a s t a g n é J., 1914.

Monuments cyclopéens dans le Ferghana. - "Bulletin et mémoires de la Société d'anthropologie", VI ser, t.5, 1914.

C e n n e d y A., 1920.

Die chinesischen Handschriften und sonstigen Kleinfunde Sven Hedins in Lou-Lan. Stockholm, 1920.

D a s G.N., 1957.

The funerary monuments of the Nilgiris. - "Bulletin of the Deccan College Research Institute", vol.18, January 1957. Poona, 1957.

E b e r h a r d W., 1942.

Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. Leiden, 1942 (TP, Supplement au vol. XXXVI).

E n o k i K., 1959.

On the nationality of the Ephthalites. - MRDTB, N 18, Tokyo, 1959.

F a i r s e r v i s W.A., 1959.

Archaeological surveys in the Zheb and Loralai districts,

West Pakistan. New York, 1959 (Anthropological papers of the American Museum of Natural History, vol. 47, pt.2).

F i l l g h n e r W., 1937.

Tibet II. Göttingen, 1937 (Kartenwerk der erdmagnetischen Forschungsexpedition nach Zentral-Asien, 1926-28. Ergänzungsheft N 231 zu "Petermanns Mitteilungen").

F r a z e r J.G., 1931.

Garnered sheaves. Essays, addresses and reviews. London, 1931.

F r a z e r J.G., 1933, 1934.

The fear of the dead in primitive religion. Lectures delivered on the William Wyse Foundation at Trinity College, Cambridge, 1932-1933: vol. I, London, 1933; vol. II. London, 1934.

G o n d a J., 1960.

Die Religionen Indiens. I. Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart, 1960 (Die Religionen der Menschheit, Bd. 11).

G e o d y J., 1959.

Death and social control among the Lodagaa. - "Man", vol. LIX. London, August, 1959.

G u p t a S.P., 1965.

Discussion. - In: Indian Prehistory: 1964. Editors V.N. Misra and M.S. Mate. Poona, 1965 (Deccan College building centenary and silver jubilee series, N 32).

H e i k e l H.I., 1918.

Altertümer aus dem Tale des Tales in Turkestan. Helsinki, 1918 (Société Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques, VII).

H e r z f e l l E., 1947.

Zoroaster and his world, vols. I - II. Princeton, 1947.

H u m b a c h H., 1961.

Kušān und Hephthaliten, 1961 (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft C).

H u m b a c h H., 1961a.

Bestattungsformen in Vidēvdāt. - "Zeitschrift für vergleichende

chende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen", 77, Bd., 1/2 Hft. Göttingen, 1961.

Hummel S., 1959.

Eurasiatische Traditionen in der Tibetischen Bon-Religion.
In: "Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biré Sacra",
Budapest, 1959.

Jettmar K., 1951-1952.

Hunnen und Hsiung-nu-ein archäologisches Problem. -
"Archiv für Völkerkunde", Bd. VI/VII. Wien, 1951-1952.

Jettmar K., 1957.

Рец. на: J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, 1956. - "Germania", Bd. 35, 1957, Hft. 3/4.

Jettmar K., 1959.

Urgent tasks of research among the Dardic peoples of
Eastern Afghanistan and Northern Pakistan. - Repr. from
"Bulletin of the International committee on urgent anthropological and ethnological research", 1959, N2.

Jettmar K., 1966.

Tradition der Steppenkulturen bei indo-arischen Bergvölkern. - Sonderdruck aus: "Jahrbuch des Südasien-Instituts der Universität Heidelberg". 1966. Wiesbaden.

Jettmar K., 1966a.

Mittelasiatische Bestattungsrituale und Tierstil. - "Iranica Antiqua", vol. VI. Leiden, 1966.

Jettmar K., 1967.

The Middle Asiatic heritage of Dardistan (islamic collective tombs in Panyal and their background). - EA, N.S., vol. 17, N 1-2. Roma, 1967.

Kane P.-V. 1953.

History of Dharmasāstra (ancient and mediaeval religious and civil law in India), vol. IV. Poona, 1953 (Government Oriental series, class B, N6).

Kapadia D.D., 1953.

Glossary of Pahlavi Vendidad. Bombay, 1953.

K a y a m o t o T., 1962.

Han tombs Lo-lang-their studies by Japanese scholars. -
MRDTB, N 21, Tokyo, 1962.

L a c o u p e r i e T. de, 1892.

Catalogue of Chinese coins from the VII th cent. B.C. to
A.D. 621 including the series in the British Museum. Lon-
don, 1892.

L a u f e r B., 1909.

Chinese pottery of the Han dynasty. London, 1909.

M a c d o n e l l A.A. and K e i t h A.B., 1958.
Vedic index of names and subjects, vol. I-II. Varanasi,
1958.

M a e n c h e n - H e l f e n O., 1944-1945.

Huns and Hsing-nu. - "Byzantion", vol. XVII, 1944-1945.

M a e n c h e n - H e l f e n O., 1958.

A Chinese bronze with central-asiatic motives. - BMFEA,
N 30. Stockholm, 1958.

M a e n c h e n - H e l f e n O.J., 1958 ó.

(peH. HA:) J. Werner. Beiträge zur Archäologie des
Attila-Reiches, I-II. - "A Journal of mediaeval studies",
vol. XXXIII, N 1, 1958.

M a s s e n V.M., 1967.

Archaeological study of Soviet Central Asia. Moscow, 1967
(USSR Academy of Sciences. Institute of the peoples of Asia.
Fifty years of Soviet Oriental Studies (Brief Reviews)).

M o o k l e r , 1877.

On ruins in Makran. - JRAS, N.S., vol. IX. London, 1877.

P r e u s s K.Th., 1930.

Tod und Unsterblichkeit im Glauben der Naturvölker. Tübin-
gen, 1930 (Sammlung gemeinverständlicher Vorträge und
Schriften aus dem Gebiet der Theologie und Religionsgesch-
ichte, 146).

P u c k l e B.S., 1926.

Funeral customs. Their origin and development. London,
1926.

R u d o l p h R.S., 1961.

An important Dongsan site in Yunnan. - "Asian Perspectives. The Bulletin of the Far-Eastern Prehistory Association", vol. IV, N 1-2, 1960. Hong Kong University press, 1961.

S c h a f e r E.H., 1963.

The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley and Los Angeles, 1963.

S c h m i d t E.F., 1957.

Persepolis, II. Chicago-Illinois, 1957 (The University of Chicago Oriental Institute Publications, vol.LXIX).

S h e n C h u n g C h ' a n g , 1959.

The rock tombs of the Southern and Northern dynasties in Chao Hua county, Ssü ch'uan province. - "Kaogu Xuebao", 1959, N 2.

S t e i n A., 1907.

Ancient Khotan, vol. I, Oxford, 1907; vol.II, Oxford, 1907.

S t e i n A., 1929.

An archaeological tour in Wazuristān and Northern Balū-chistān. Calcutta, 1929 (MASI, N 37).

S t e i n A., 1928.

Innermost Asia. Detailed report of explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, Carried out and Described... M.A. Stein, vols. I-III. Oxford, 1928.

S t e i n A., 1931.

An archaeological tour in Gedrosia. - MASI, N 43, 1931.

S t e i n A., 1936.

An archaeological tour in the ancient Persis. - "Iraq", vol. III, pt.2. London, 1936.

S t e i n A., 1937.

Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937.

V i s s e r i n g W., 1877.

On Chinese currency. Coin and paper money. Leiden, 1877.

W i d e n g r e n G., 1965.

Die Religionen Iran. Stuttgart, 1965 (Die Religionen der Menschheit, Bd. 14).

Y a n g , L i e n - s h e n y , 1955.

Notes en Maspere's Les documents chinois de la troisième expédition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. - HJAS, vol.18, 1955, N1-2.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ
ОБОЗНАЧЕНИЙ
МОГИЛЬНИКОВ

А	- Ашт
Ашт - Вес.	- Ашт - раскопки Н.И. Веселовского
БДШ	- Бобои-Дархан (Шуробак)
ВУ	- Ворухское ущелье
Д	- Долона
ДК	- Кара-сай (Дахона)
ДЧ	- Чарчанак-сай (Дахона)
И	- Исфара I
К	- Карабаг
КВ	- Ворухский
КК	- Курук-сай (курганы)
КС	- Курук-сай (курумы)
МКМ	- Кармазар-сай
НК	- Калантар-хона (Навгилем)
НУ	- Усто-Мулле (Навгилем)
ПБ	- Дашти-Бодомак (Пангаз)
Ч	- Чильгазы
ЧК	- Чорку
ХХ	- Хозина-хона

СПИСОК ТАБЛИЦ

- Табл. I. Основные могильники восточной части Средней Азии (конец I тыс. до н.э. - VI-VIII вв. н.э.).
- Табл. 2. Планы Ворухского могильника (обведены кружком раскопанные курганы).
- Табл. 3. План юго-восточного участка могильника близ Ворухского уездья.
- Табл. 4. План могильника Карабаг (черные кружки - раскопанные курганы).
- Табл. 5. План могильника Сурх-П (черные кружки - раскопанные курганы).
- Табл. 6-9. Ворухский могильник. Типы погребений.
- Табл. 10. Ворухский могильник, к. 2а (1-2 - сосуды, 3 - сосуд дер., 4 - плетеная корзинка, 5 - столик дер. (в корзинке); 6 - жел. предметы с дер. рукоятками (в корзинке), кости барана (в корзинке), 8 - грецкие орехи).
- Табл. 11. Ворухский могильник, к. 6, л. I (А - верхнее захоронение: 1 - пряжка жел., 2 - нож жел., фрагмент, 3 - трубочка костяная, 4 - игла жел.; В-Г - нижние захоронения: 12 - нож жел., 13 - нож жел., фрагмент; 14 - подвеска зеркаловидная бр., 15 - пряжка жел., фрагм.).
- Табл. 12. Ворухский могильник, к. 6, л. 2 (Скелет Б - среднее захоронение: 5 - пряжка бр., 6 - серп (?) жел., 7 - изделие жел., фрагм.; 8 - сосуд кож., 9 - сосуд глин., 10 - оковка жел., 11 - изделие из рога)
- Табл. 13. Ворухский могильник, к. 11, (1-2 - сосуды глин.; 3, 4, 6-8 - бусы; 5 - ножичек жел., стерженек для сурьмления; графит; зеркало бр. - сегмент (лежат вместе, в мешочке из ткани); 9 - пряжка жел. и 2 кольца жел.; 10 - нож жел., 11-13 - сосуды глин. миниатюрные; 14 - гребень дер.; 15 - чаша дер. - фрагмент; 16 - корзина плетеная (№ 11-15 - внутри нее).
- Табл. 14. Ворухский могильник, к. 12 (1, 3 - ножи жел.; 2 - пряслице керам., фрагмент).
- Табл. 15. Ворухский могильник, к. 17 (А - нижнее захоронение в дер. гробу; Б - остатки вышележащего захоронения среднего яруса. I - череп, левая рука и таз захоронения в гробу; II - череп (раздавленный) и ноги последующего захоронения с противоположной ориентацией; III - череп и ноги третьего захоронения. 1 - сосуд глиняный).

Табл.16. Ворухский могильник, к.18.

Табл.17. Ворухский могильник, к.50 (1,2,4 - сосуды глин.; 3 - нож жел.).

Табл.18. Типы курганов могильника у Ворухского ущелья.

Табл.19. Могильник у Ворухского ущелья, к.5 (1,20 - сосуды глин., 2 - зеркало бронз., 4 - фрагменты потлзшей ткани; 5,8 - украшения бронз., 6 - изделия жел. фрагм., 7 - бусы стекл., 9 - веретено с керам. пряслищем, 10 - прямоугольная плетеная корзинка вниз устьем (в ней № 11-13); 11 - сосуд миниатюрный, 12 - кувшинчик дерев., 13 - гребень дер., 14 - сосуд дер. плохой сохранности, 15 - плетеная корзина большая, плохой сохранности (в ней № 16-19); 16 - чаша дер., 17 - коробочка дер. с крышкой, 18 - косточки миндаля, 19 - острье дер., 20 - сосуд глин.).

Табл.20. Могильник у Ворухского ущелья, к.7, л.1.

Табл.21. Могильник у Ворухского ущелья, к.7, л.2 (1 - веретено дер. и веретено дер.с двумя пряслищами - плохой сохранности; 2-3 - сосуды миниат.; 4 - кусок графита и стерженек для сурьмления; 5 - изделие жел. - фрагмент; 6 - бусы разные; 7 - сосуд дерев.плохой сохранности; 8-9 - сосуды глиняные. Пунктиром - контур погребальной доски).

Табл.22. Могильник у Ворухского ущелья, к.9 (1 - сосуд глин., 2 - сосуд глин.миниат., 3 - стерженек для сурьмления; 4 - кости животного, 5 - оковка бр., 6 - фрагмент жел.изделия, 7 - бляжки бр. полу-сферические, 8-10 - бусы стекл.).

Табл.23. Могильник у Ворухского ущелья, к.11, л.1.

Табл.24. Могильник у Ворухского ущелья, к.11, л.2.

Табл.25. Могильник у Ворухского ущелья, к.12, л.1.

Табл.26. Могильник у Ворухского ущелья, к.12, л.2. (1,4 - серьги бронз.; 2 - сосуд глин.; 3 - пряслище керам.; 5 - зеркало бронз.; 6 - гроб дер.).

Табл.27. Могильник у Ворухского ущелья, к.13.

Табл.28. Могильник у Ворухского ущелья, к.15 (1 - рукоятка костяная; 2 - сосуд глин. Пунктир внутри ямы - границы погребальной доски).

Табл.29. Исфаринский могильник, к.5 (1 - сосуд глин.).

Табл.30. Исфаринский могильник, к.33 (1-2 - сосуды глин.).

- Табл.31. Исфаринский могильник, к.42 (1-3 - сосуды глин., 4 - нож жел.).
- Табл.32-33. Могильник Калантар-хона. Типы курганов.
- Табл.34. Могильник Калантар-хона, к.3 (1-2 - сосуды глин.).
- Табл.35. Могильник Калантар-хона, к.14 (1-3 - сосуды глин., 4 - трубочка костяная, 5 - фрагмент жел.ножа).
- Табл.36. Могильник Калантар-хона, к.18 (1-2 - сосуды глин., 3 - пряслице, 4-5 - сосуды миниат., 6 - стерженек для сурьмления, 7 - графит, 8 - изделие жел., 9 - зеркало бр., фрагмент., 10 - ножи жел., 11-12 - бусы стекл.).
- Табл.37. Могильник Калантар-хона, к.22.
- Табл.38. Могильник Карабаг. Типы курганов.
- Табл.39. Могильник Карабаг, к.1 (1-3 - сосуды глин., 4 - нож жел., 5 - наконечник стрелы жел.).
- Табл.40. Могильник Карабаг, к.4 (1,4 - сосуды глин., 2-3 - ножи жел.).
- Табл.41. Могильник Карабаг, к.37. (1,5,8 - раковины-каури, 2 - нож жел., 3 - стерженек для сурьмления, 4 - зеркало бр., 6,7,9,11 - бусы, 12-14 - сосуды глин.).
- Табл.42-45. Могильник Сурх II. Типы курганов.
- Табл.46. Могильник Сурх II, к.5 (1,5,9,10 - сосуды глин., 2 - наконечники стрелы (?) жел., 3 - изделие жел., фрагмент, 4,4а,6 - сосуды глин.миниатюрные; 7 - стерженек для сурьмления, 8 - графит, 10 - пряслице, 11 - фрагмент сосуда, 12 - бусы стекл.и перламутровые, 13 - зеркало бр. - фрагмент, 14 - кости барана).
- Табл.47. Могильник Сурх II (1 - бусина каменная, 2 - сосуд глин., 3 - кольцо жел. - фрагмент).
- Табл.48. Могильник Сурх II, к.24.
- Табл.49. Могильник Сурх II, к.33 (1,14,19 - бусы стекл., 2 - серьга бр.плохой сохранности, 3 - сосуд миниатюрный - фрагм., 4 - сосуд миниатюрный, 5-6 - сосуды, 7 - нож жел. - фрагмент, 8-9 - кольца бронз., 10-11 - зеркало с двумя продетыми друг в друга колечками, 12-15 - сосуды глин.бочонковидные, 15-16 - пряслица внутри сосуда, 17 - стерженек для сурьмления, 18 - графит, 20 - украшение бр. на лбу).

- Табл.50. Могильник Сурх П, к.36 (I-4 - сосуды глиняные, № 2 - устьем вниз).
- Табл.51. Могильник Сурх П, к.42 (I - сосуд глин. - фрагменты, 2 - сосуд глин. миниатюрный, 3 - нож и кольцо жел. - фрагменты, 4 - бляшки полусферические бронз. и бусы пастовые, 5 - столик деревянный (на нем - № 2,5), 6 - корзина плетеная).
- Табл.52. Могильник Усто-Мулло. Типы курганов.
- Табл.53. Могильник Усто-Мулло, к. I (I-3 - сосуды глин., 3 - нож жел., 4 - кость барана, 5 - раковина-каури).
- Табл.54. Могильник Усто-Мулло, к.5 (I, 4, 5 - бусы, 2 - зеркало бронз., 3 - пряжка бр., 6 - кольцо бр., 7, 9 - сосуды глин., миниатюрные, 8 - нож жел., 10, 14 - сосуды глин., II - стерженек для сурьмления, 12 - графит).
- Табл.55. Могильник Чильгазы, к. I (I, 2 - сосуды глин., 3 - сосуд глин. миниатюрный, 4 - зеркало бр., фрагмент, 5 - нож жел. и жел. фрагменты, 6 - бубенчик бр. и бусина, 7 - бусина, 8 - бляшки полусферические бр.).
- Табл.56-58. Могильник Чорку I. Типы курганов и погребений.
- Табл.59. Могильник Чорку I, к.8 (I - шильце (?) жел. с дер.ручкой, 2 - сосуд глин., 3 - нож жел., 4 - кости барана).
- Табл.60. Могильник Чорку I, к.9 (I, 4, 5 - сосуды глин., 2-3 - сосуды миниатюрные, 6 - стерженек для сурьмления, 7 - кости барана).
- Табл.61. Могильник Чорку I, к.20.
- Табл.62. Могильник Чорку, к.4I (I-2 - сосуды глин.).
- Табл.63. Могильник Чорку П. Типы курганов.
- Табл.64. Могильник ЧК-П, к.15 (I-2 - сосуды глин., 3 - фрагмент глин. сосуда, 4 - изделие жел. - фрагмент наконечника (?), 5 - пряжка жел., 6 - кости барана).
- Табл.65. Могильник ЧК-П, к.20 (I-3 - сосуды глин., 4 - нож жел., 5 - кости животных).
- Табл.66. Могильник ЧК-П, к.25 (I-4 - сосуды, 5 - перстень жел., 6 - зеркальце бр., 7 - бляшка бр., 8 - ожерелье из стекл.бус, 9, 10 - браслеты бронз., II - бусы, 12 - стержень для сурьмления, 13 - графит, 14 - фрагмент ткани).

Табл.67. План Антского могильника.

Табл. 68. Западная оконечность могильника севернее кишлака Долона. Схема расположения курганов (1- курум, 2 - кольцо разр., 3 - курган с каменной насыпью, 4 - раскопанный курум).

Табл.69. Кампир-дувал близ кишлака Ниязбек. План древнего вала и могильника.

Табл.70. План могильника Данти-Шуробак у кишлака Бобом-Дархан.

Табл.71. План могильника в Данти Бадамак (Данти-Муг).

Табл.71а. План могильника в Чарчанак-сае.

Табл.72. Могильник Ант. Курум 5.

Табл.73. Могильник Ант. Находки в куруме 6 (1 - стерженек для сурьмления, 2-3 - серьги бронз., 4 - пряжка жел., 5 - бусы стеклянные, 6-12 - скопление керамических фрагментов).

Табл.74. Могильник Ант. Курум 7.

Табл.75. Могильник Ант. Курум 8.

Табл.76. Могильник Ант. Курум 9.

Табл.77. Могильник Ант. Курум 15.

Табл.78. Могильник Ант. Курум 19.

Табл.79. Могильник Бобом-Дархан. Курум 2.

Табл.80. Могильник Бобом-Дархан. Курум 2. Развертка стенок камеры.

Табл.81. Могильник Бобом-Дархан, к.2 (1 - серьги бр., 2,4 - бусы, 3 - стерженек для сурьмления, 4 - графит, 6 - пряслице костяное, 7 - сосуд глин., 8 - оселок).

Табл.82. Могильник Бобом-Дархан, курум 3 (1 - фрагменты керамики).

Табл.83. Могильник Бобом-Дархан. Курум 4 (1 - фрагменты керамики, 2 - сосуд глин. миниатюрный, 3 - стерженек для сурьмления, 4 - бусы стеклянные).

Табл.84. Могильник Бобом-Дархан. Курум 5а.

Табл.85. Могильник Бобом-Дархан. Курум 7.

Табл.86. Могильник Бобом-Дархан. Курум 9а.

- Табл.87. Могильник Бобои-Дархан. Курум 25. (I - жел.предмет, 2-3 - бусы, 4 - фрагменты керамики).
- Табл.88. Могильник Бобои-Дархан. Курум 26. (I - сосуд миниат., 2 - сосуд с зооморфной ручкой, 3 - пряжка жел.).
- Табл.89. Могильник Бобои-Дархан. Курум 32. (I - нож жел., 2 - фрагменты керамики).
- Табл.90. Могильник Бобои-Дархан. Курум 34. (I - пинцет жел., 2 - керамика - фрагменты).
- Табл.91. Могильник Бобои-Дархан. Курум 39. Камера (I - серьга бр., 2 - бусы, 3 - нож жел. - фрагм., 4 - сосуд глин., 5 - кость животного).
- Табл.92. Могильник Дашти-Бодомак. Курум 3. (I,2,4 - фрагменты керамики, 3 - бусы стекл.).
- Табл.93. Могильник Дашти Бодомак. Курум 5.
- Табл.94. Могильник Дашти-Бодомак. Курум 8.
- Табл.95. Могильник Дашти-Бодомак. Курум 9.
- Табл.96. Могильник Дашти-Бодомак. Курум 17.
- Табл.97. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум 6. Камера. (I - пряжка жел., 2 - стерженек для сурьмления, 3 - графит, 4 - наконечник стрелы жел., 5-6 - фрагменты сосуда, 7 - кости барана, 8 - бусы).
- Табл.98. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум 8. Камера. (I - пряслице, 2-II - фрагменты керамики, I2-I3 - бусы, I4- фрагменты черепов).
- Табл.99. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум II.
- Табл.100. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курган I2. Камера. (I - фрагменты двух раздавленных сосудов, 2 - пряслице, 3 - графит, 4 - бр.колокольчик, 5 - скопление разрушенных костей, 6 - косточки урюка).
- Табл.101. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум I3.
- Табл.102. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум I5.
- Табл.103. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум I6.
- Табл.104. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум 22.
- Табл.105. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум 24.
- Табл.106. Могильник Дахана-Чарчанак-сай. Курум 36.

- Табл. I07. Могильник Карамазар-сай, к.3.
- Табл. I08. Могильник Карамазар-сай, к.7.
- Табл. I09. Могильник Карамазар-сай. Планы камер курумов.
- Табл. II0. Могильник Карамазар-сай. Планы камер курумов.
- Табл. III. Могильник Карамазар-сай. Курум I2.
- Табл. II2. Могильник Карамазар-сай. Курум I4.
- Табл. II3. Могильник Карамазар-сай. Курум I8.
- Табл. II4. Могильник Карамазар-сай. Курум I8.
- Табл. II5. Могильник Карамазар-сай, курум I8. Тромпы.
- Табл. II6. Могильник Карамазар-сай. Курум 24 (I - наконечник стрелы жел., сосуд глин. - фрагменты, 3-4 - бусины).
- Табл. II7. Могильник Карамазар-сай. Курум 4I.
- Табл. II8. Могильник Карамазар-сай. Курум 53.
- Табл. II9-I20. Могильник Курук-сай. Курум I.
- Табл. I2I. Могильник Курук-сай. Курум Ia.
- Табл. I22. Могильник Курук-сай. Курум 4.
- Табл. I23. Могильник Курук-сай. Курум 2. Камера. (I - пластинка жел., 2 - пряжка жел., 3,6 - бусы, 4-5 - раковины-каури, 7 - кольцо жел., 8 - нож жел., 9 - игла жел., 10 - фрагменты сосудов).
- Табл. I24. Могильник Курук-сай. Курум 5.
- Табл. I25. Могильник Курук-сай. Курум 6.
- Табл. I26. Могильник Курук-сай. Курум I2.
- Табл. I27. Могильник Курук-сай. Курум I6.
- Табл. I28. Муг-хона, раскопанные М.Э. Воронцом и В.И. Спришевским (по В.И. Спришевскому).
- Табл. I29. Курумы, раскопанные М.Э. Воронцом и В.И. Спришевским (по М.Э. Воронцу).
- Табл. I30. Карнаб. Типы современных намогильных сооружений (рисунок Б.А. Литвинского, 1946 г.).
- Табл. I3I. Деревянные гробы из могильников Исфаринского района (I - KB-5a; 2 - KB-26; 3 - ВУ-40).
- Табл. I32. Типы гробов из среднеазиатских могильников. (I - Карабулак - по Ю.Д. Баруздину; 2 - Талас - по Гейкелю; 3,4 - Кенкольский могильник - по А.Н. Бернштаму).

ТАБЛИЦЫ

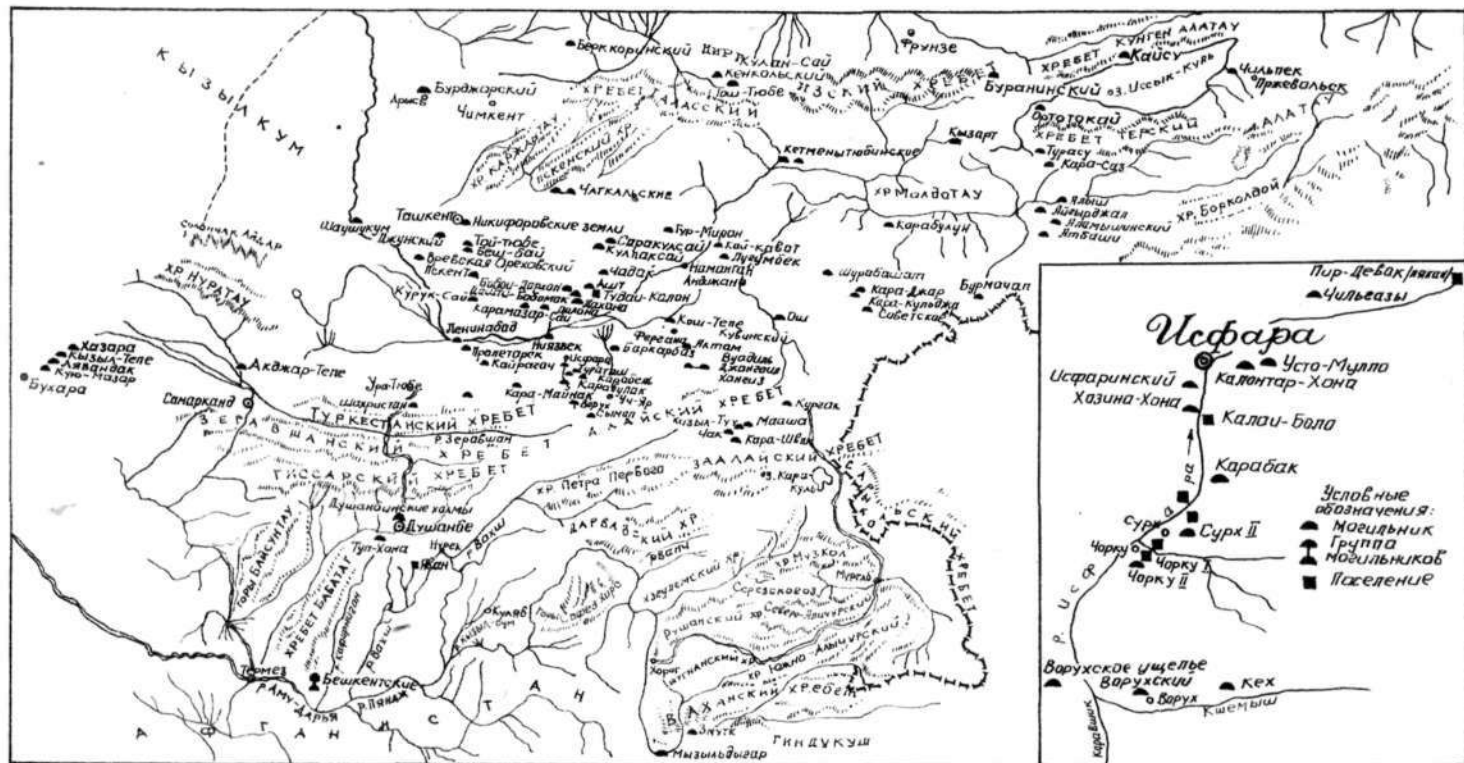

Табл. 1

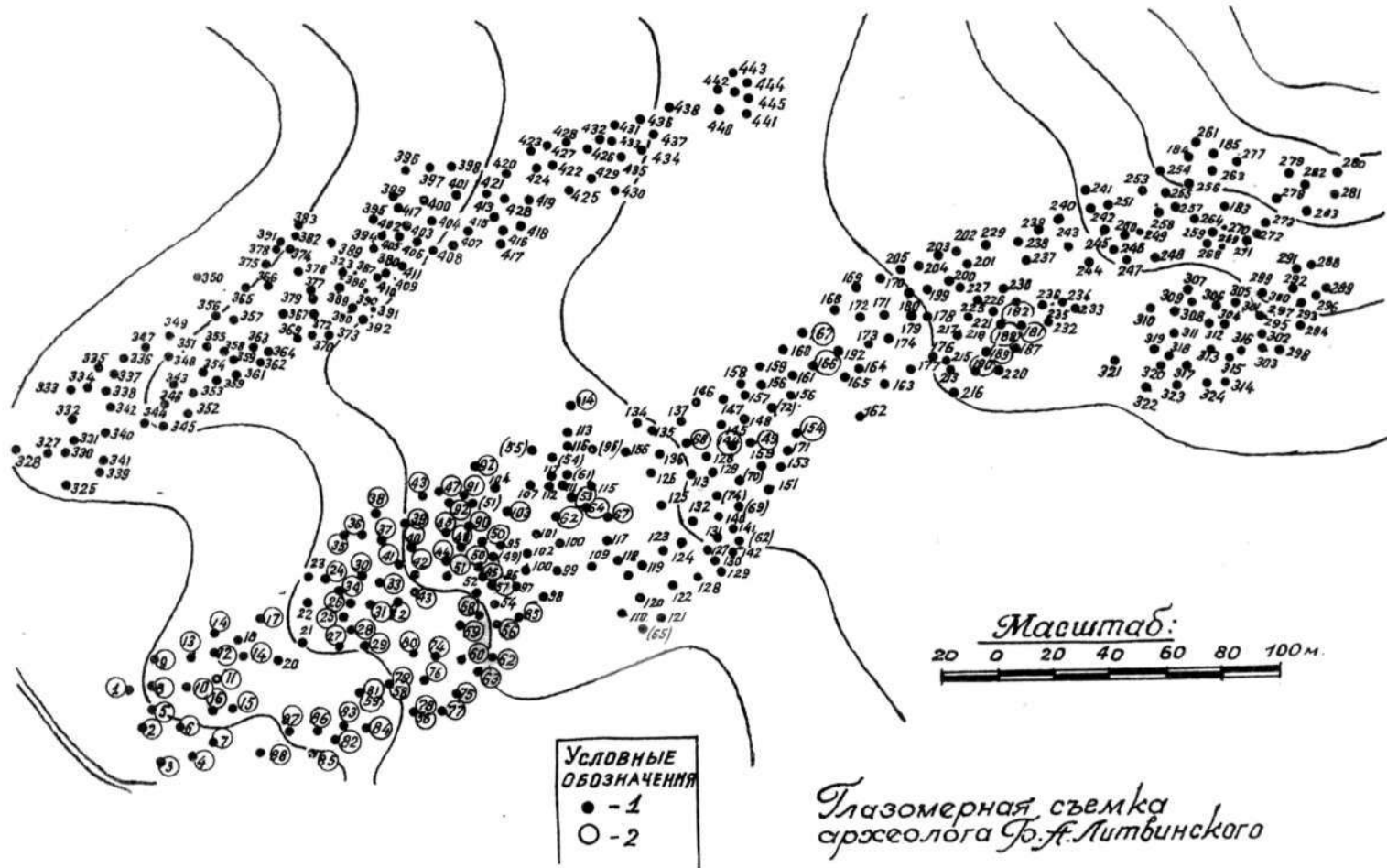

Табл. 2

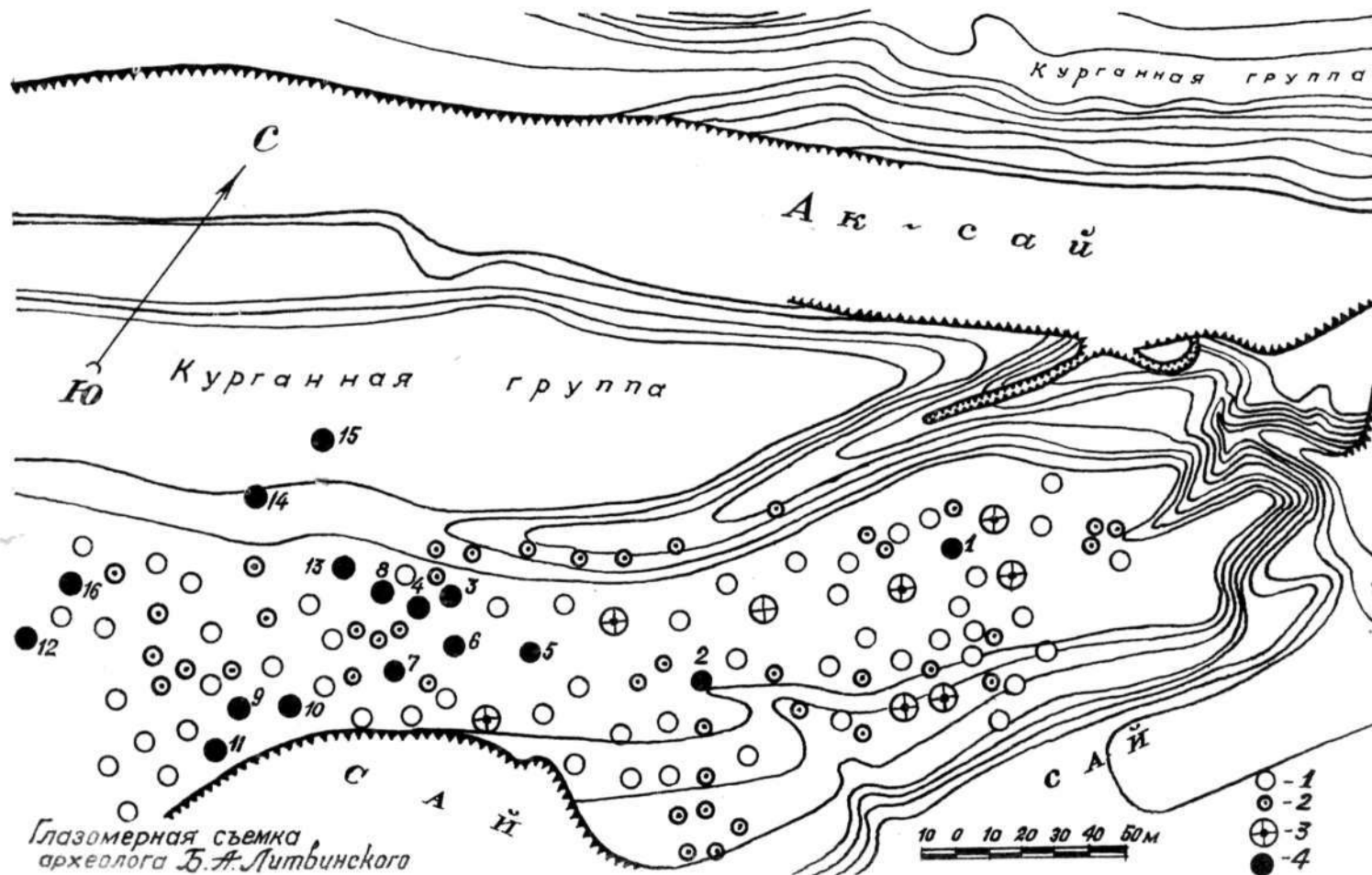

Табл. 3

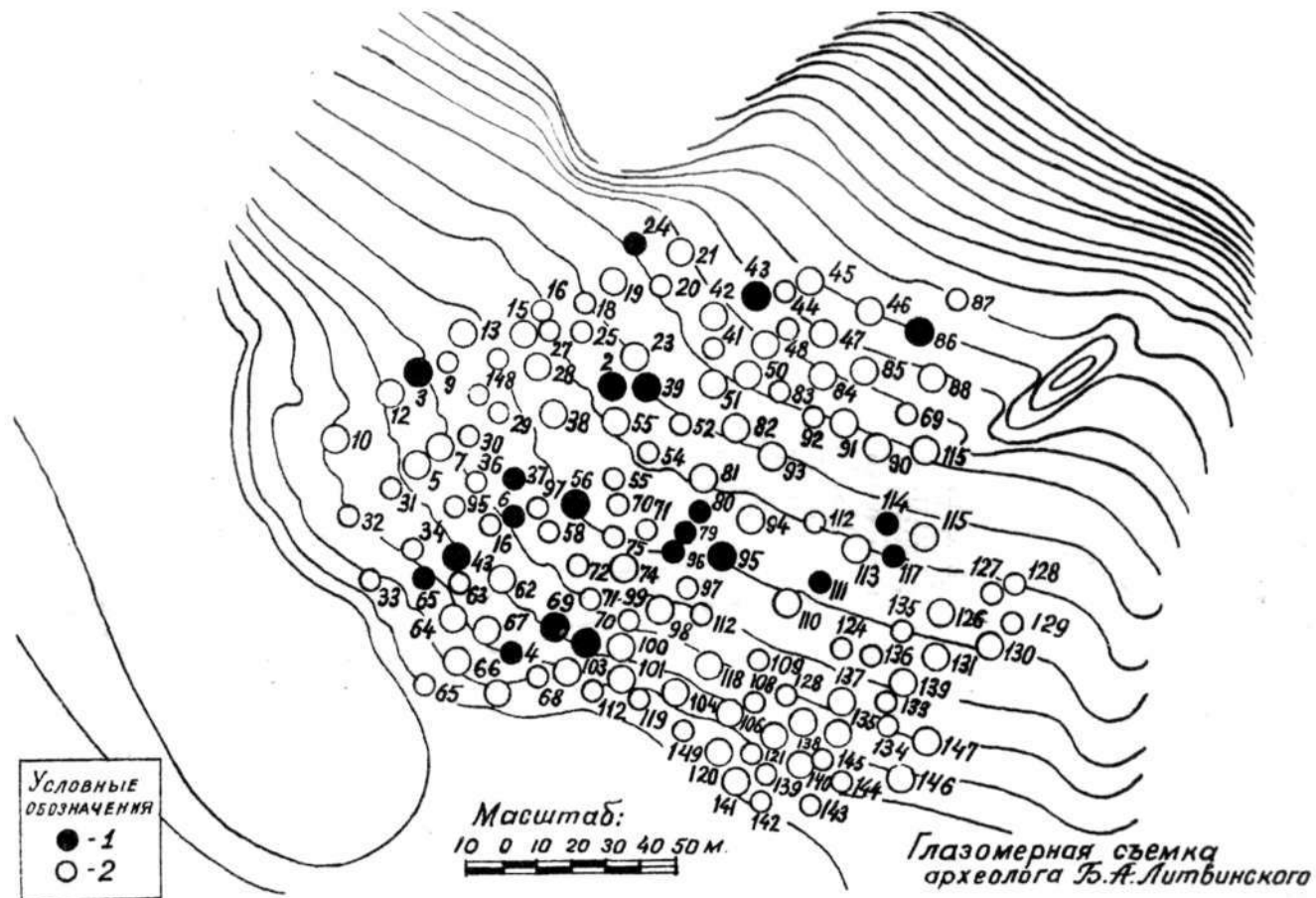

Табл. 4

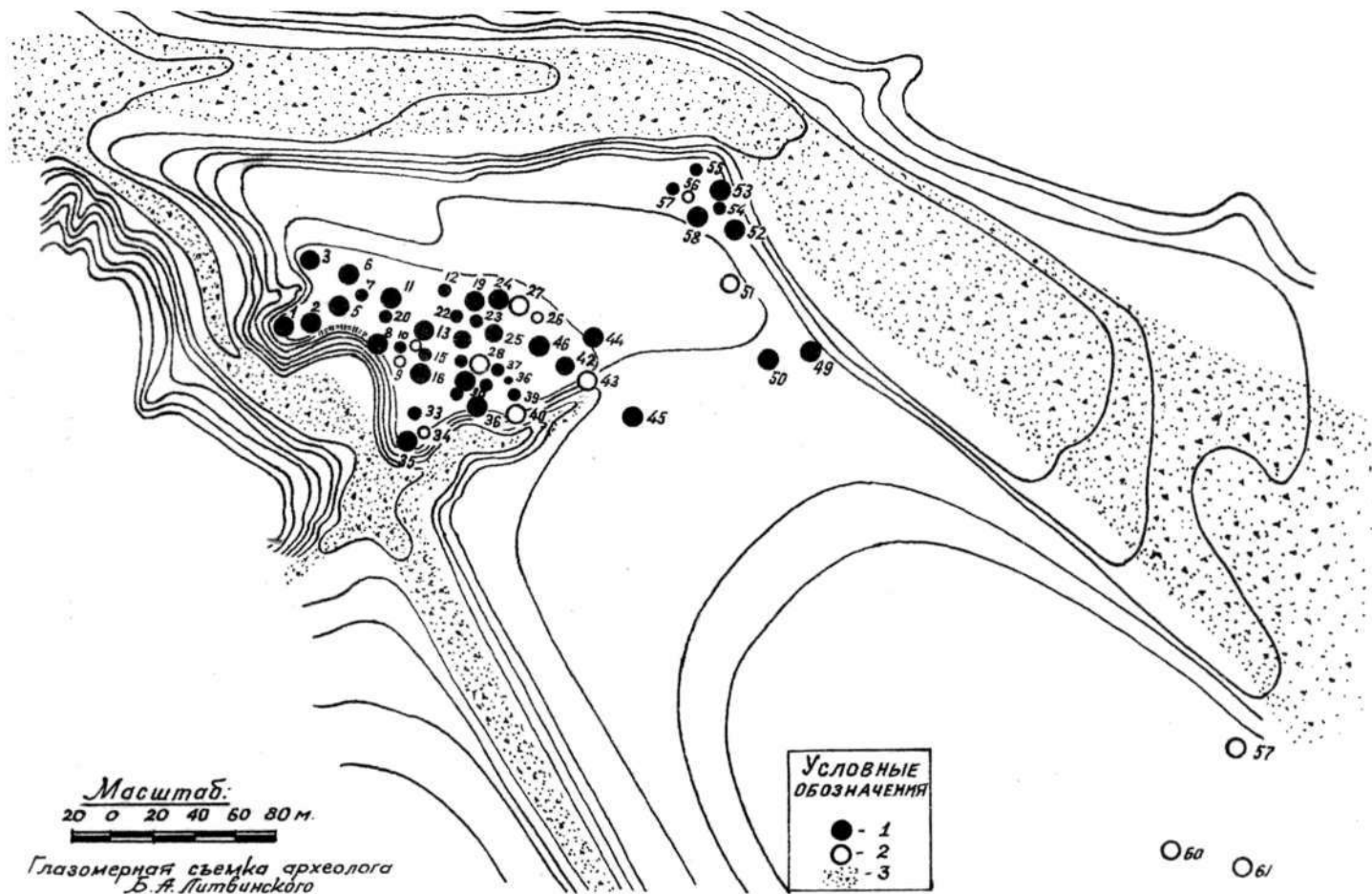

Табл. 5

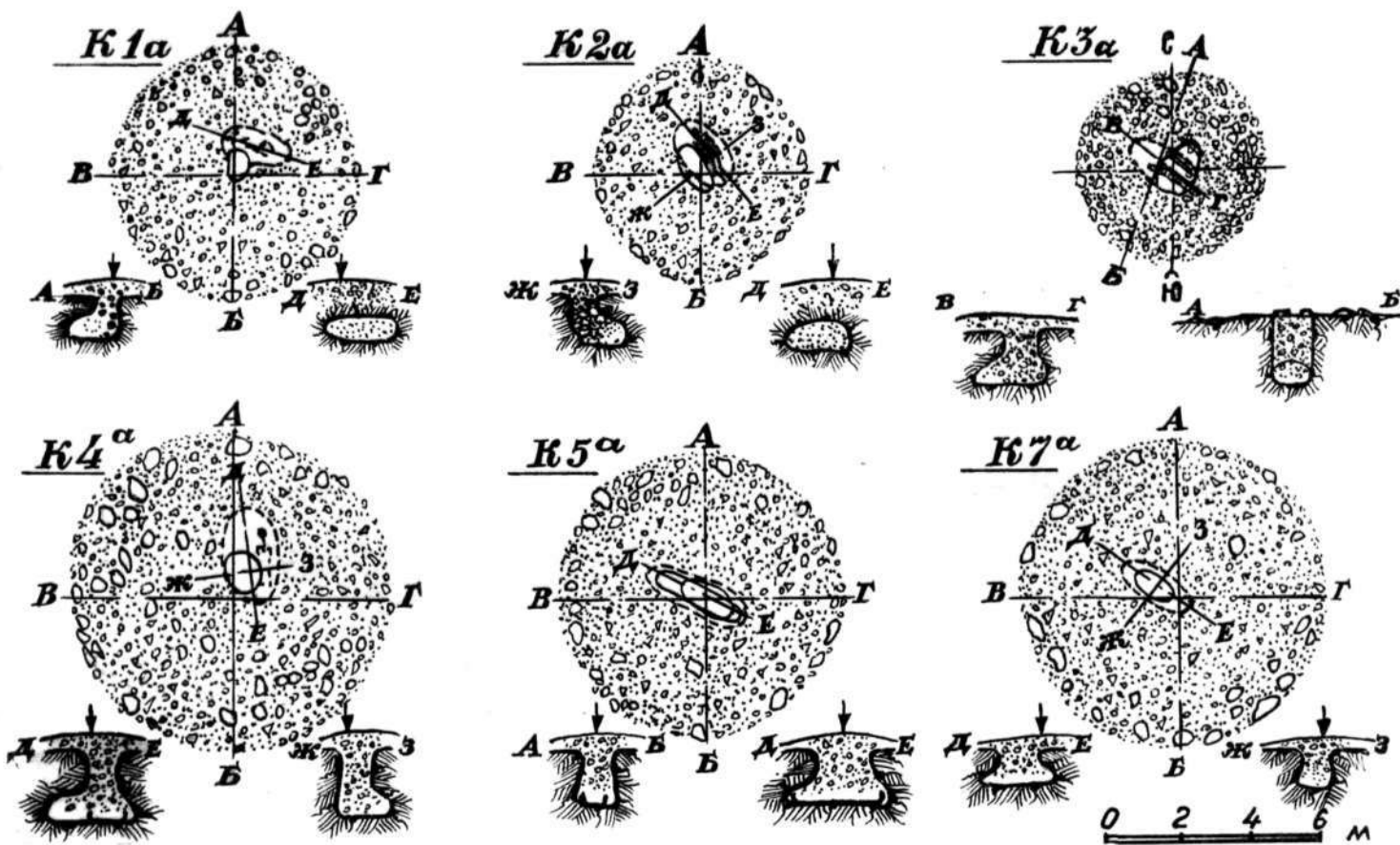

Табл. 6

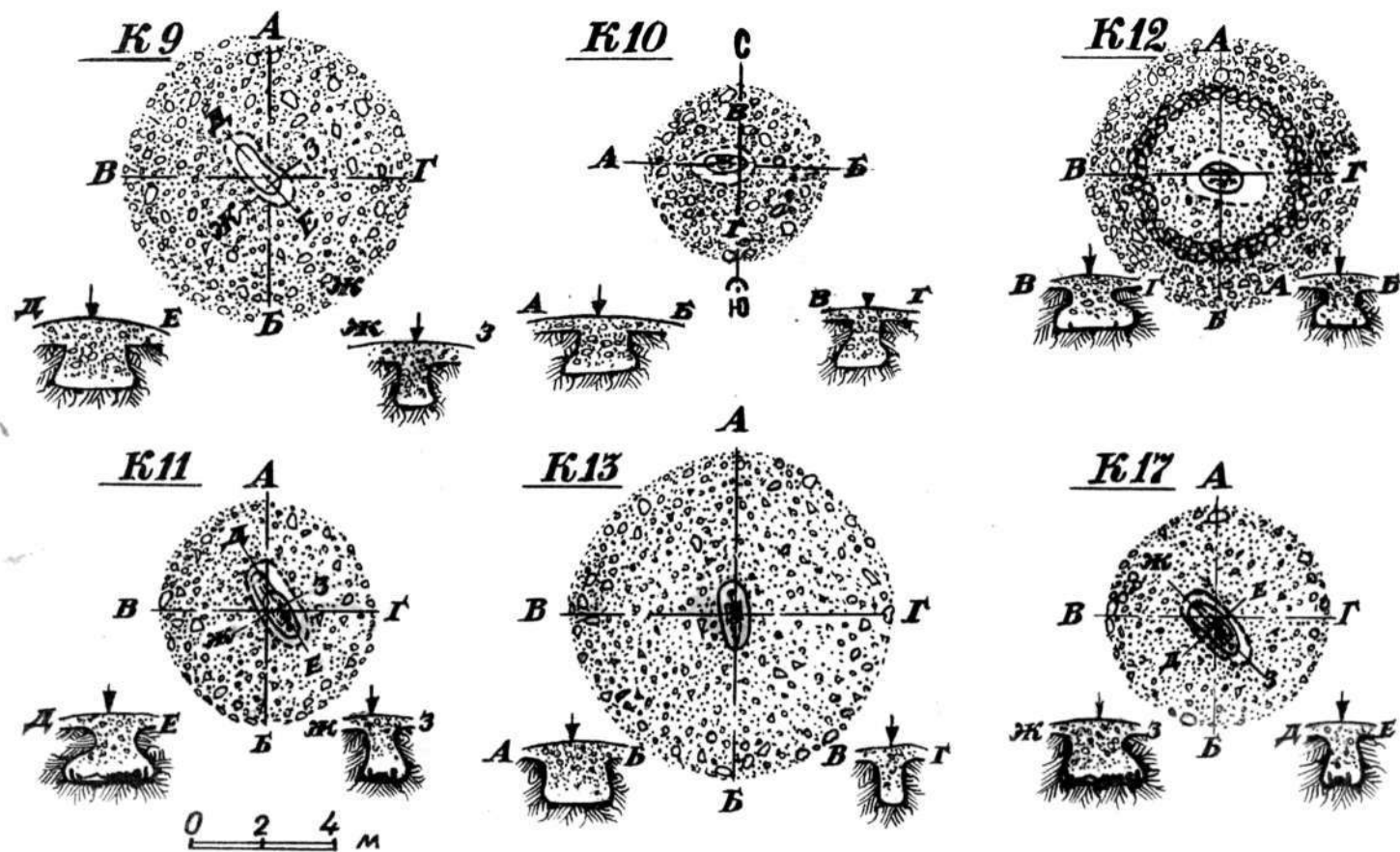

Табл. 7

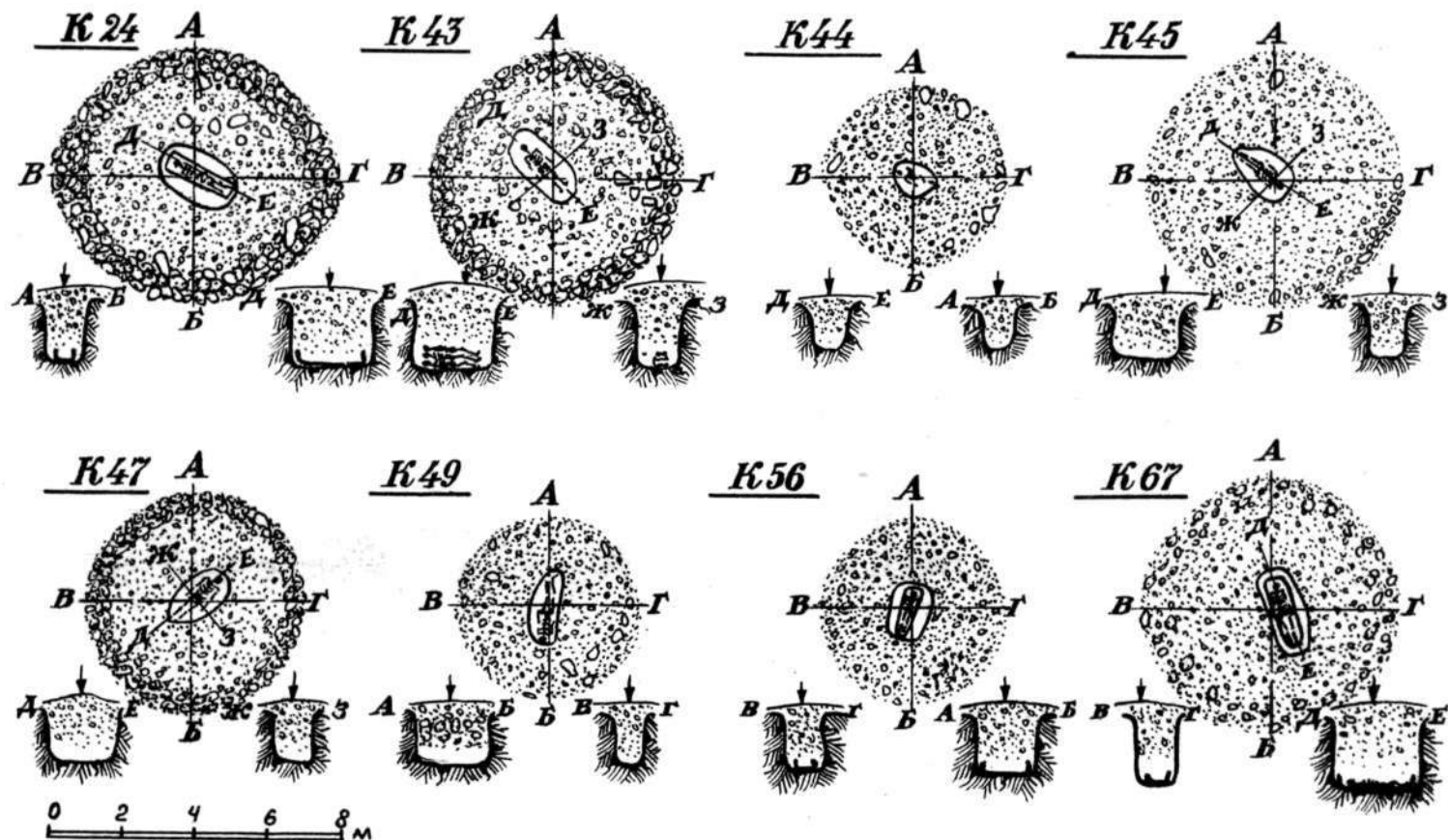

Табл. 8

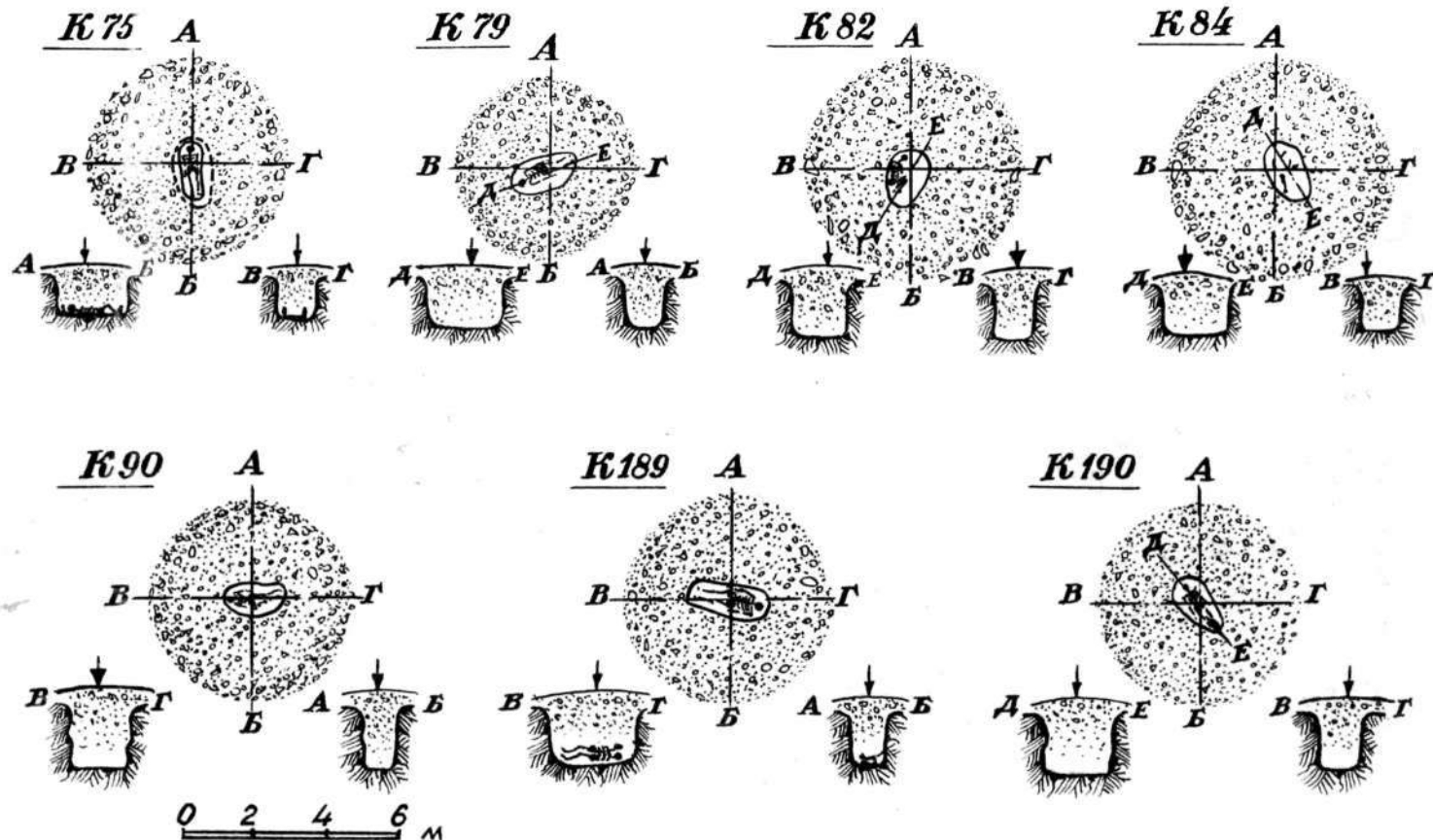

Табл. 9

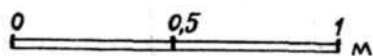
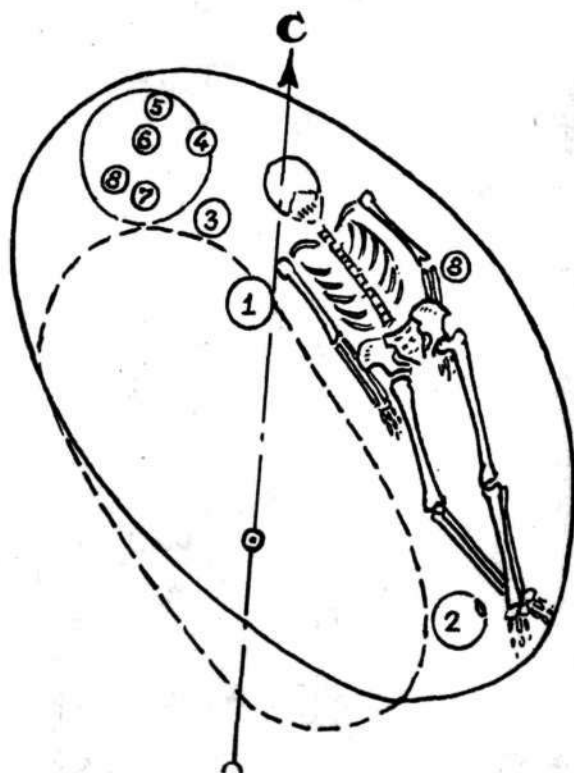
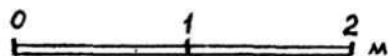
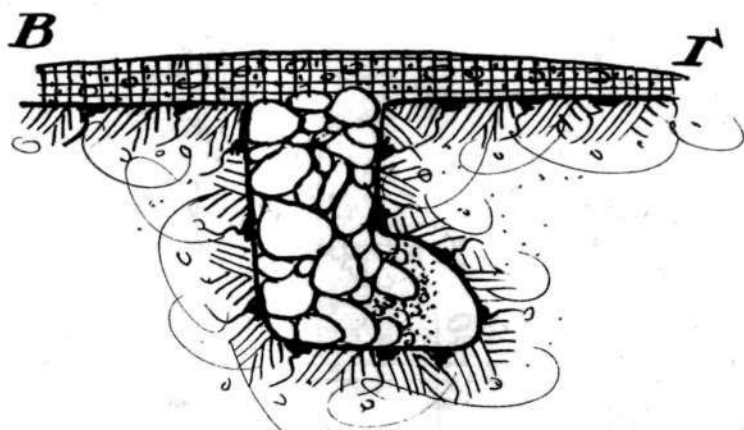

Табл. 10

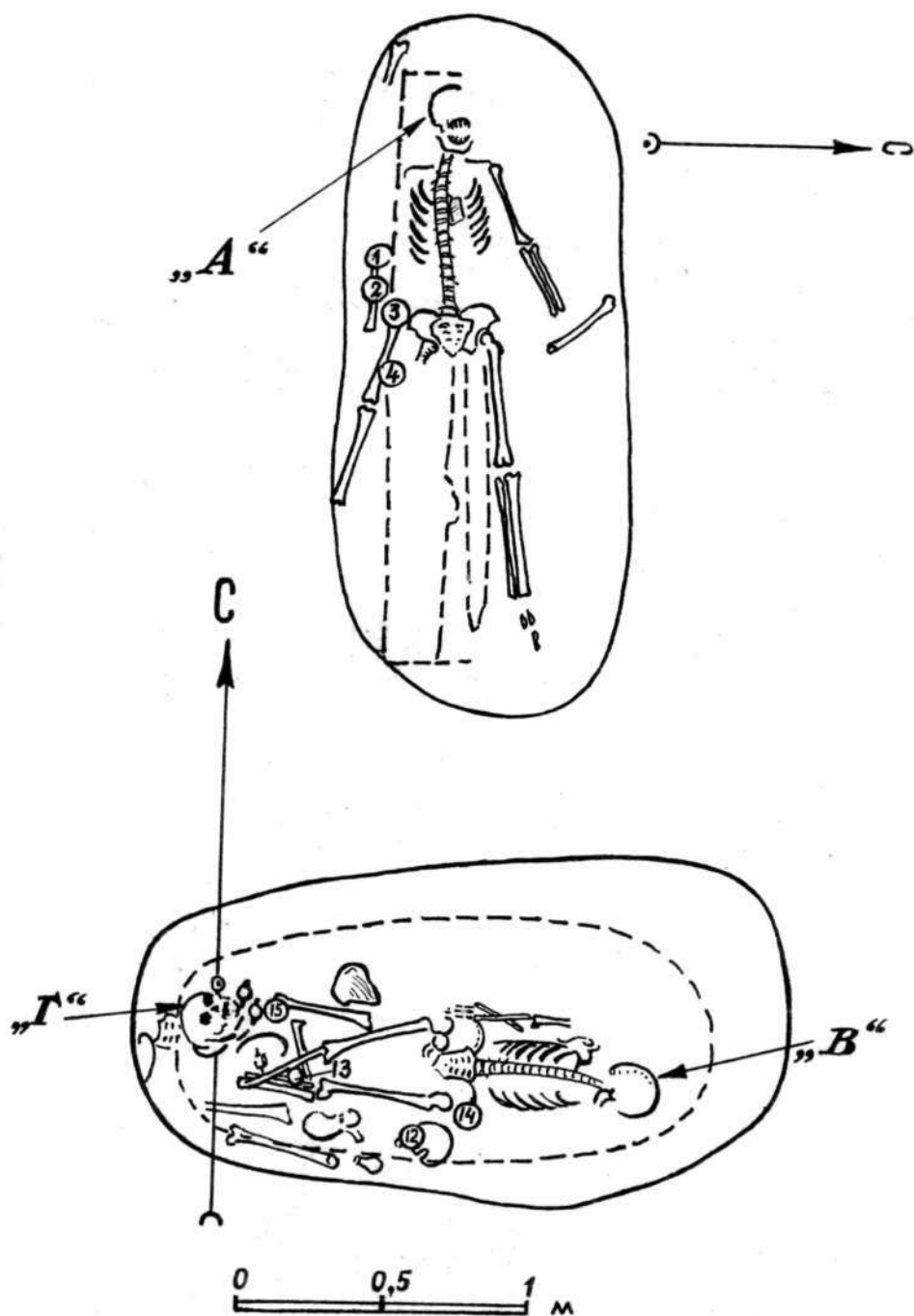

Табл. 11

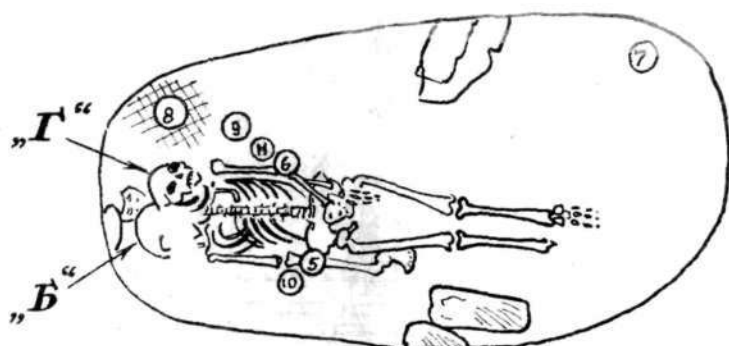

Табл. 12

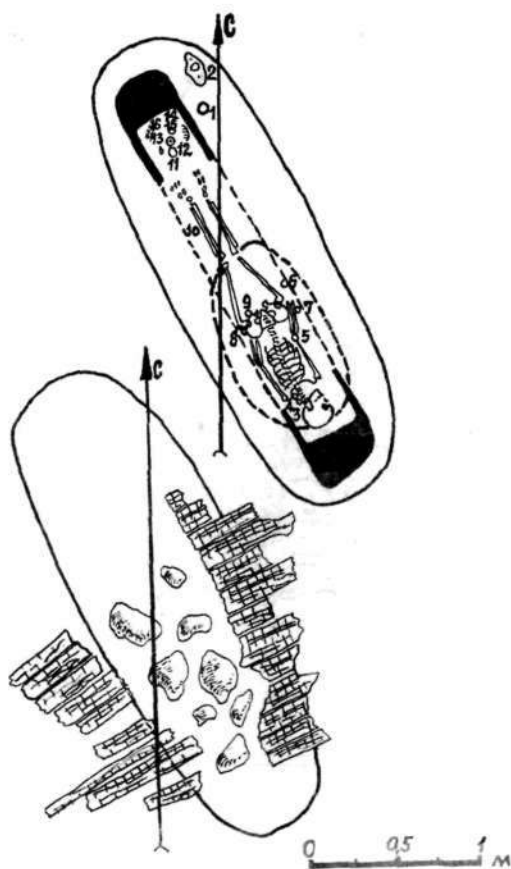
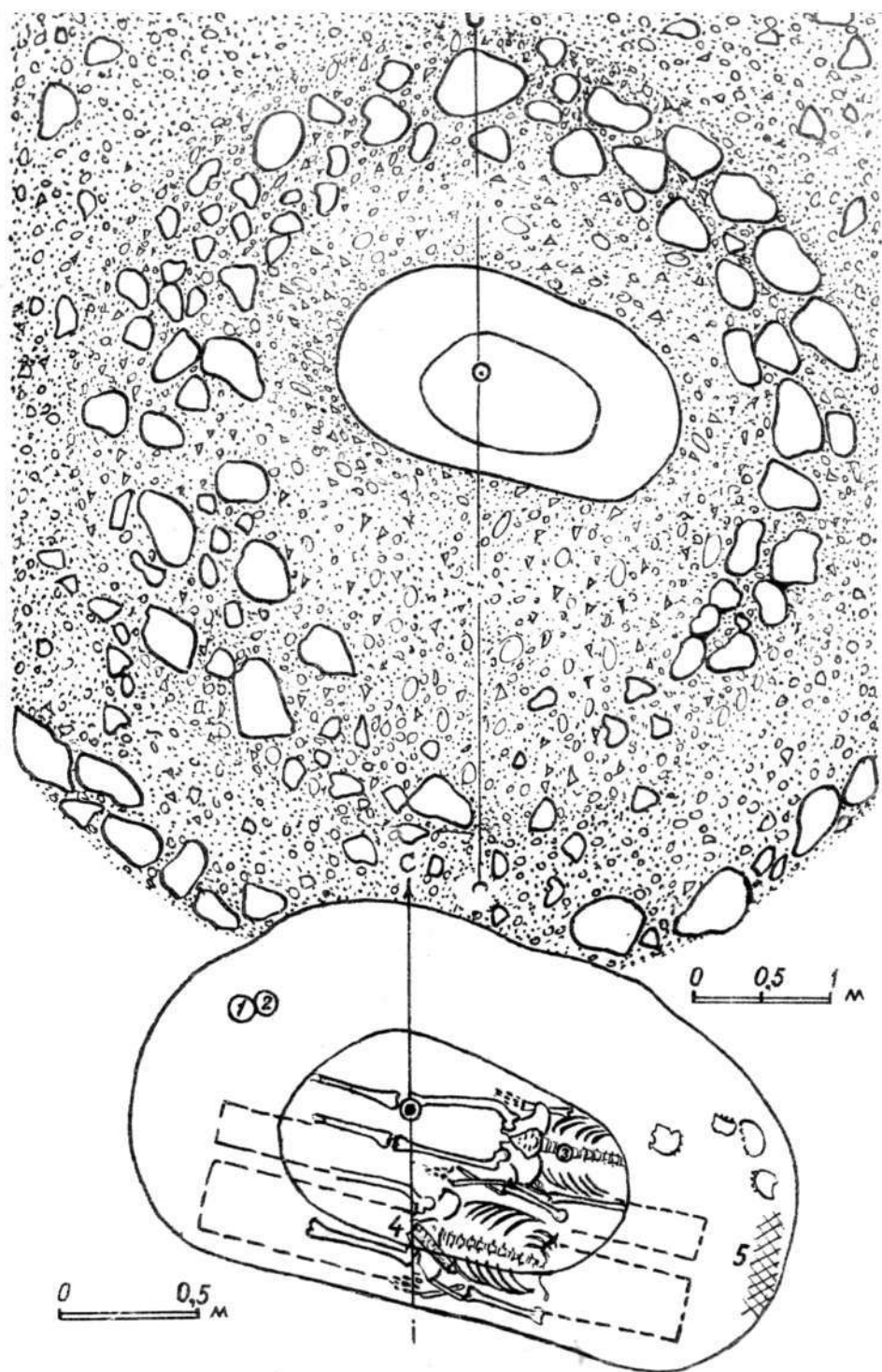

Табл. 13

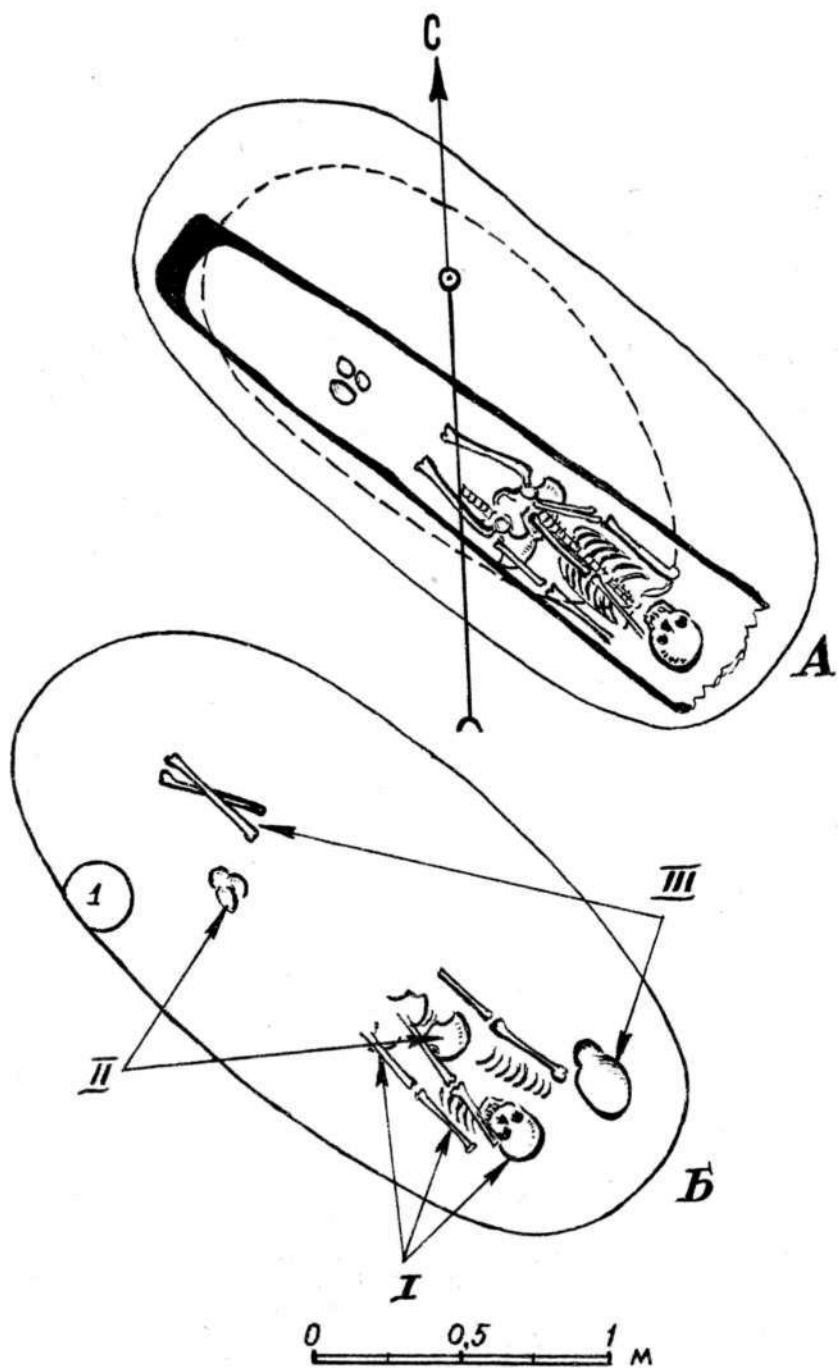

Табл. 15

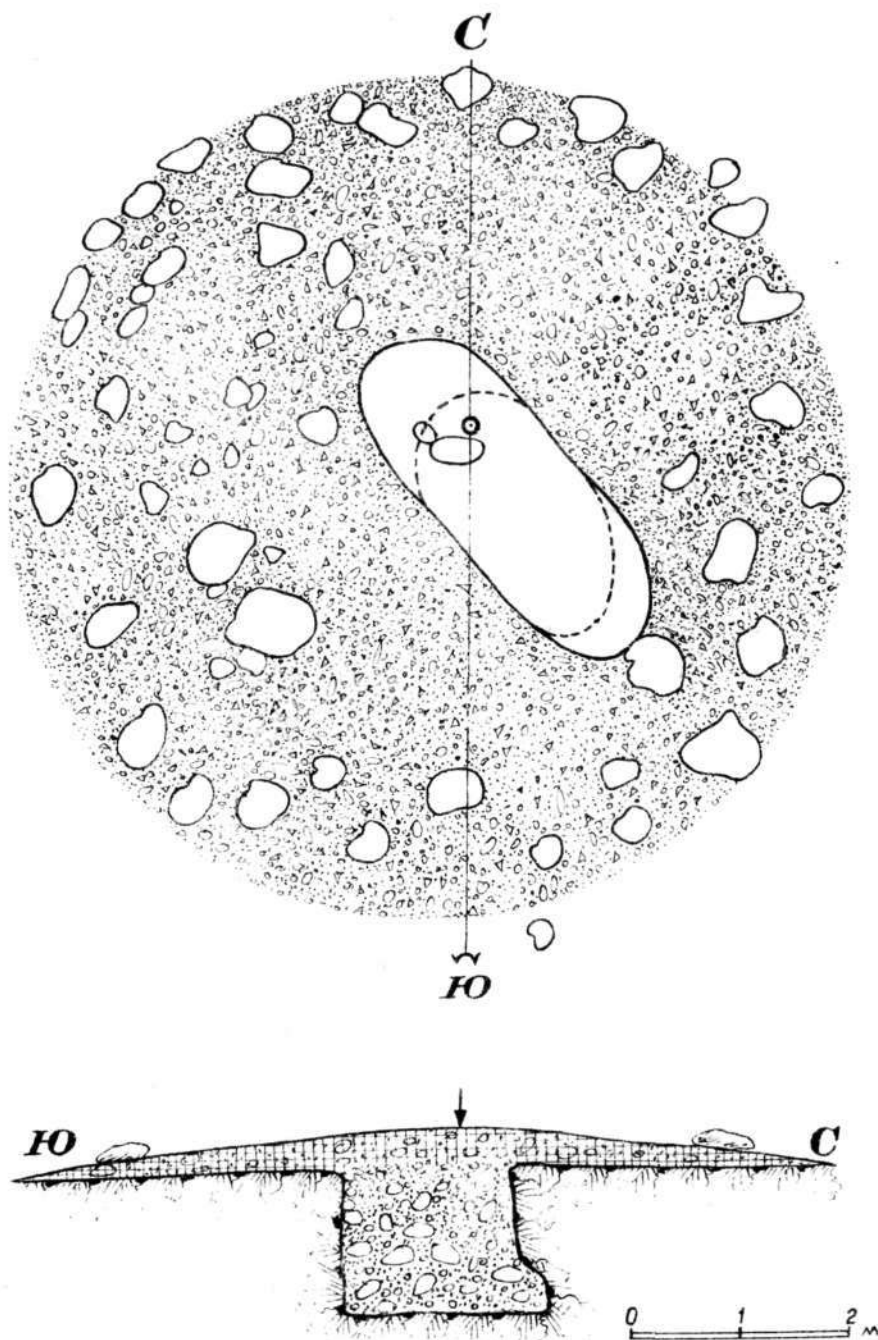

Табл. 16

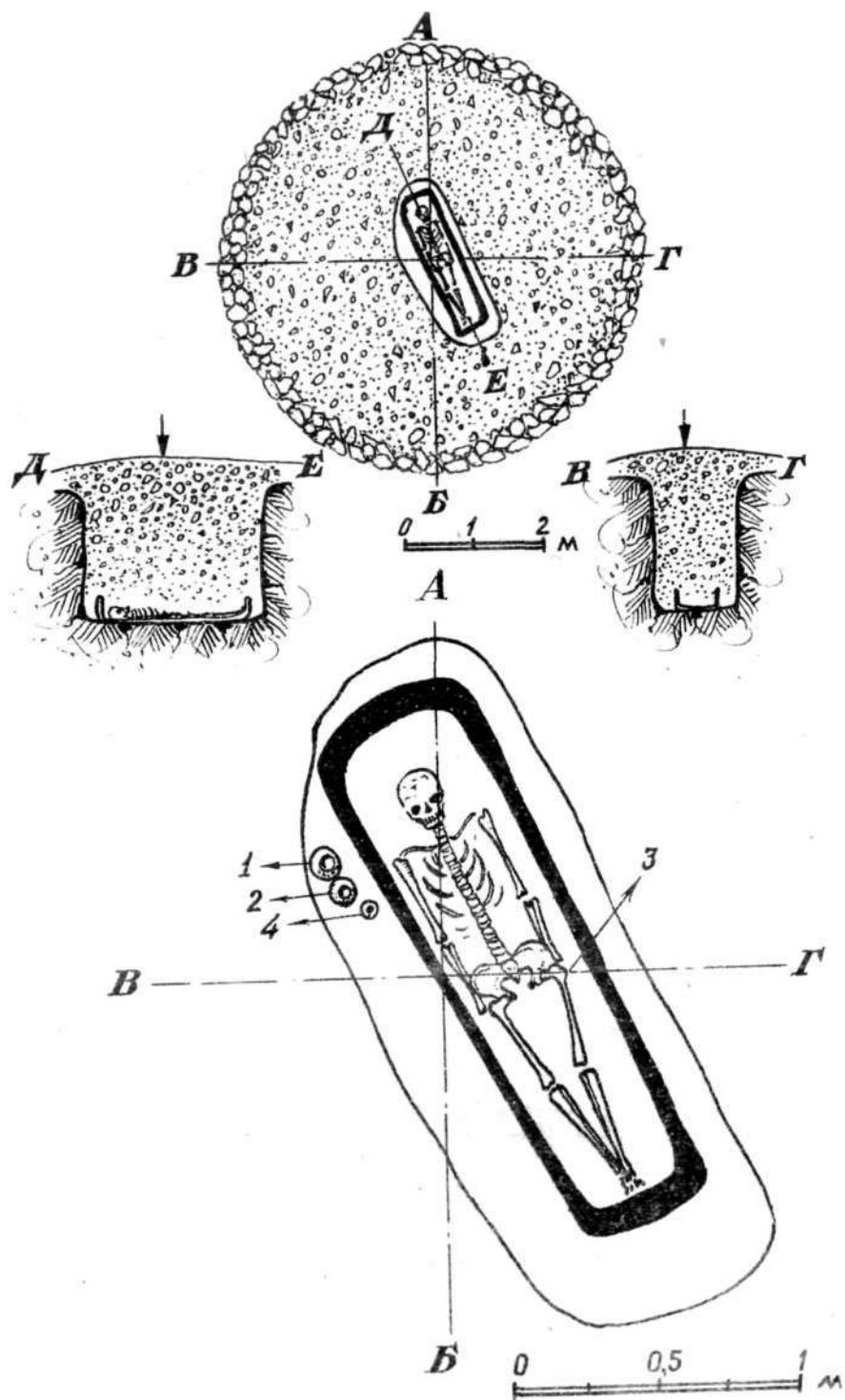

Табл. 17

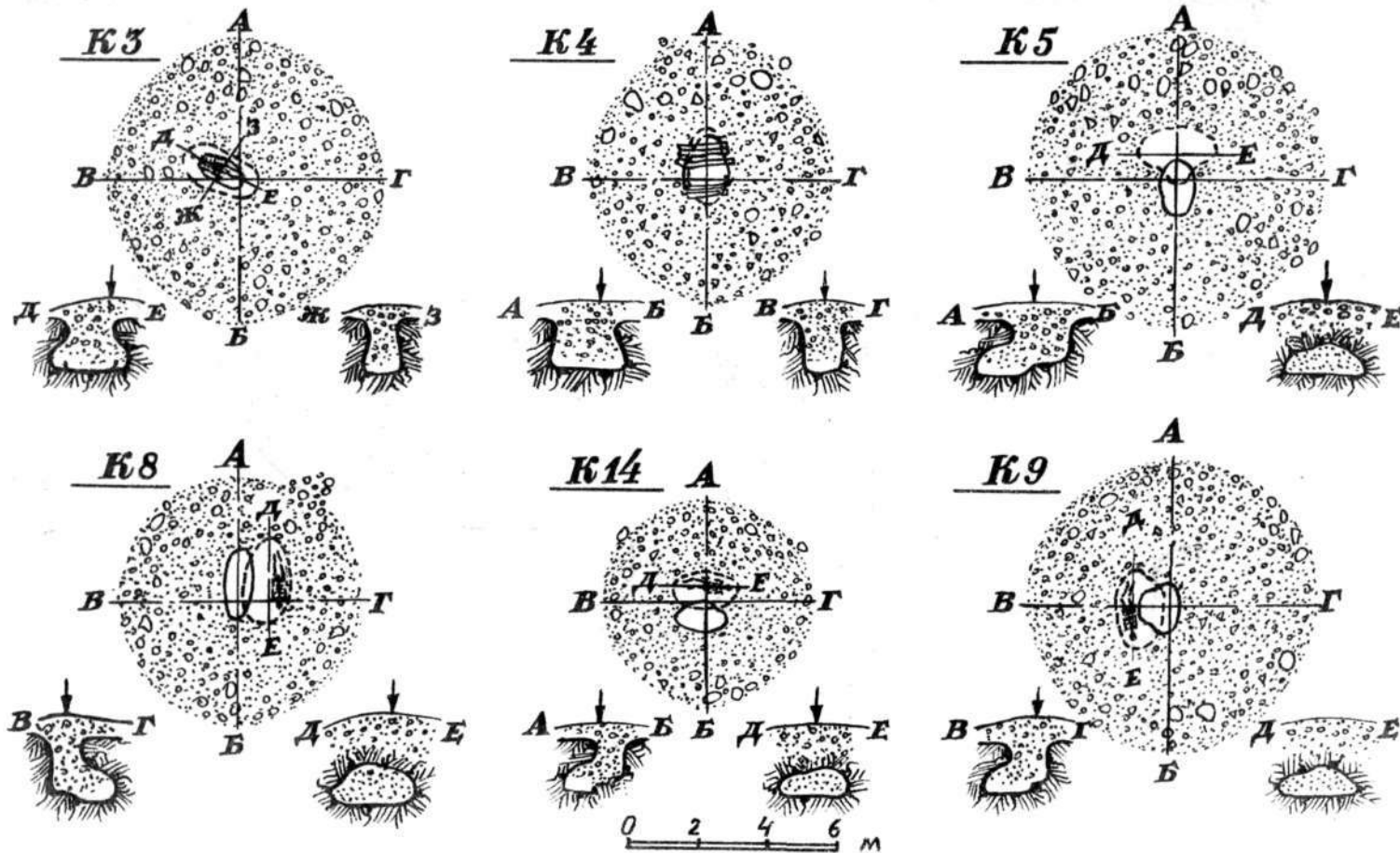

Табл. 18

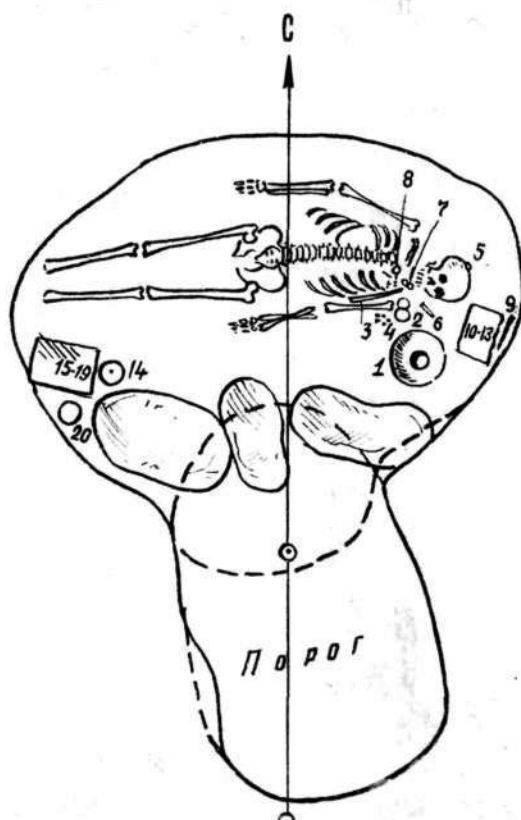
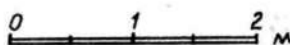
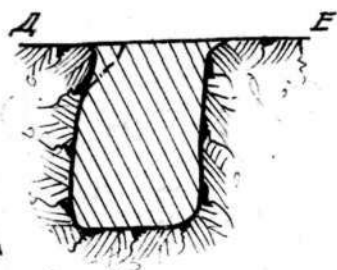
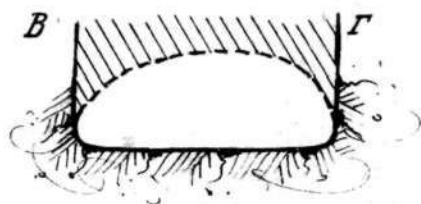

Табл. 19

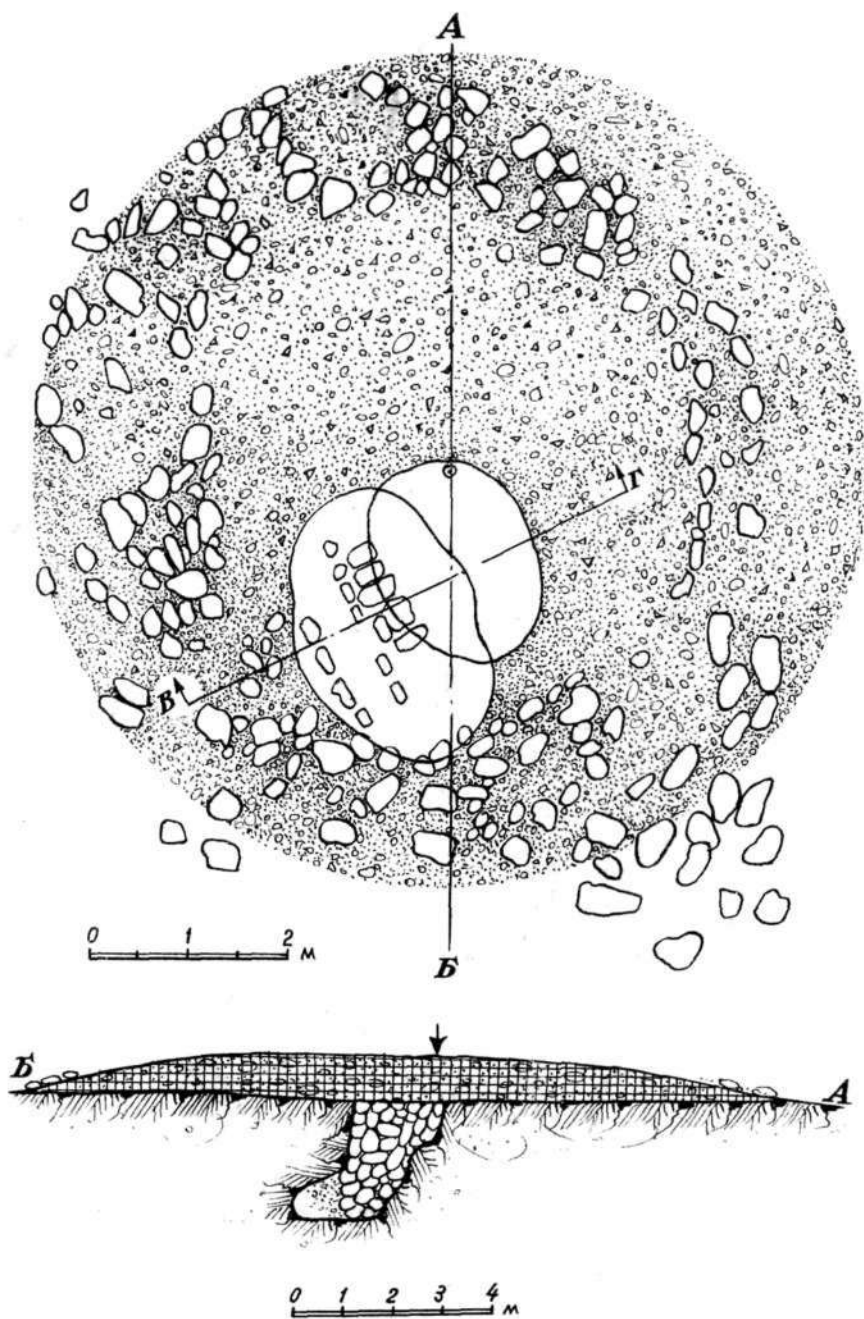
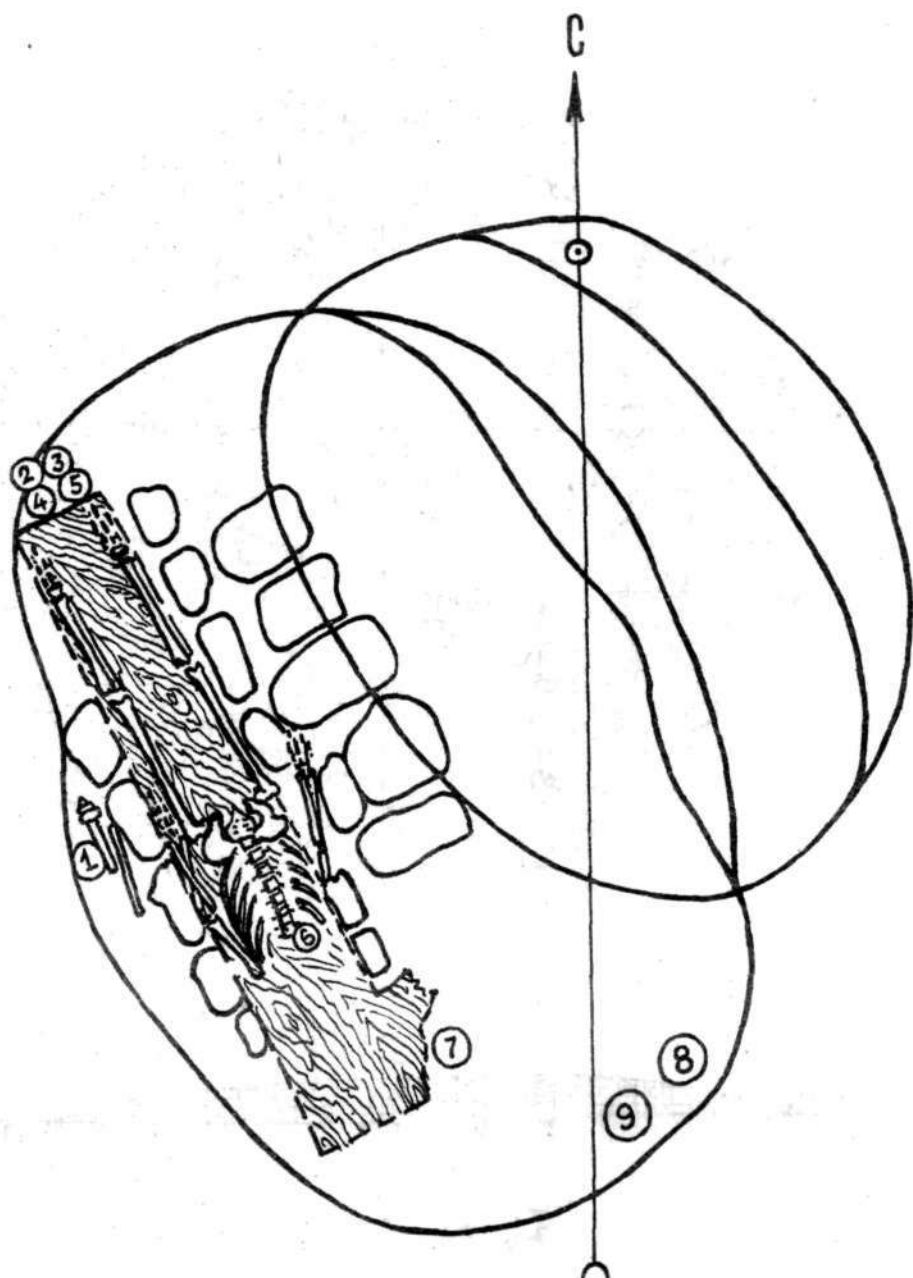

Табл. 20

0 0,5 1 м

Табл. 21

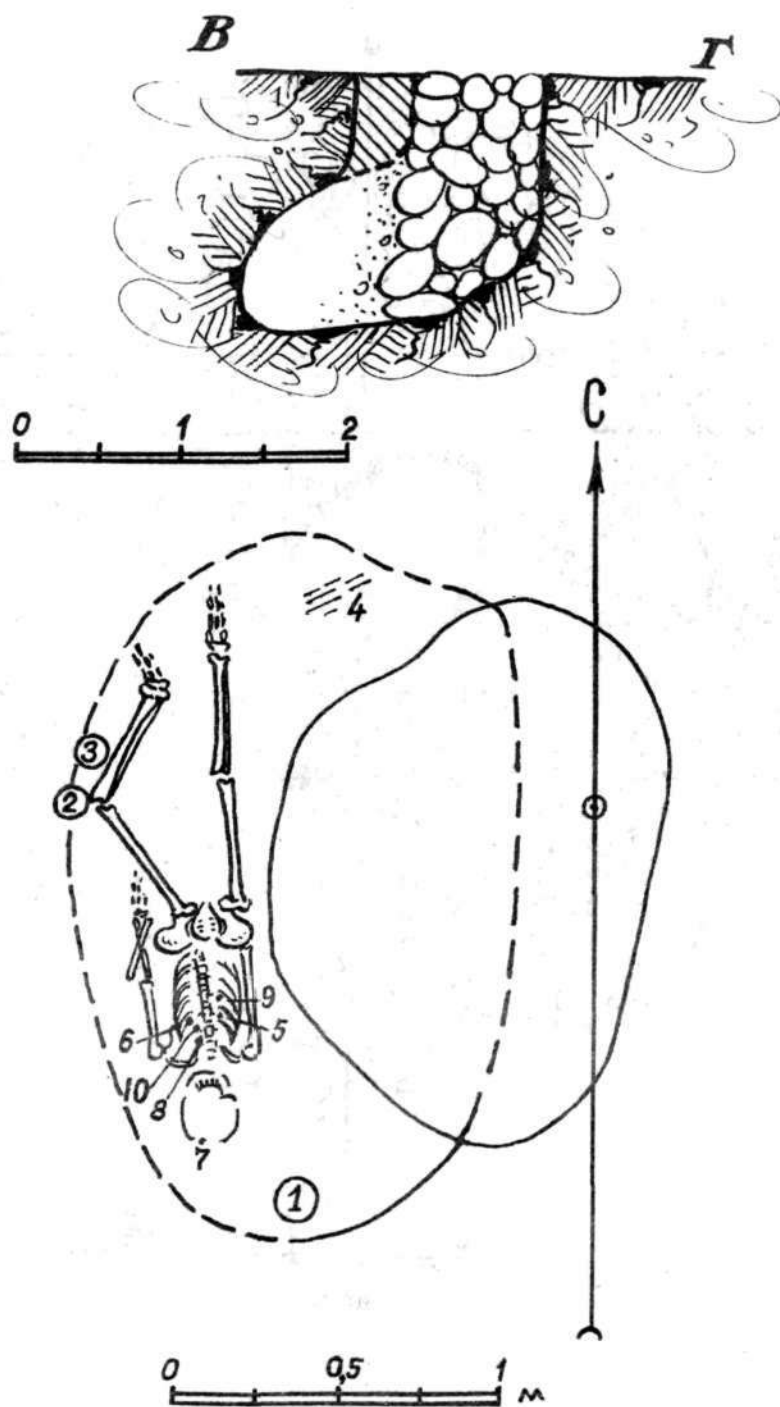

Табл. 22

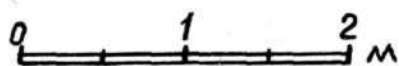
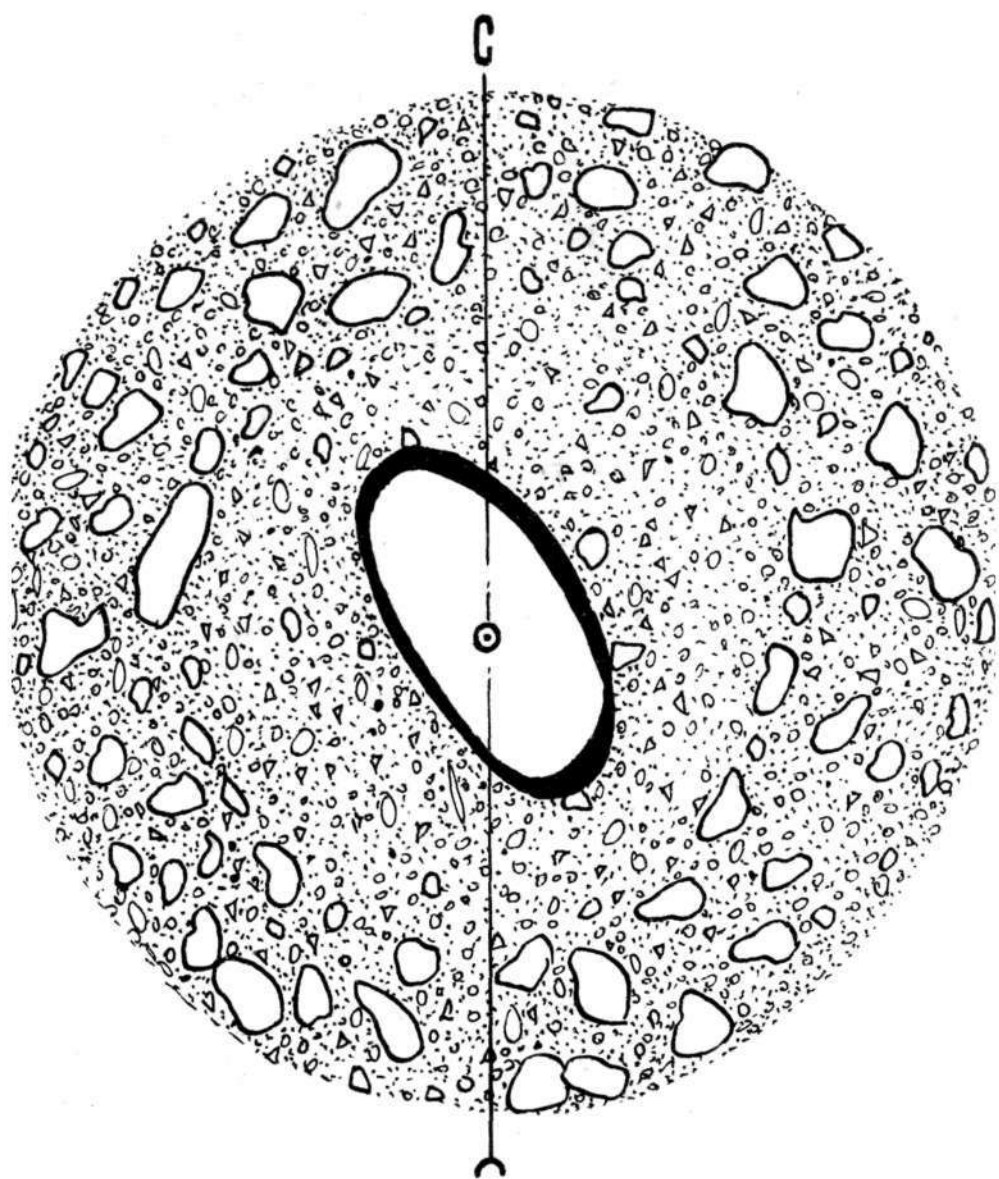

Табл. 23

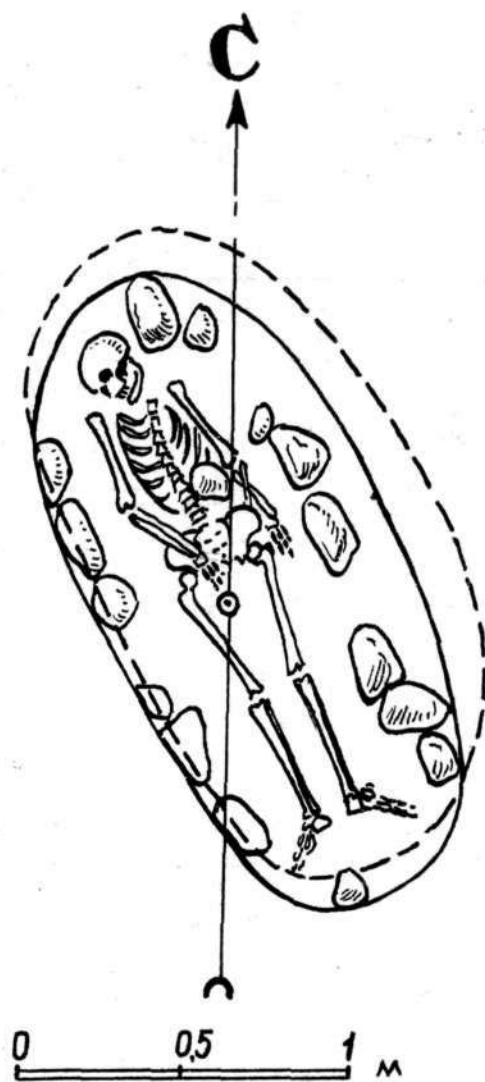

Табл. 24

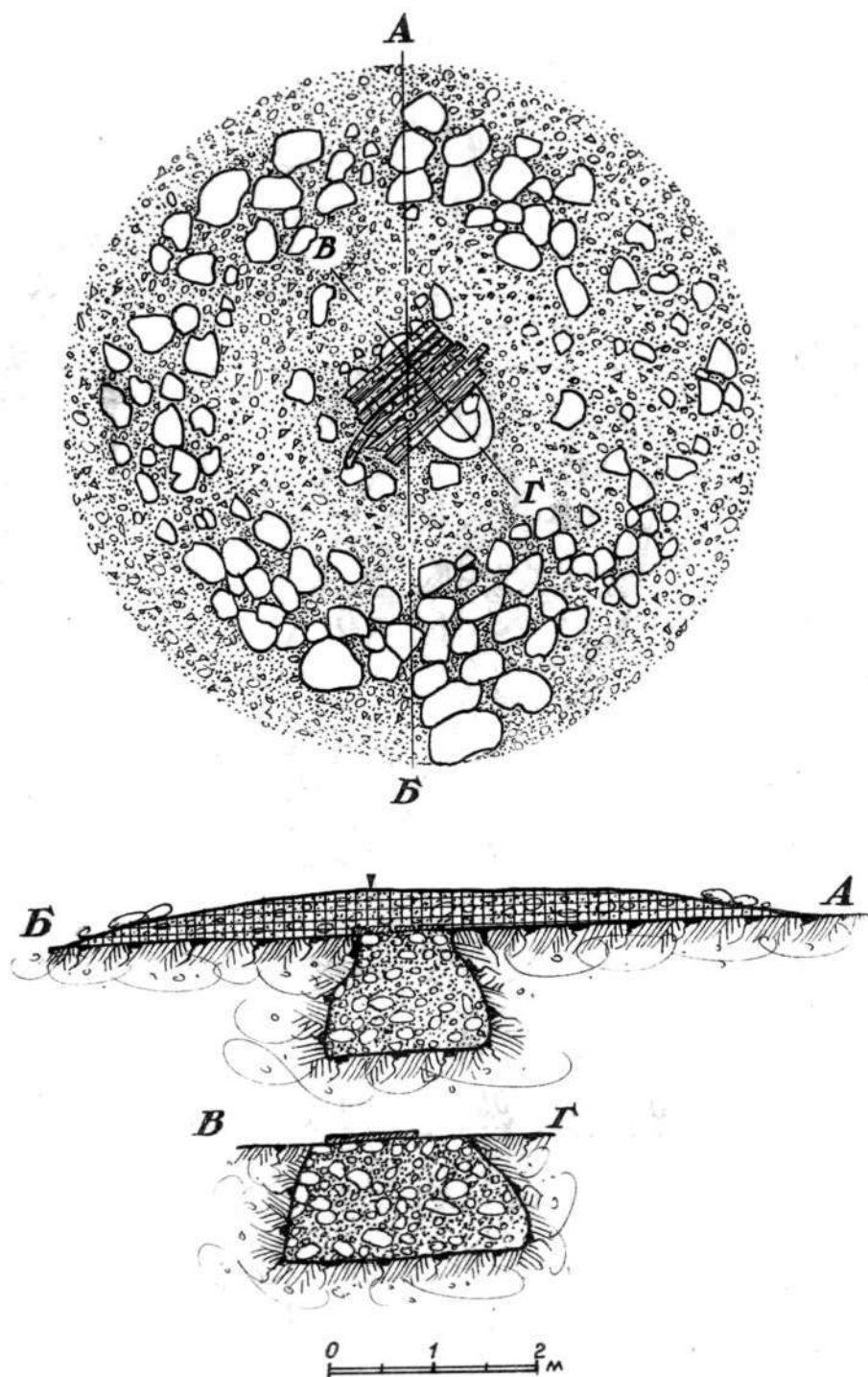

Табл. 25

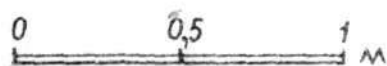
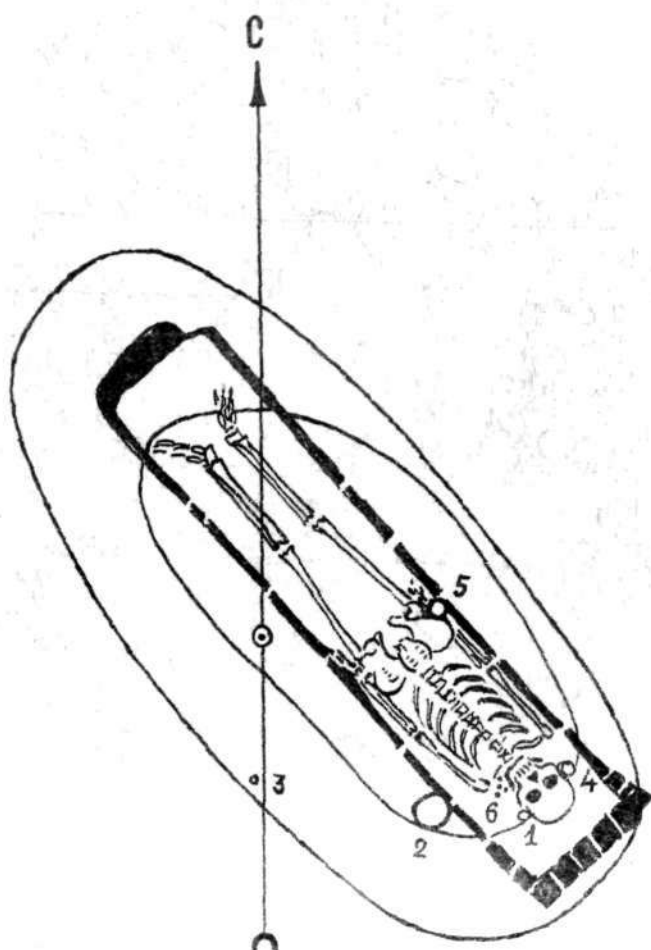

Табл. 26

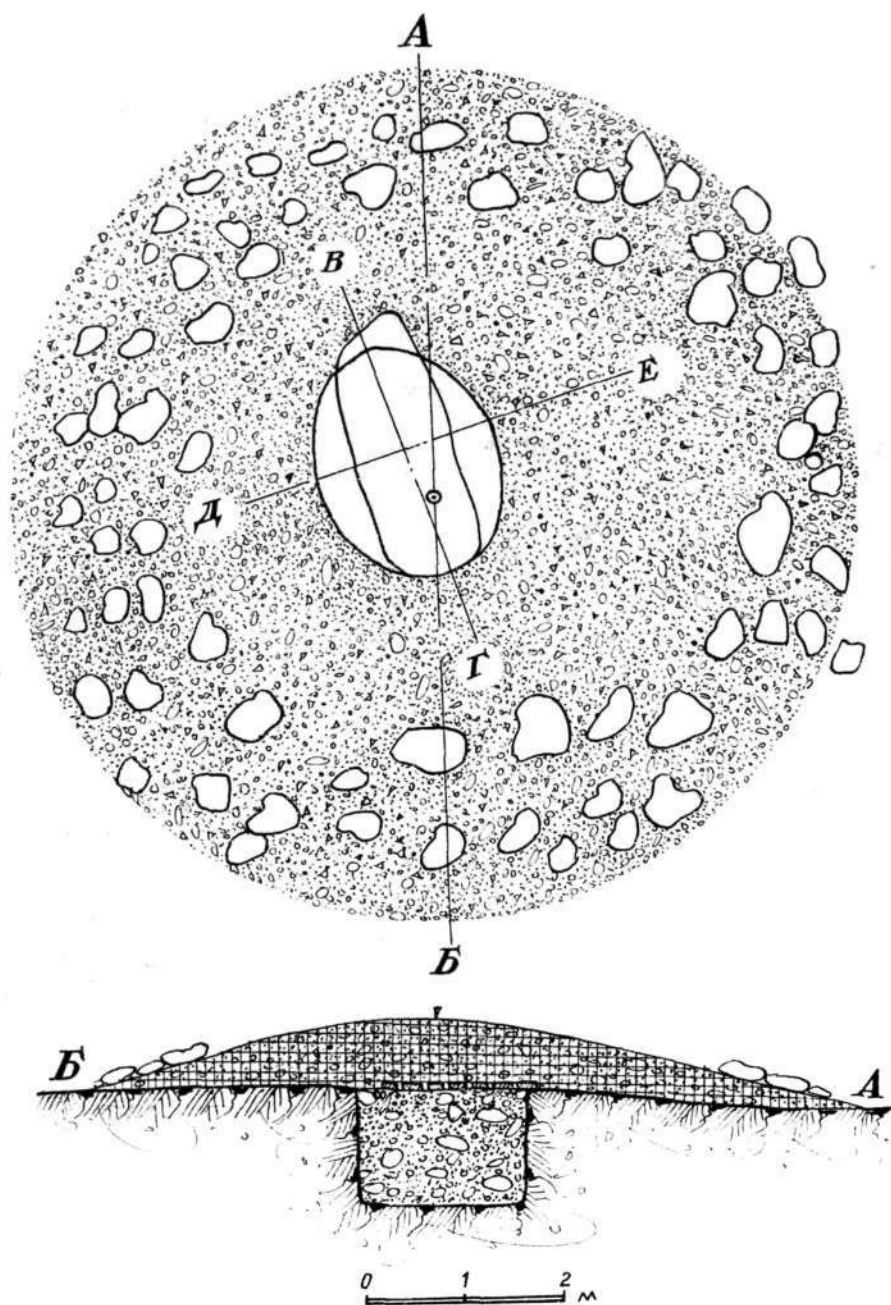

Табл. 27

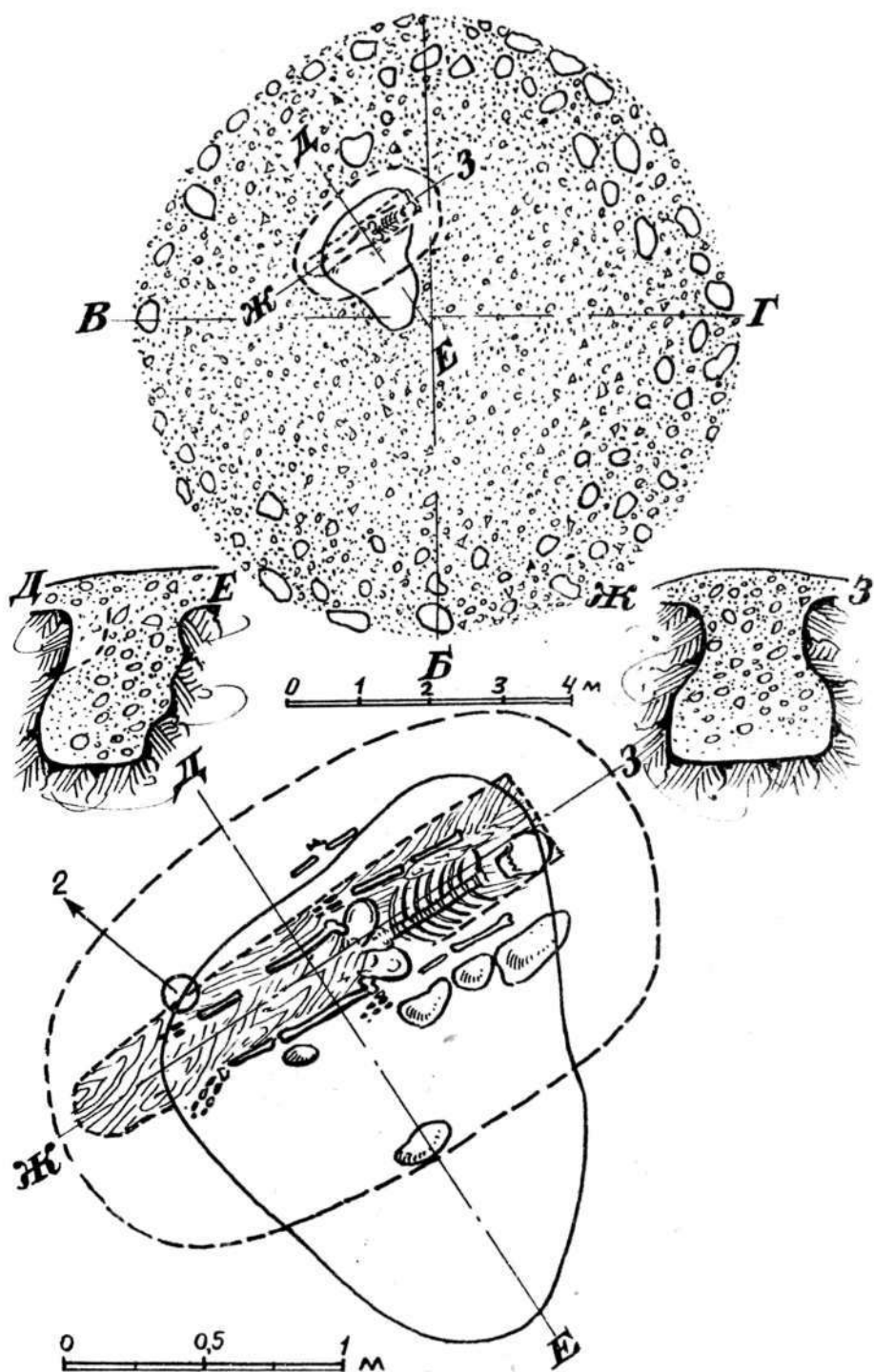

Табл. 28

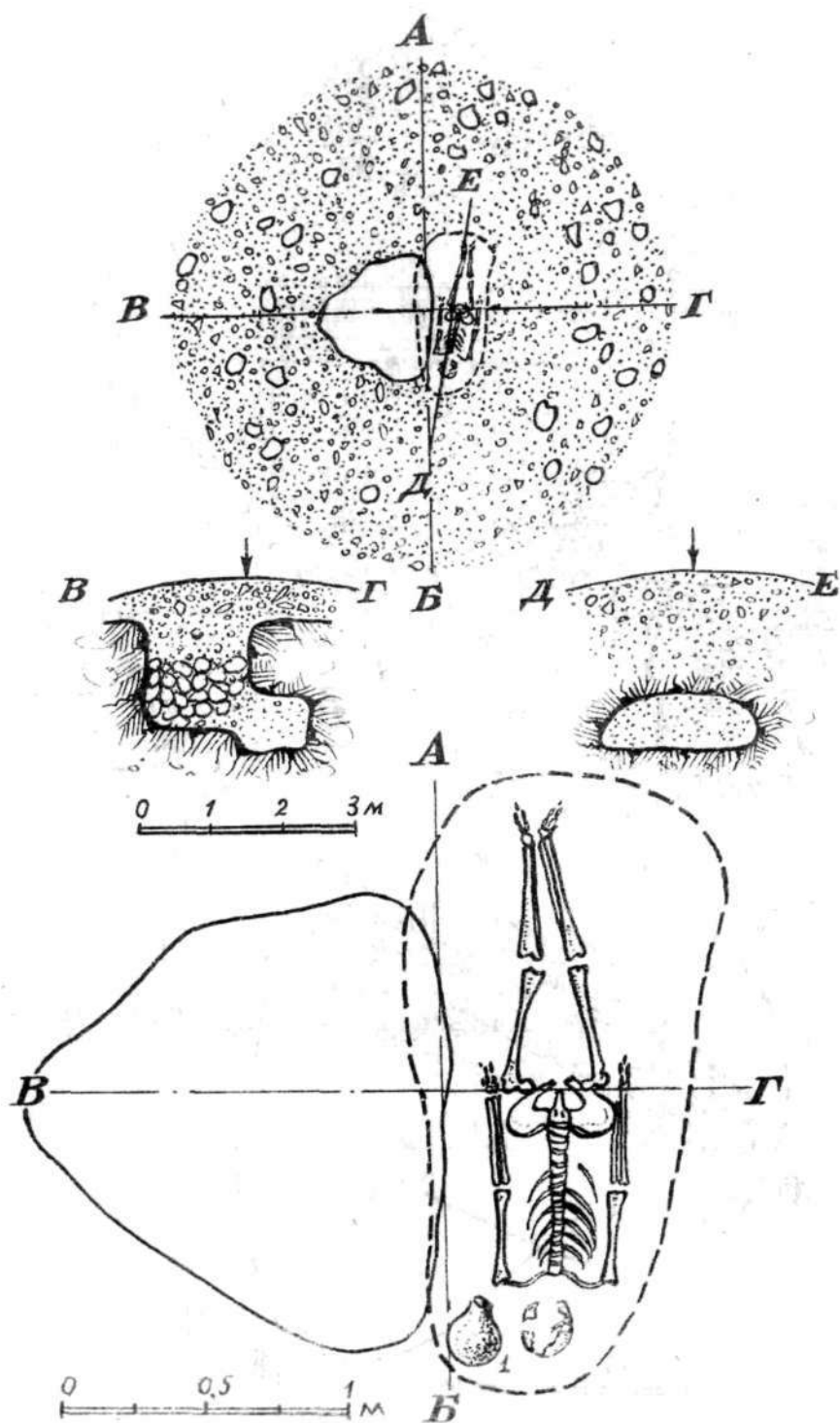

Табл. 29

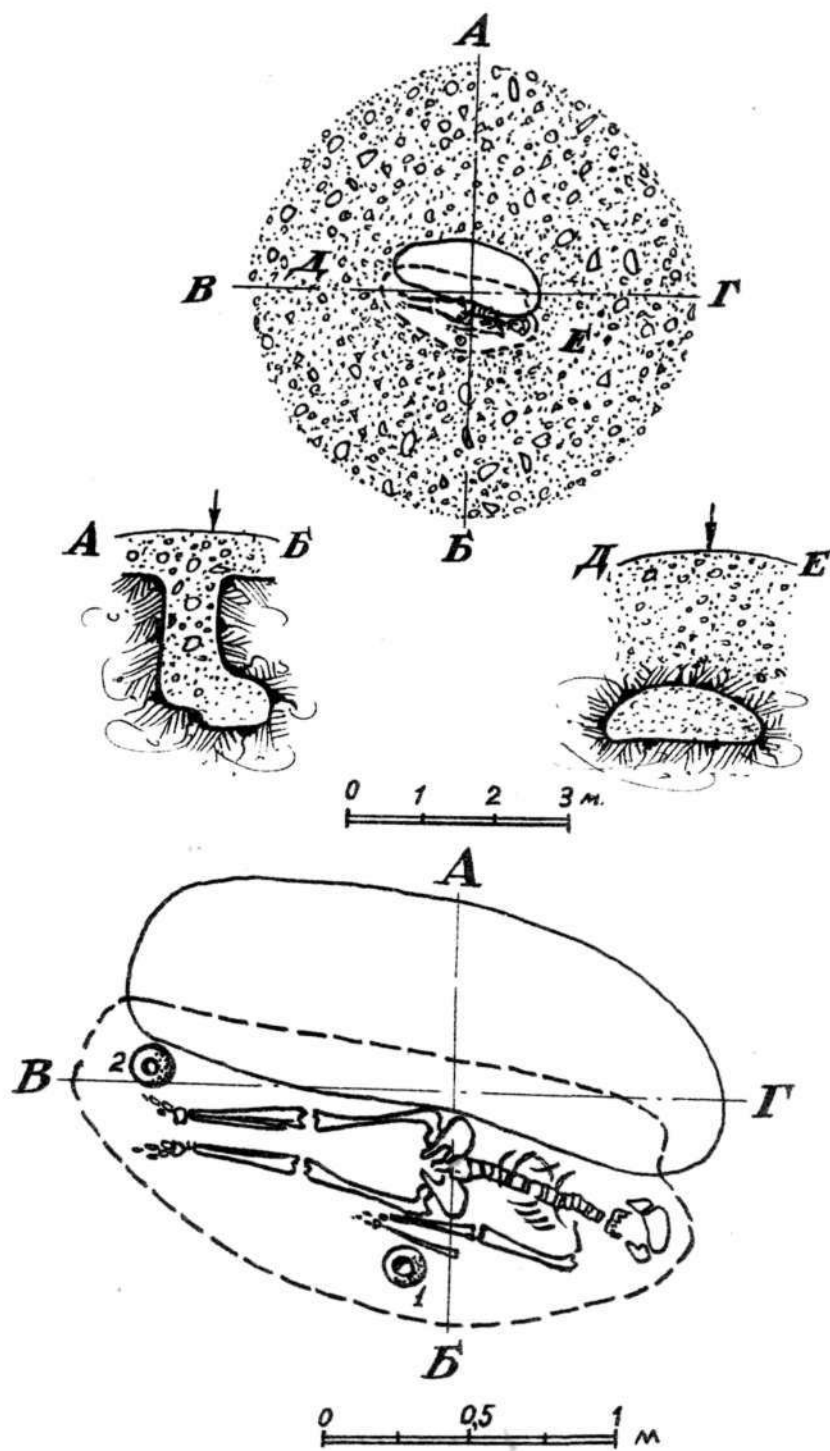

Табл. 30

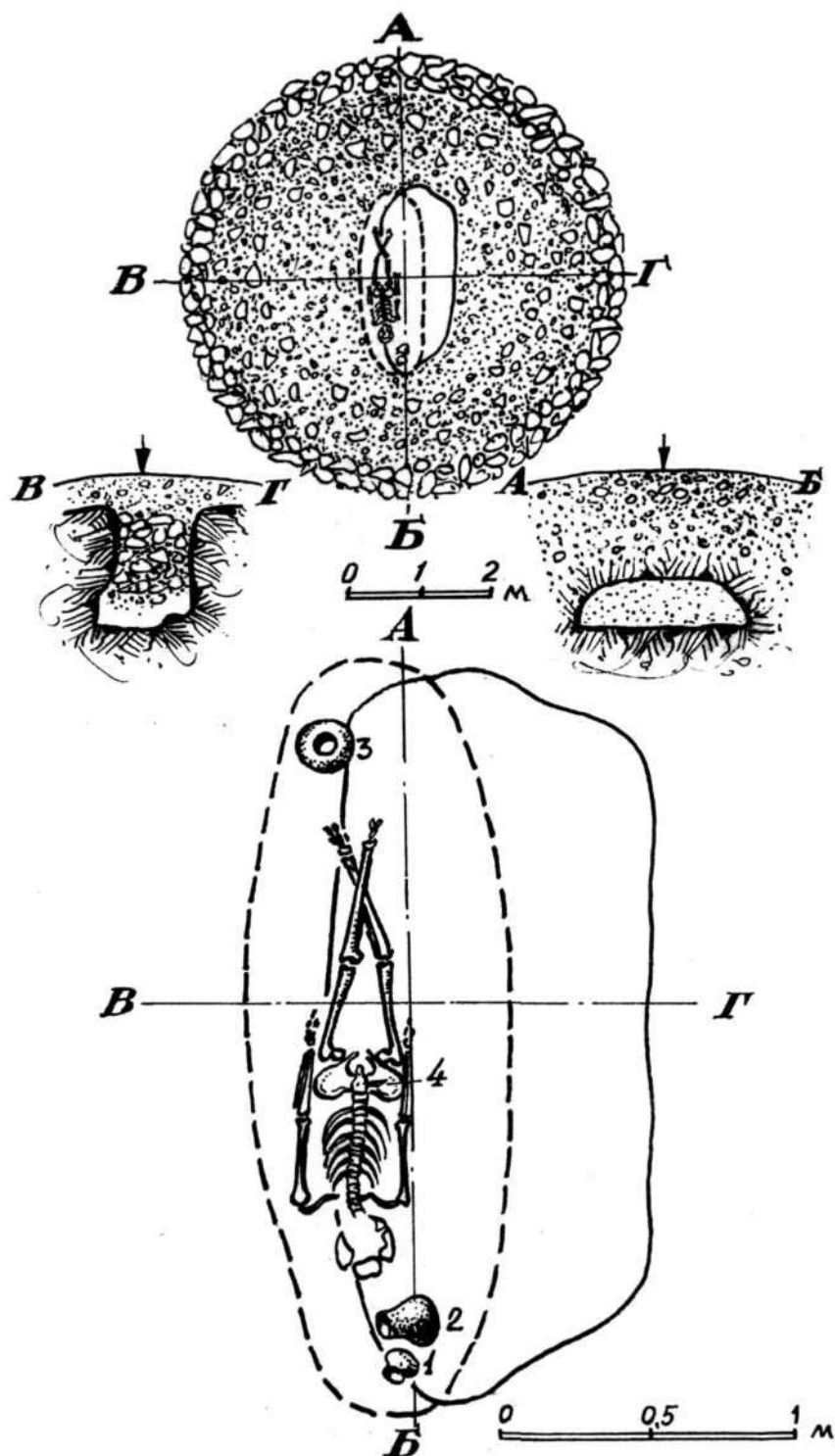

Табл. 31

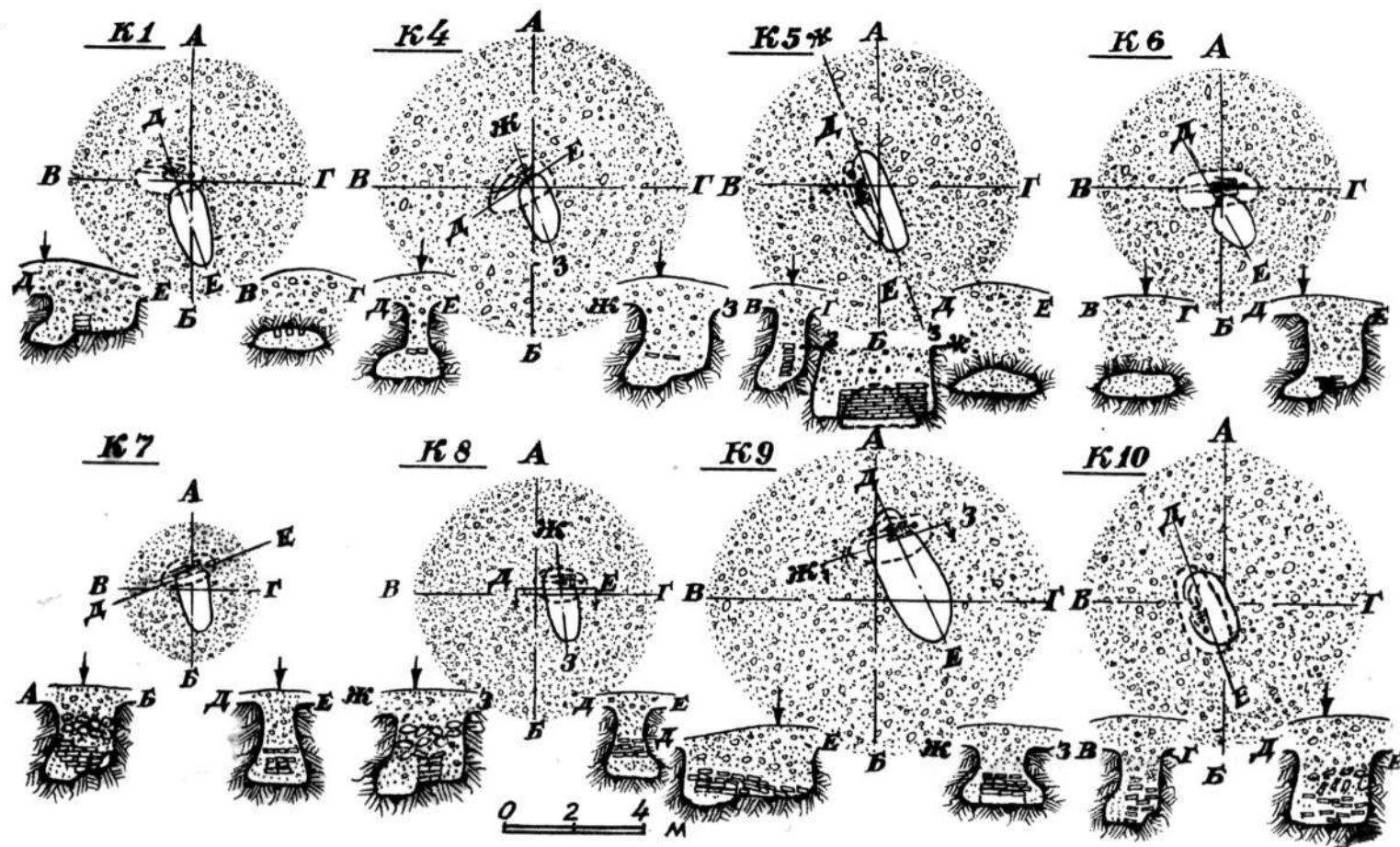

Табл. 32

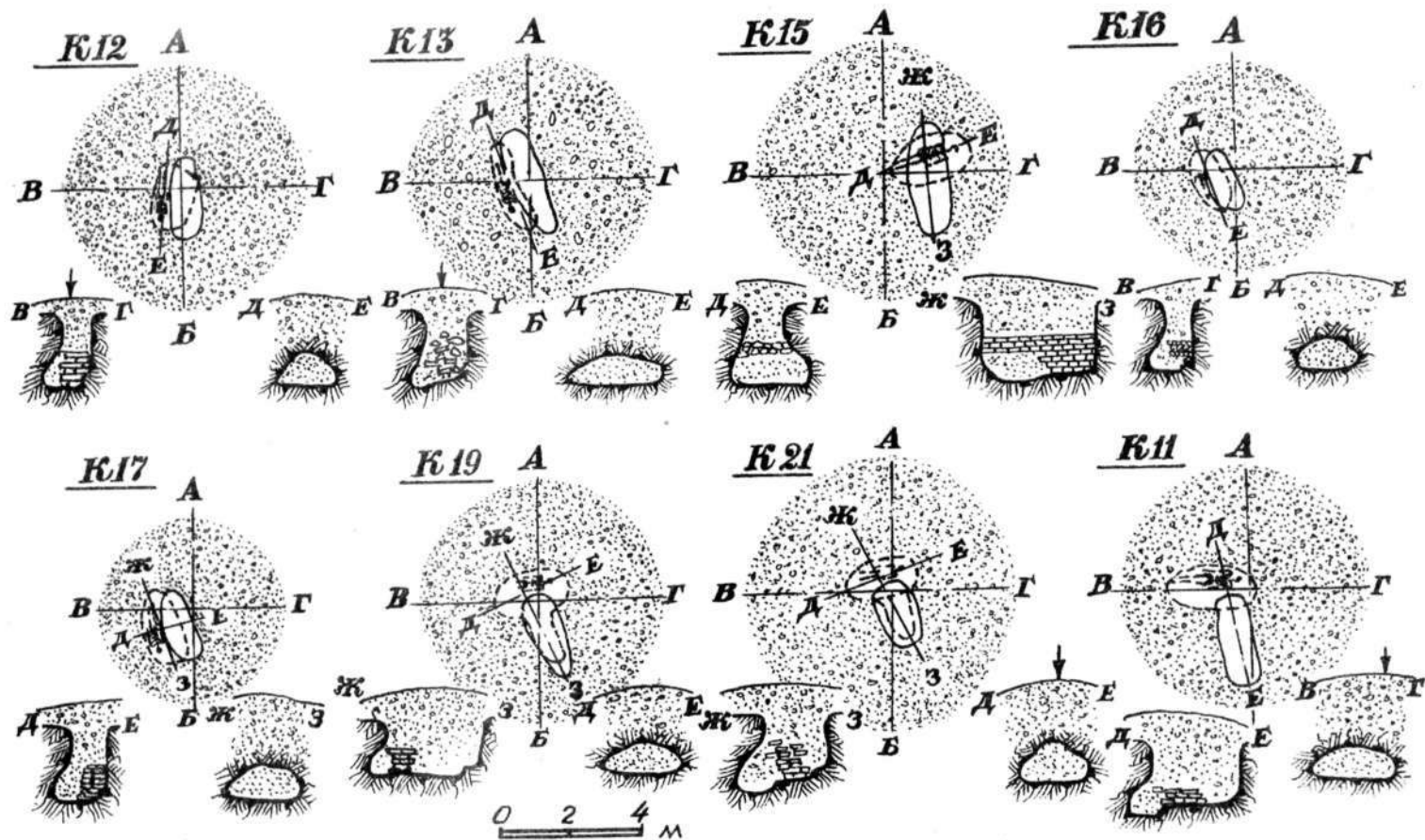

Табл. 33

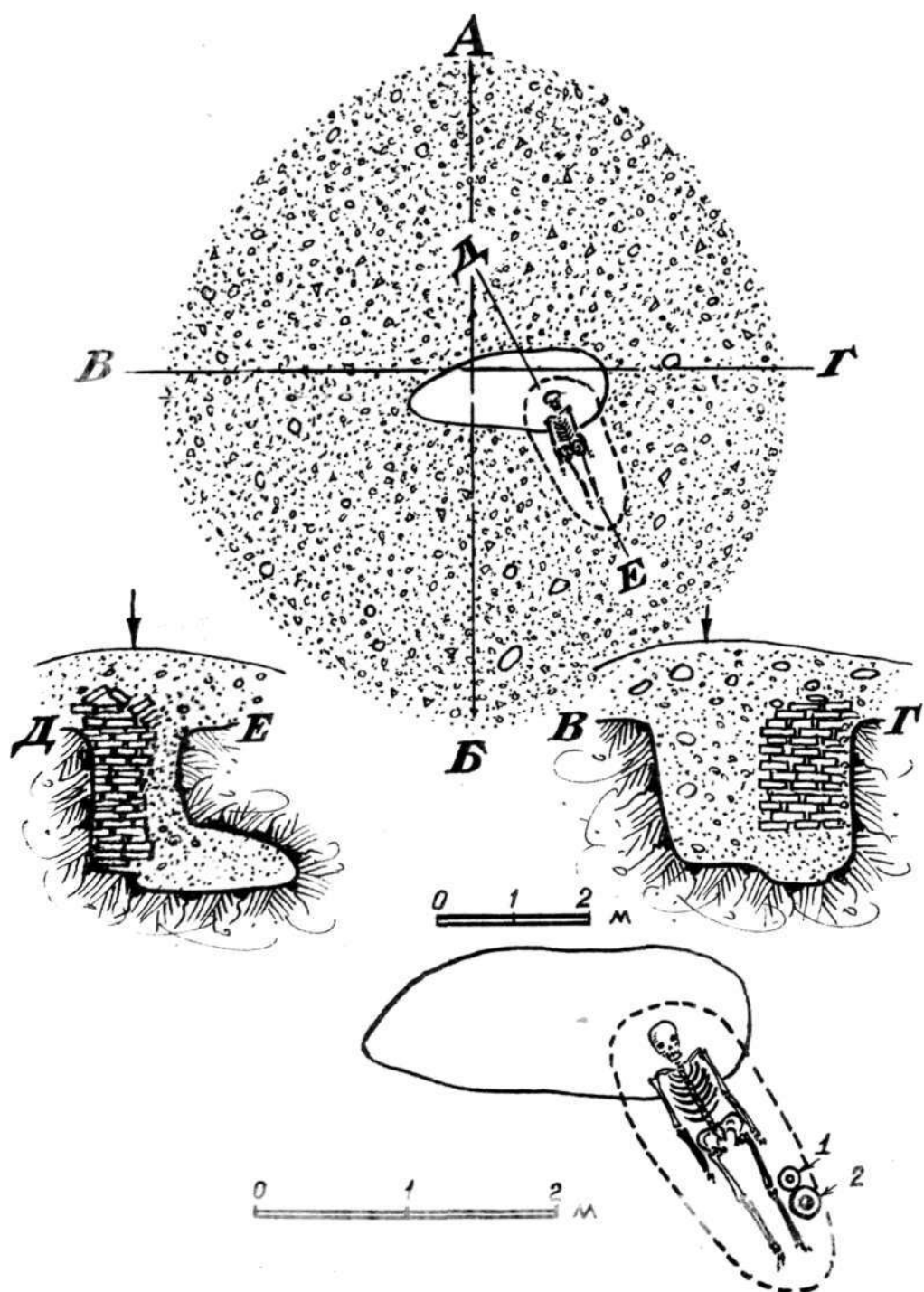

Табл. 34

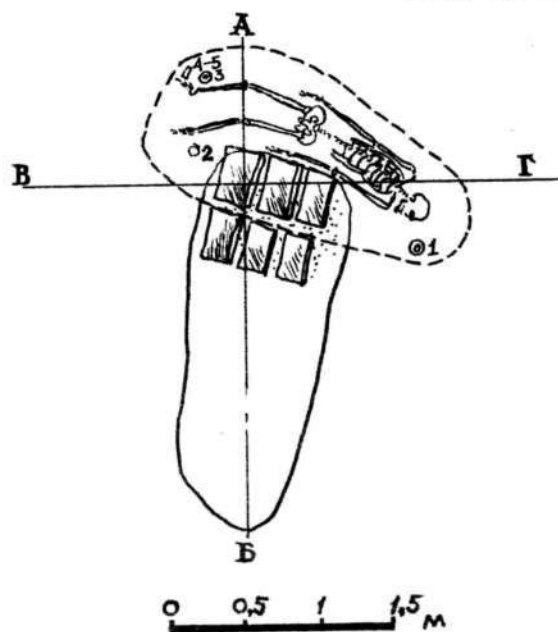
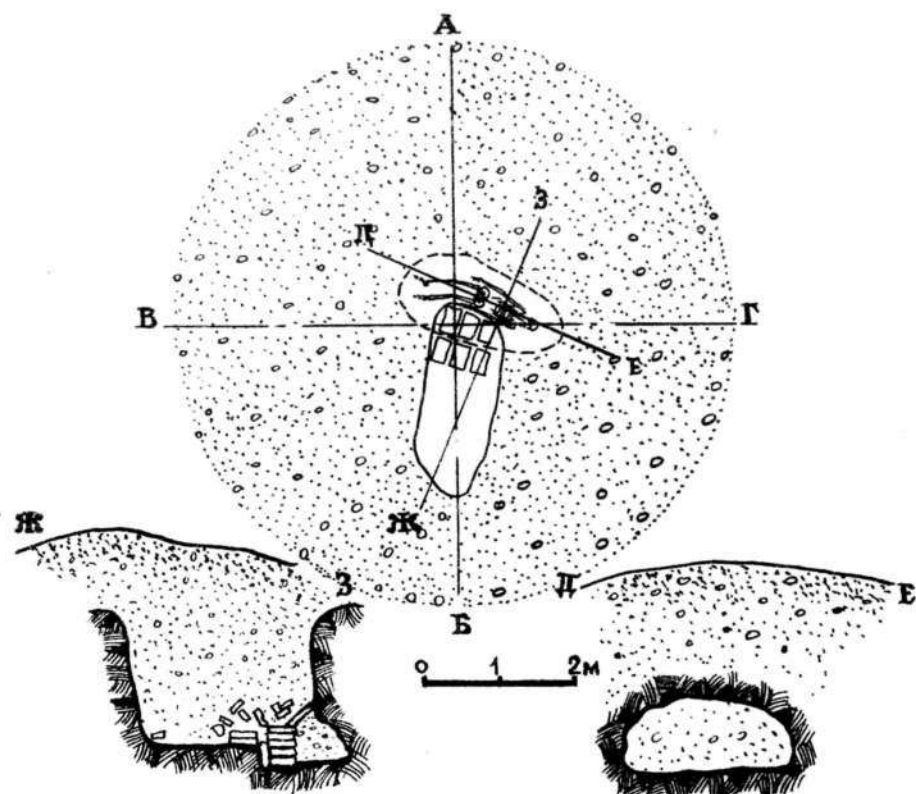
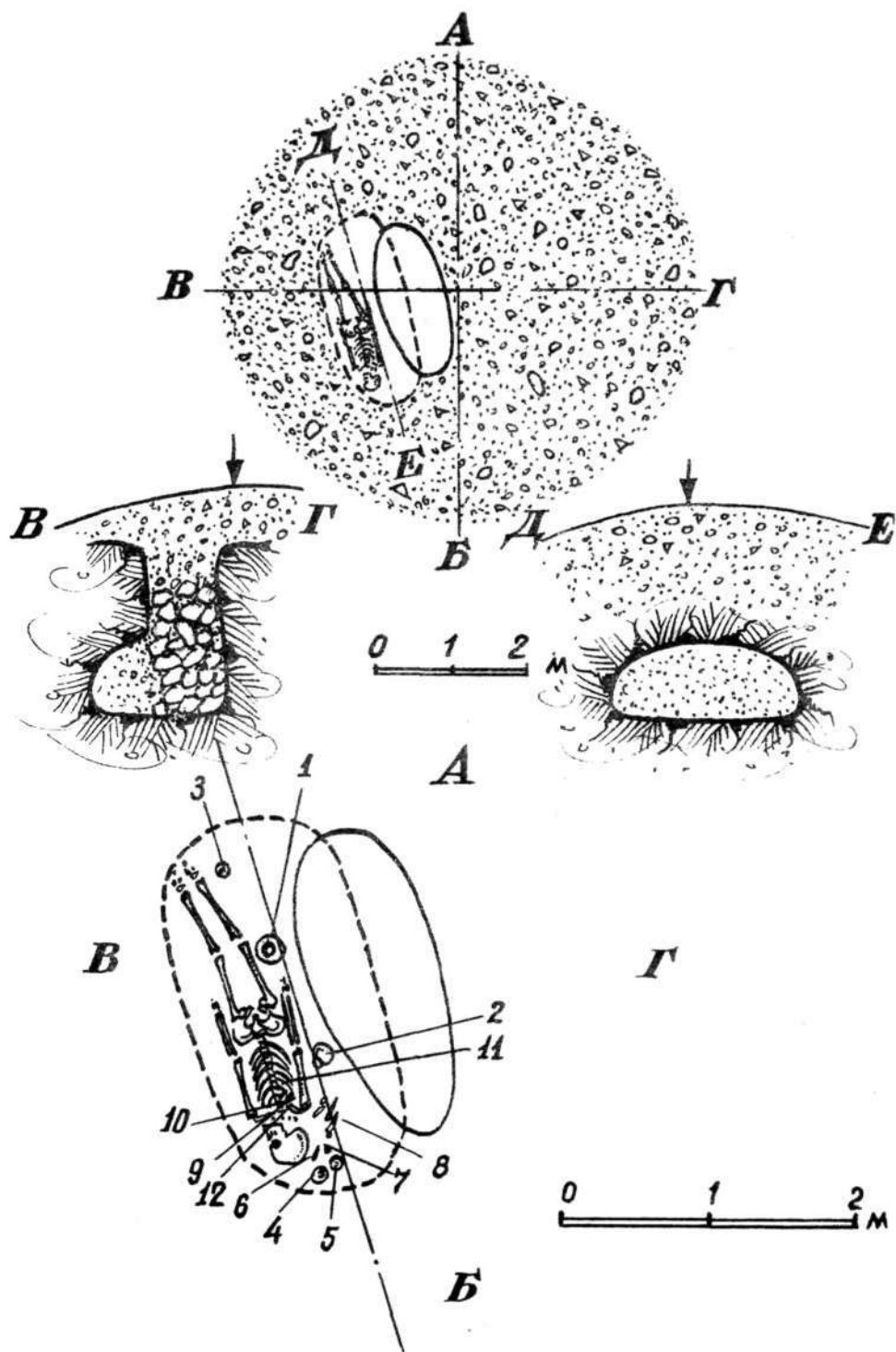
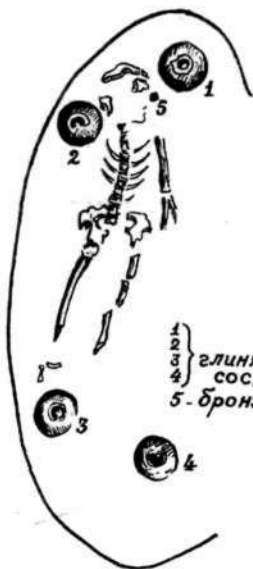
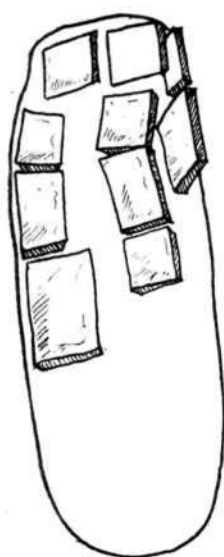
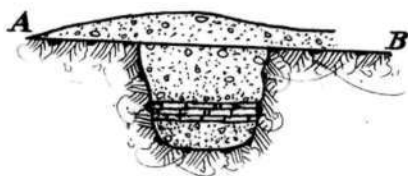
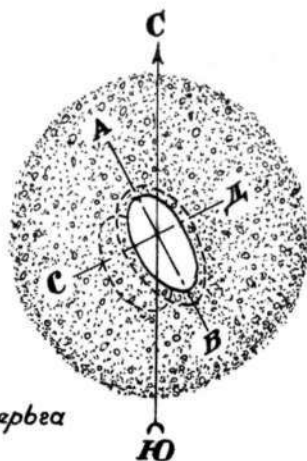

Табл. 35

1
2
3
4 } глиняные
сосуды
5 - бронзов. сервиз

Кладка кирпичей
на уровне 160 см.

0 20 40 60 80 100 см

0 1 2 3 4 5 м

Табл. 37

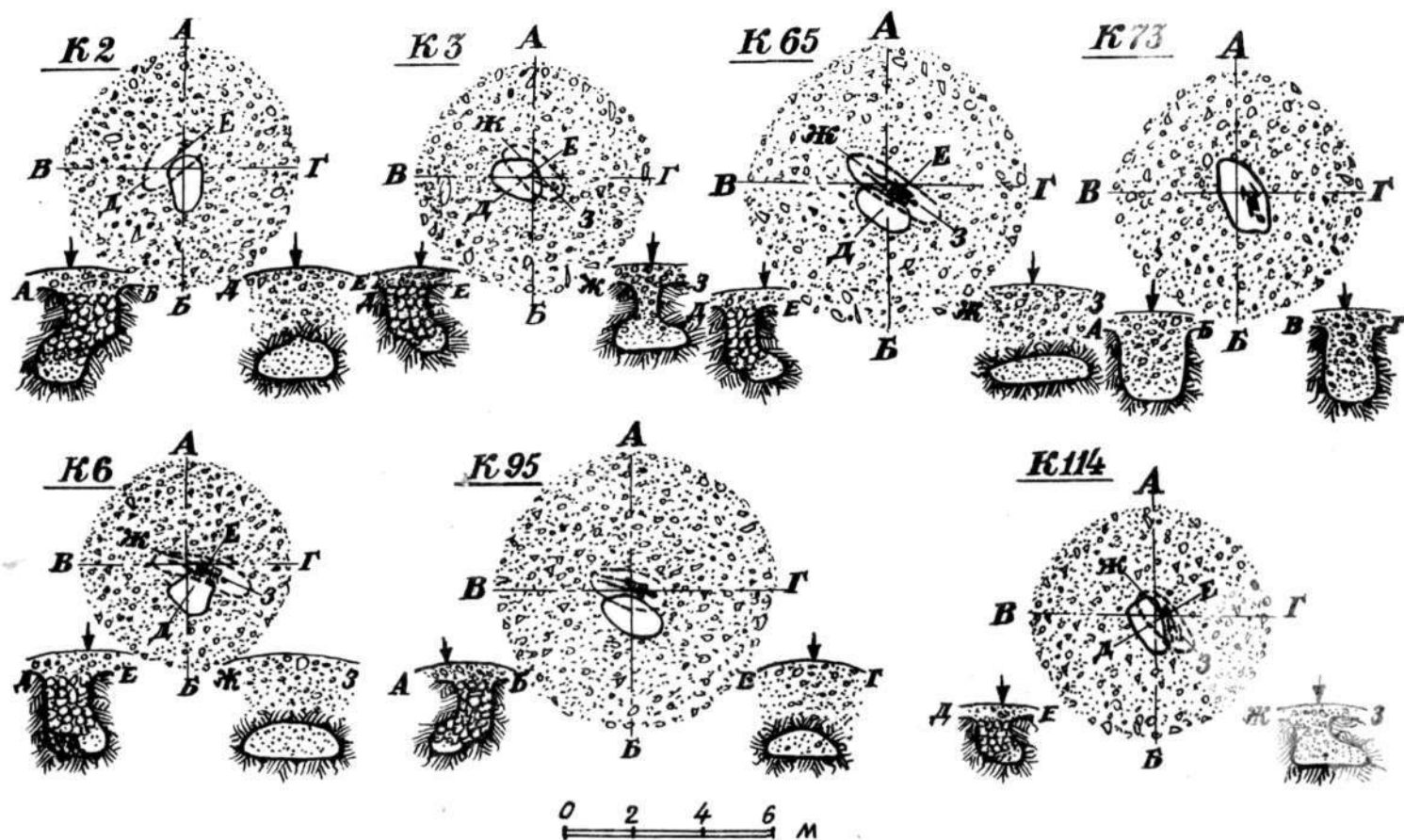

Табл. 38

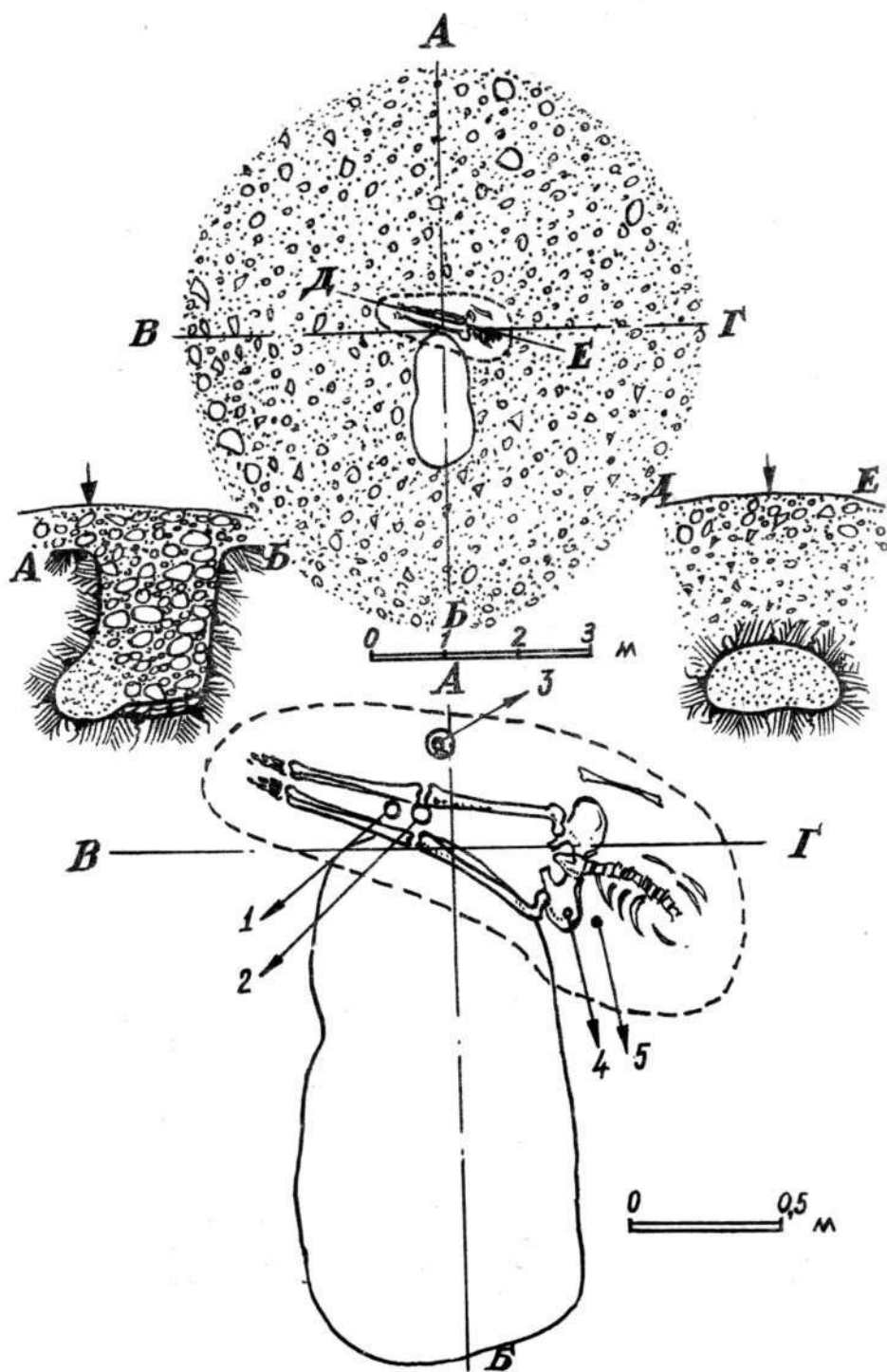

Табл. 39

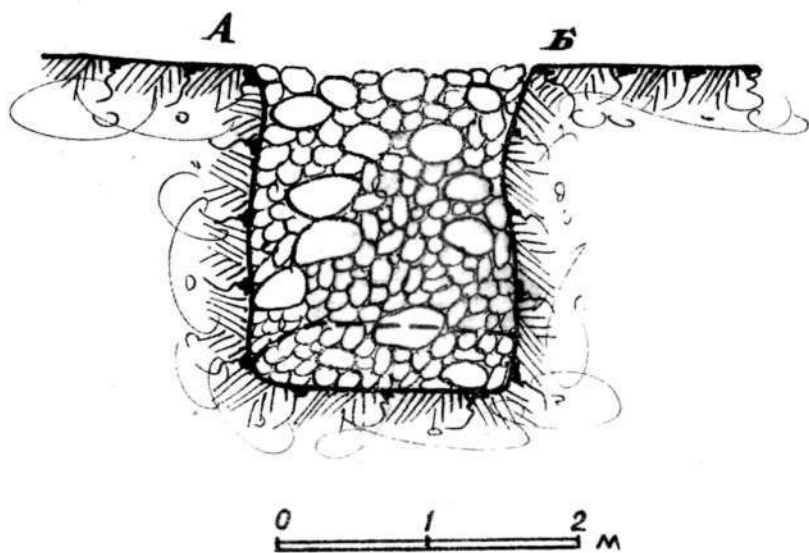
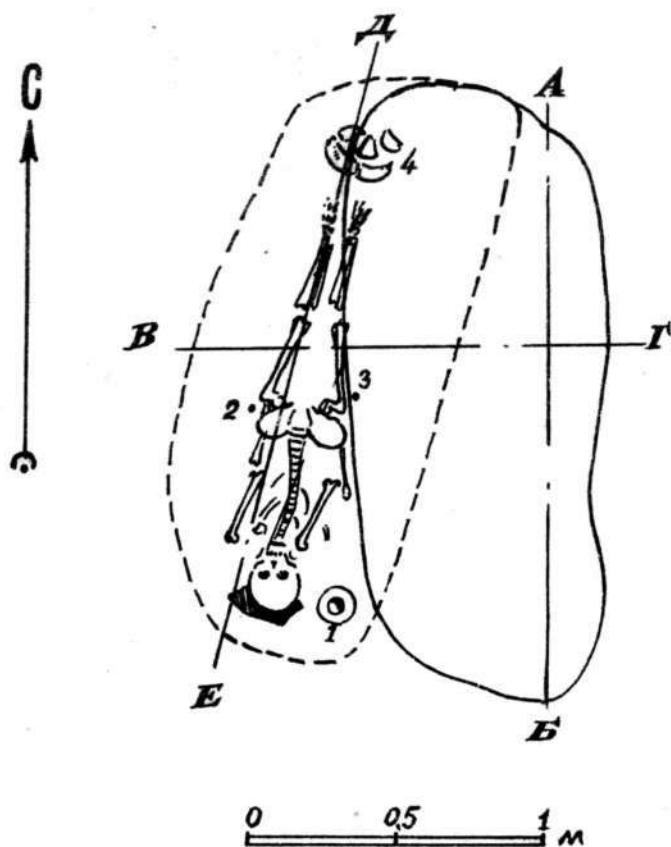

Табл. 40

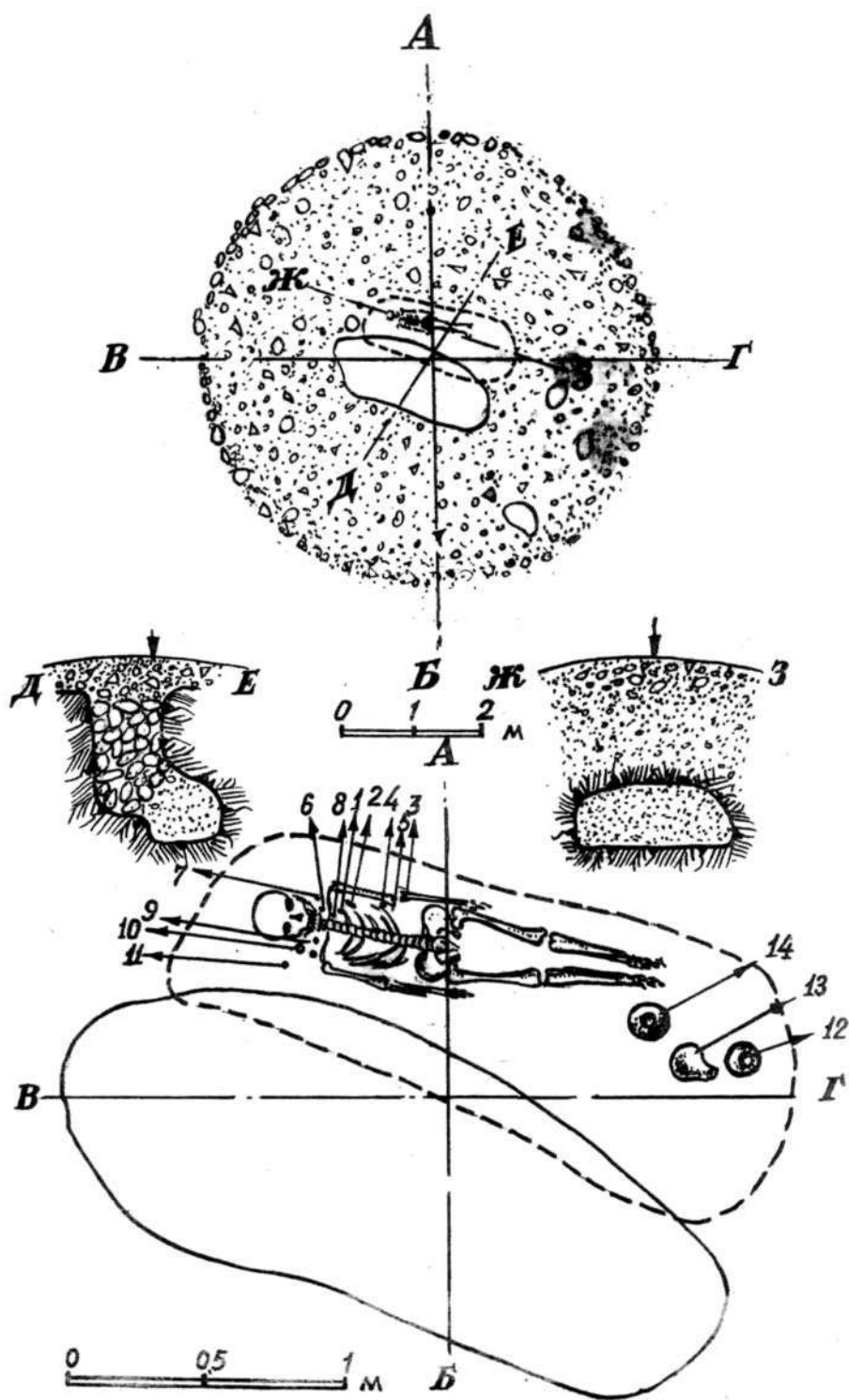

Табл. 41

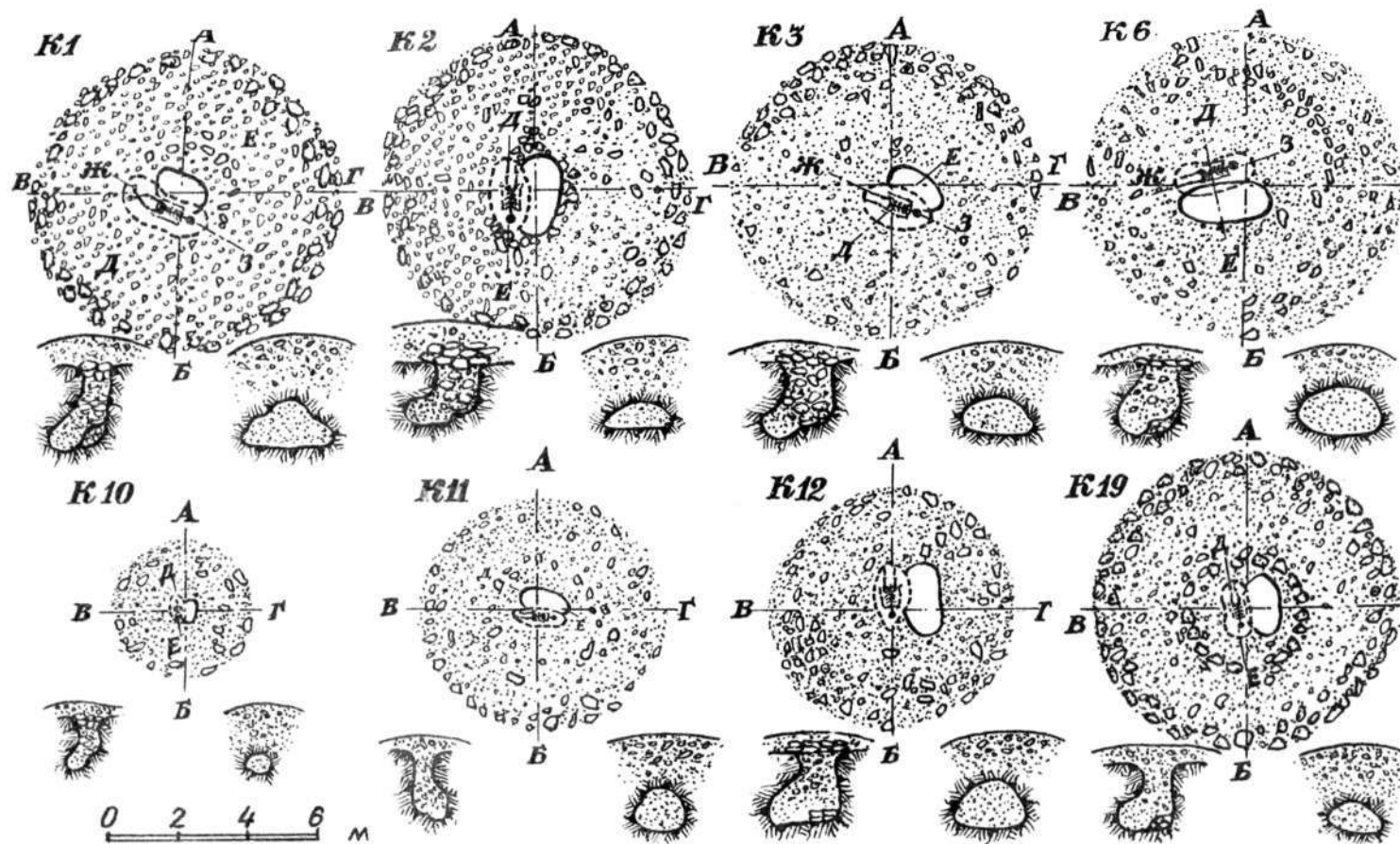

Табл. 42

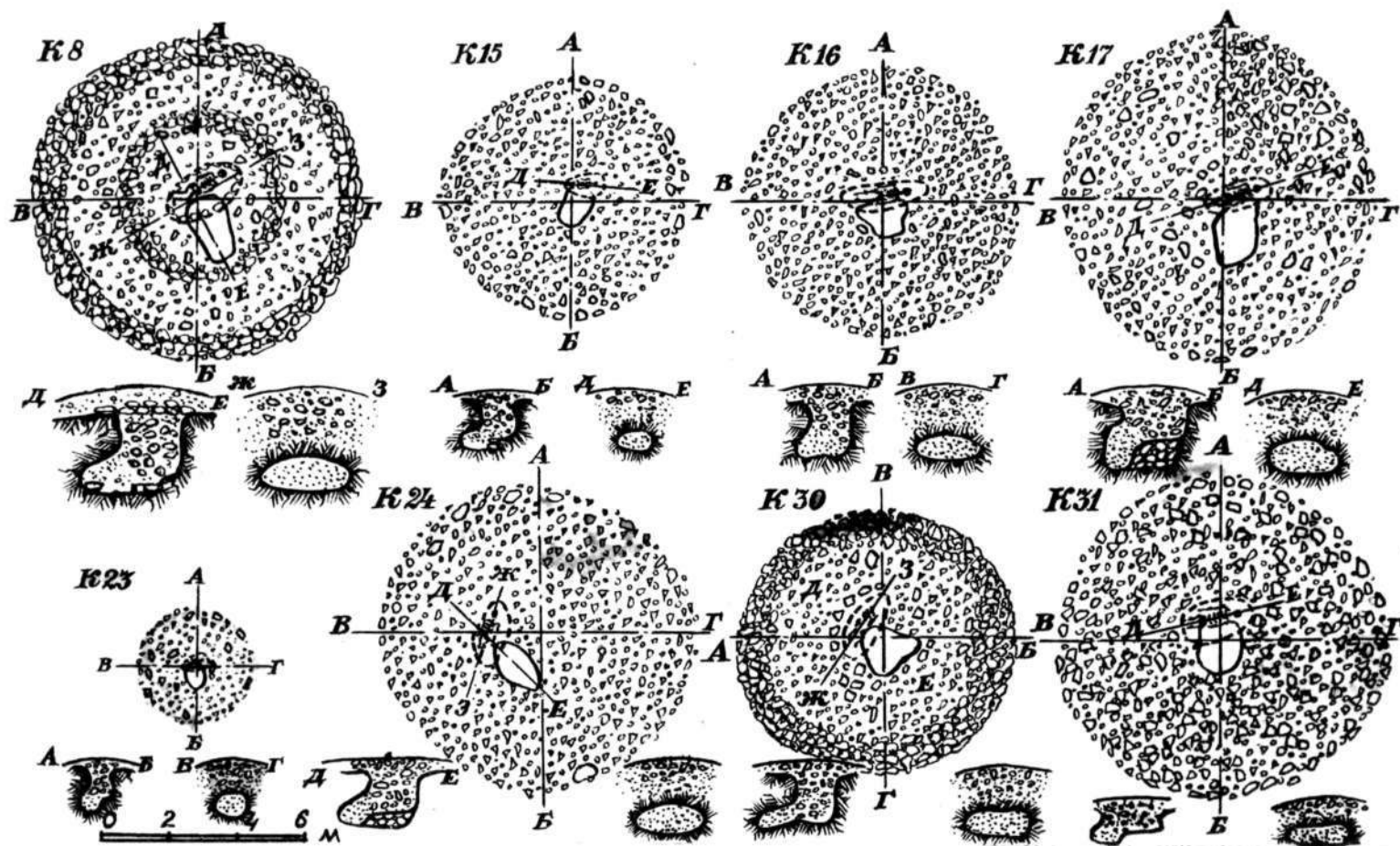

Табл. 43

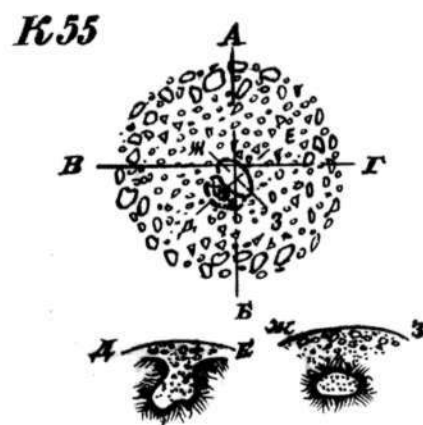
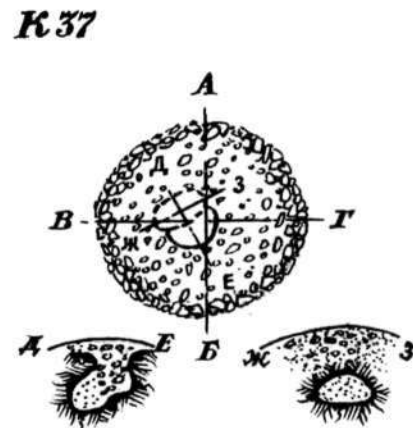
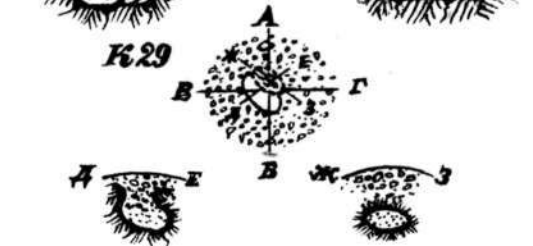
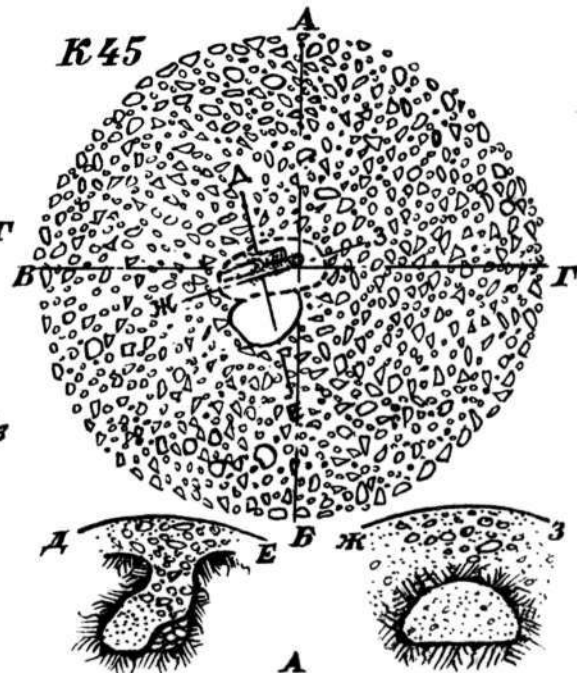
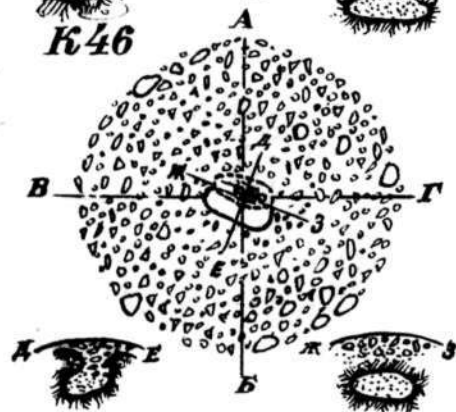
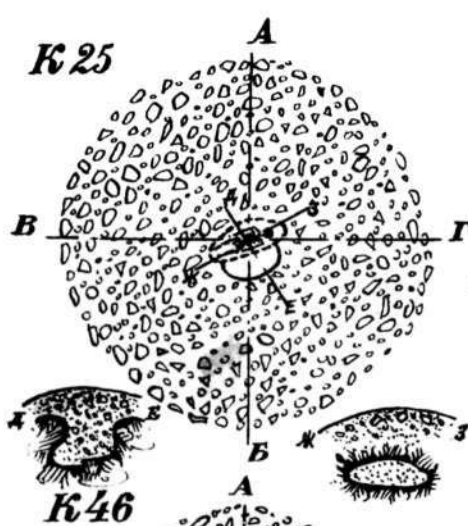

Табл. 44

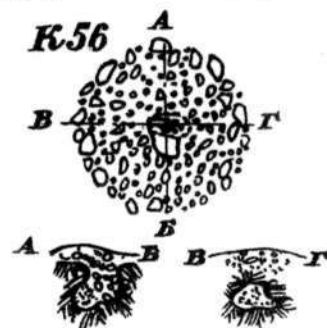
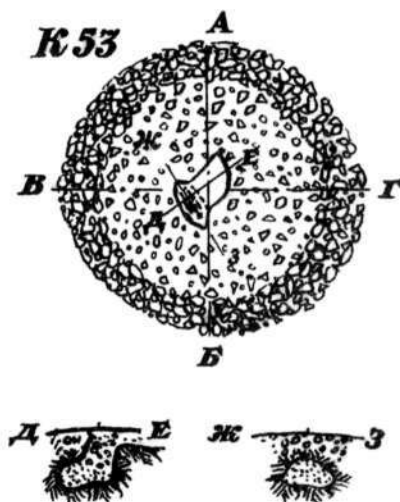
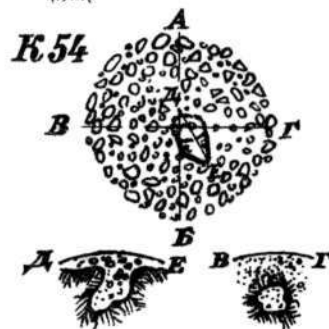
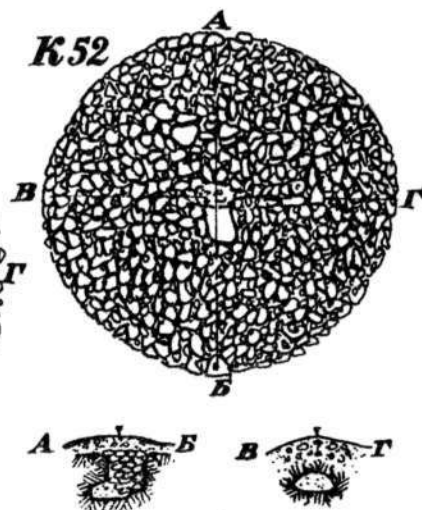
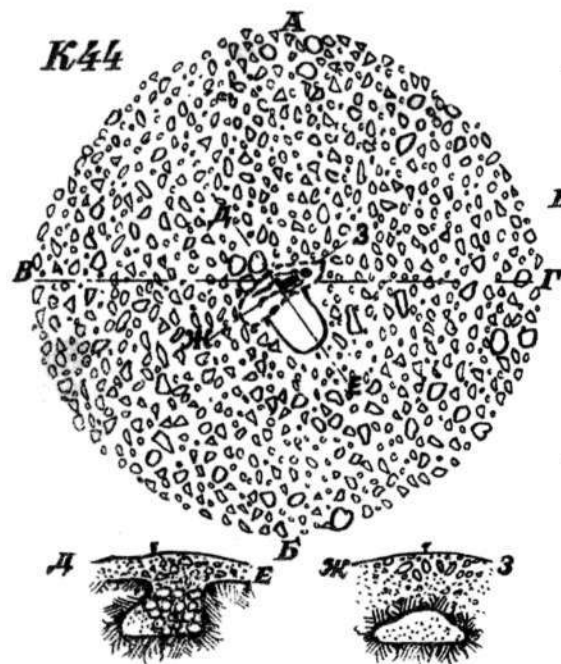
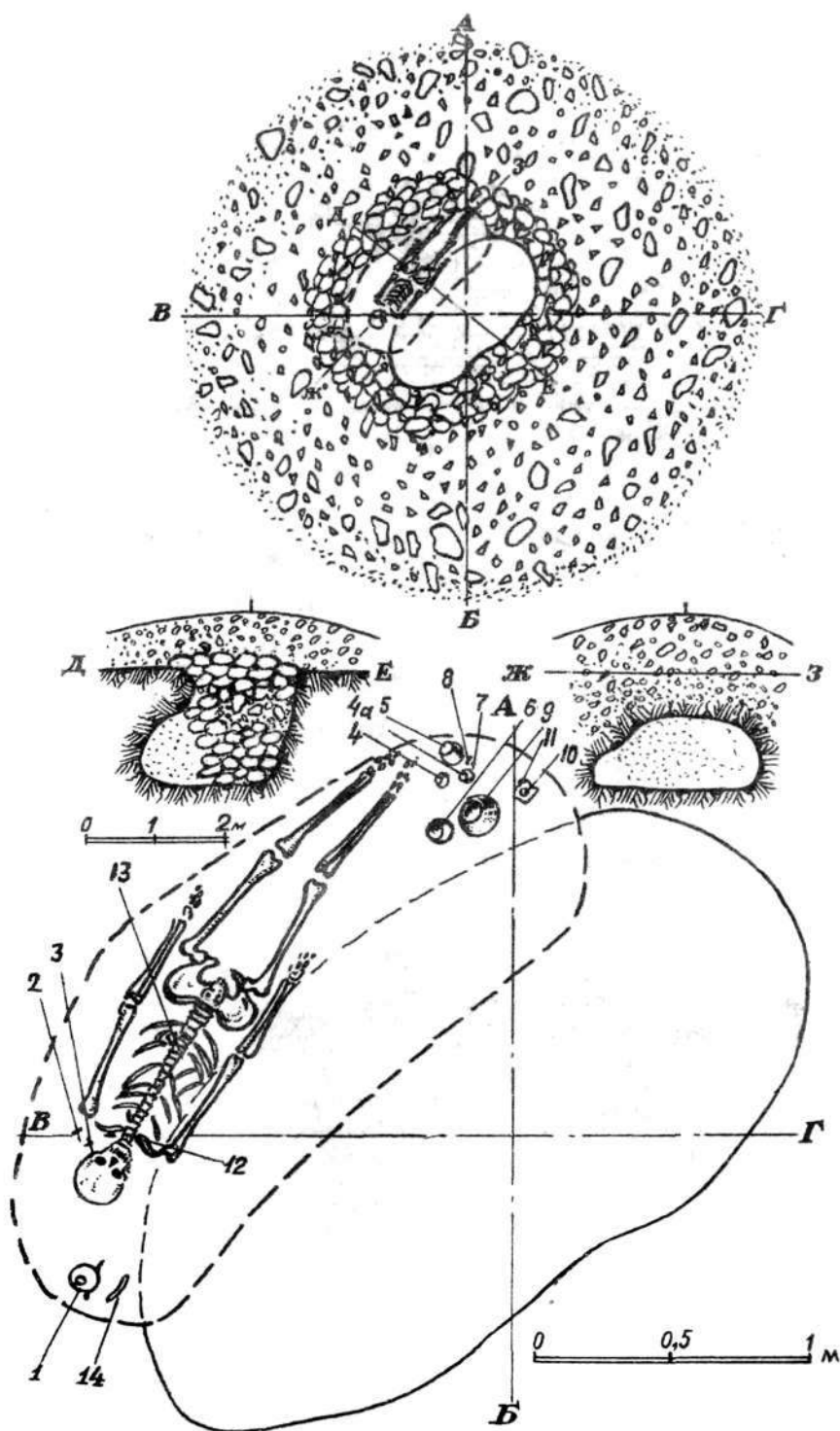

Табл. 45

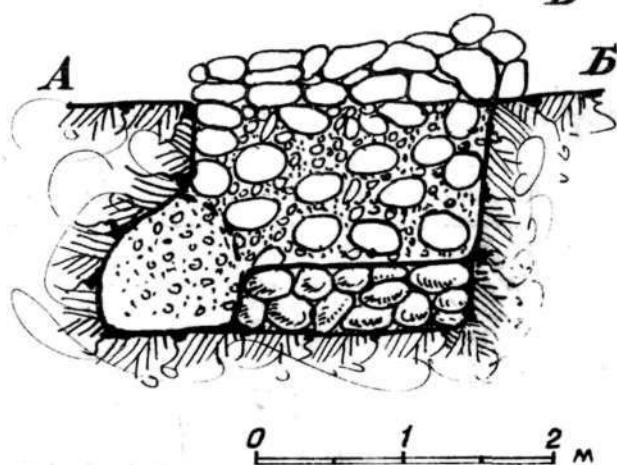
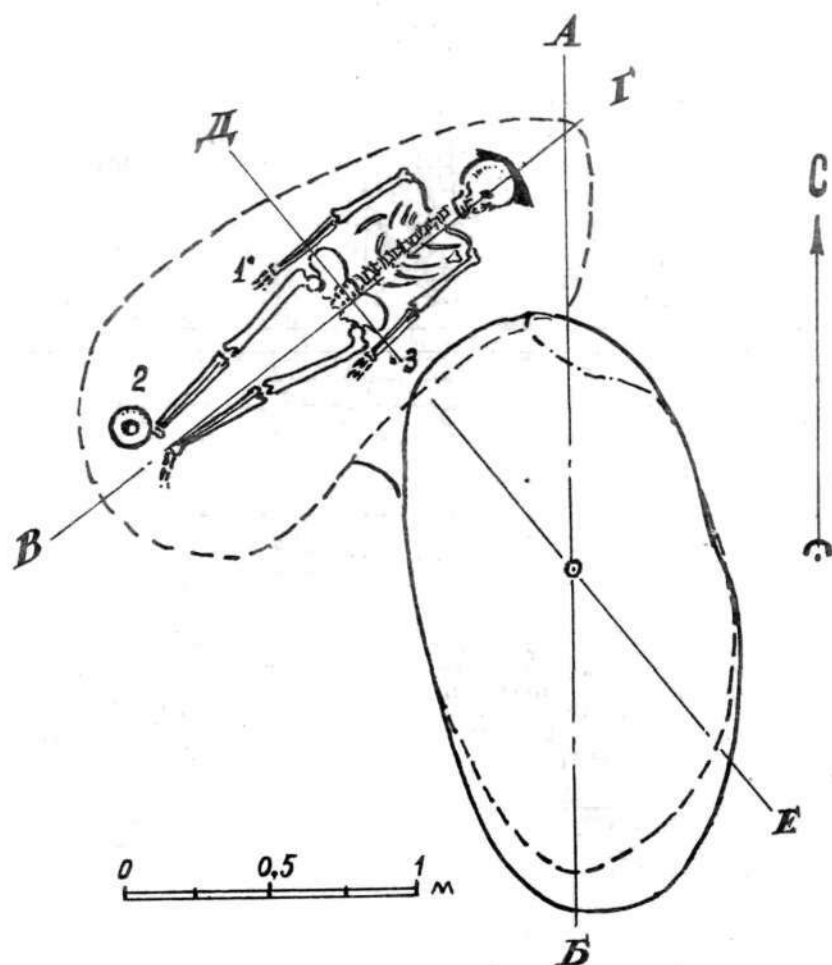

Табл. 47

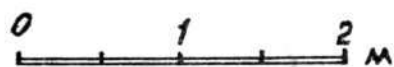
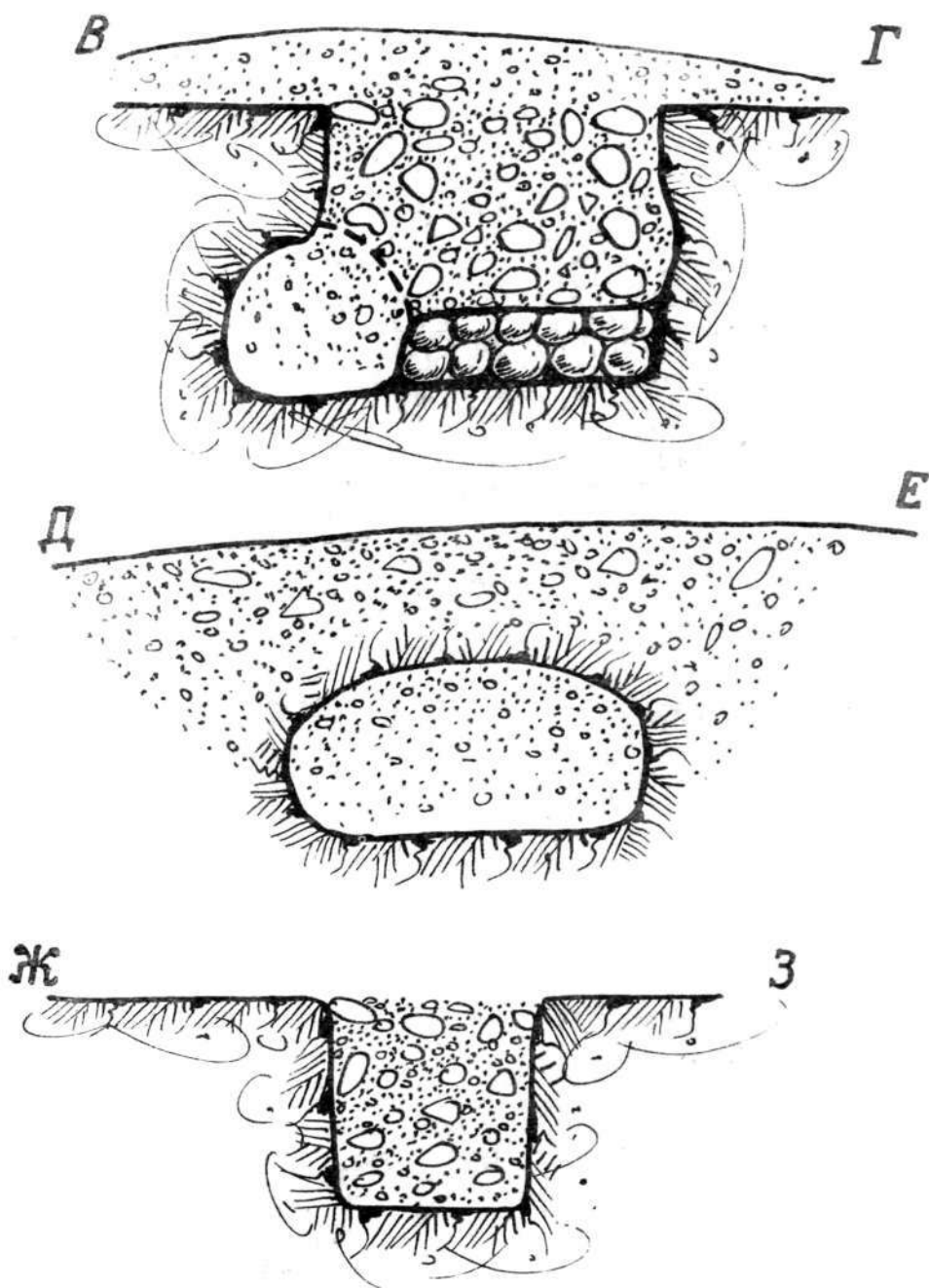
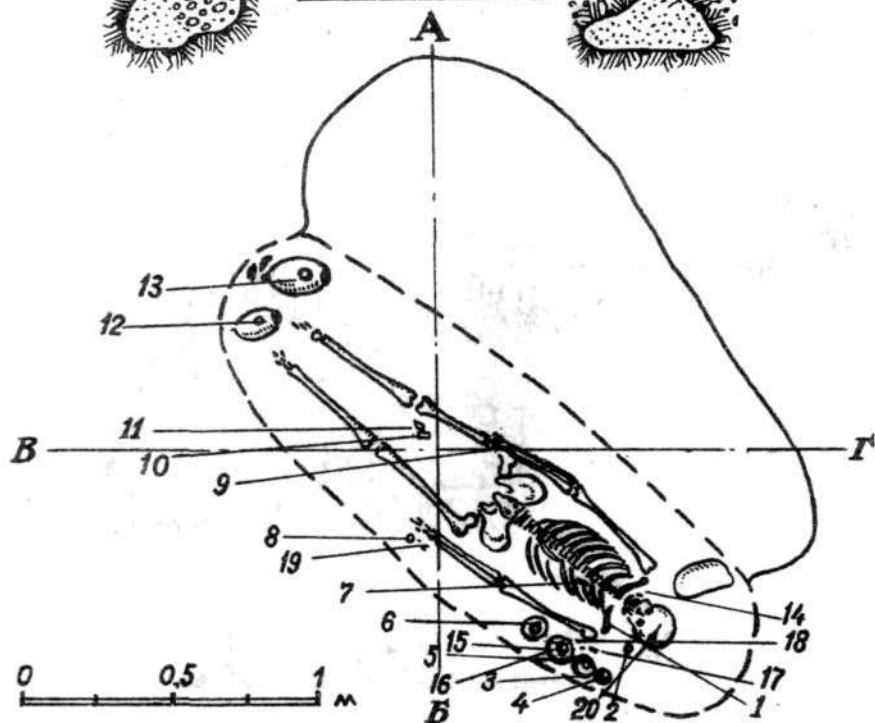
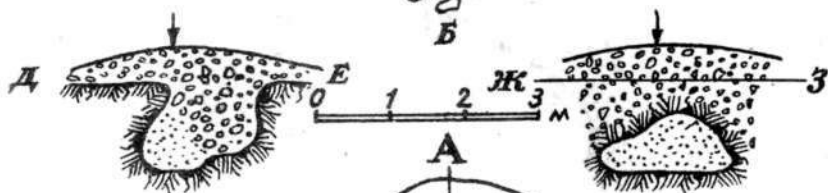
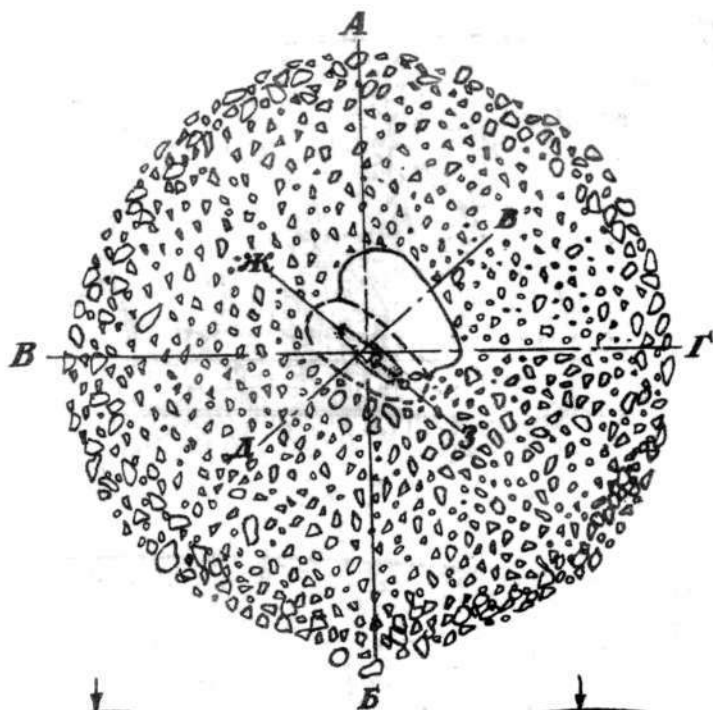

Табл. 48

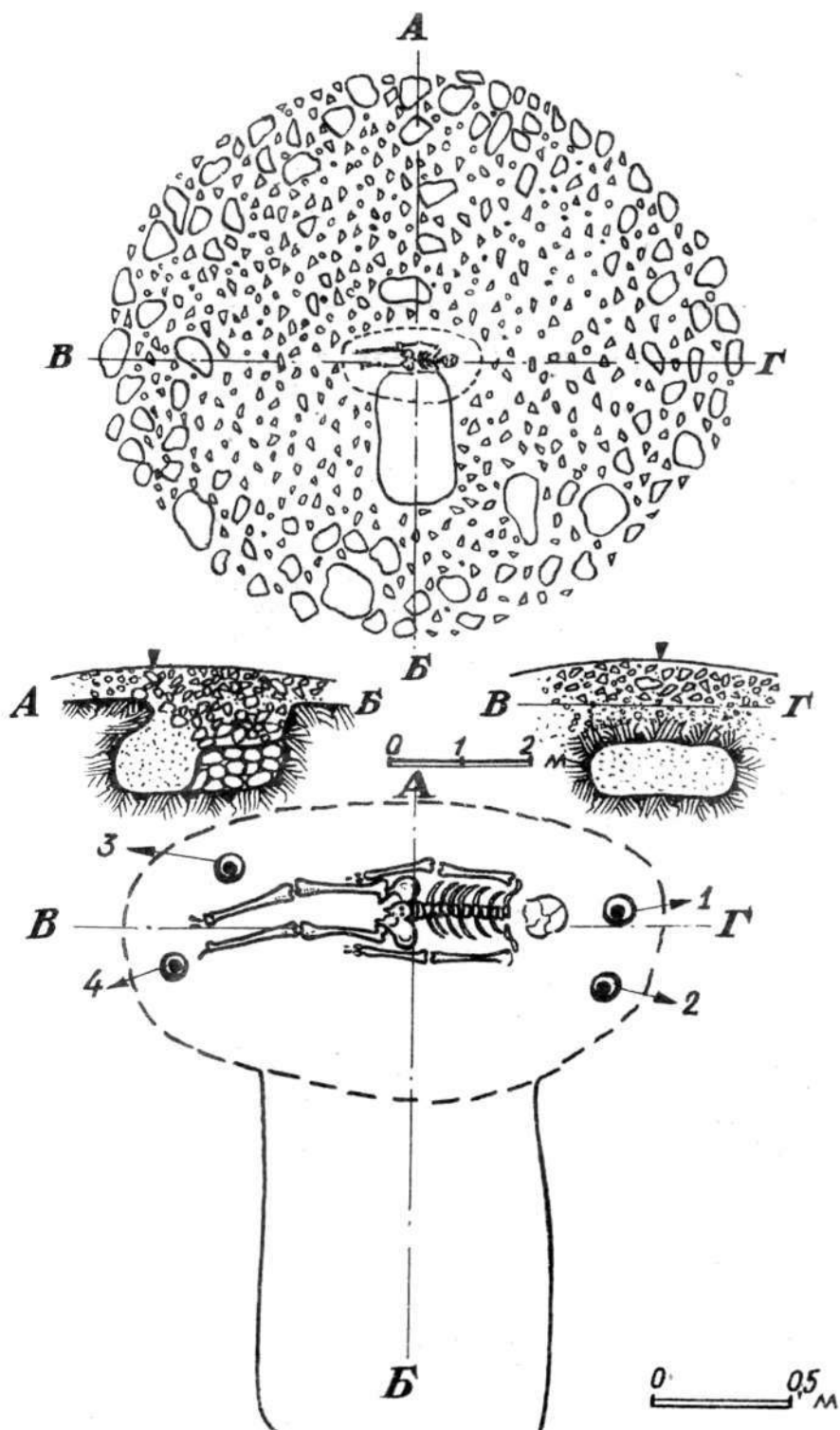

Табл. 30

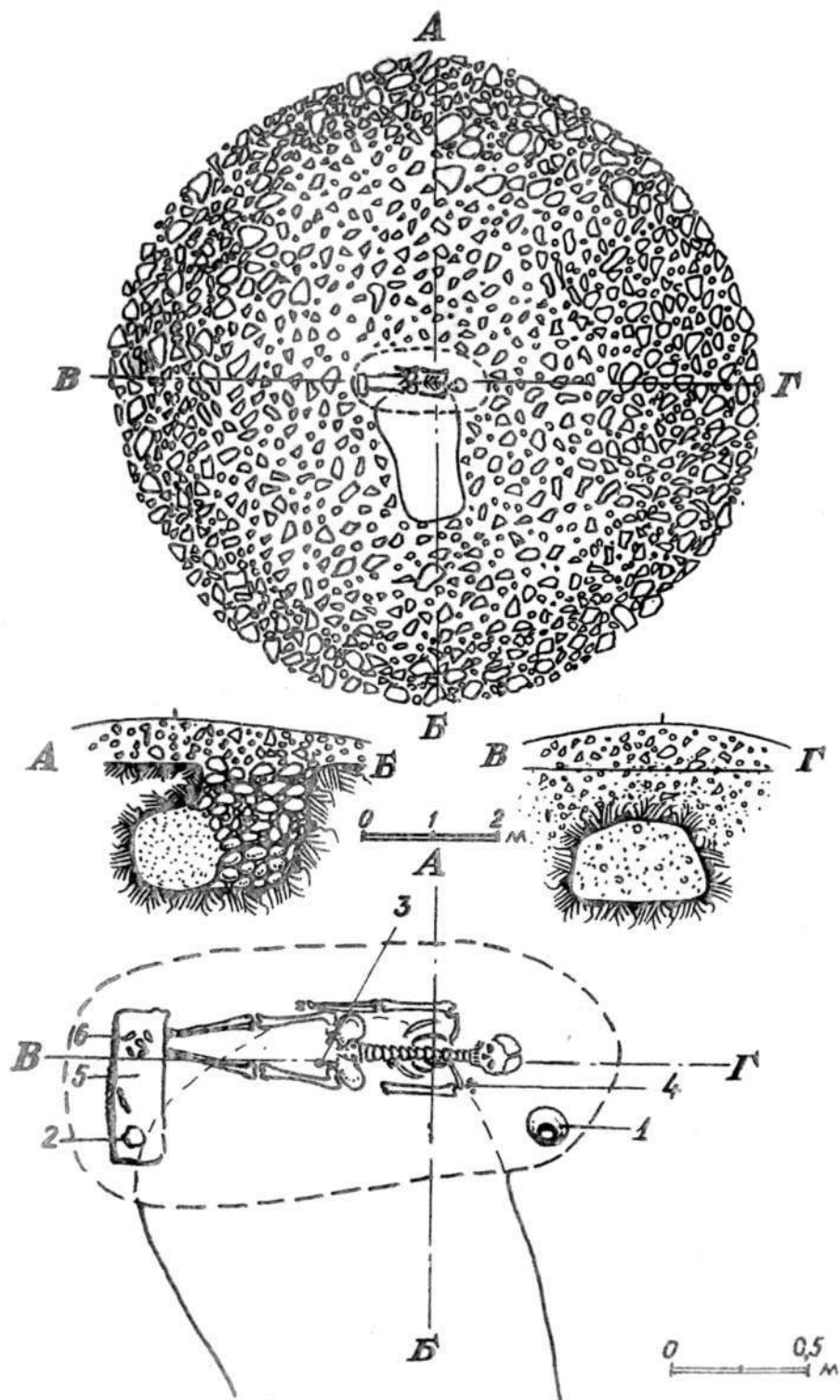
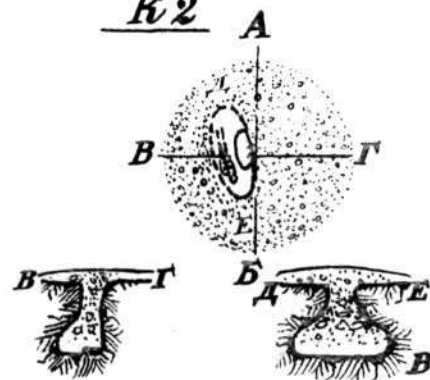
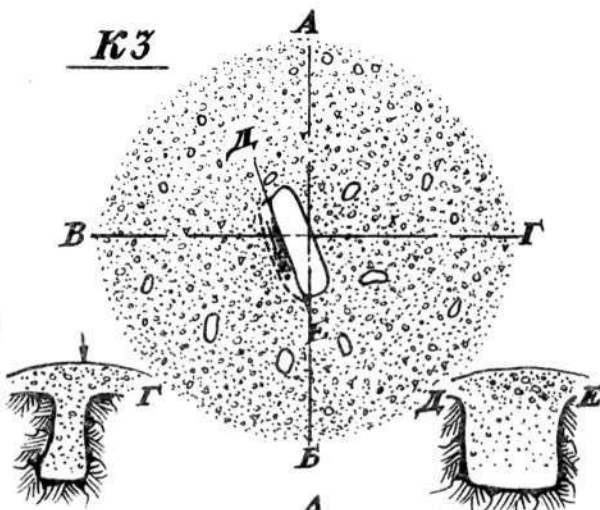

Табл. 51

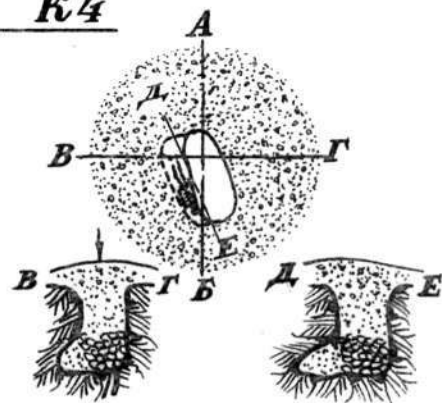
К2

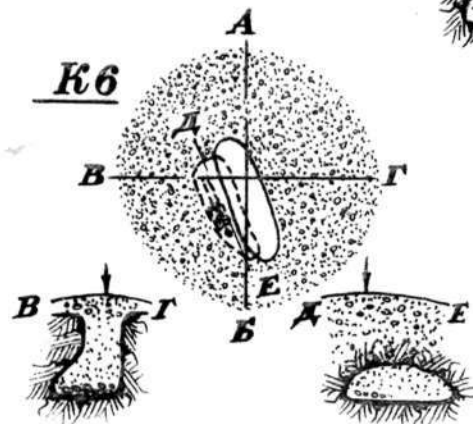
К3

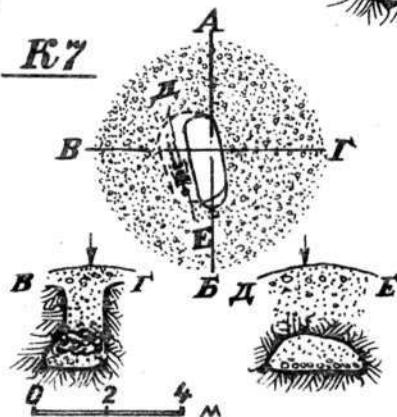
К4

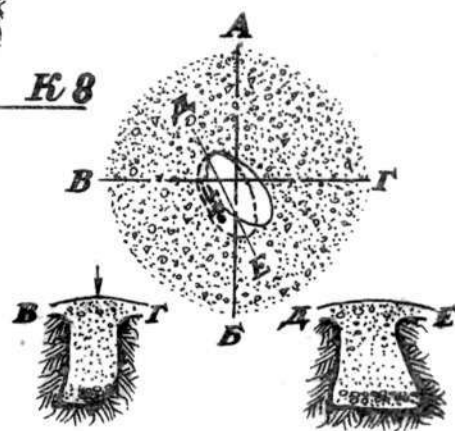
К6

К7

К8

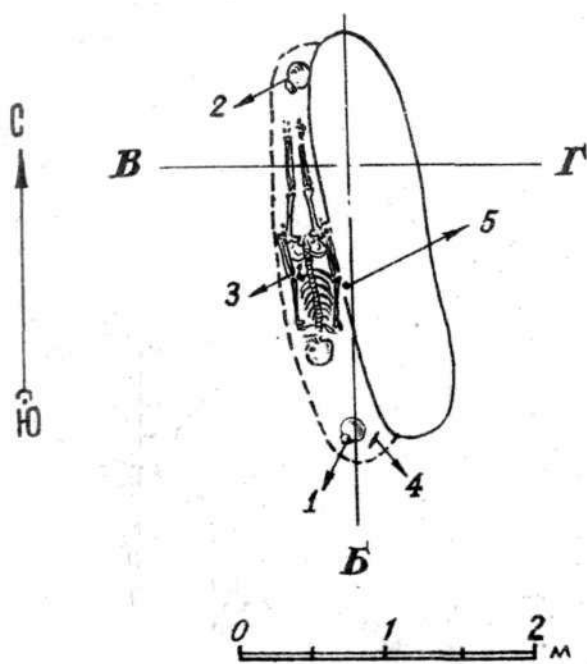
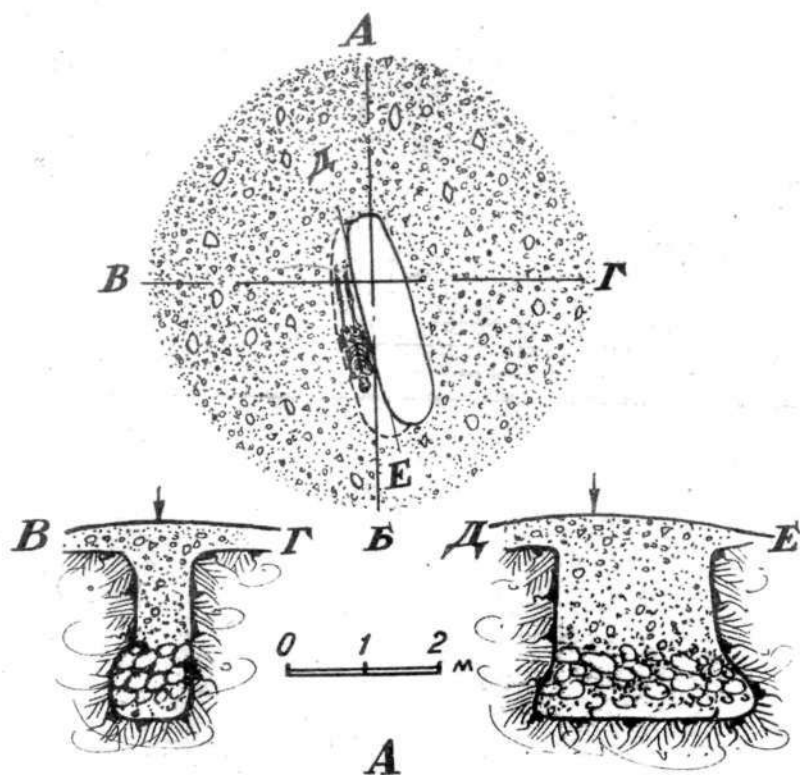

Табл. 53

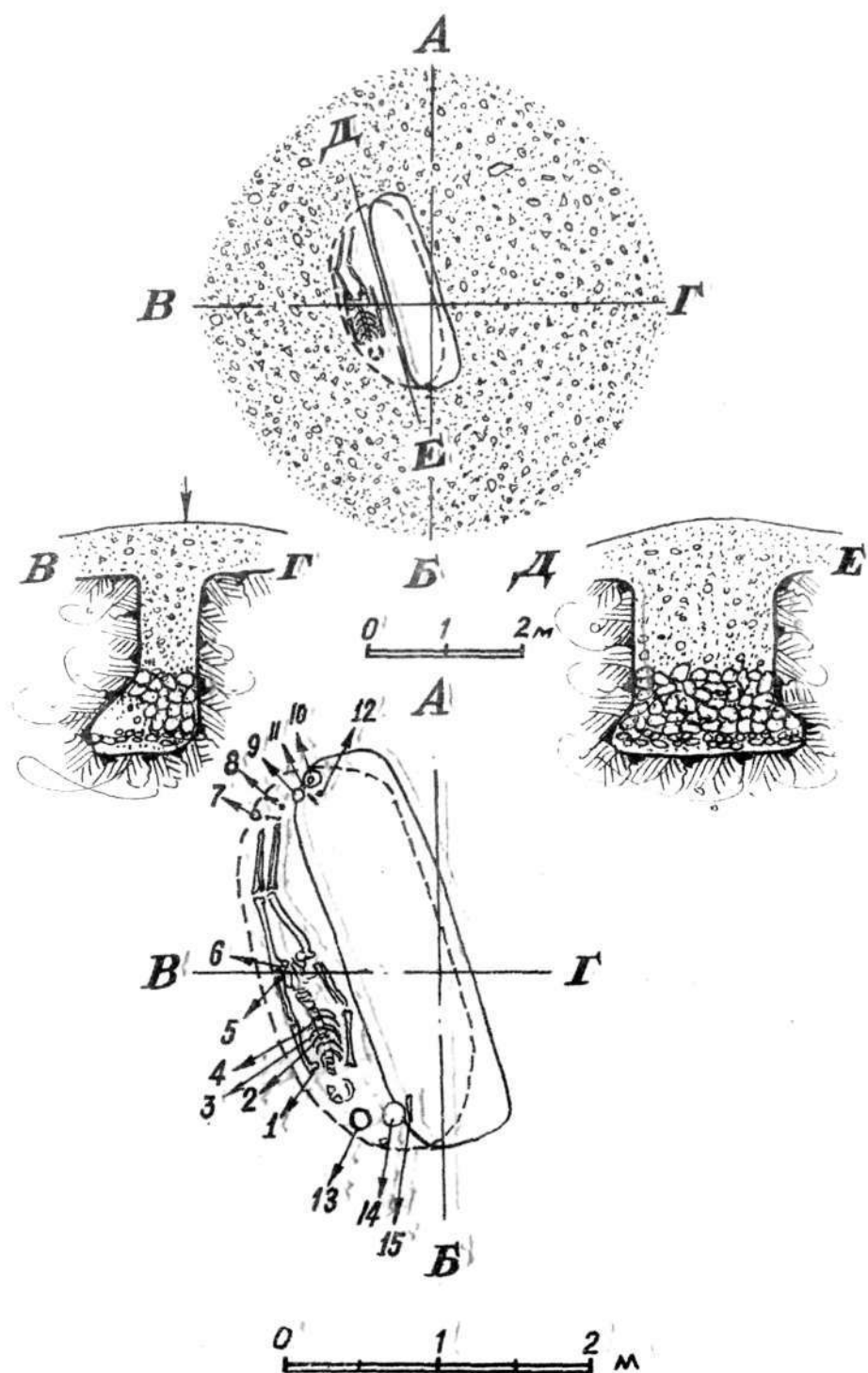

Табл. 54

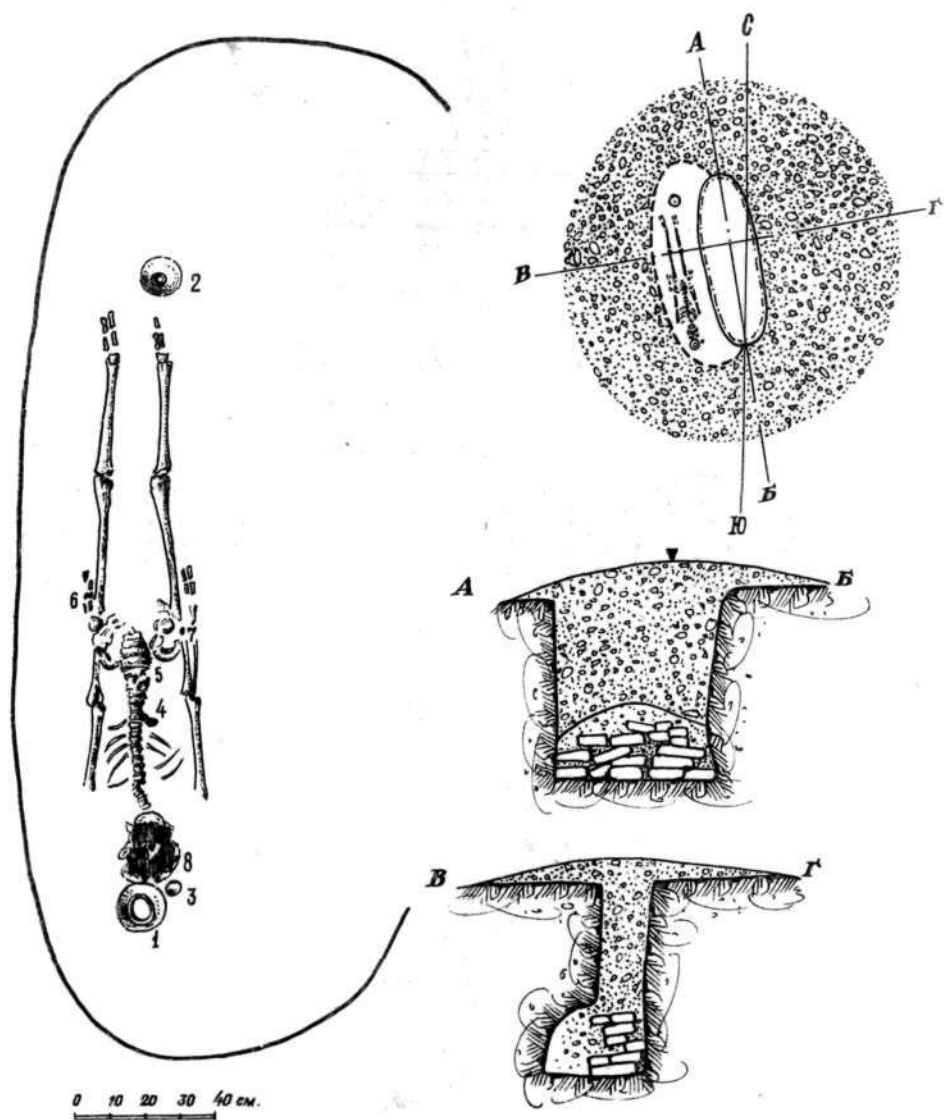

Табл. 55

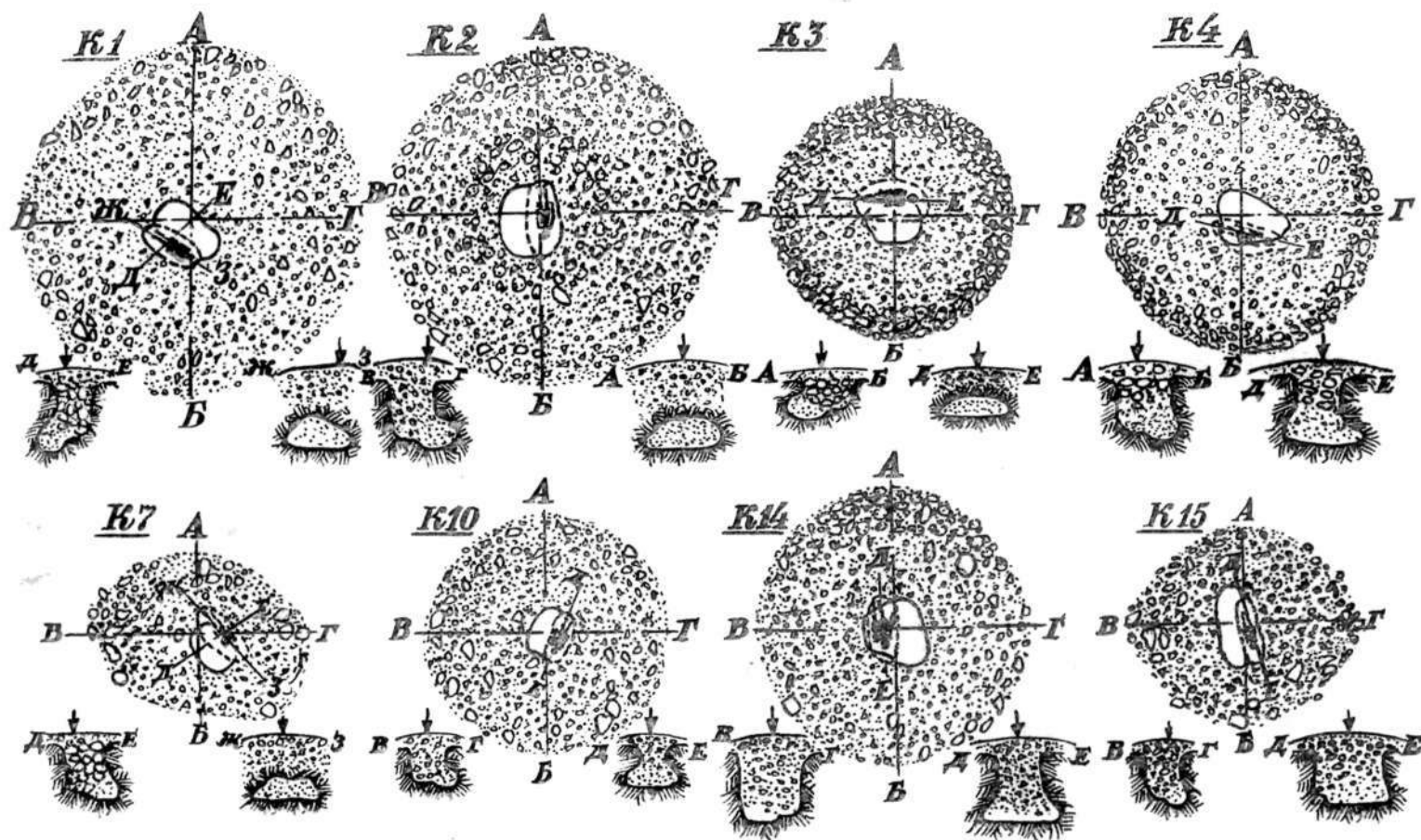

Табл. 56

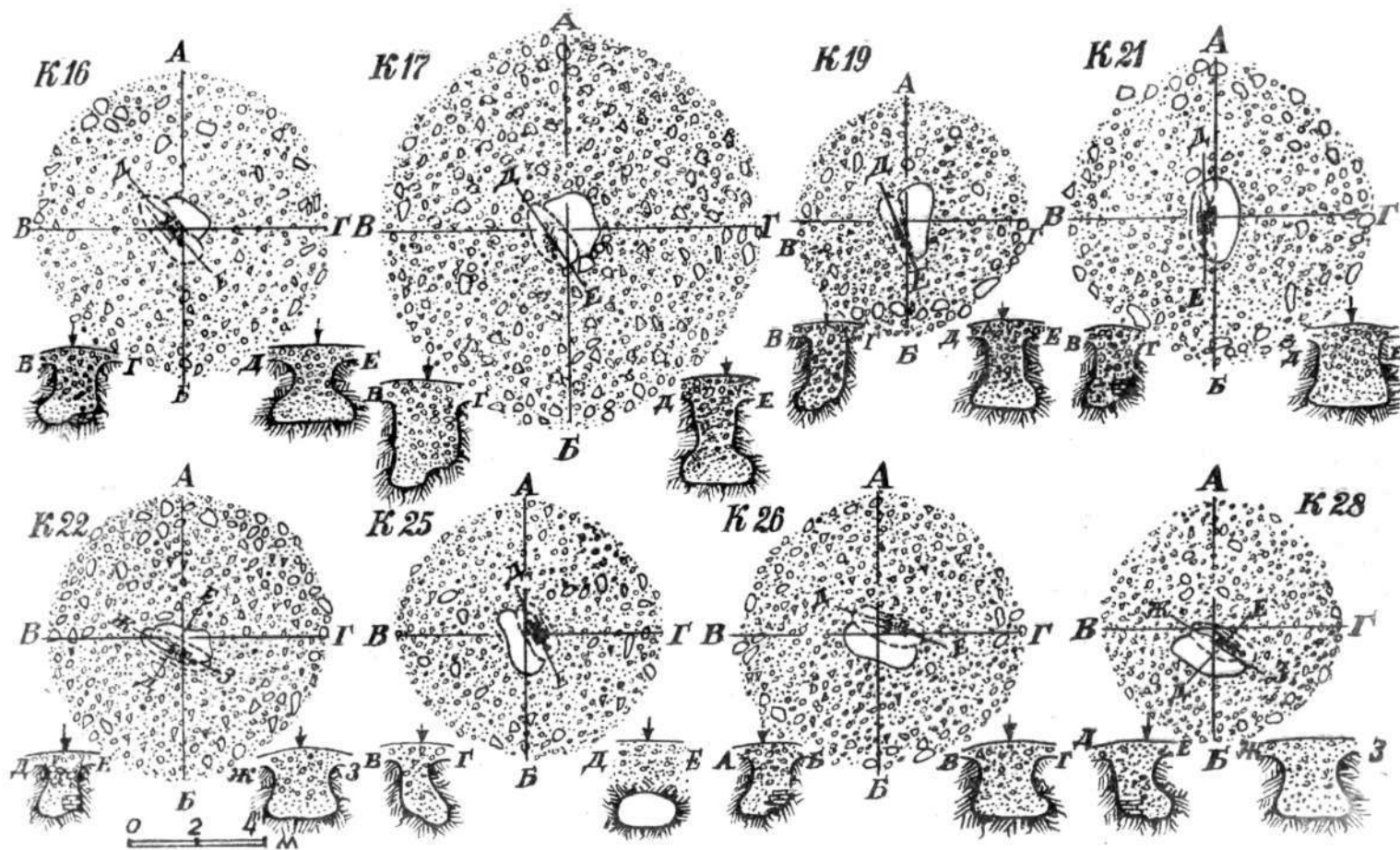

Табл. 57

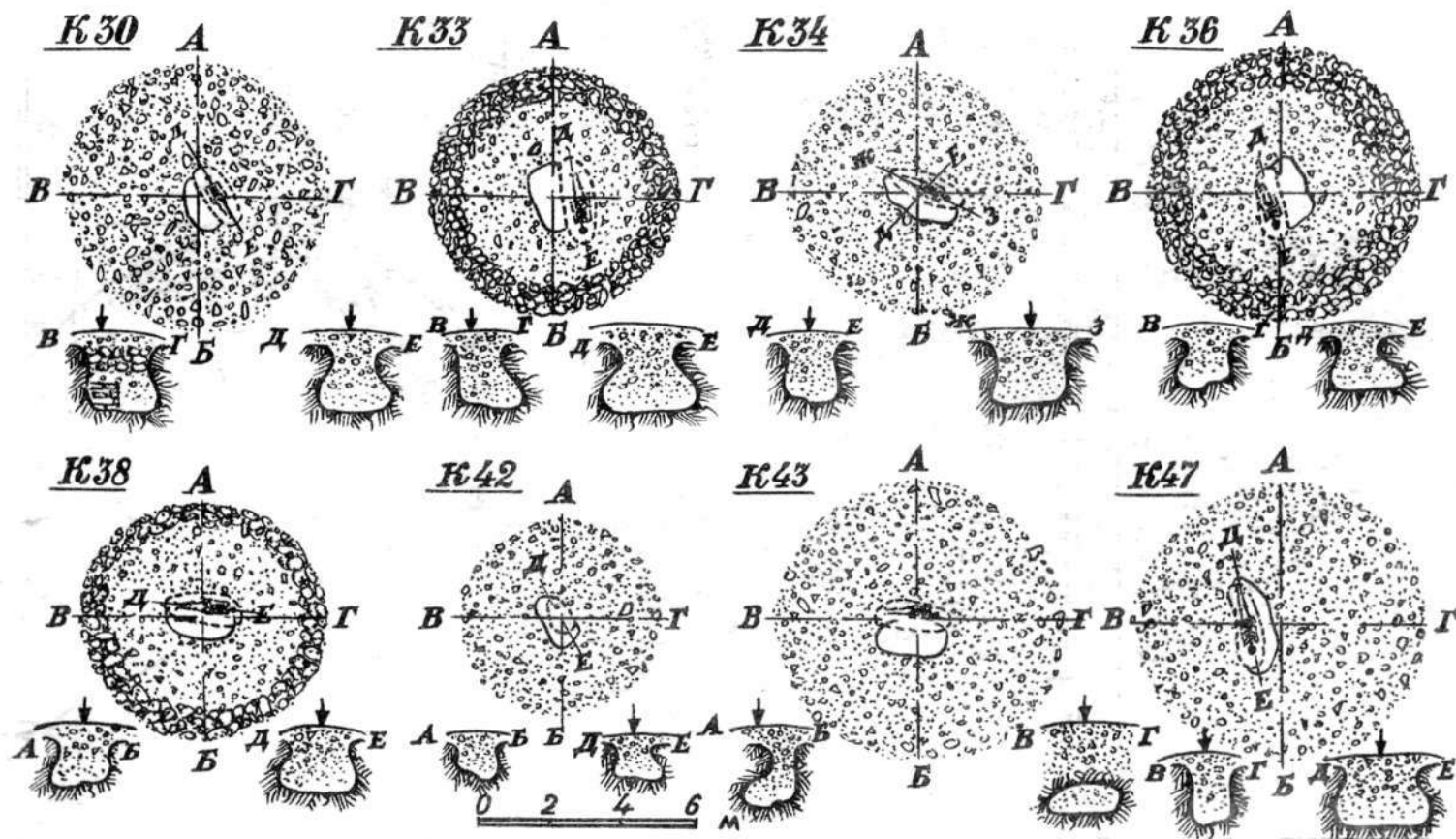

Табл. 58

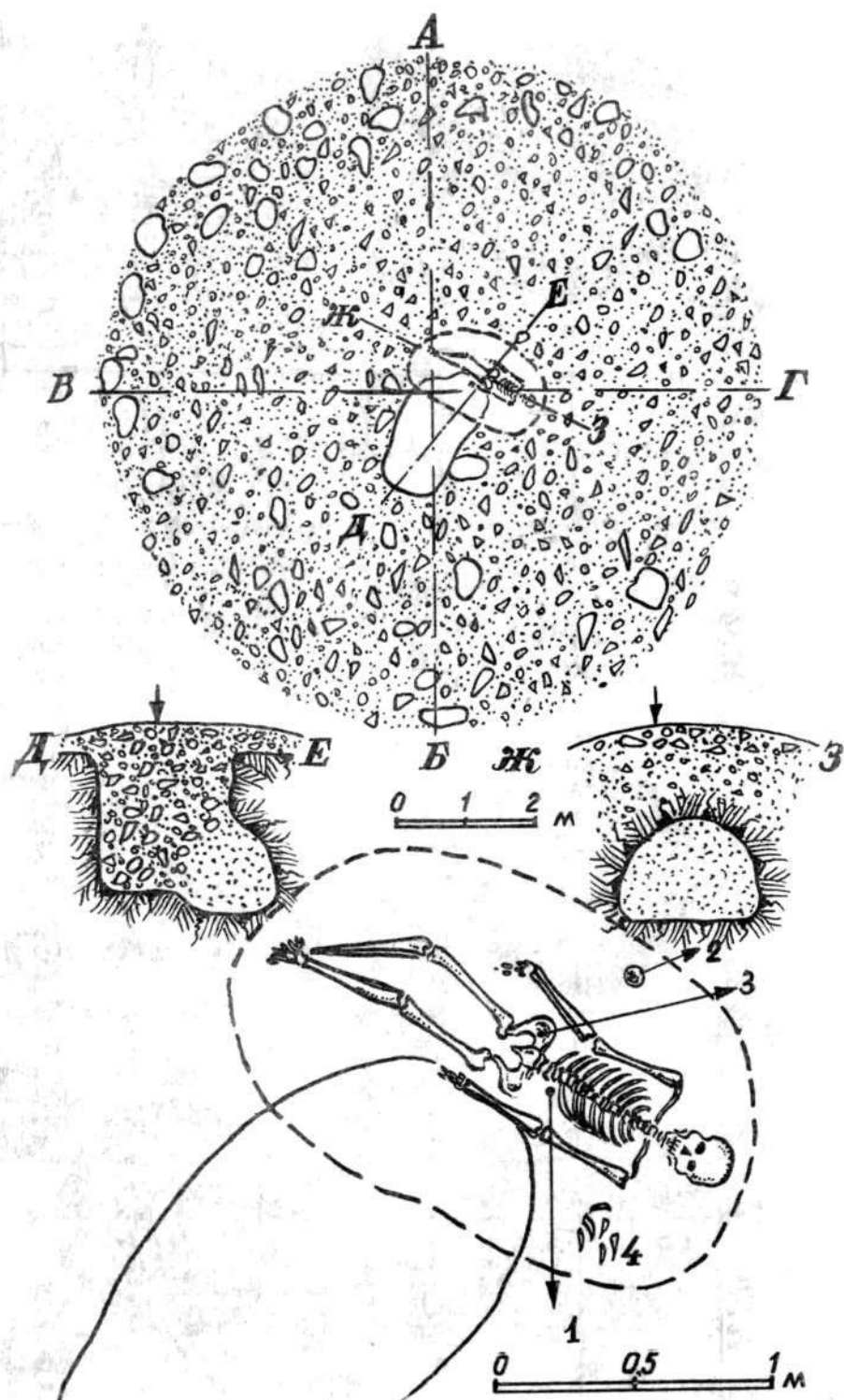

Табл. 59

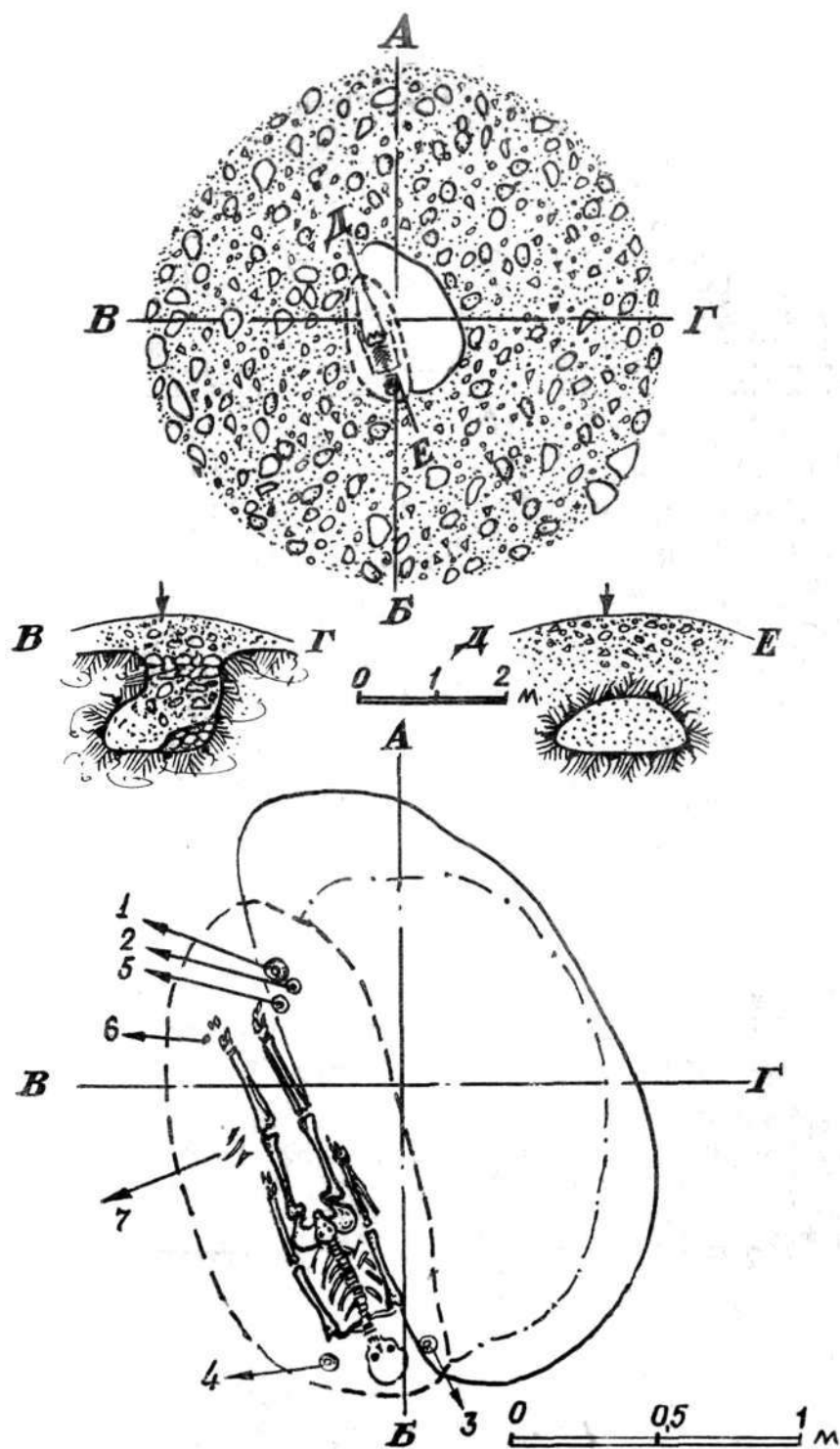

Табл. 60

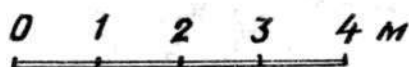
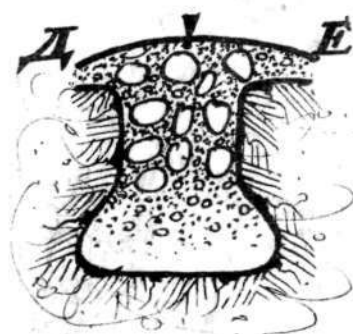
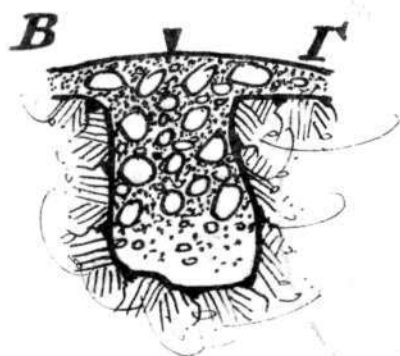
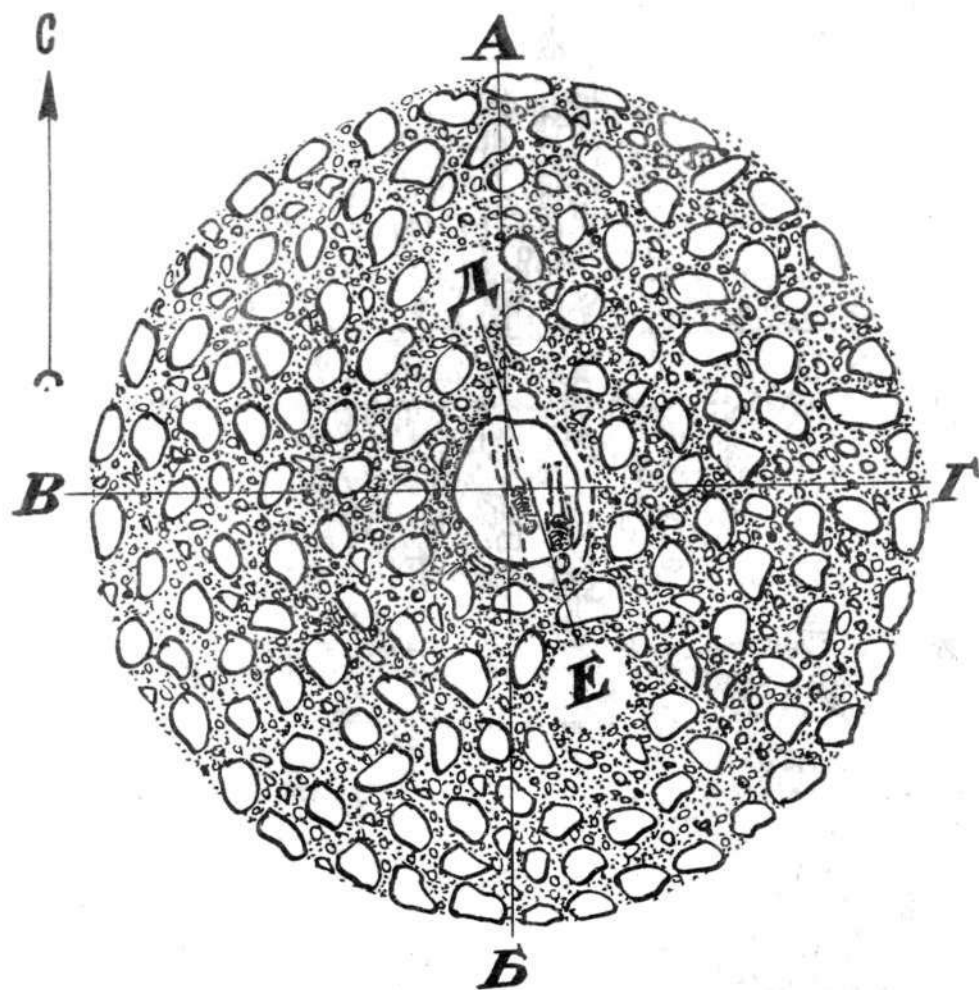
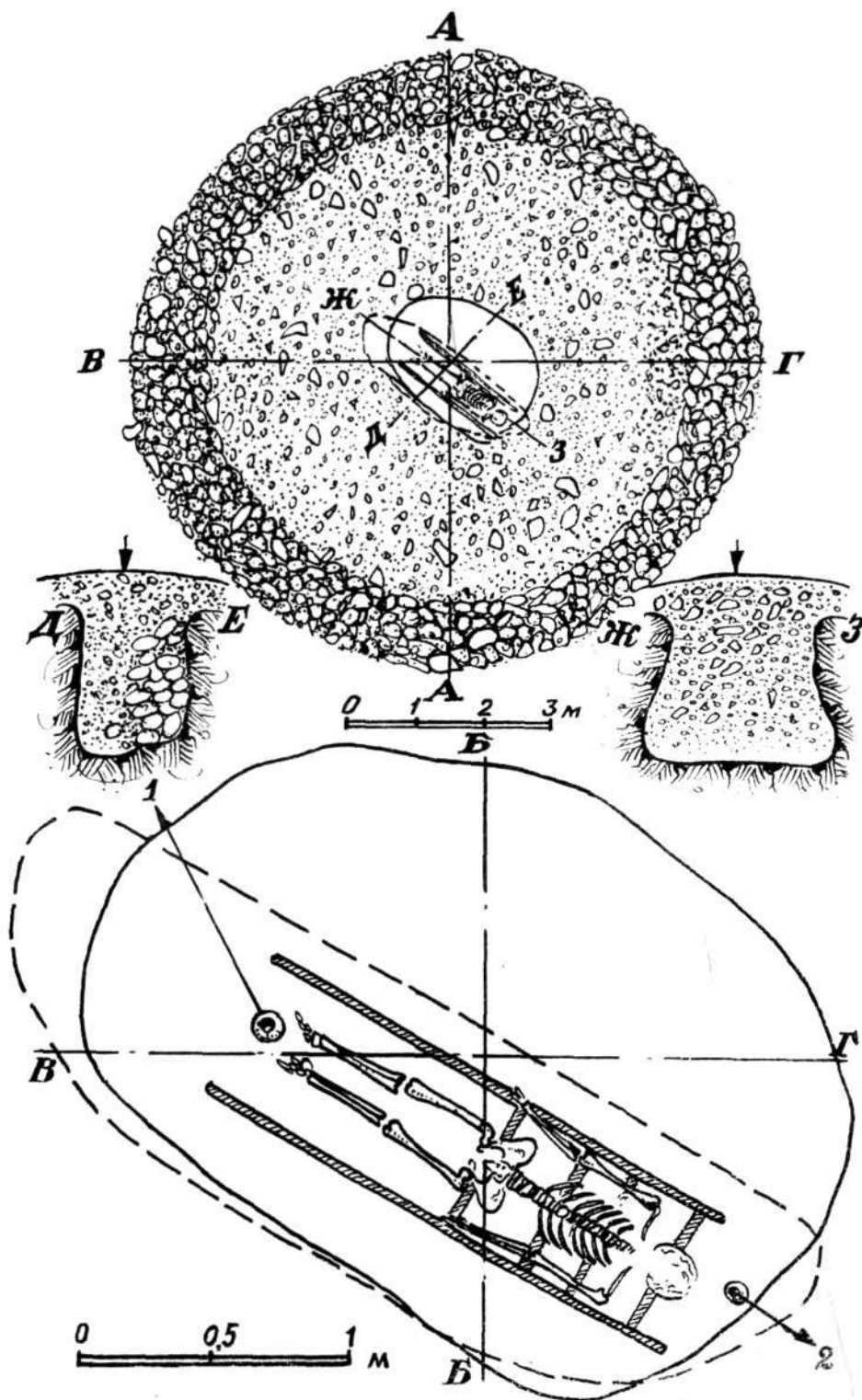
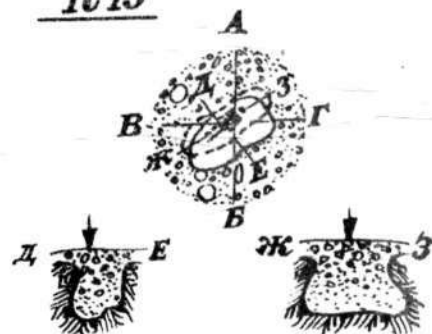

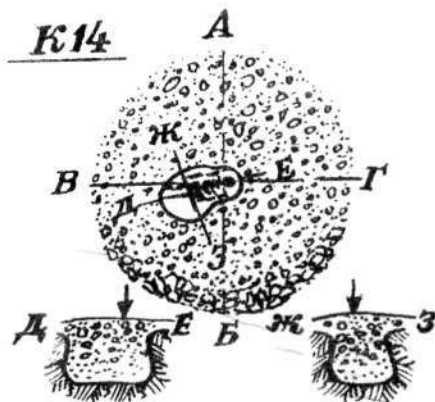
Табл. 61

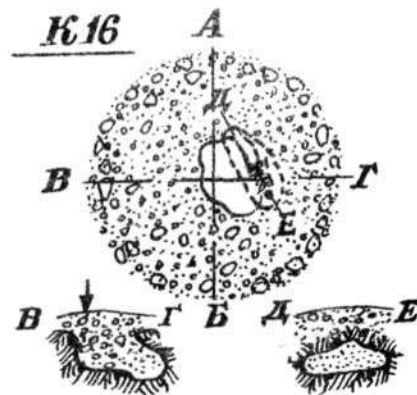
К13

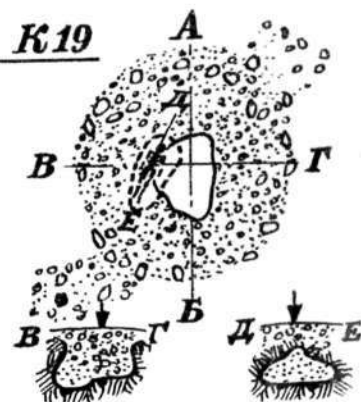
К14

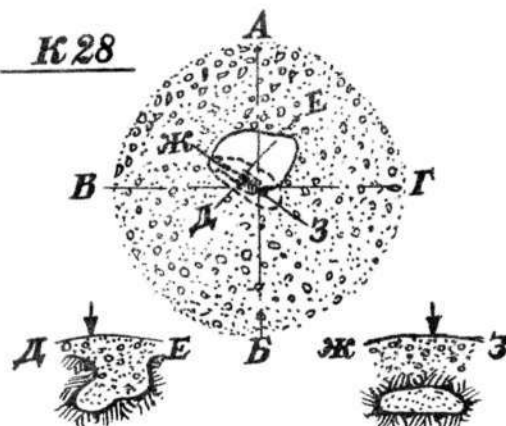
К16

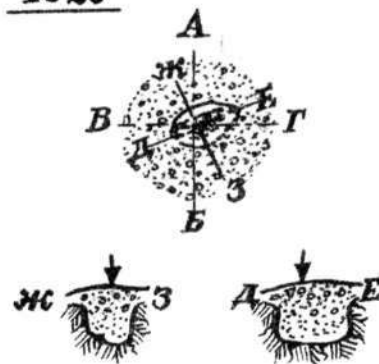
К19

К28

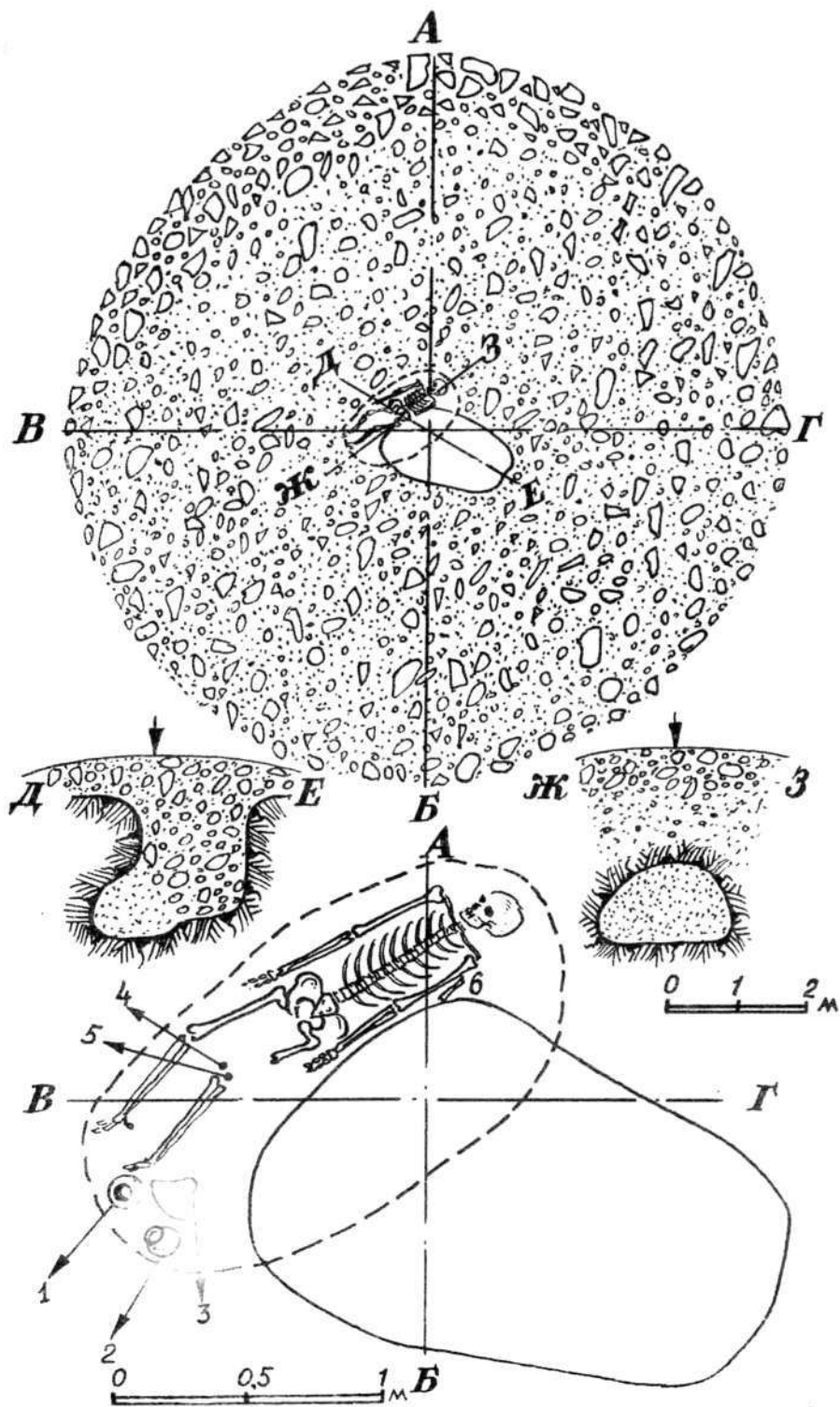

К29

0 2 4 6 м

Табл. 63

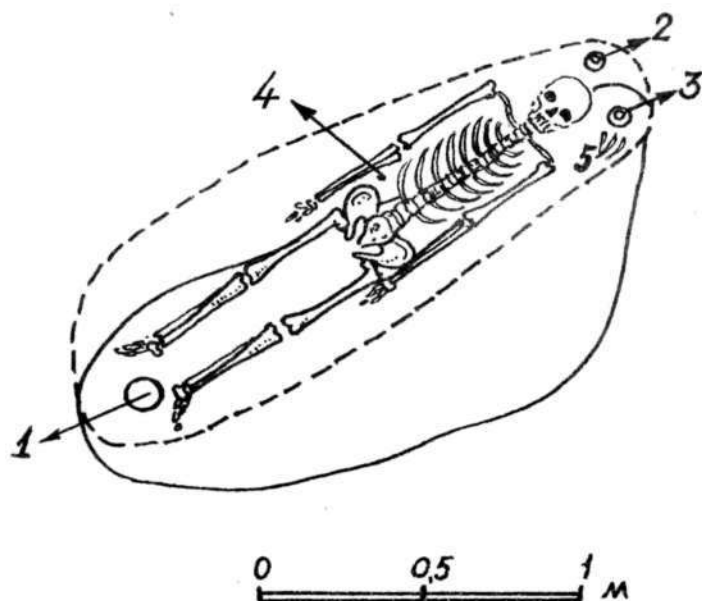
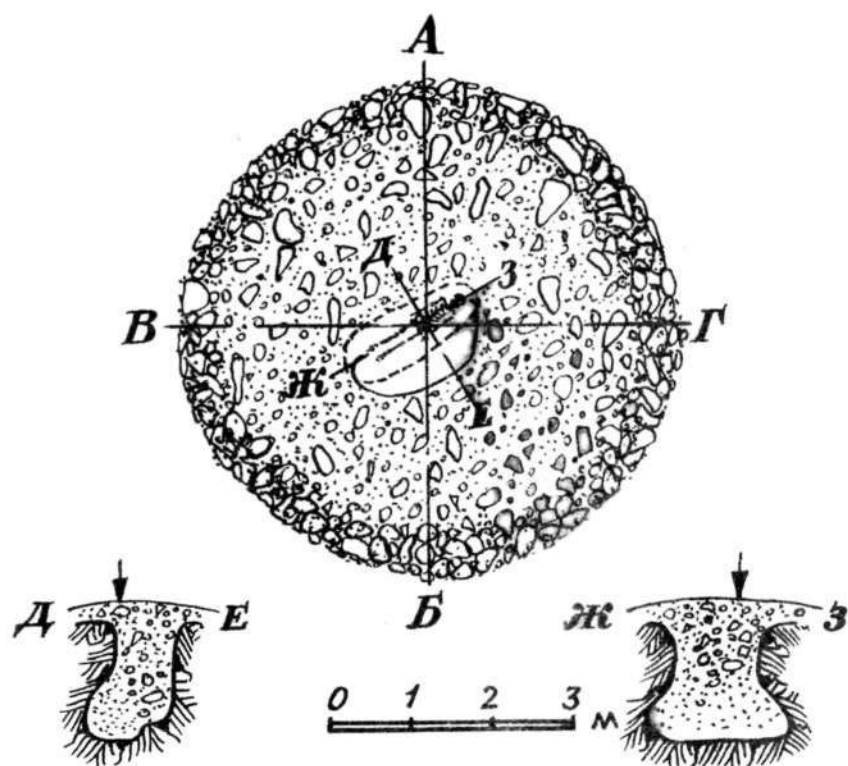
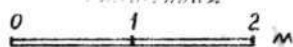
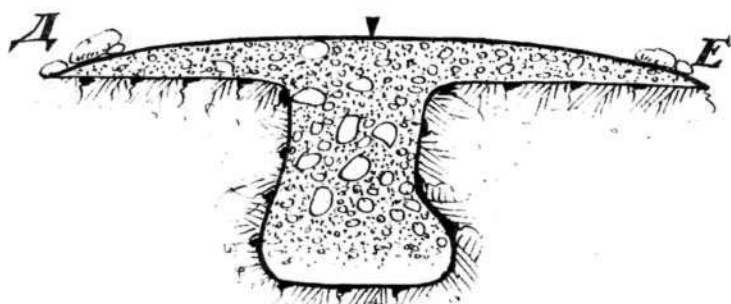
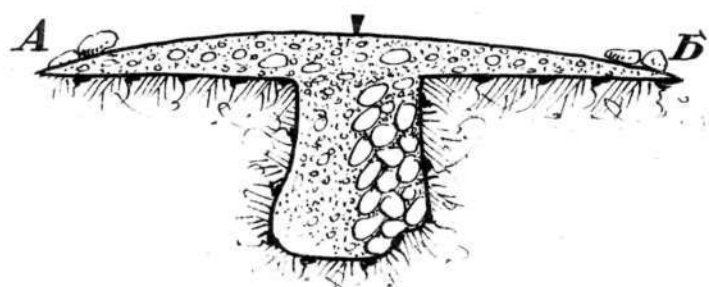
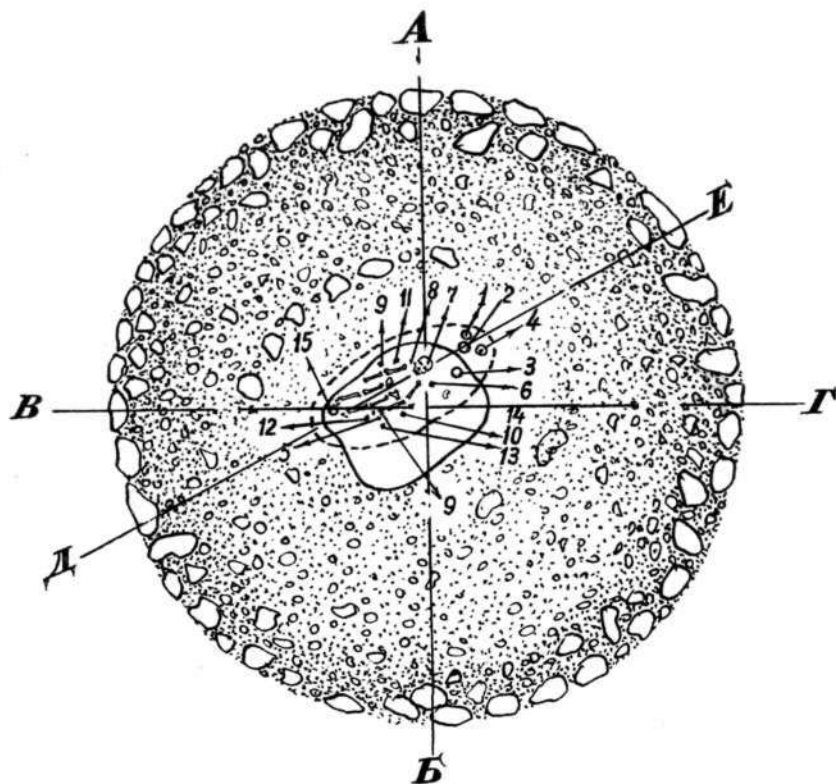
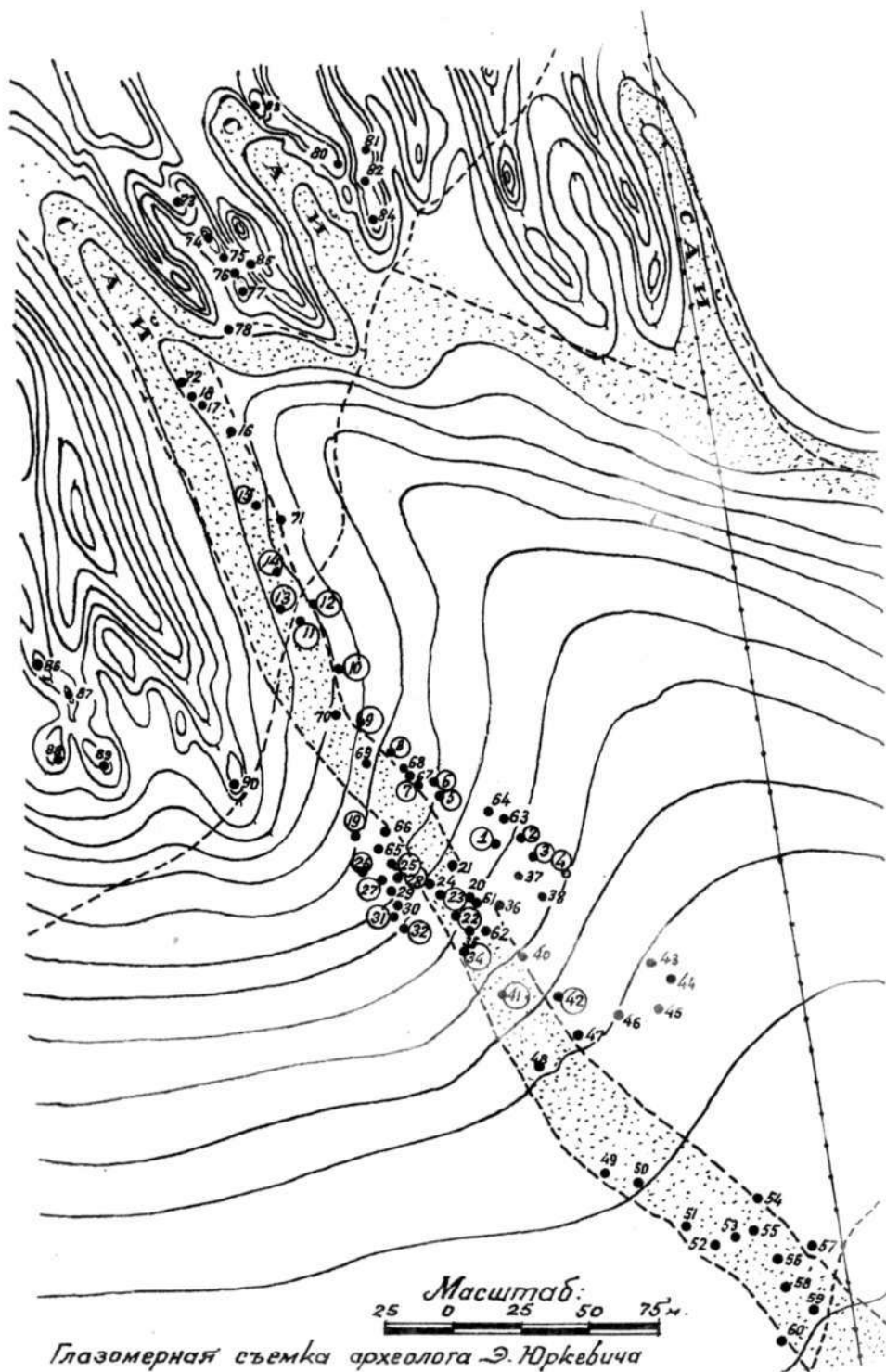

Табл. 65

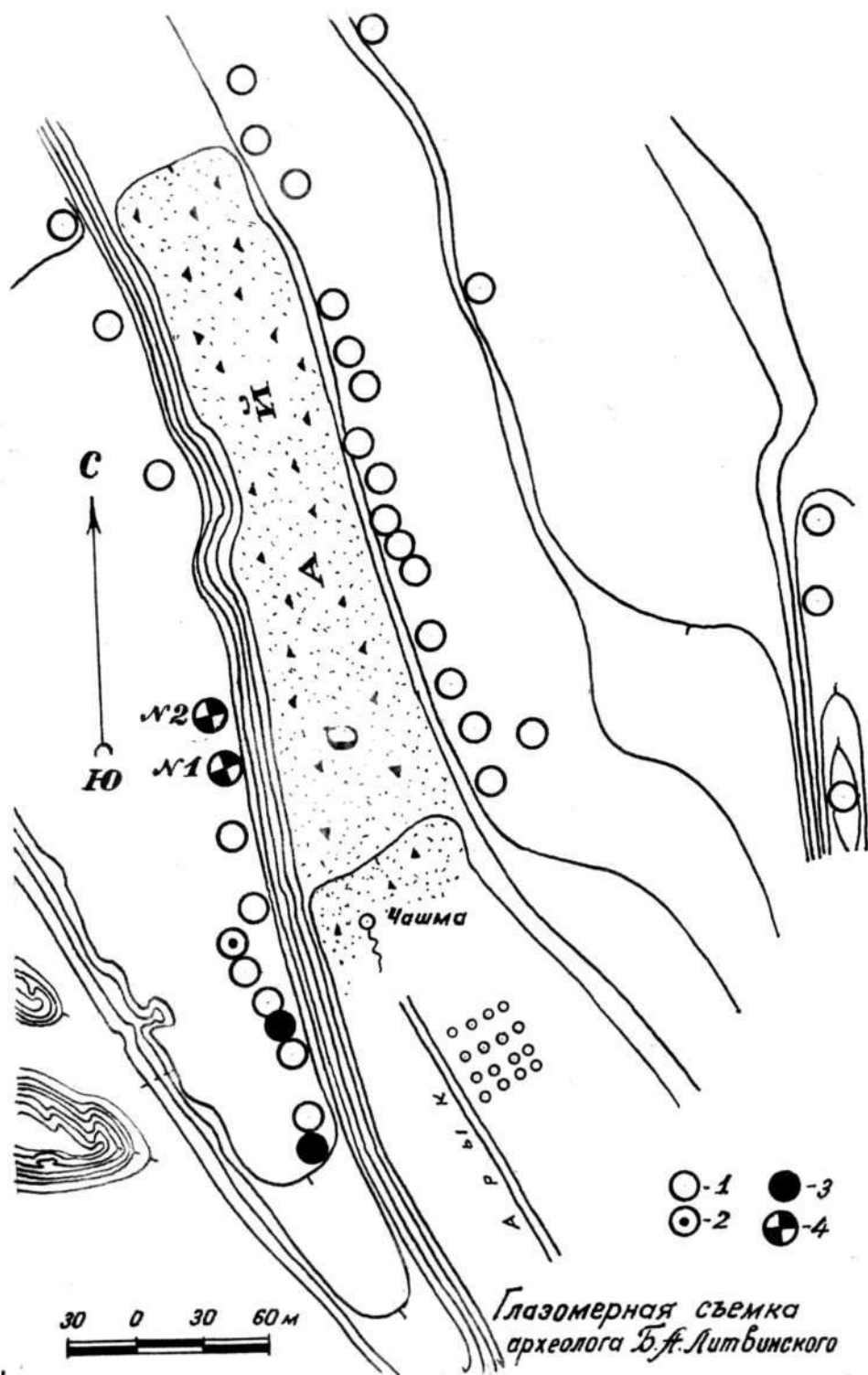

Масштаб:
25 0 25 50 75 м.

Глазомерная съемка археолога Э. Юркевича

Табл. 67

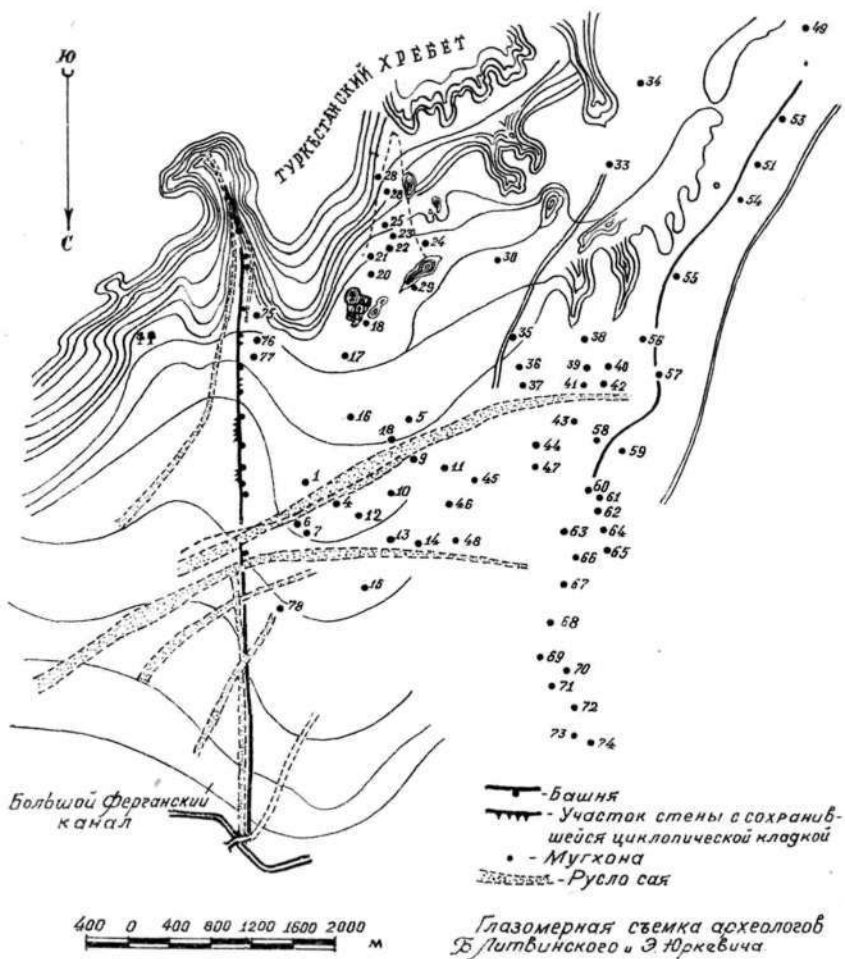

Табл. 69

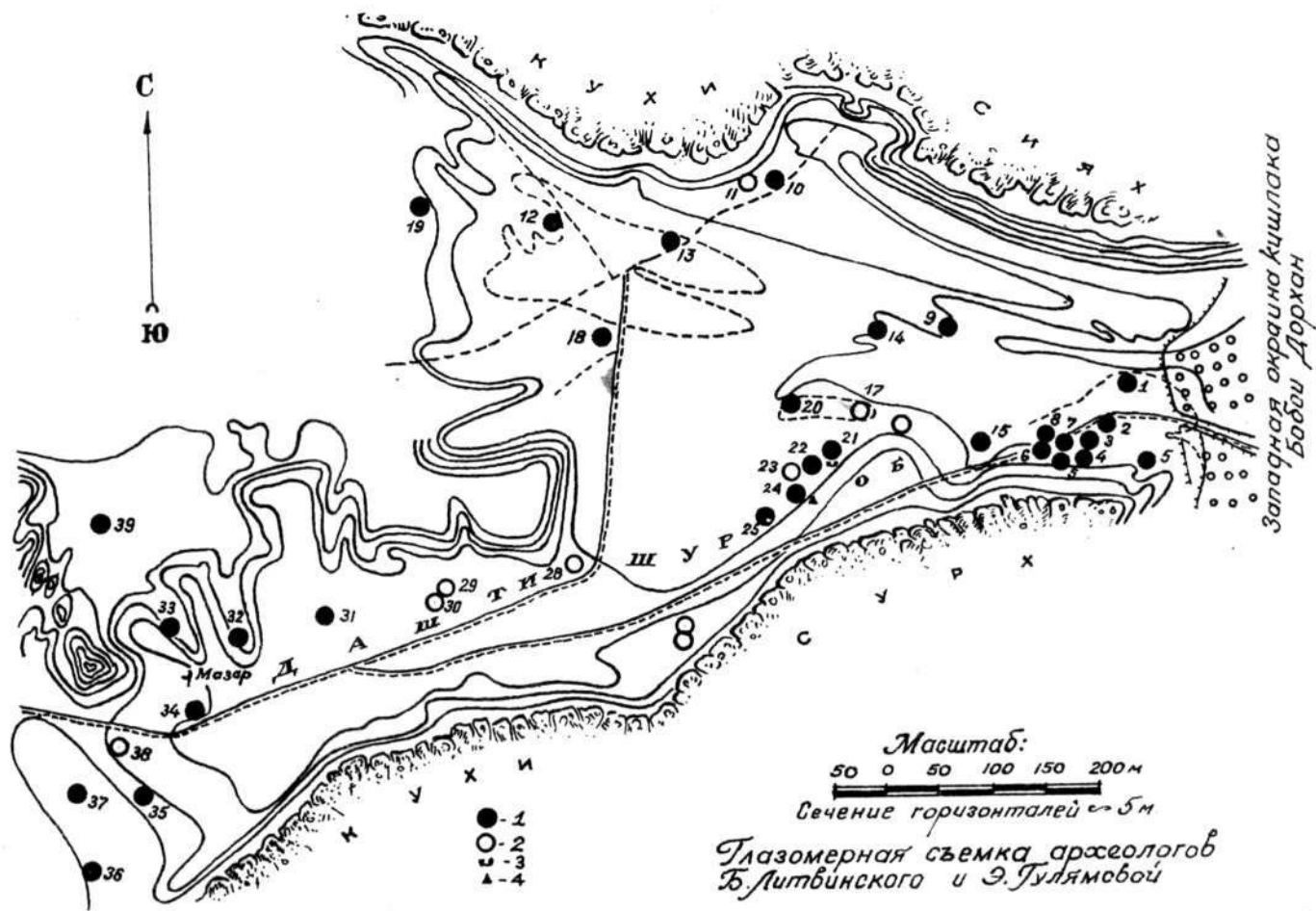

Табл. 70

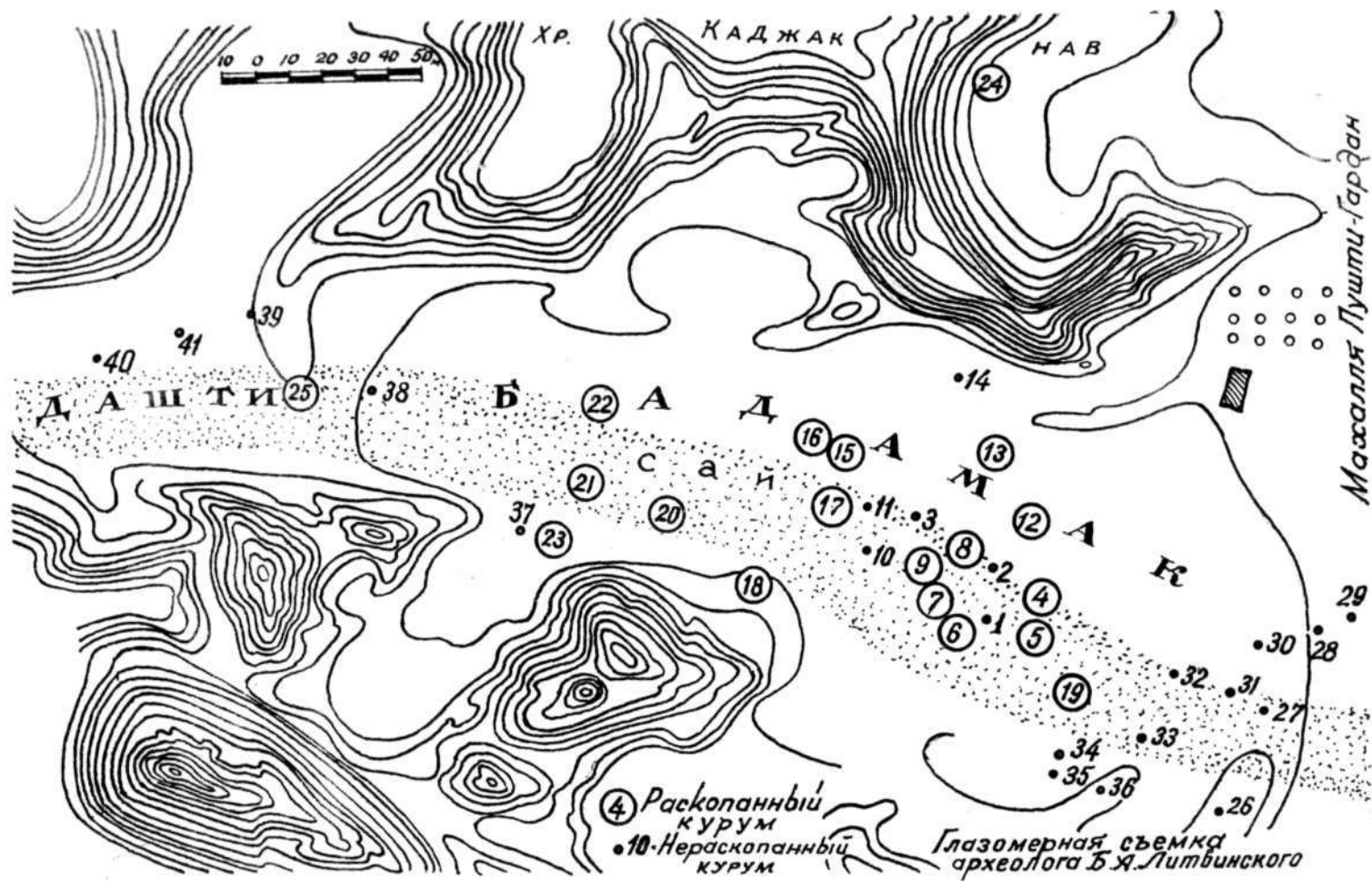

Табл. 71

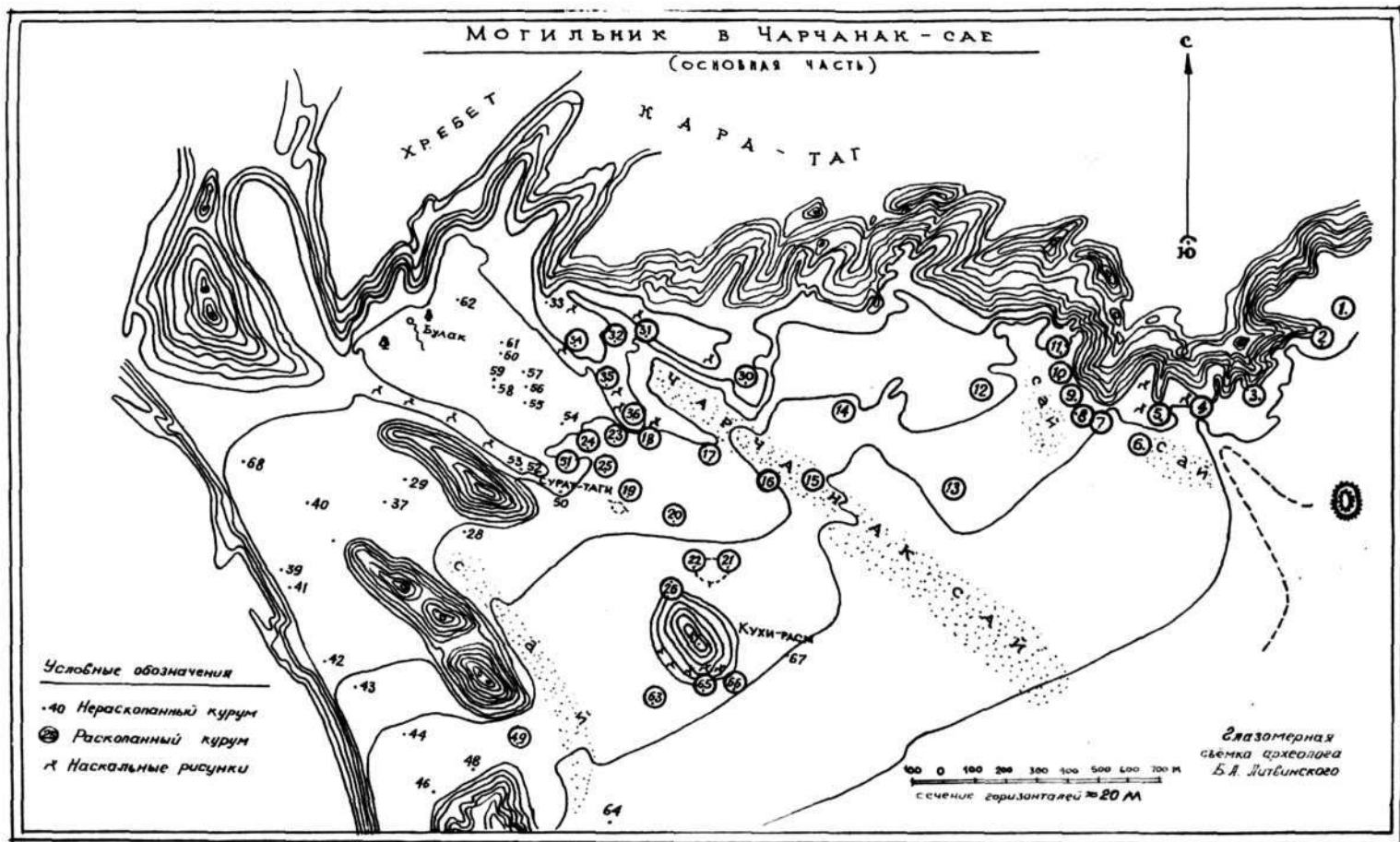
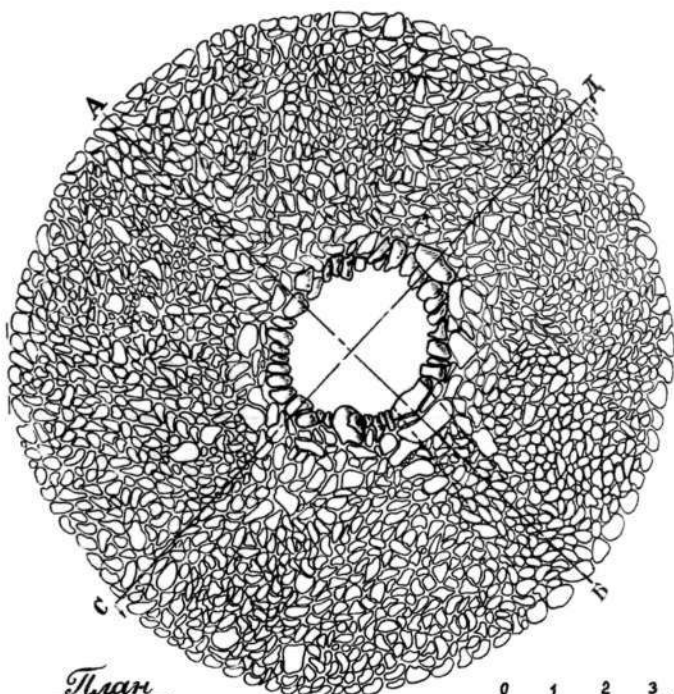

Табл. 71а

План

Разрез по С-Д

0 1 2 3 м

Разрез по А-Б

Табл. 72

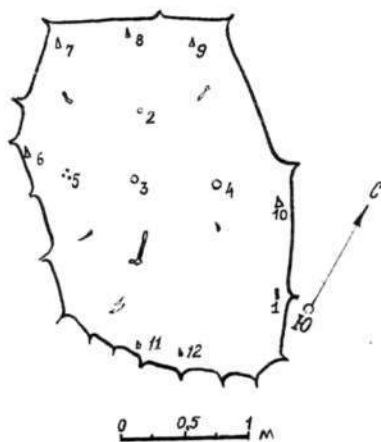
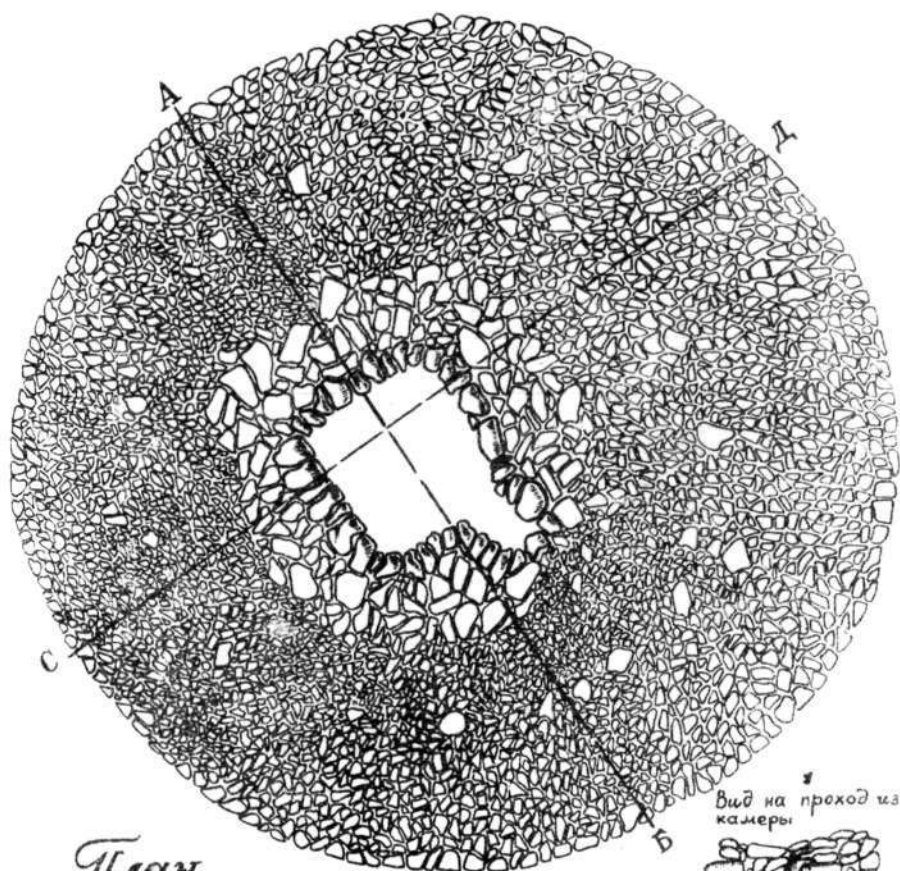

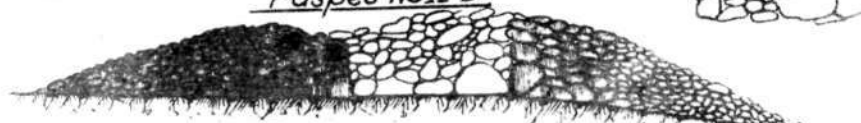
Табл. 73

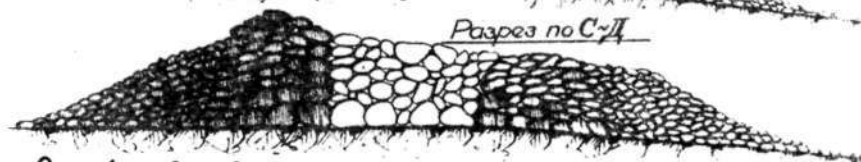
План

Разрез по А-Б

Вид на проход из
камеры

Разрез по С-Д

0 1 2 3 м

Табл. 74

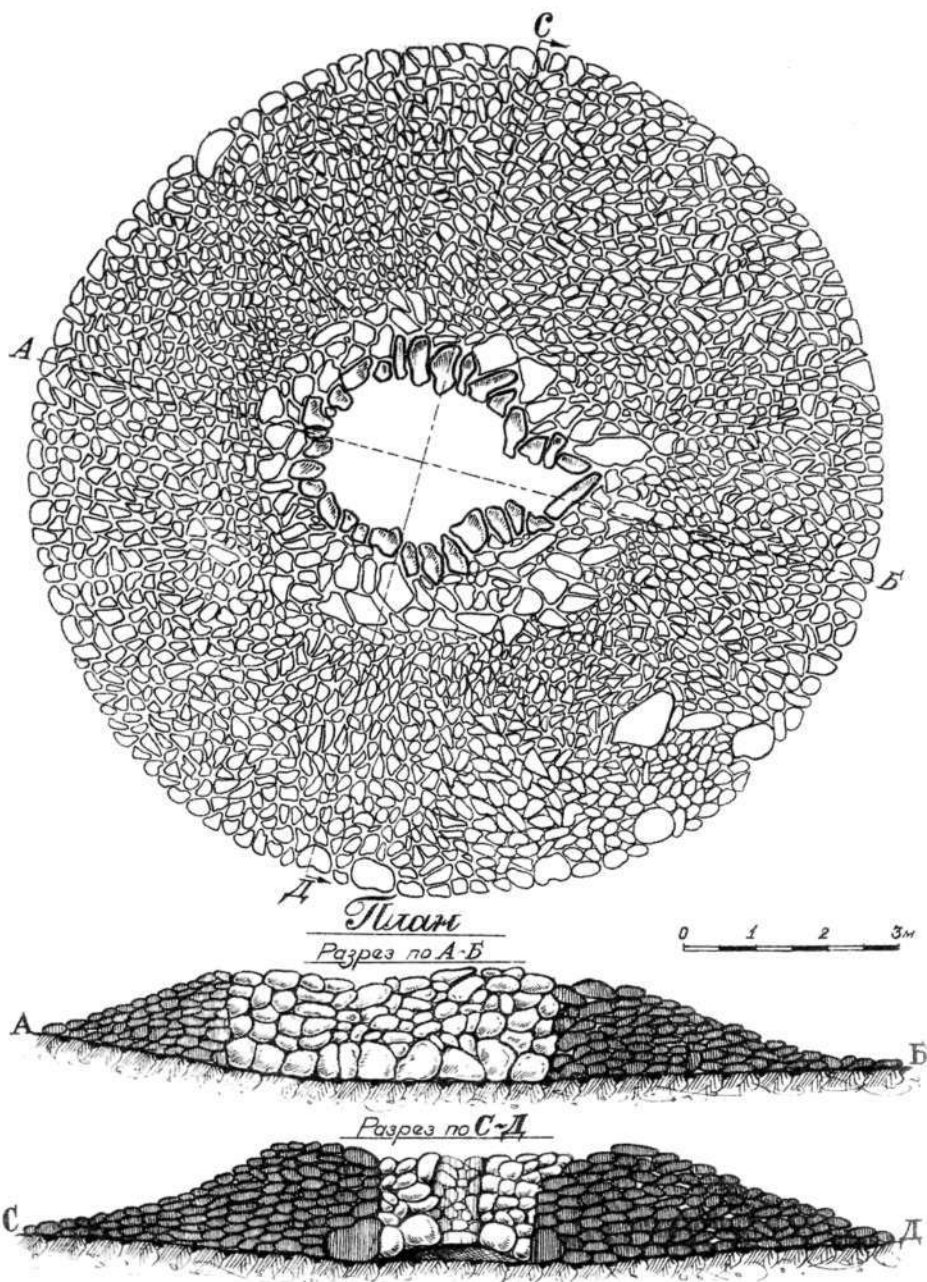
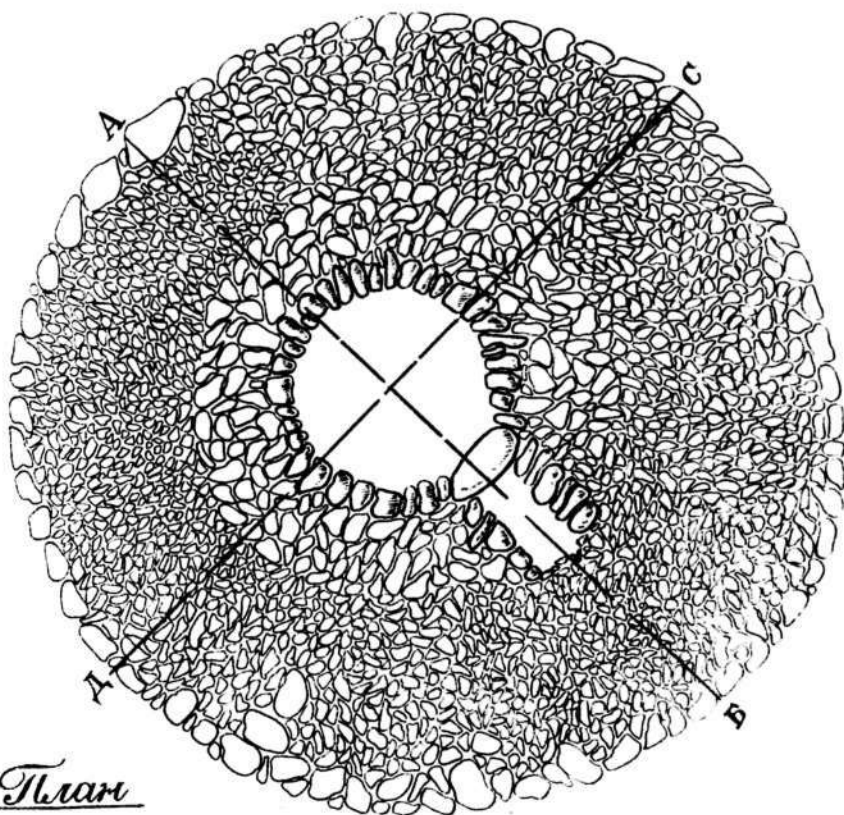
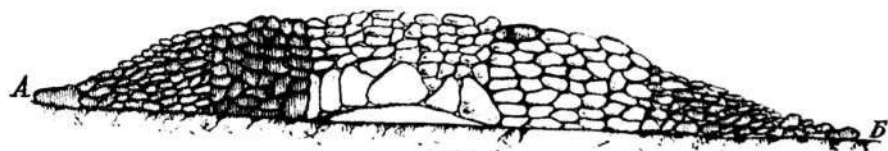

Табл. 75

План

Разрез по А-Б

Разрез по С-Д

0 1 2 3 м

Табл. 76

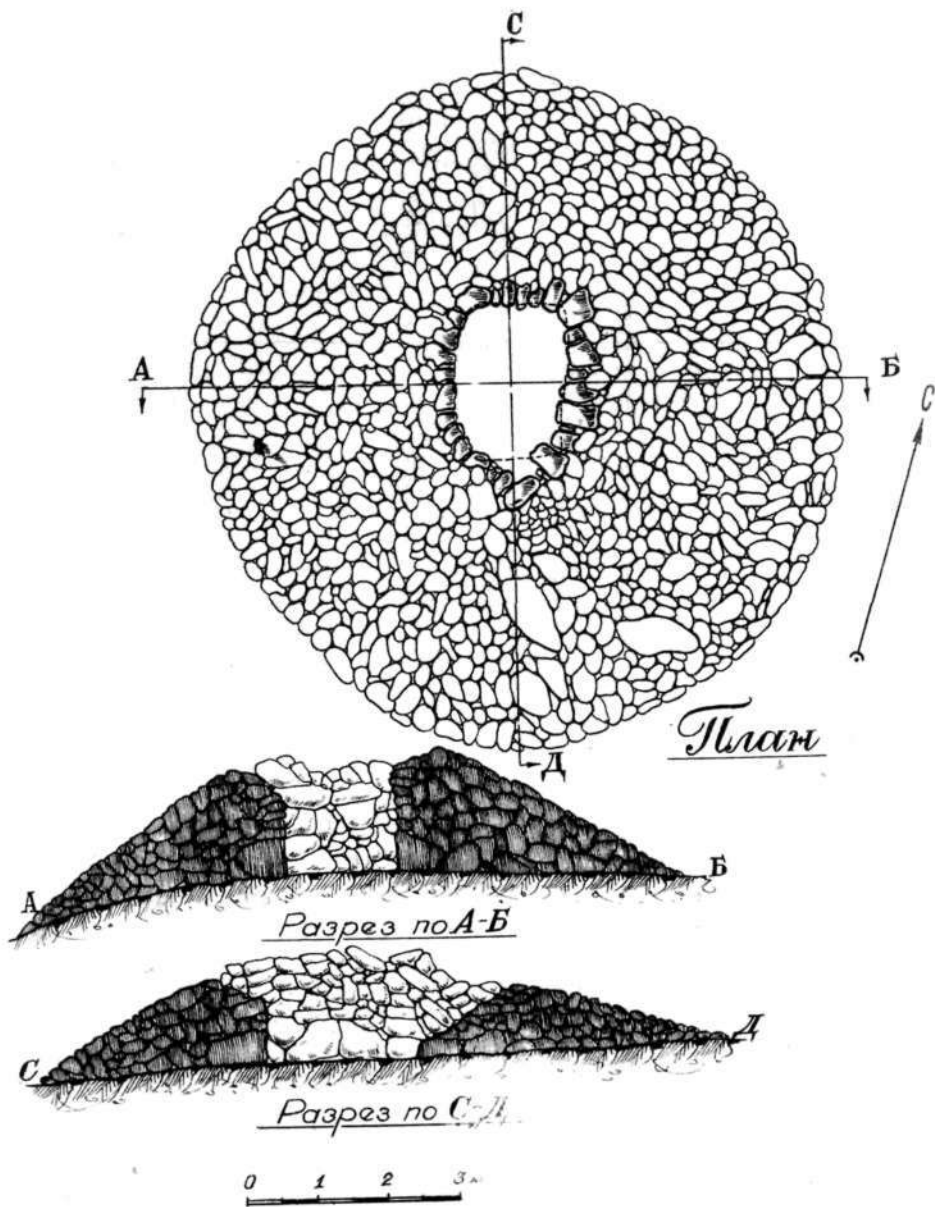

Табл. 77

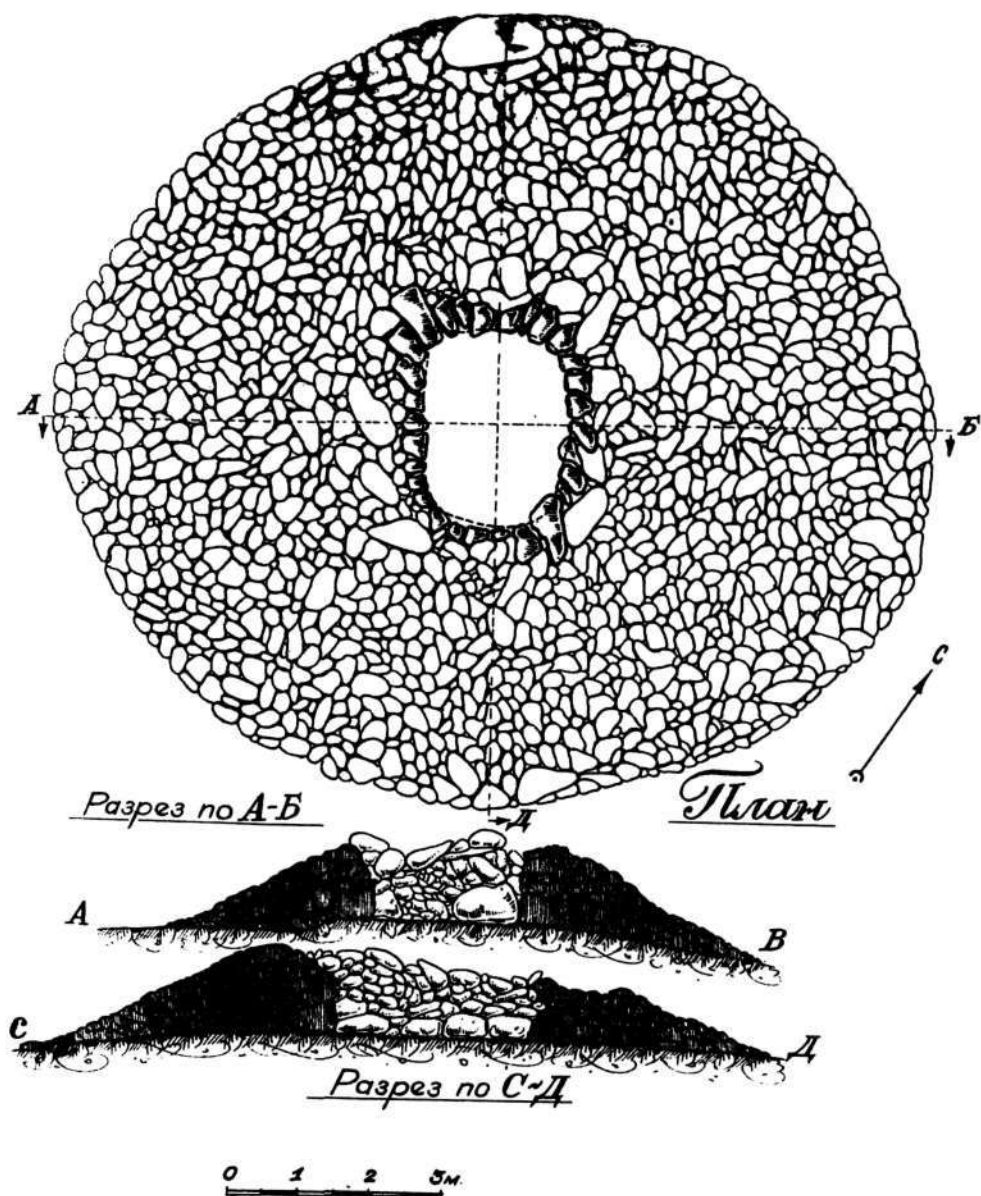
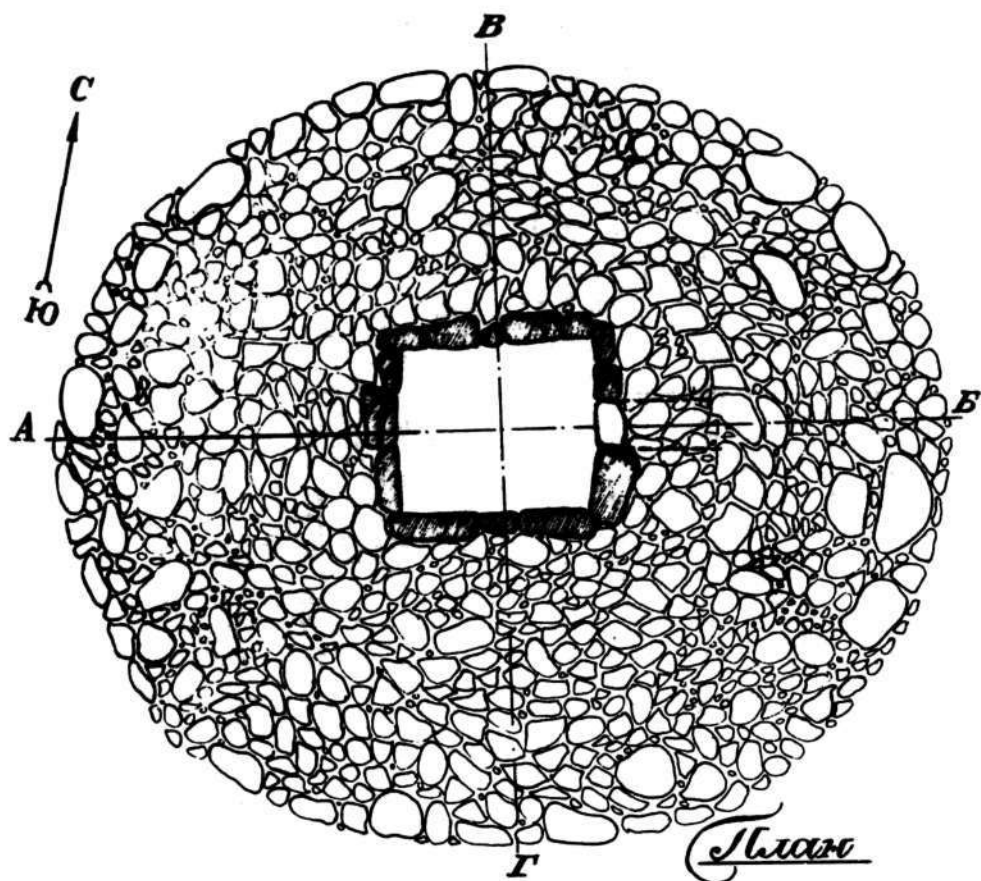
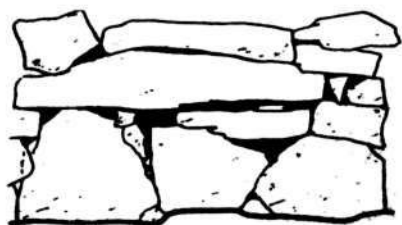

Табл. 78

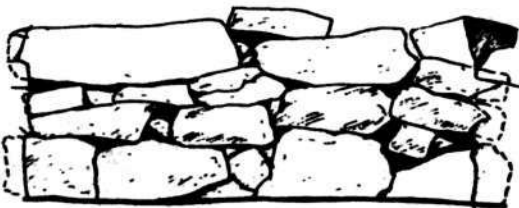

0 1 2 3 м

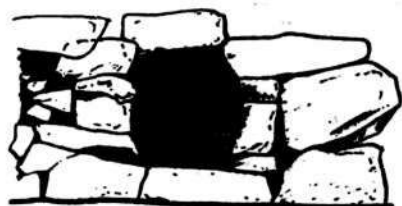
Табл. 79

Западная стена

Северная стена

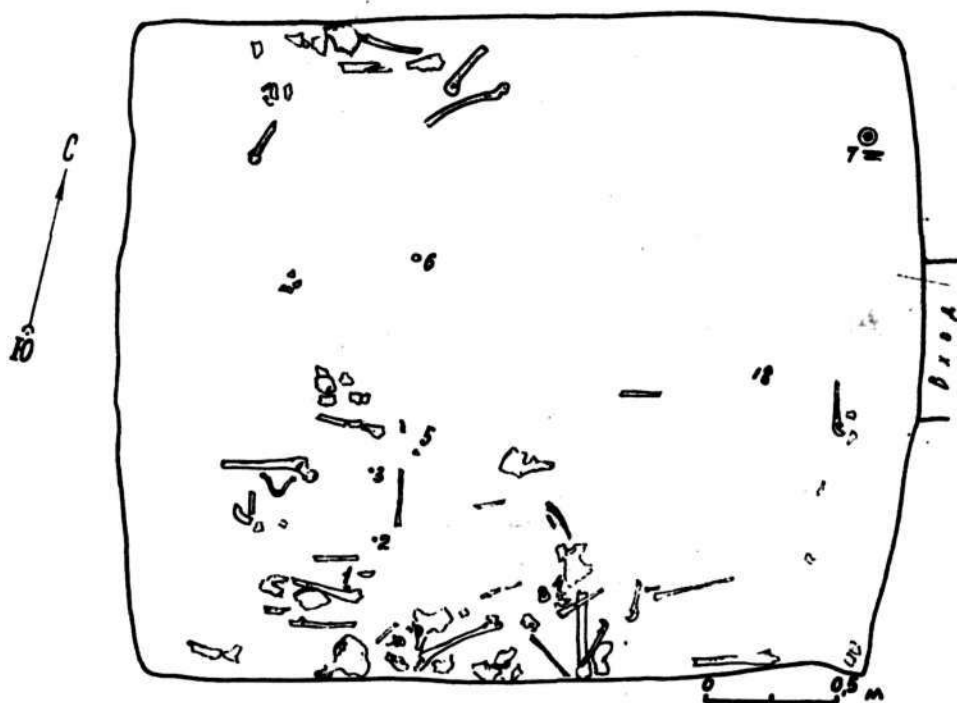

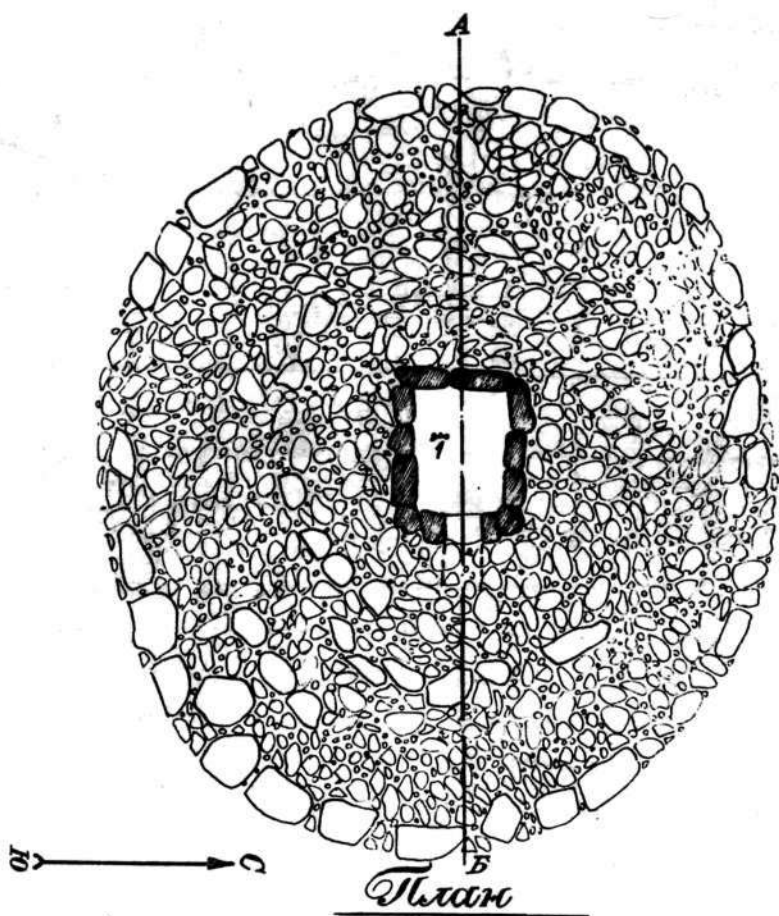
Восточная стена

Южная стена

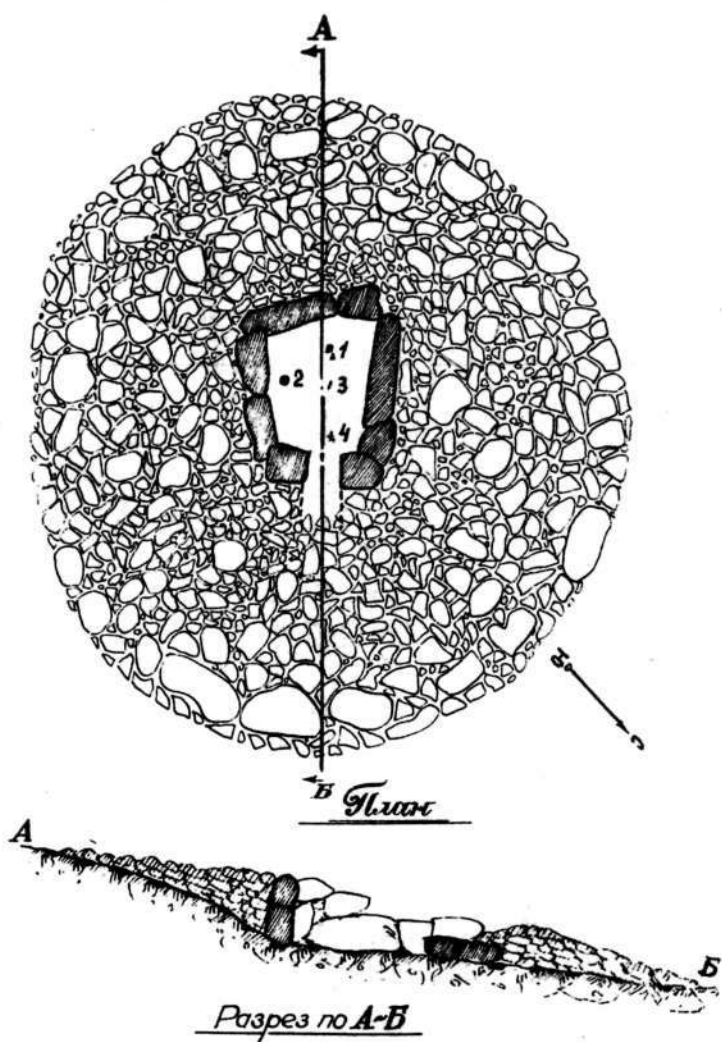
Табл. 80

0 1 2 м

Табл. 82

0 1 2 3 м

Табл. 83

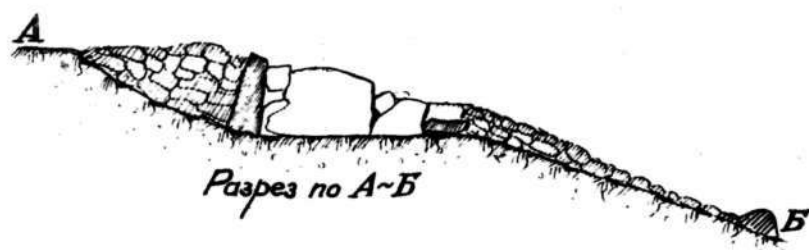
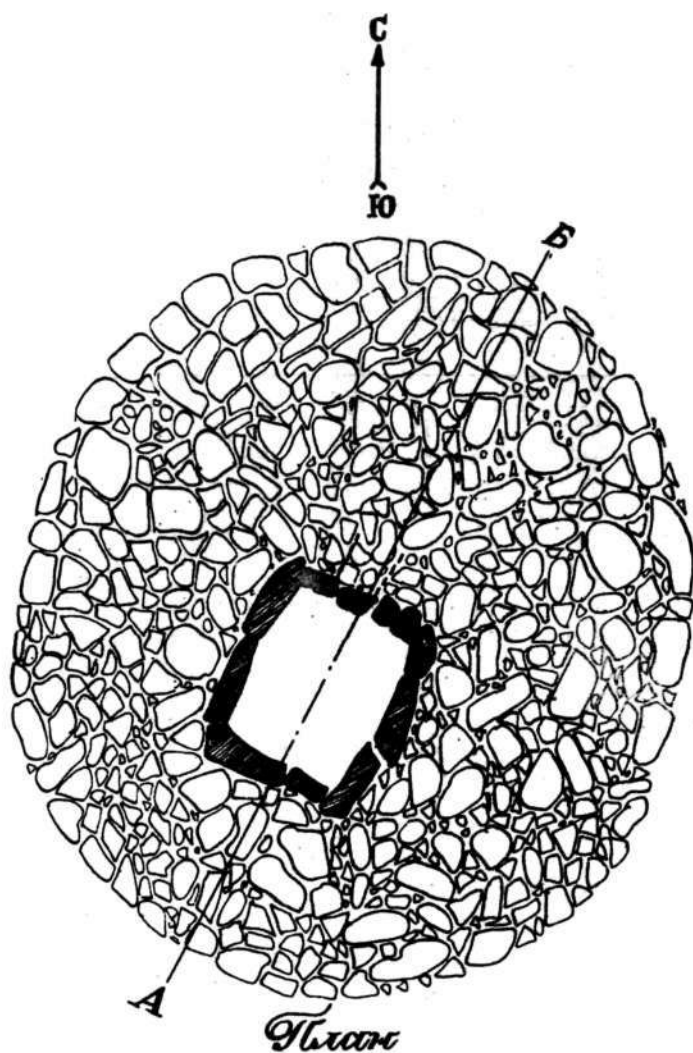

Табл. 84

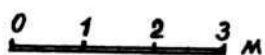
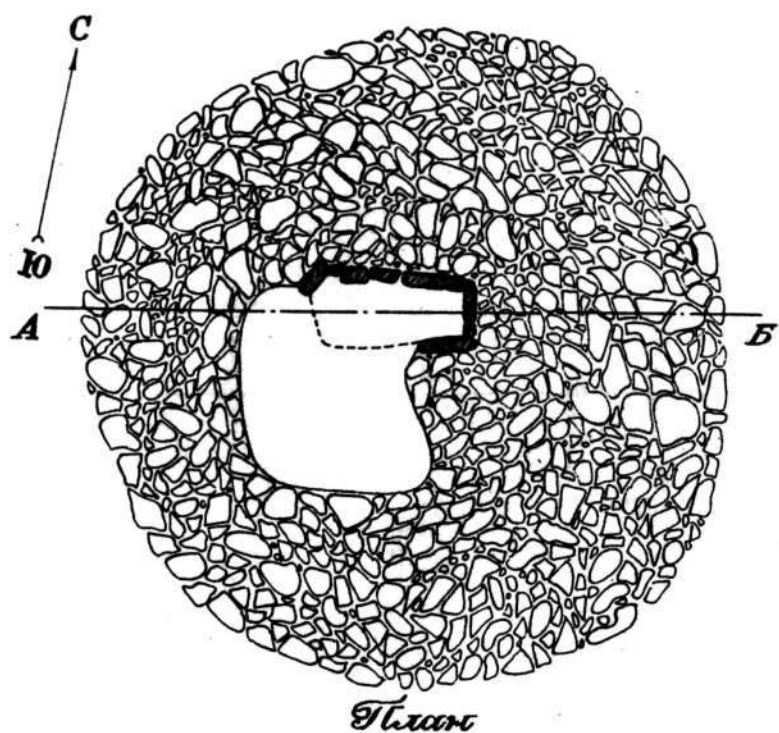

Табл. 85

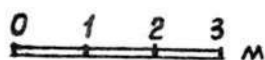
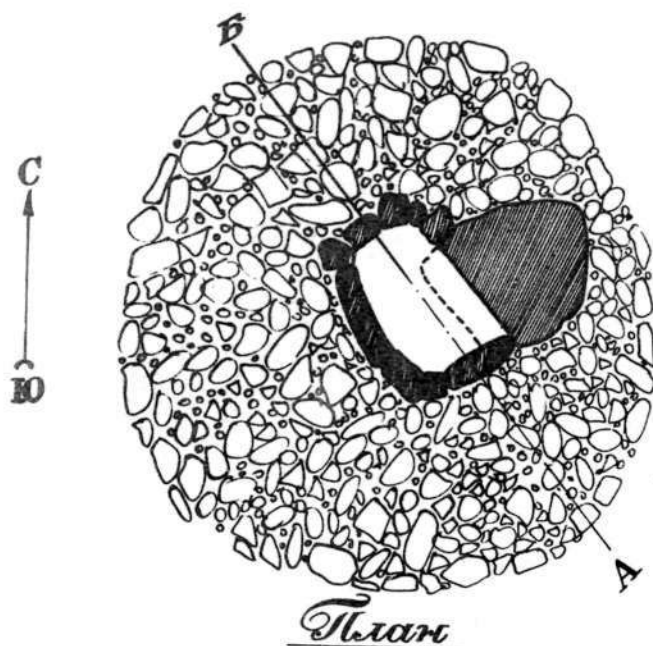
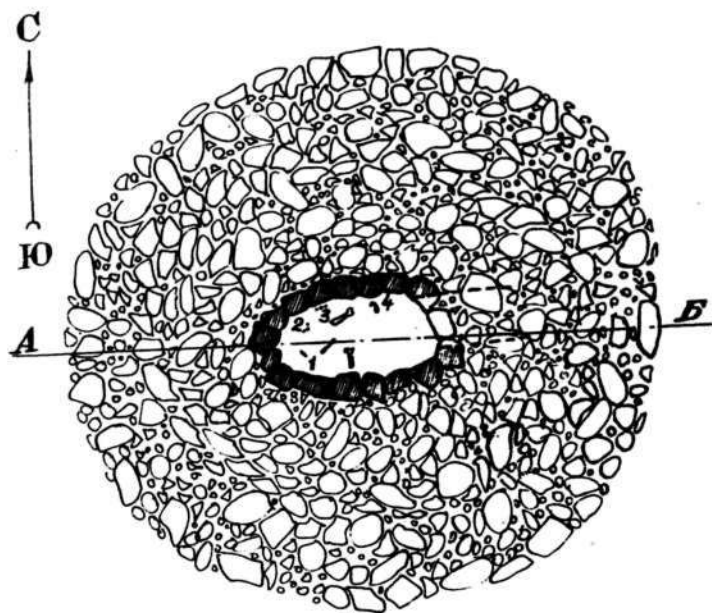

Табл. 86

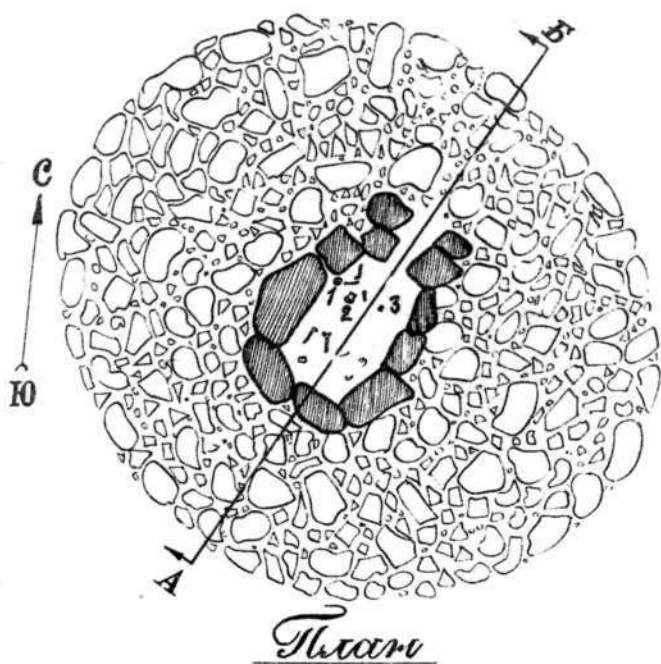
План

Разрез по А-Б

0 1 2 3 м

Табл. 87

0 1 2 3 м

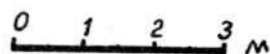
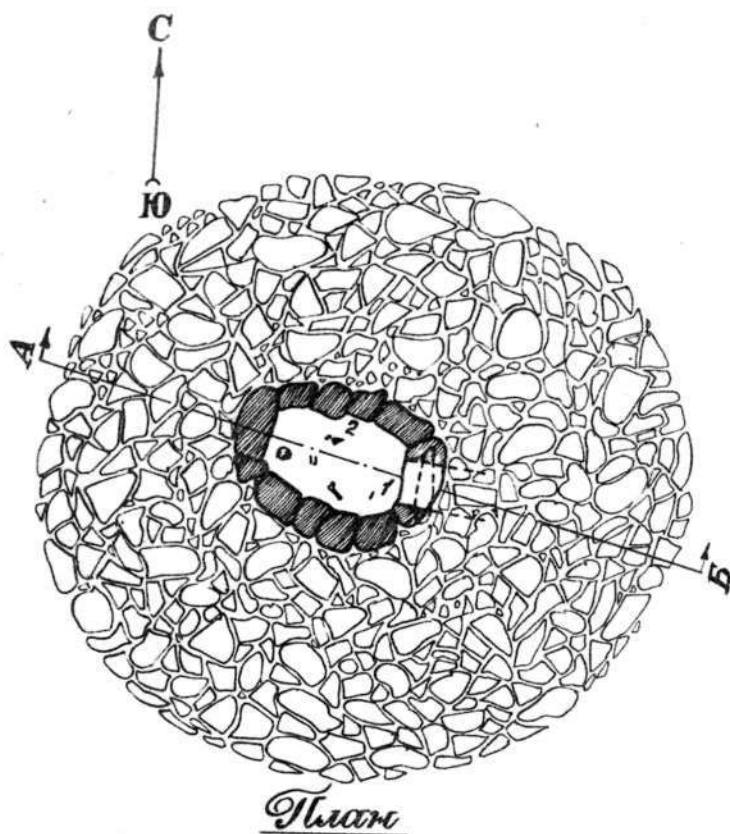
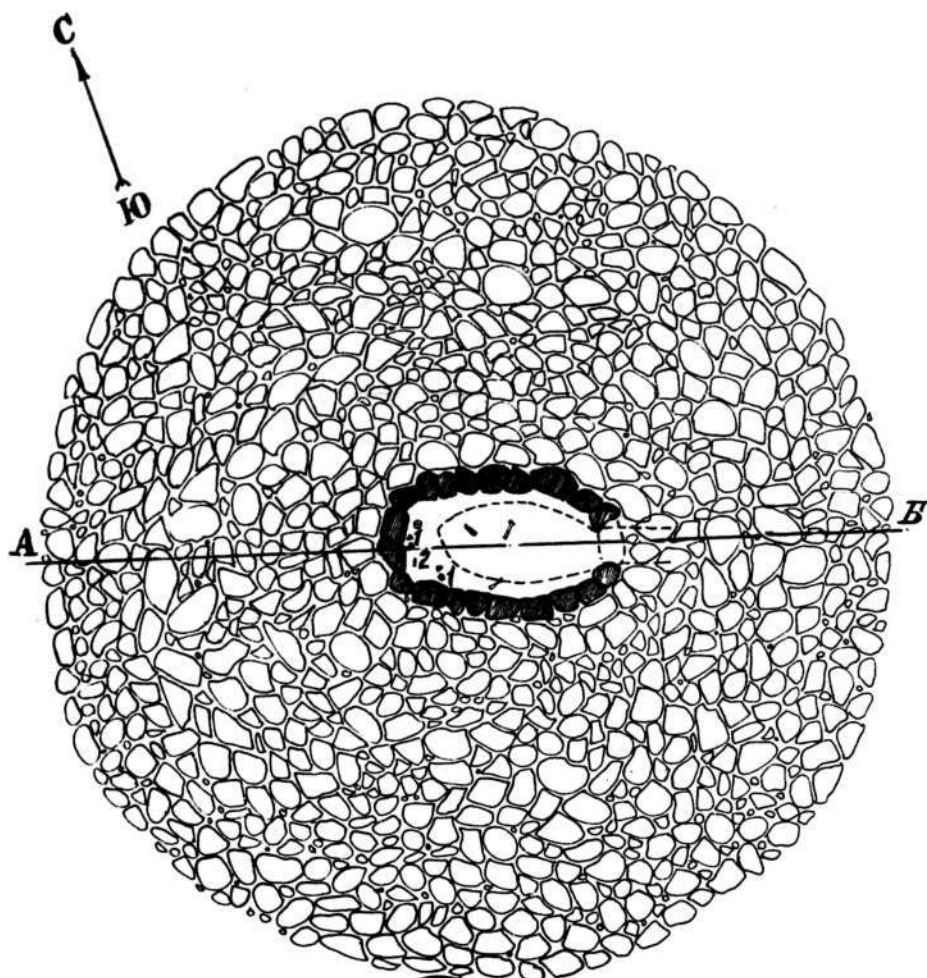

Табл. 89

План

Разрез по А-В

0 1 2 3 м

Табл. 90

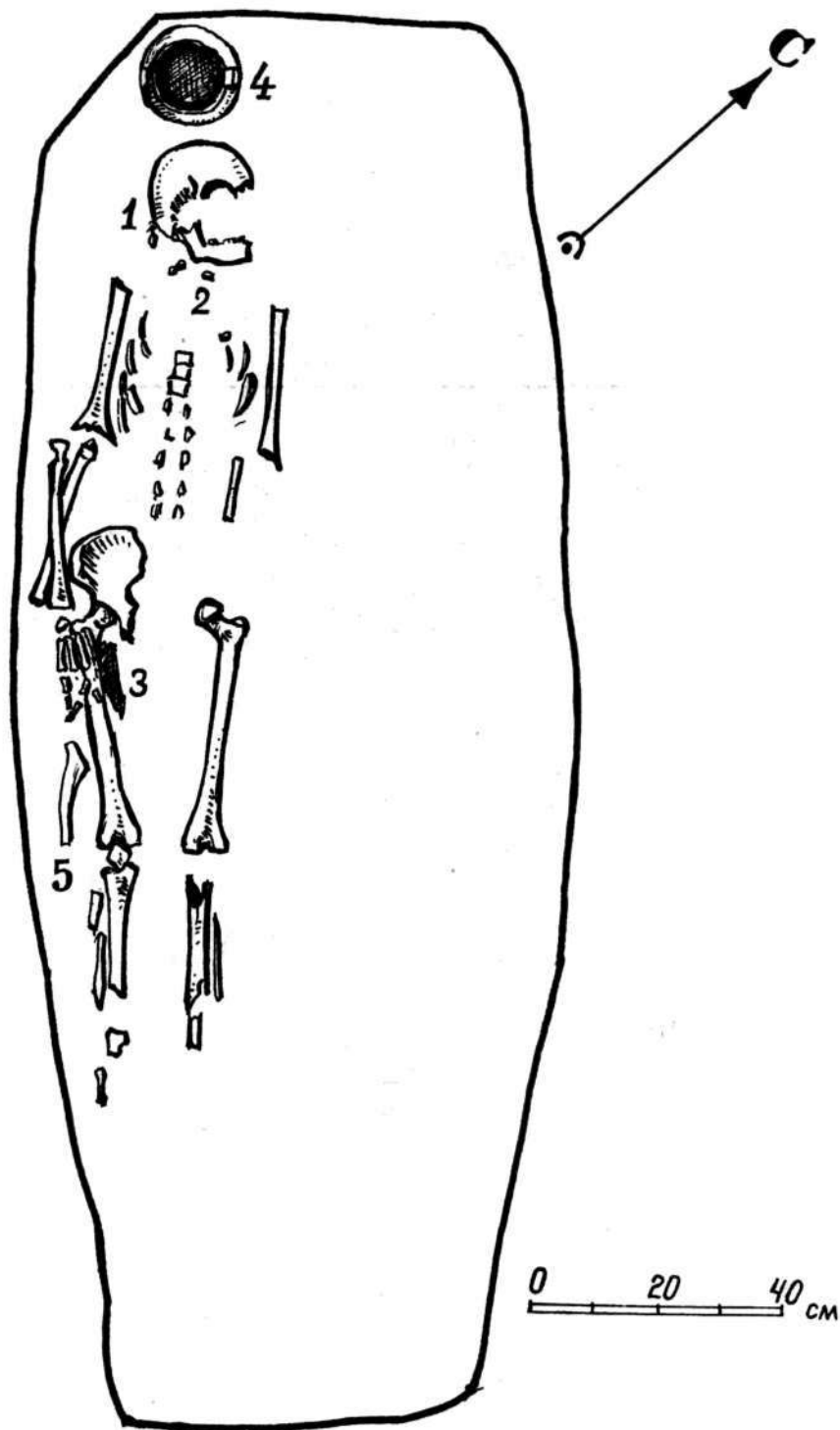

Табл. 91

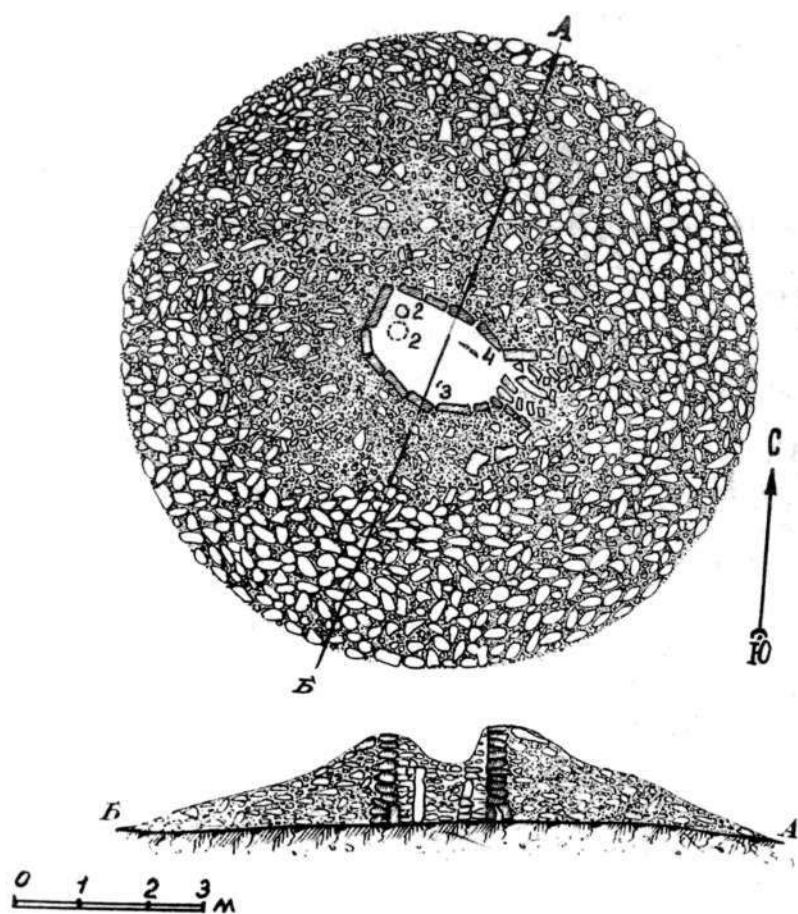

Табл. 92

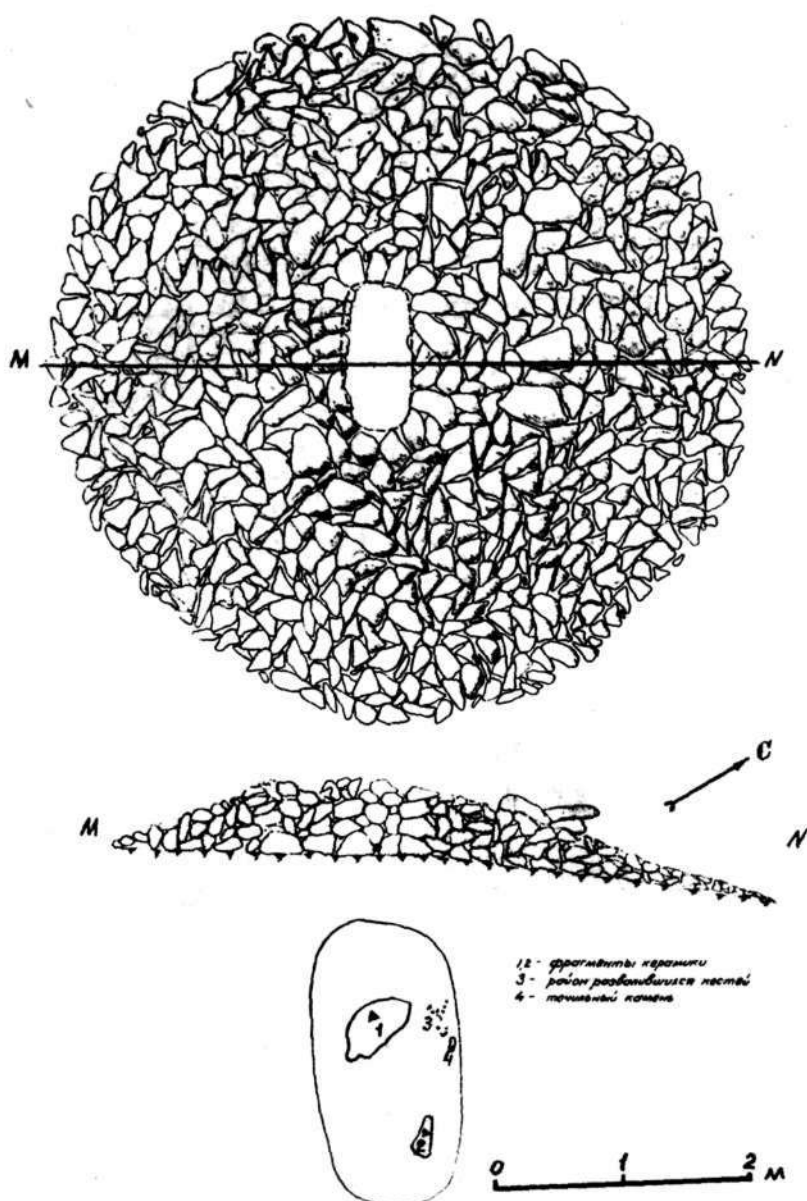
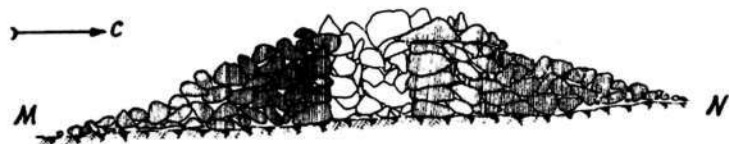
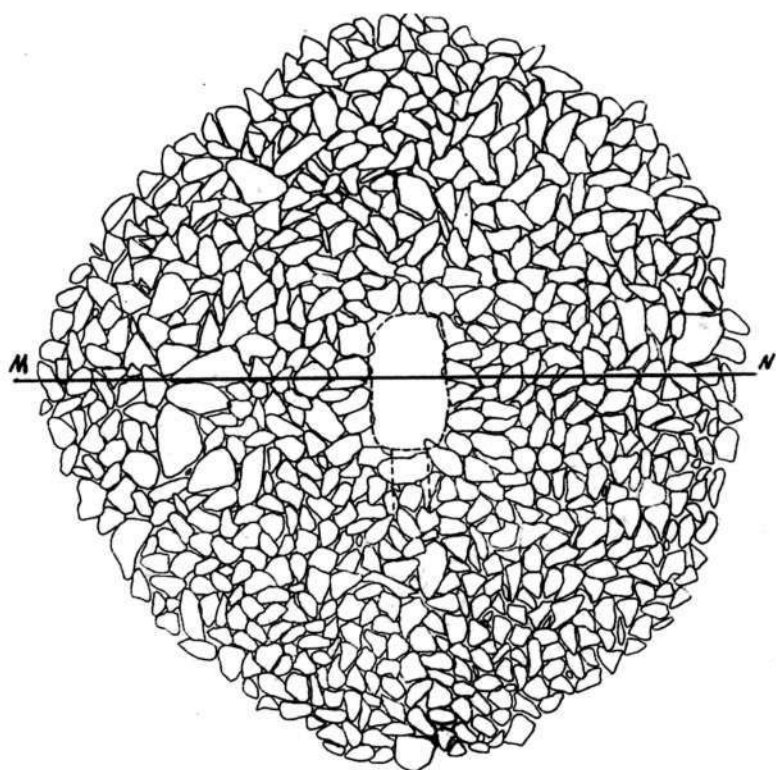
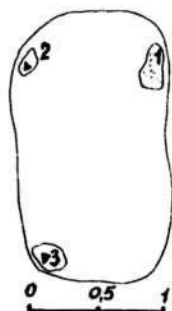

Табл. 93

0 1 2 м

1 - мезолит. раскопки
2,3 - бронзового века раскопки

Табл. 94

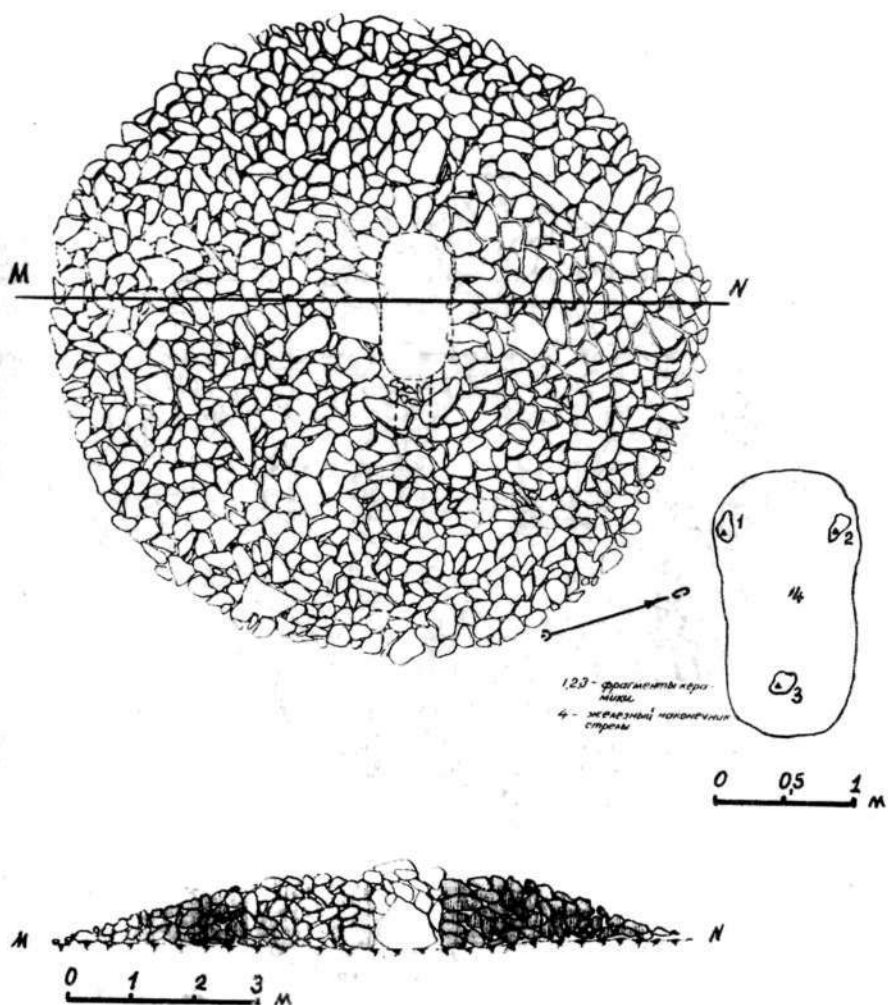

Табл. 95

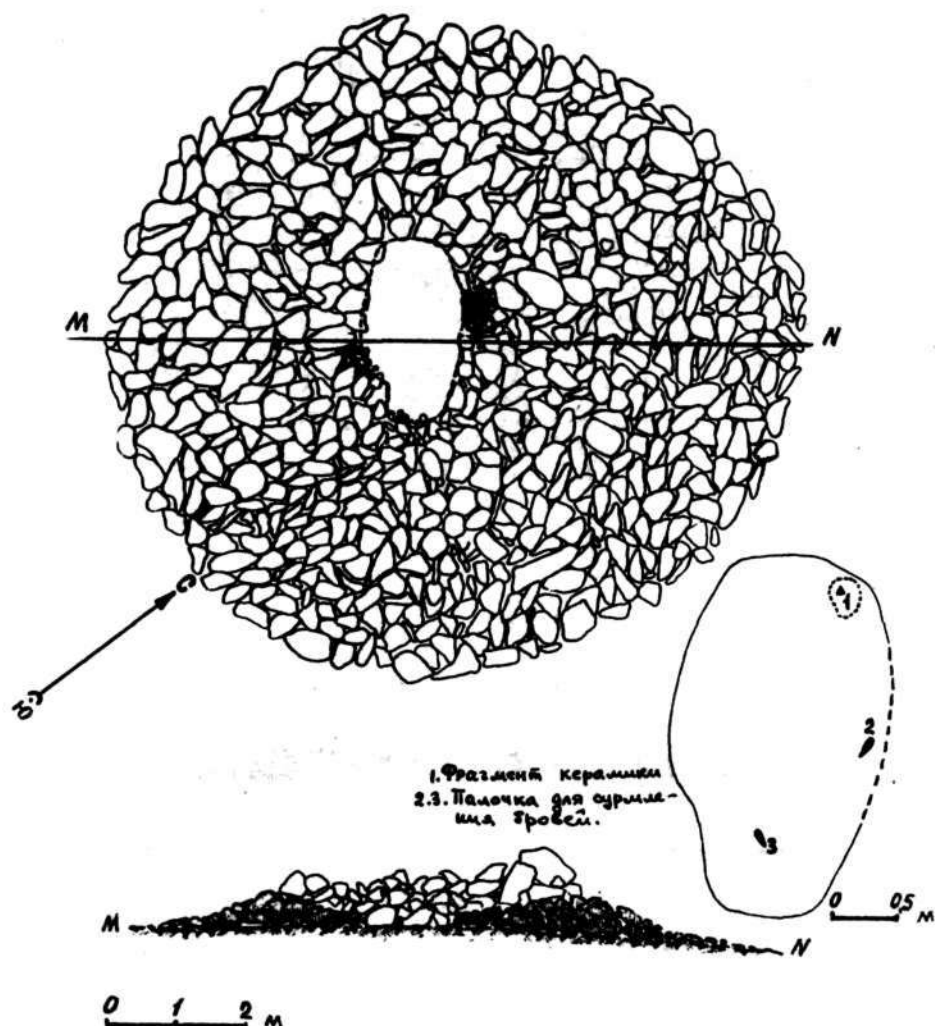
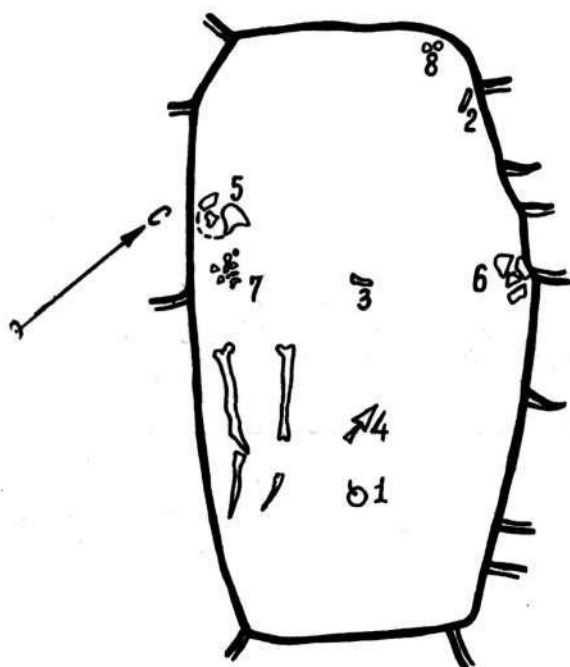

Табл. 98

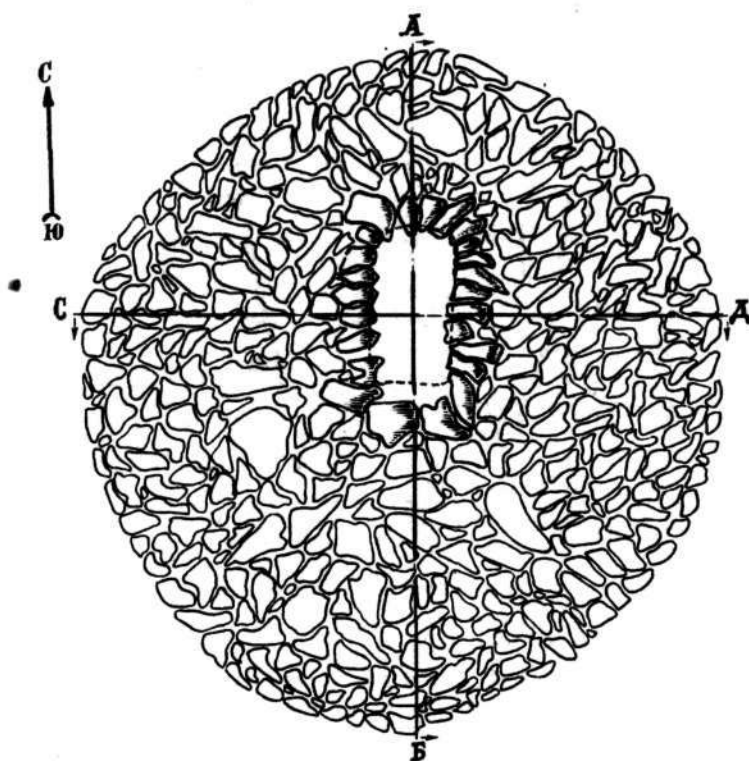
0 0.5 1 м

Табл. 97

0 1 2 3 4 5 м.

Табл. 98

План

0 1 2 3 м

- 1-Фрагменты глинян сосу-
- 2-Фрагменты глинян сосуда
- 3-Желтая керамика с
- мелкими рисунками
- 4-Череп
- 5-Кости
- 6-Кувшины

Разрез по А-Б

Разрез по С-Д

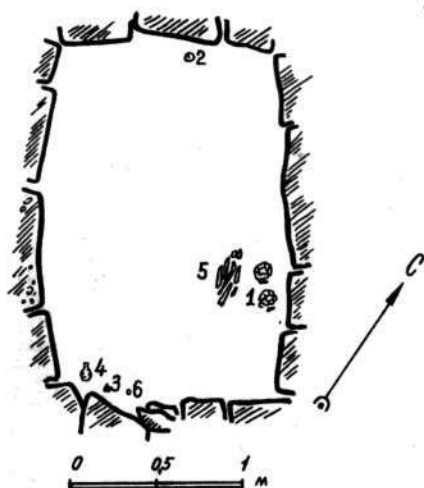
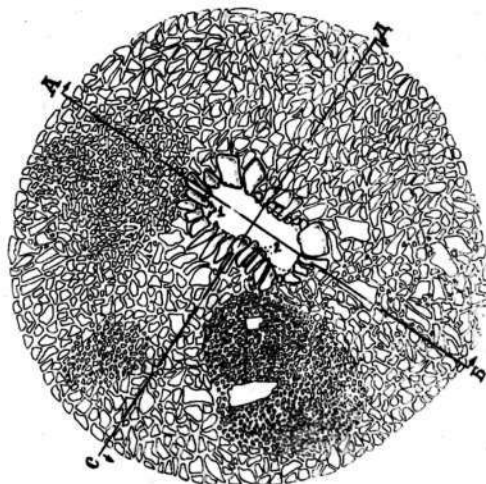

Табл. 100

План

1 - Ограждение внутреннего двора
2 - Внутренний дворик

Разрез по А-Б

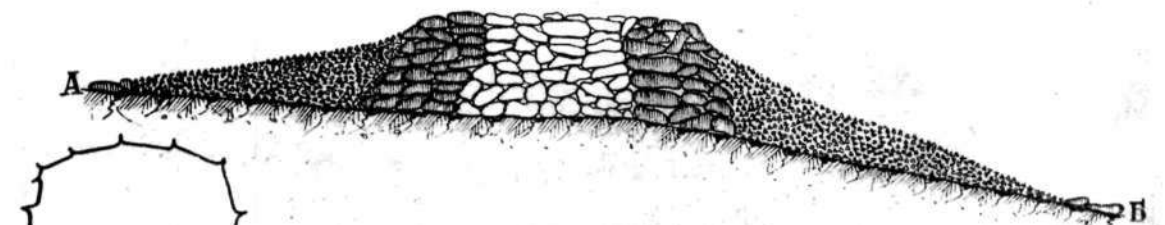
Разрез по С-Д

0 1 2 3 м

Табл. 101

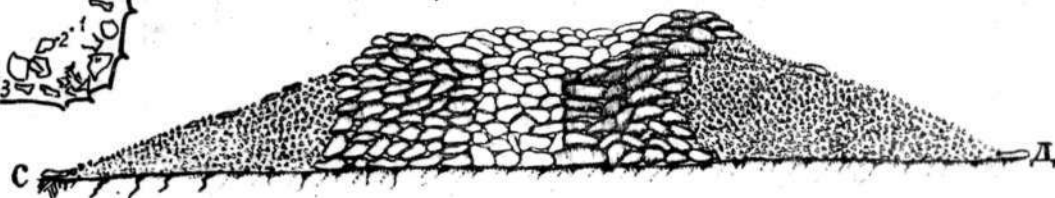
Разрез по А-Б

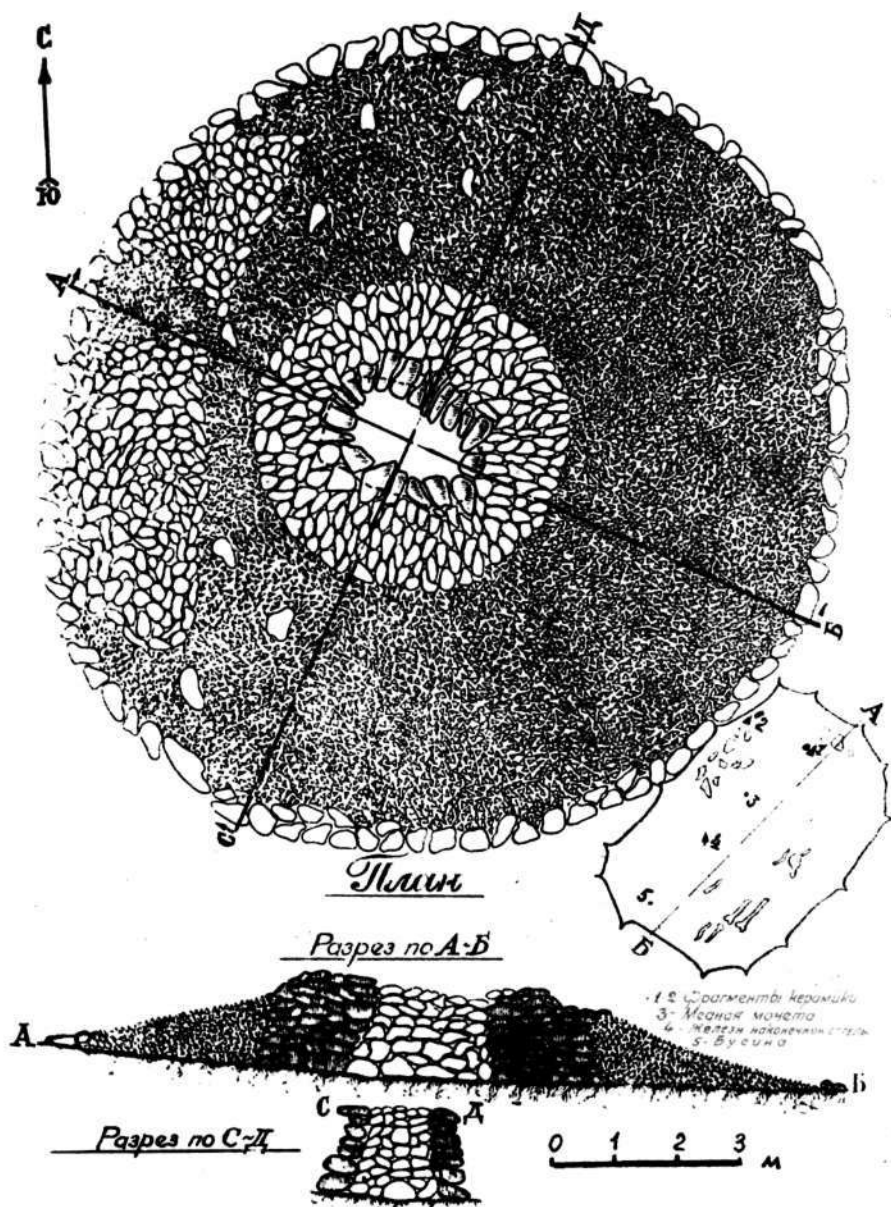
1-2-Части глиняного сосуда
3-Бусина

Разрез по С-Д

0 1 2 3 4 м

Габл. 103

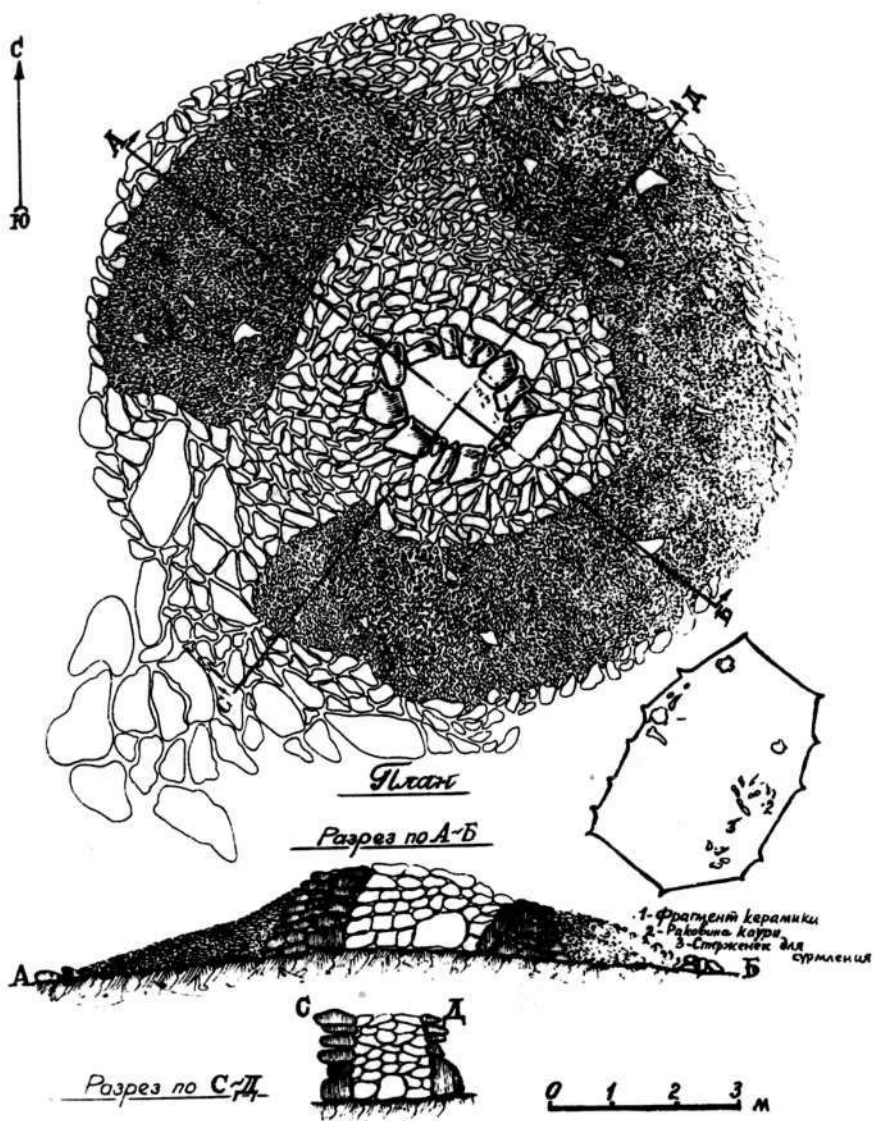
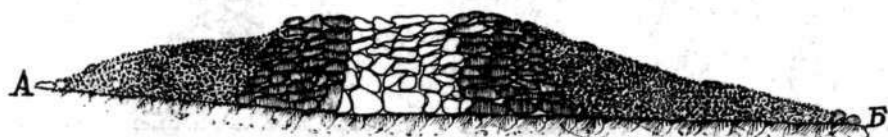
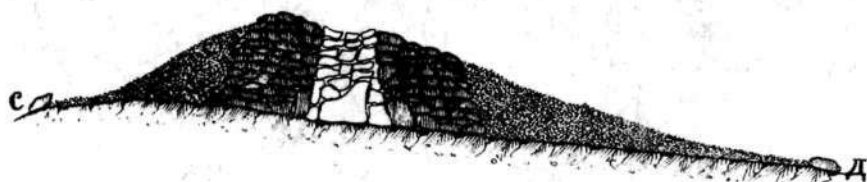

Табл. 104

Разрез по А-Б

Разрез по С-Д

- 1-Фрагменты керамики
- 2-Костяная рукоятка
- 3-Палочка для сурмления
- 4-Серьга

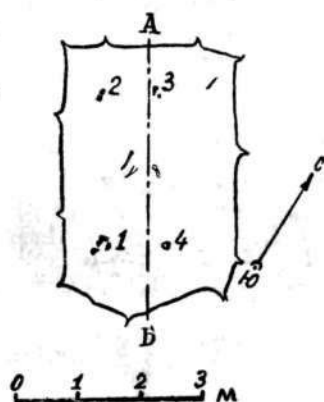
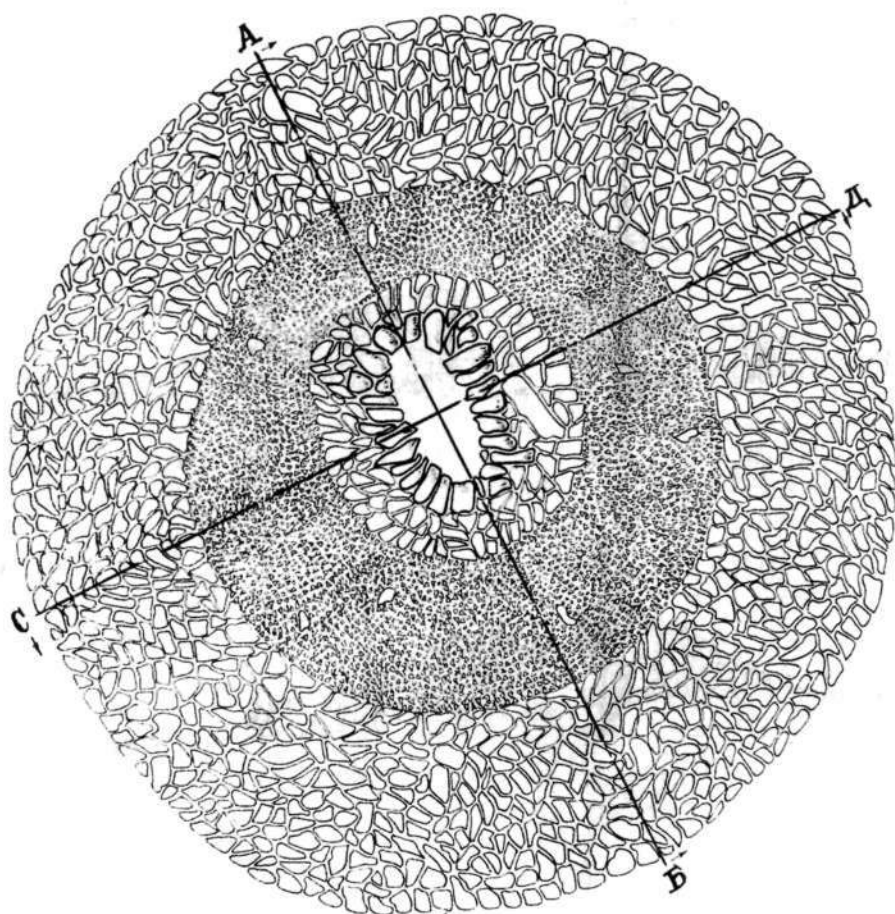

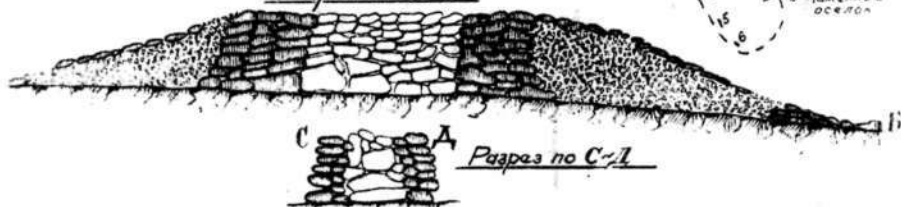
Табл. 105

План

0 1 2 3 м

Разрез по А-Б

1-2-4 - Фрагменты
глиняной посуды
3-5 - Фрагменты
6 - Каменные
осколки

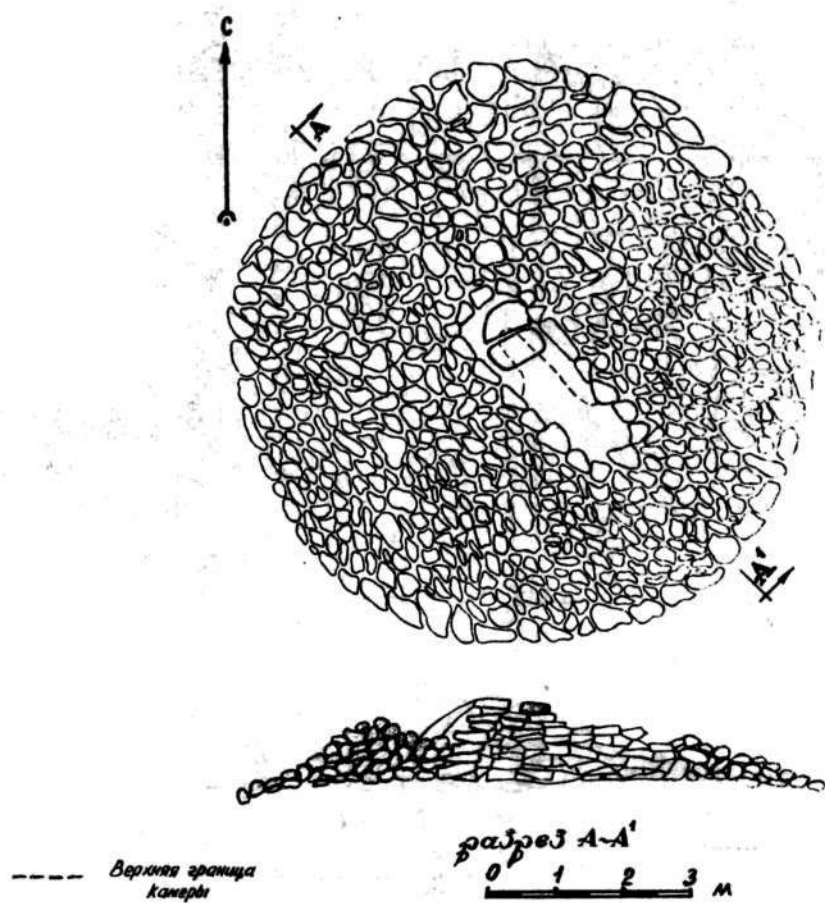
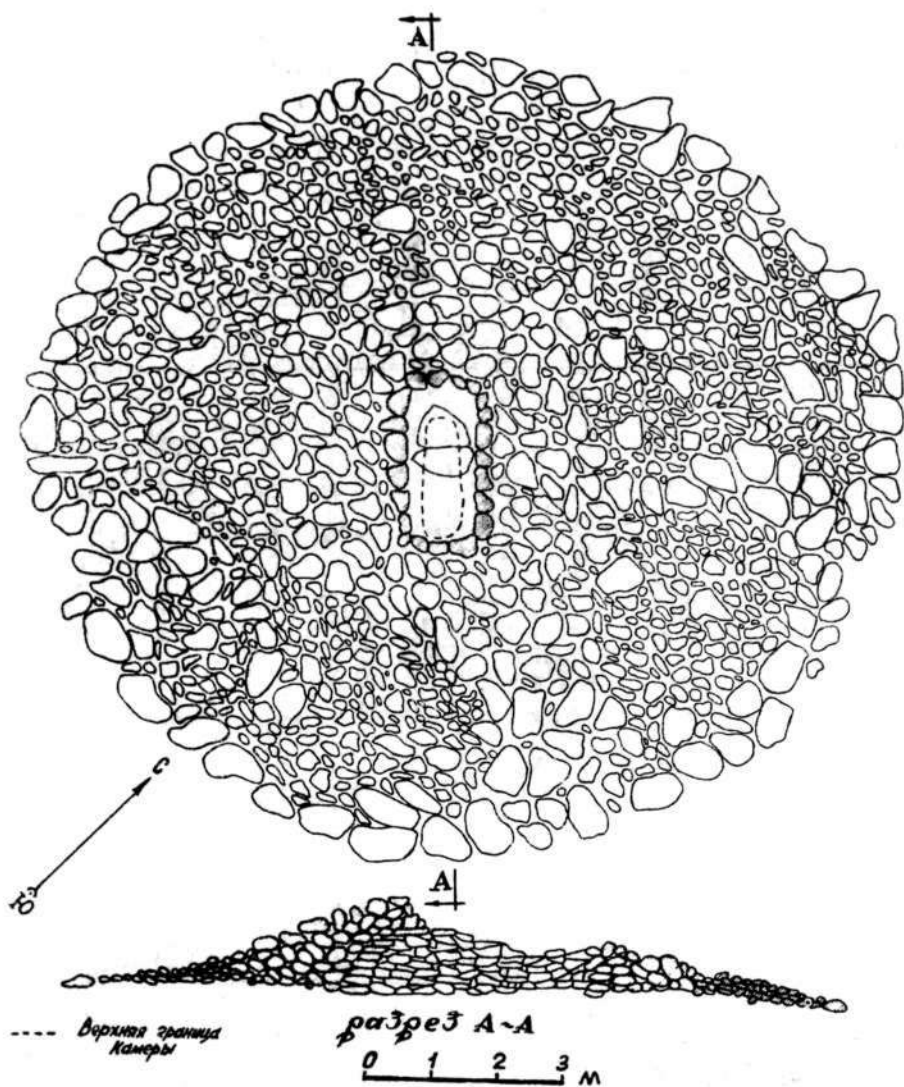

Табл. 107

Габл. 108

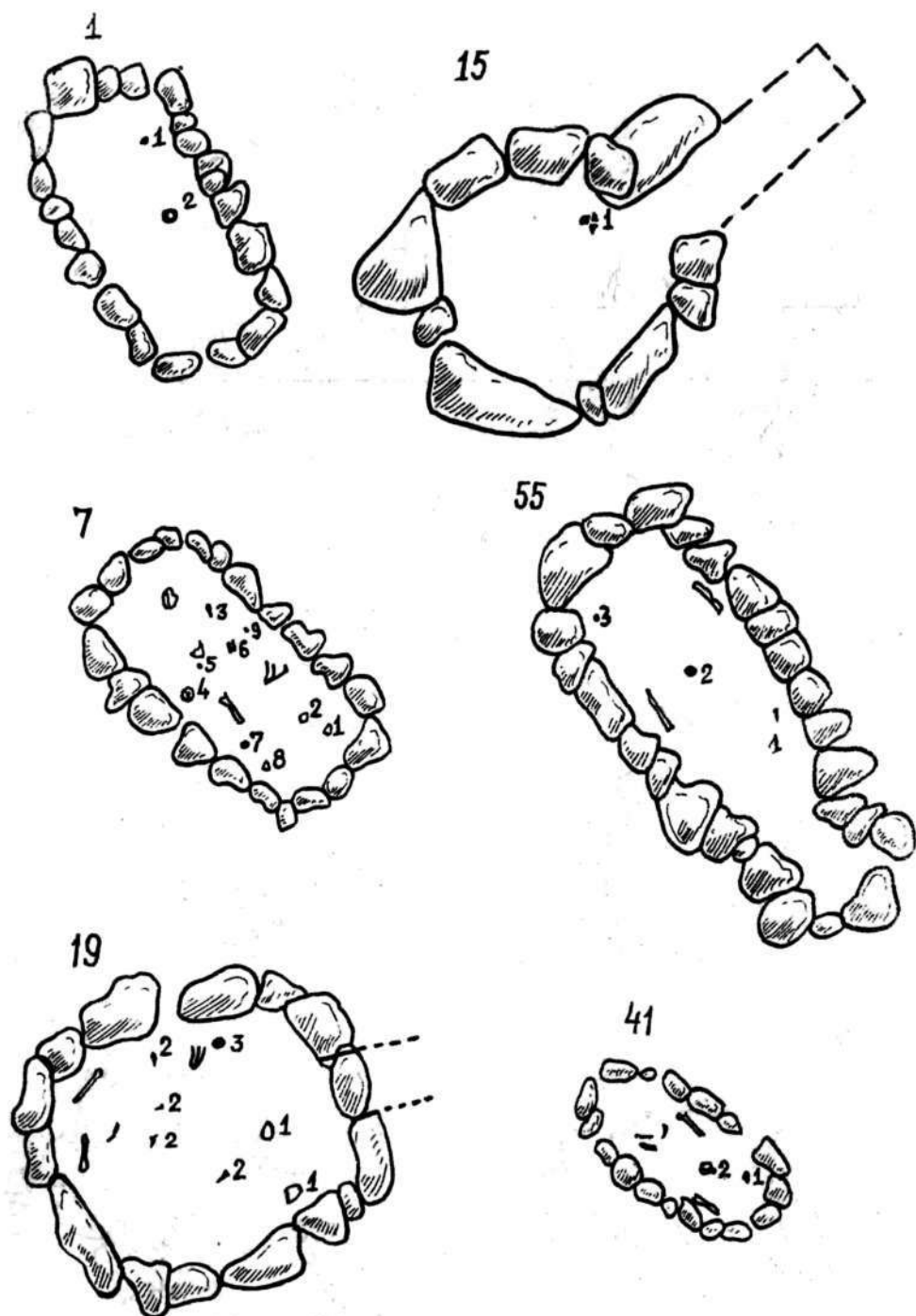
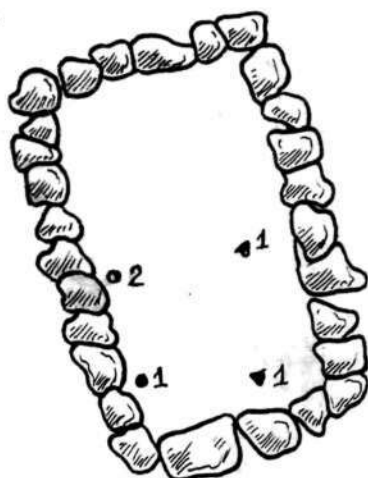
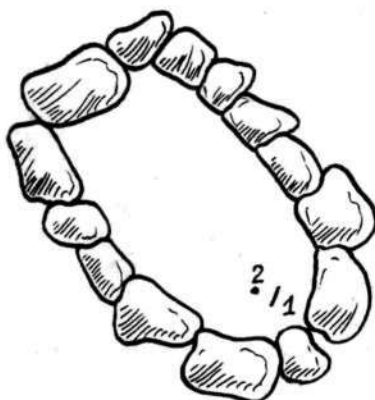

Табл. 109

31

48

53

47

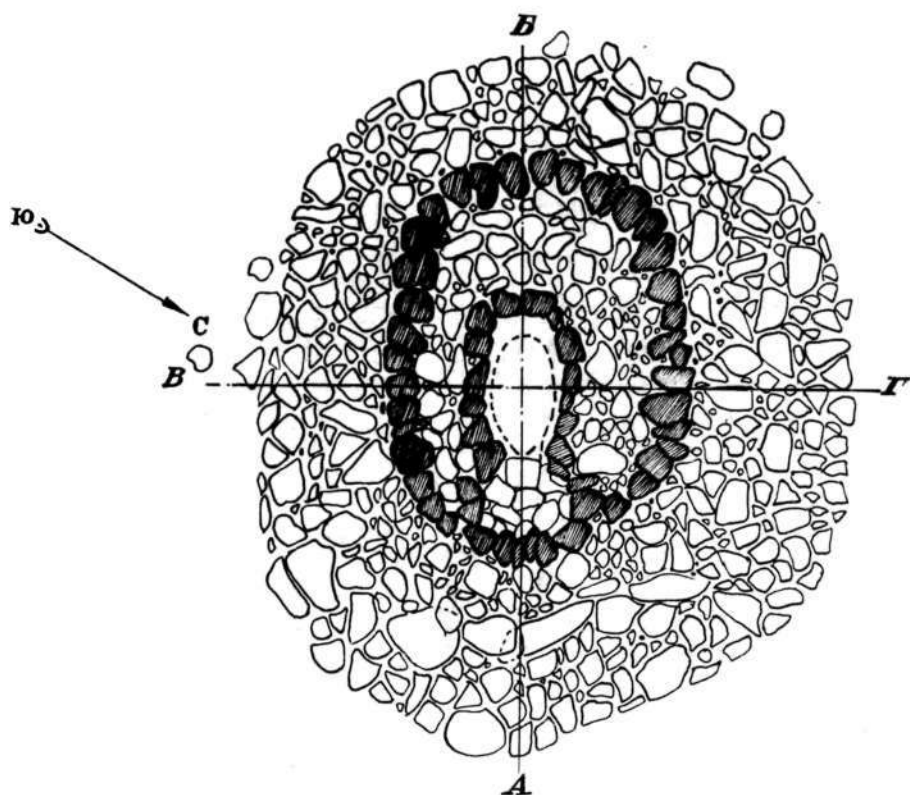

56

57

Разрез по А-В

Разрез по В-Г

0 1 2 3 м

Табл. 111

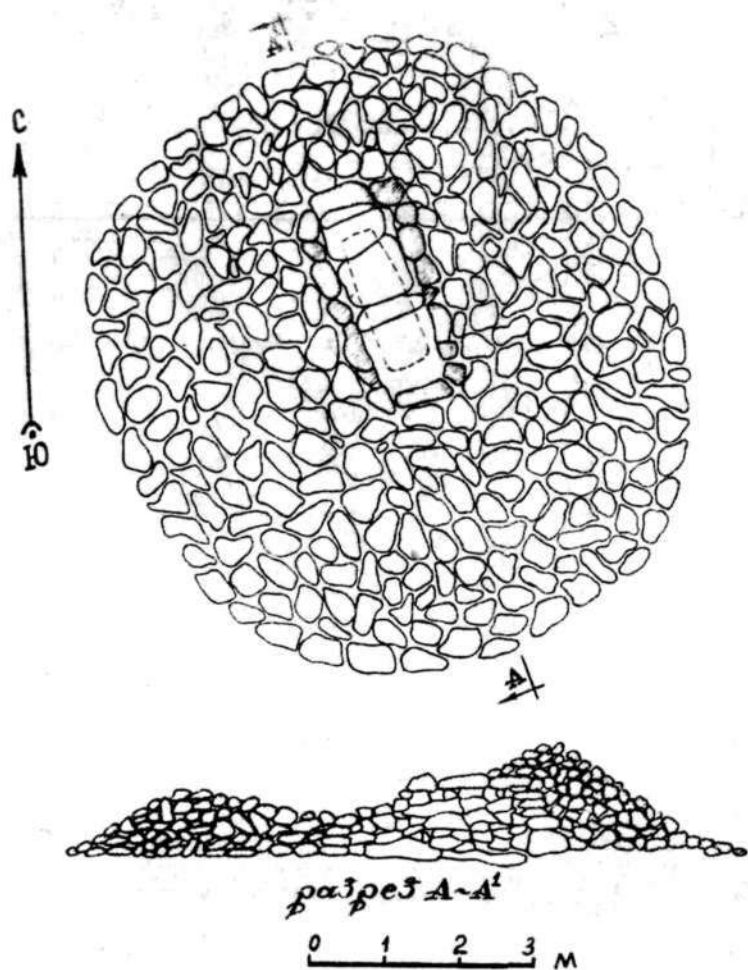

Табл. 112

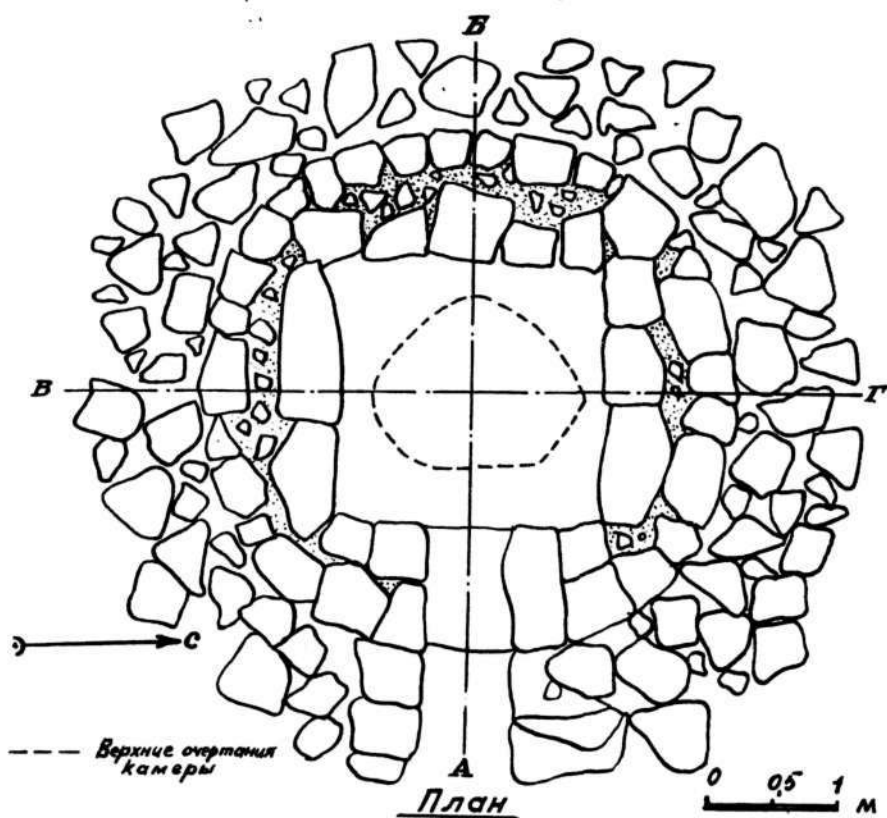
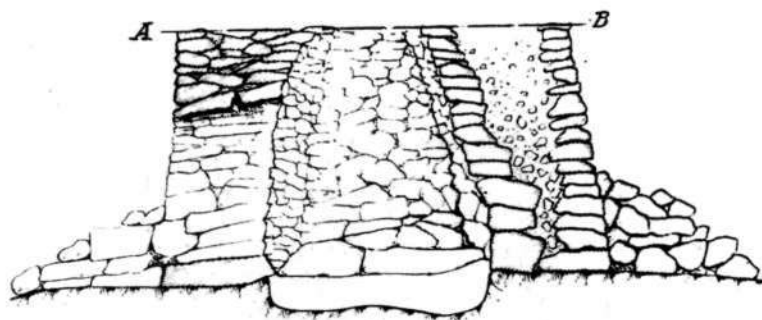

Табл. 113

Разрезы

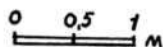
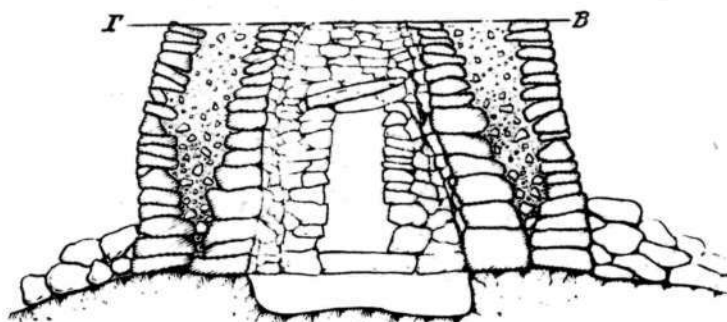
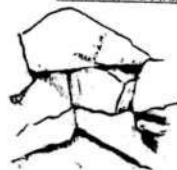

Табл. 114

КНИЖИ ПРАВИТЕЛЬНЫХ ТРОМЛОВ

Северо-западный угол

Юго-восточный угол

Северо-восточный угол

Табл. 115

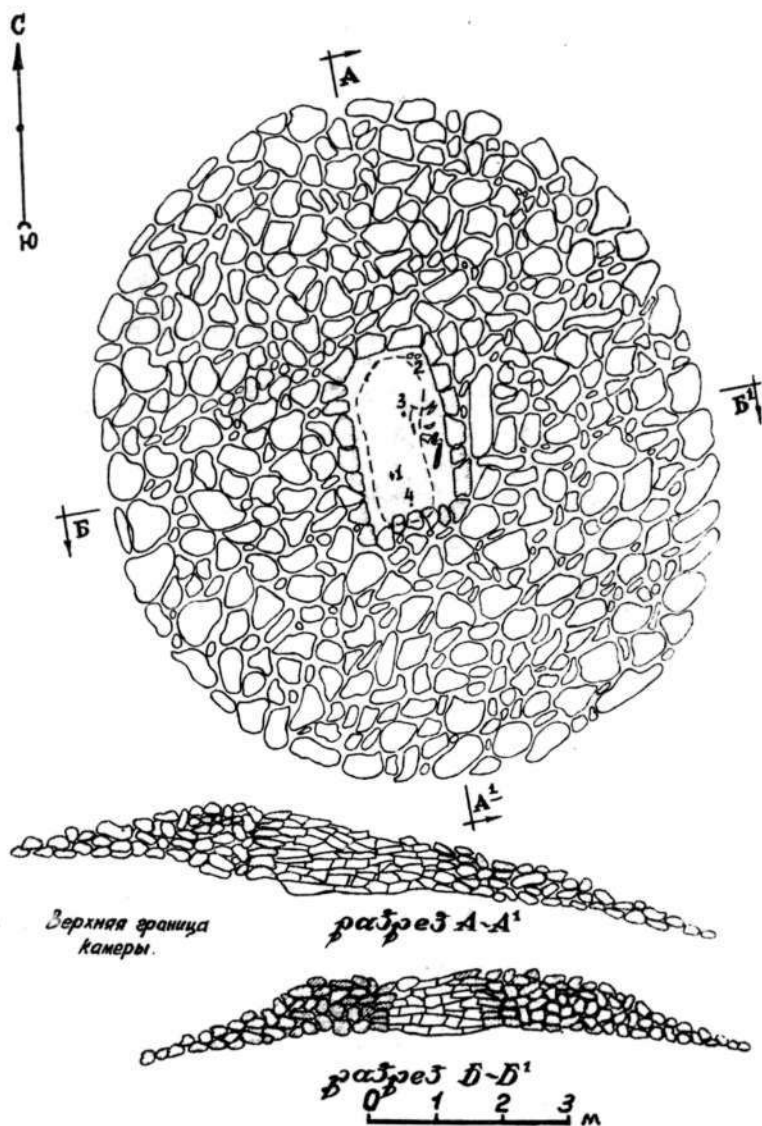

Табл. 116

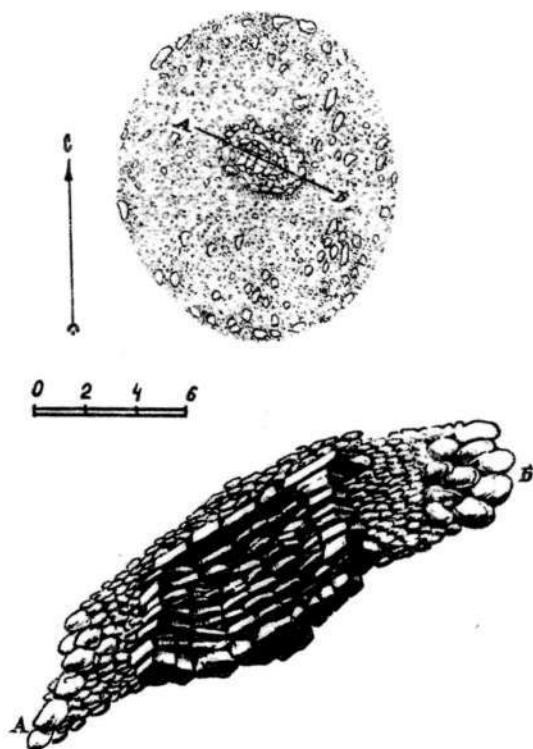
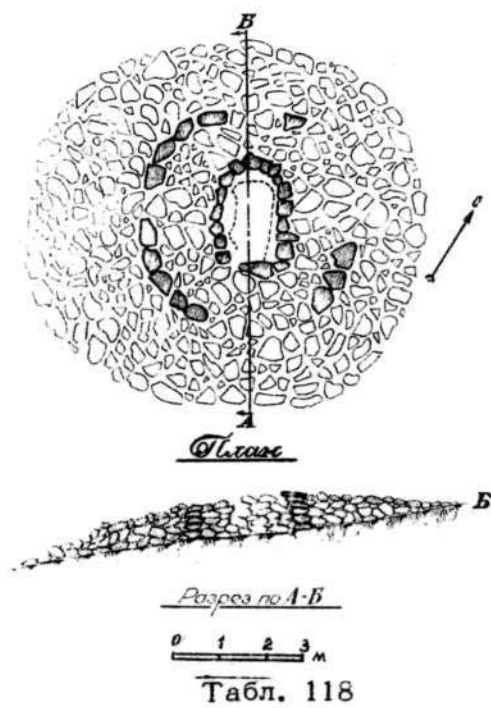

Табл. 117

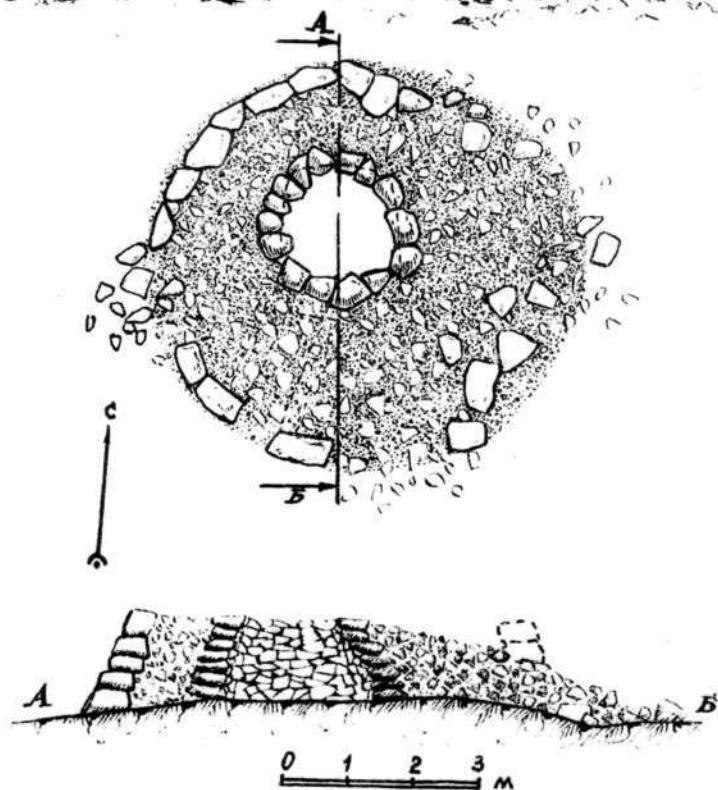

Табл. 119

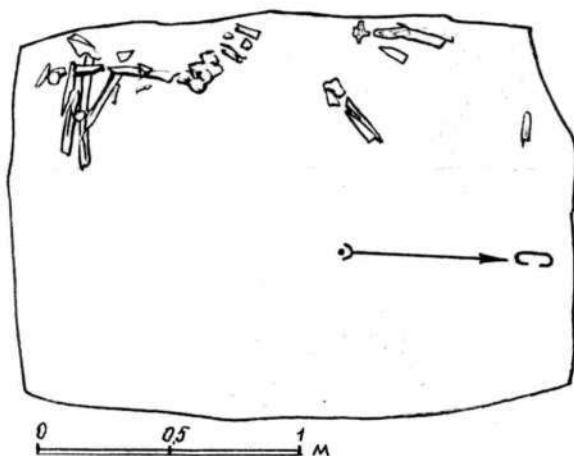
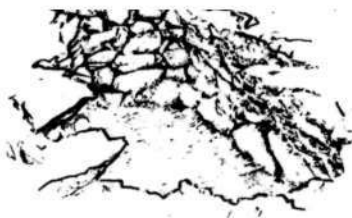

Табл. 120

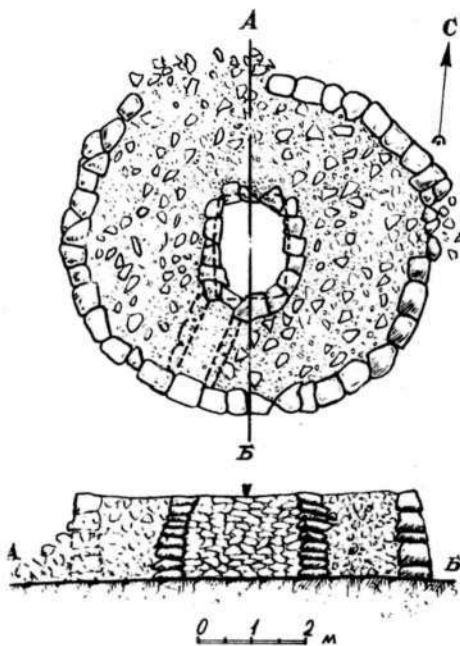

Табл. 121

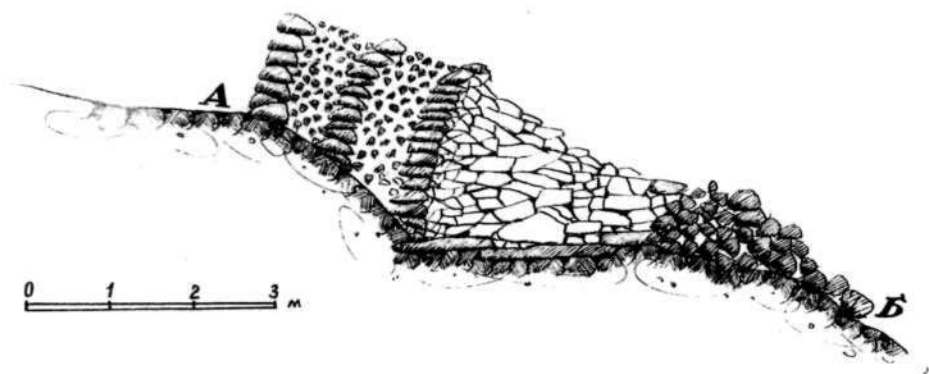

Табл. 122

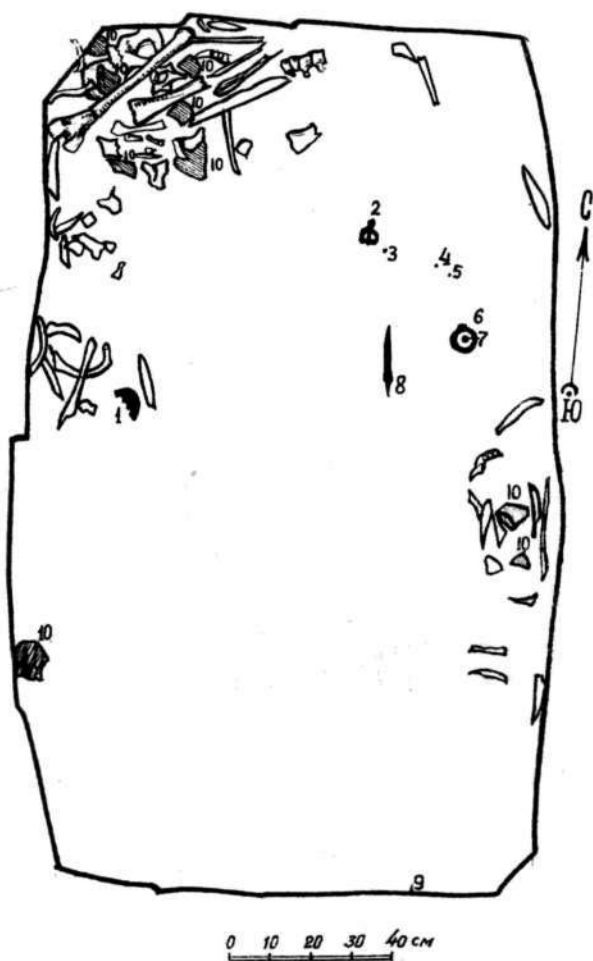

Табл. 123

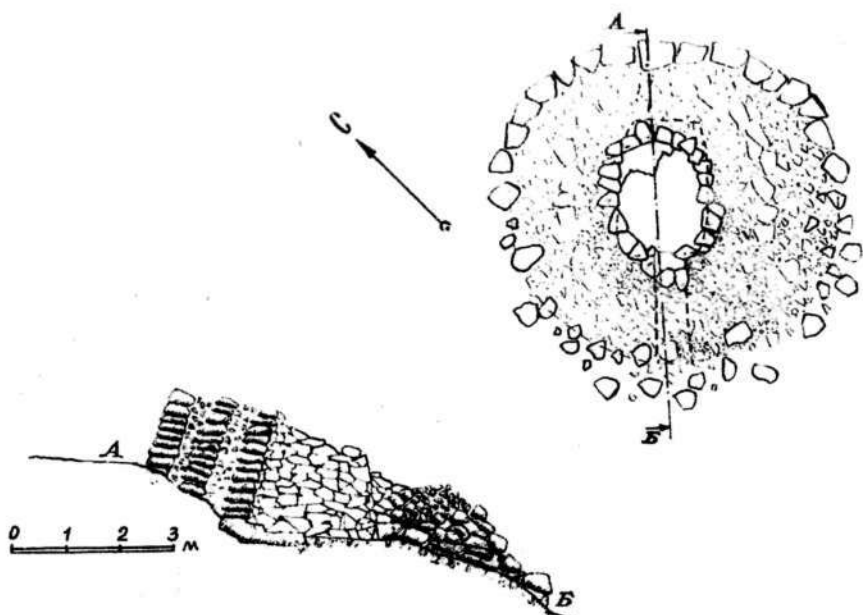

Табл. 124

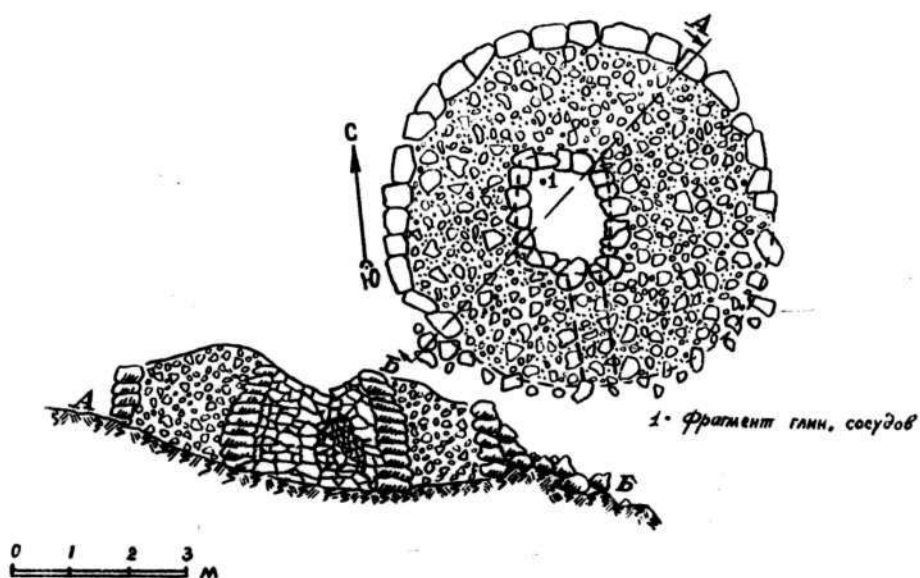
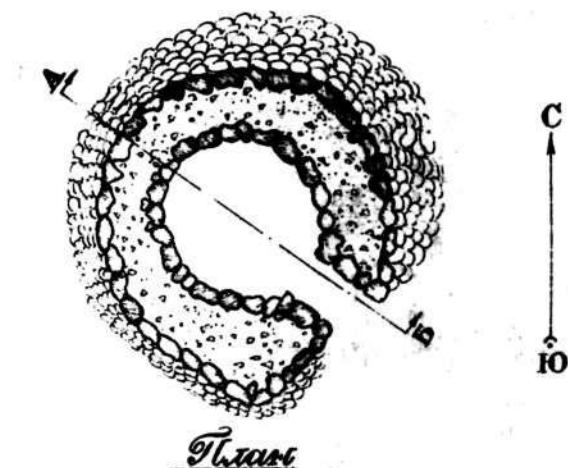
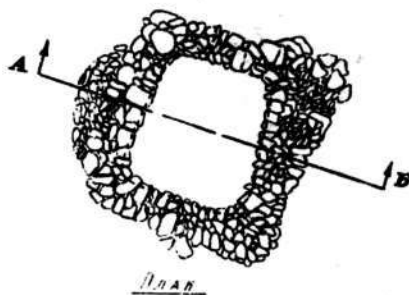

Табл. 125

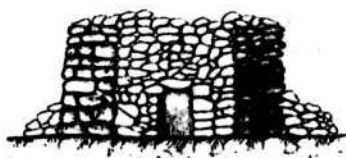

0 1 2 3 м

Табл. 126

Разрез по А-Б

0 0,5 1 м

Табл. 127

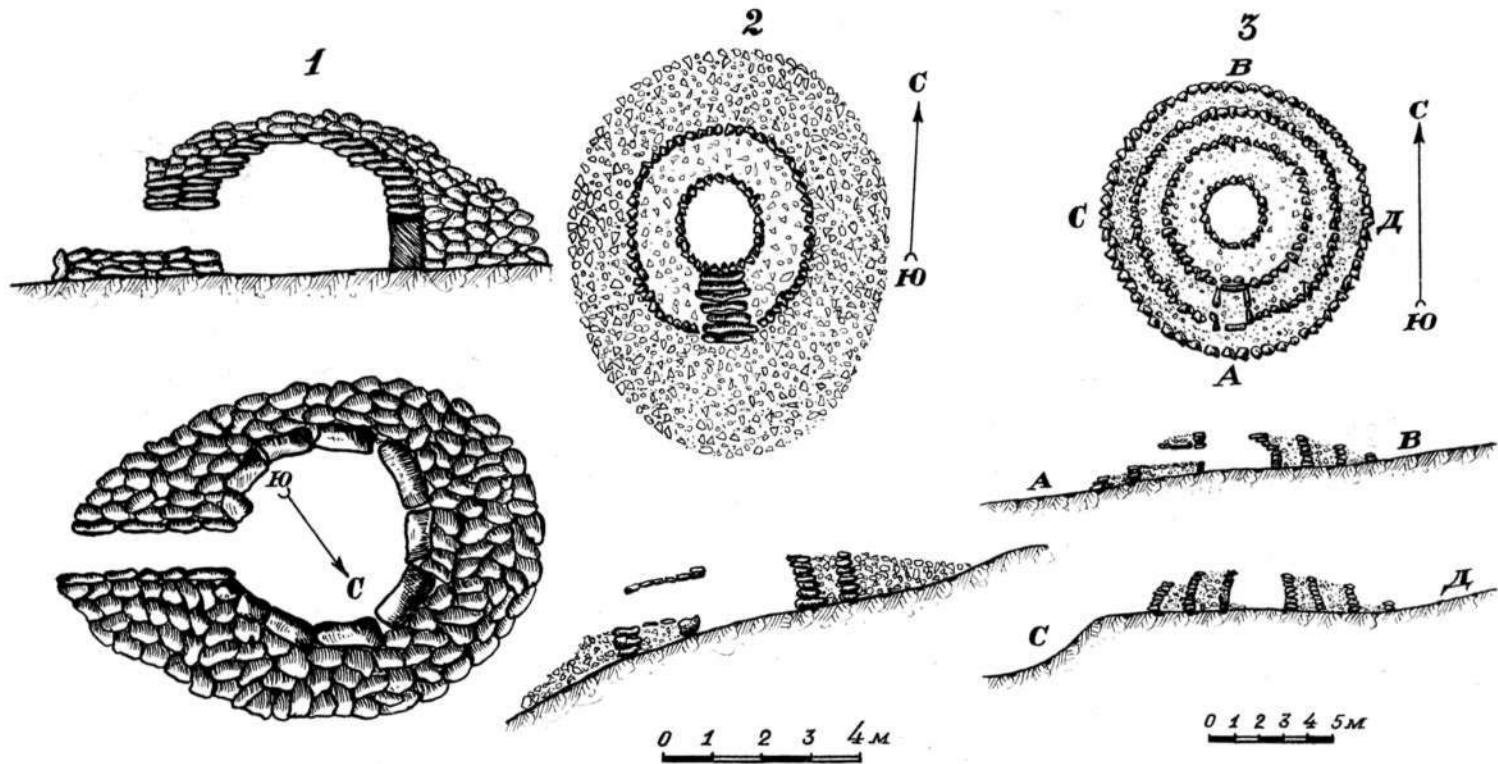

Табл. 128

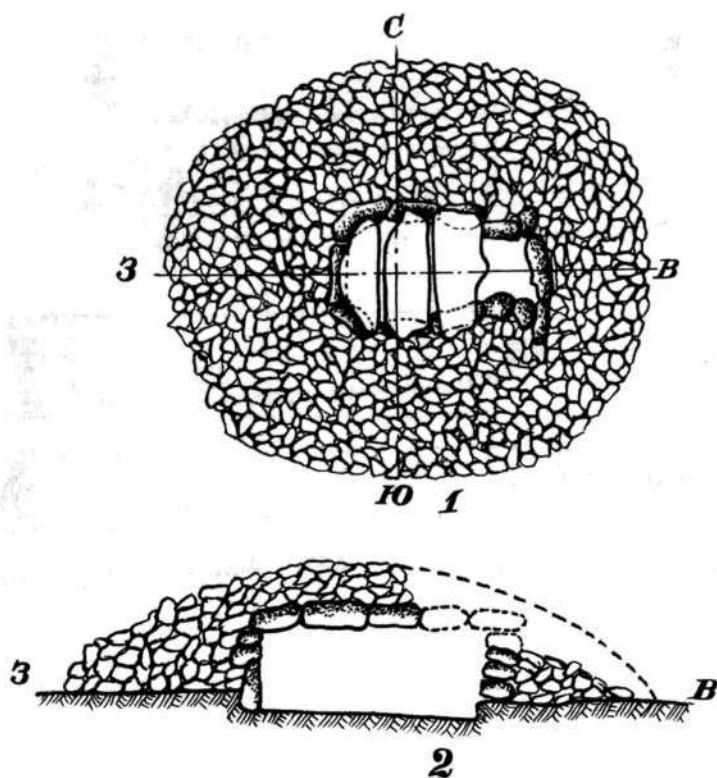

Табл. 29

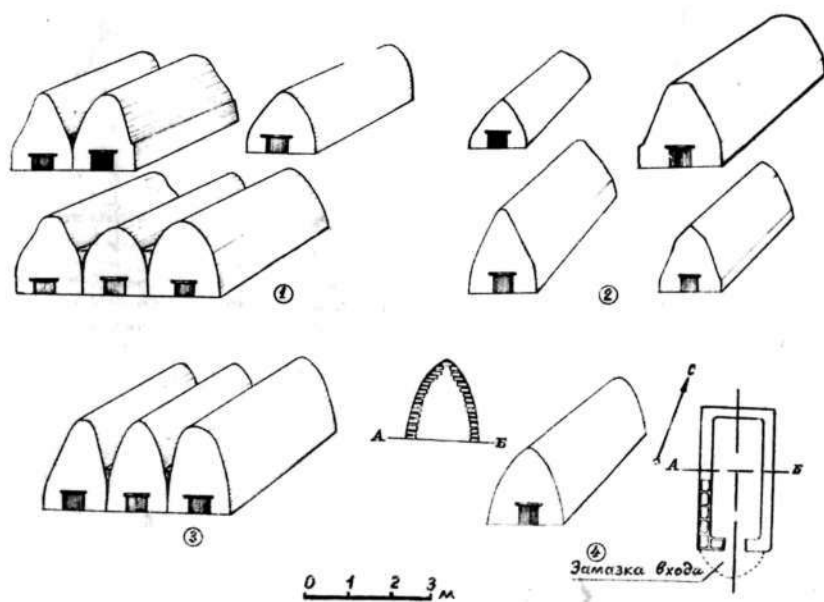

Табл. 130

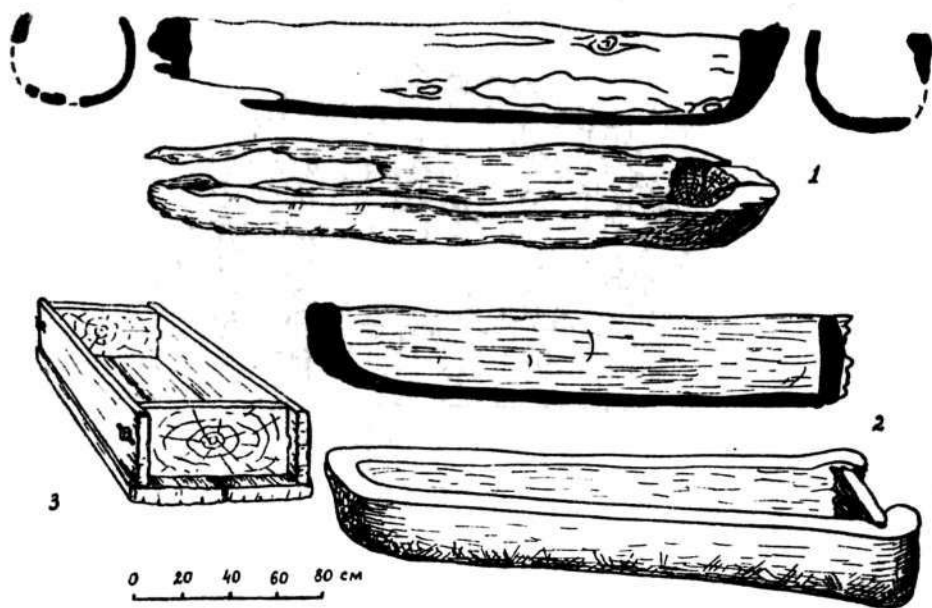

Табл. 131

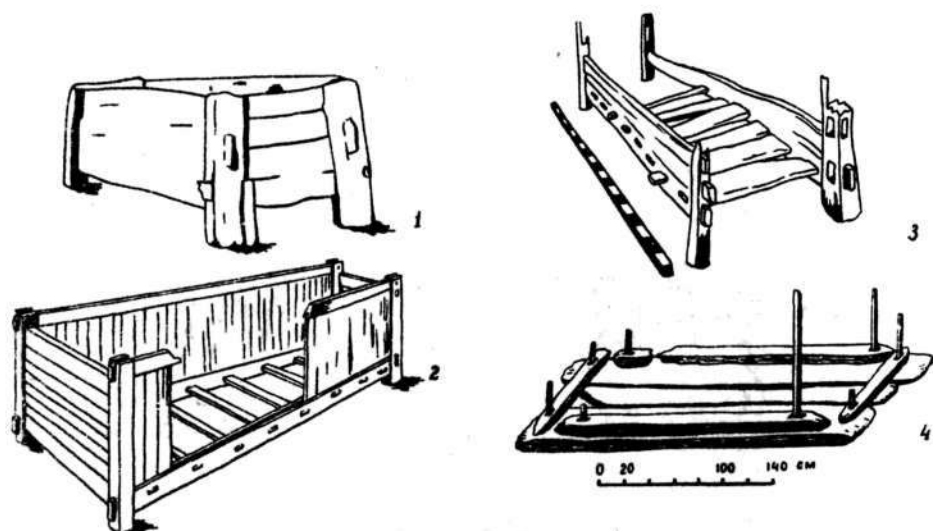

Табл. 132

